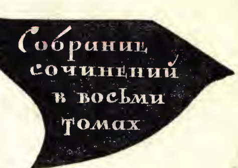

Конан Дойлъ

Артур Конан Дойль

Том 1

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
М. Урнова.

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

(Жизнь и книги)

Прежде чем говорить о писателе и его книгах, обратим внимание на некоторых людей, его окружавших. Перед нами встанут, собственно, три фигуры — словно тени, они возникают за спиной многих персонажей Конан Дойля.

Кто же они?

Джордж Бадд, студент Эдинбургского университета, впоследствии доктор Бадд. Когда под пером Конан Дойля явится прославленный сыщик Шерлок Холмс, он получит свою неукротимую энергию от Джорджа Бадда, бригадир Жерар заимствует у него же манеру прихвастнуть, а профессор Челленджер в «Затерянном мире» будет совершенно так же, как Бадд, носиться то с проектом обезвреживания торпед, то нового и дешевого способа получения азота из воздуха и т. д. и т. п.

Следующий — профессор анатомии Эдинбургского университета Вильям Резерфорд. Лекции, рассказывают, он начинал читать еще в коридоре, постепенно входя в аудиторию. И это было одно из мелких и безобидных чудачеств, которые за профессором числились. Черная, особого фасона борода Резерфорда — вот она у того же профессора Челленджера вместе с другими привычками, манерами и фантазиями ученого-оригинала.

И еще одно, особенно важное лицо. Доктор Джозеф Белл. С него, по мнению многих, «списан» Шерлок Холмс. Исключительная наблюдательность Белла, также преподававшего в Эдинбургском университете, его умение «прочесть» биографию человека, разгадать его прежнюю жизнь по внешности, одежде, речи, жестам и подсказали будто бы писателю удивительную проницательность Шерлока Холмса. Ничего подобного, заявляет по этому поводу Адриан Конан Дойль, сын писателя. То, что различные критики, считает он, слагали лавры Шерлока Холмса к ногам доктора Бел-

ла,— совершенная ошибка. Адриан сослался на слова Конан Дойля, сказанные им однажды: «Если и был Холмс, так это я сам». Он подразумевал все те же свойства натуры, склад личности — волю, настойчивость, умение насквозь видеть людей, умение строго логически мыслить, силу воображения — все, что отличает Шерлока Холмса и что было по-своему присуще и Бадду, и Беллу, и Резерфорду.

Писатель редко копирует в том или ином персонаже одно определенное лицо. Литературный герой соединяет в себе множество авторских наблюдений, и последовательных и случайных. Даже прославленный Робинзон, будто бы документально повторивший судьбу реального человека,— и тот на деле явился на свет более сложным путем: выспрашивал Дефо Александра Селькирка, жившего в одиночестве на острове Хуан-Фернандес, и добавил ему черты другого матроса.

Кто был Шерлоком Холмсом? — вопрос также слишком прямолинейный, и к нему не следовало бы возвращаться, если бы черты тех, кто в той или иной степени «был» им, не группировались вокруг некоего психологического центра, а более всего не воплощались бы в самом авторе.

Итак, наконец, сэр Артур Конан Дойль—«большого сердца, большого роста, большой души человек»,— сказал о нем Джером К. Джером, автор «Троих в одной лодке». В Конан Дойле охотно различали свойства, которые англичане любят считать особенностями своего национального характера. Например, спортсменство. Не в специальном смысле, а в более широком понимании тренированности тела и духа, энергии и энтузиазма.

Характерно, что традиционные английские биографические справочники «Кто кто?..» («Who's who?..»), сообщая происхождение «такого-то», где он учился, служил, что совершил, изобрел, написал, напечатал, непременно указывают, чем данный человек, этот отличившийся современник, имеет обыкновение заниматься на досуге, какими видами спорта увлекается. И если посмотреть справку о Конан Дойле в выпусках 1910-х годов, когда ему за пятьдесят, то из года в год в графе его увлечений будут значиться гольф, крикет, велосипед. Гольф — это сила и точность удара, но главное — ходьба, размеренная и многочасовая. Крикет — темп, сердце. Велосипед — выносливость. 20-е годы — и крикет, где надо подчиняться общему ритму, уступает место бильярду. Все же гольф и велосипед, позволяющие соразмерить напряжение с возрастными силами, у Конан Дойля как досуг остаются. Конан Дойль был настоящим спортсменом: он возглавлял регату, играл в регби, готов был при случае боксировать — в молодые годы.

Однако в еще большей мере отличался он умением увлечься, войти в неспециальный азарт, как выходило это, например, у бессмертного мистера Пиквика и его друзей. Слово «приключение» сохраняло над ним власть всю жизнь.

Буквально перед смертью, чувствуя приближение последнего часа, Конан Дойль нашел в себе силы пошутить: «За всю жизнь мою у меня было много приключений. Но самое сильное и удивительное ждет меня теперь».

У абсолютного большинства читателей имя Конан Дойля вызывает в памяти героя многих его произведений — Шерлока Холмса. На доме, где родился писатель, имеется надпись: «Создатель Шерлока Холмса...» Между тем Конан Дойль далеко не только «создатель Шерлока Холмса» — он автор семидесяти книг: здесь сборники рассказов, повести, романы — приключенческие, фантастические, исторические, путевые очерки, стихи, труды по... спиритизму и, наконец, автобиография «Воспоминания и приключения (конечно же!) сэра Артура Конан Дойля». Есть разные свидетельства, что знаменитый сыщик и не пользовался особенным расположением самого писателя. Гораздо больший вес придавал Конан Дойль своим историческим романам. И на это имелись у писателя личные причины.

Сын писателя, все тот же Адриан Конан Дойль, с гордостью подчеркивает, что в британском «Словаре национальных биографий» значатся пять представителей фамилии Дойлей. Среди них Джон Дойль, дед писателя, портретист и карикатурист, а также Ричард Дойль, дядя писателя, художник журнала «Панч», иллюстратор Теккерея. Диккенс и Теккерей были в числе семейных знакомых Дойлей. Когда в «Национальные биографии» вошло и жизнеописание Артура Конан Дойля, то там говорилось, что он происходит из семьи, «хорошо известной в области литературы и искусства». Следует добавить: и довольно древней фамилии. Имена далеких предков Конан Дойля попадаются на страницах романов Вальтера Скотта. Сэр Деннис Пэк, дядя матери, вел в бой Шотландскую бригаду в битве при Ватерлоо. «Одни в нашей семье,— говорил Артур Конан Дойль,— были благородны по происхождению, другие — по своим устремлениям». Адриан несколько кичится этим, но для его отца семейная традиция, так тесно соединившаяся с национальной историей, вовсе не была предметом дутой спеси.

Во времена Конан Дойля, то есть на рубеже XIX—XX столетий, не он один среди английских писателей занимался в этом смысле геральдикой, отыскивая свои исторические корни. Томас Гарди, крупнейший английский романист этого периода, автор «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»,— из тех Гарди, имена которых также занесены в «Словарь национальных биографий»,— в свою очередь, стремился осмыслить историю с «семейной», так сказать, точки зрения. Вопрос даже не в титулах и дворянстве, которое, кстати, и у Гарди и у Конан Дойля было если не сомнительным, то, во всяком случае, захудалым. Действительным был творческий вклад Гарди или Дойлей в национальную историю. Он и составил законную гордость этих писателей.

С детских лет, главным образом под влиянием матери, Конан Дойль «вживался» в английскую историю, различая

в ушедших веках знакомые имена, детали, события. Конан Дойль стал близко чувствовать прошлое. В романе «Белый отряд» он потом развернет картину Англии XIV столетия. И там, в частности, будет сценка в придорожной гостинице. Конан Дойль покажет таверну «Пестрый кобчик», где дым из камина лишь частью выходит в трубу, а больше клубится здесь, прямо в низкой, сумрачной зале. Сидит тут за кружкой эля разный народ: местные жители, путники, а вот солдат явился с добычей из Франции. Бродячий певец с грубо сколоченной арфой занимает сидящих песней. Все подхватывают. Поют и пьют:

«За гусиные серые перья...»

Конан Дойль наблюдает происходящее глазами Аллейна Эдриксона, молодого человека, во многом на него самого похожего. Звучит в дыму песня. Конан Дойль отмечает: Аллейн впоследствии пережил много сильных и тревожных впечатлений, но, несмотря на это, сцена, которую ему пришлось увидать теперь, запечатлелась навеки в его памяти. Конан Дойль мог бы повторить это и о своей памяти, вернее, воображении, которое с детства наполнилось и жило такими картинами, никогда им не виданными и в то же время достоверно знакомыми.

За время последней, предсмертной болезни Конан Дойль нарисовал шуточную автобиографическую картинку «Старый конь»: он изобразил себя под видом понурой, дряхлой клячи, которая тянет тяжело груженный воз («труд всей жизни»), а позади — длинный путь. Разные вехи на этом пути! Конан Дойль обозначил те, что казались ему существенными, символическими рисунками и поставил имена и даты. Вышло все очень наглядно.

Телега жизни начинает свое движение с той поры, которую Конан Дойль представил младенцем, орущим в ванночке. Эдинбург, 1859 год. Там и тогда, 22 мая, родился «создатель Шерлока Холмса». Его отец Чарльз Элтимонт Дойль был архитектором и художником, служил же он всего-навсего клерком в конторе. Человек тонкий, привлекательный внешне и духовно, натура творческая и совершенно непрактичная, Чарльз Дойль был неудачником. Конан Дойль до конца своих дней считал отца незаурядным живописцем; он мечтал на склоне лет собрать и устроить выставку его работ, растерянных где попало. Умер Чарльз Дойль в инвалидном доме, еще до того как все дети подросли и стали на ноги.

Это теперь в «Словаре национальных биографий» читается столь торжественно: «Семья, известная в области литературы и искусства». Между тем обладатели известного имени

жили, как говорится, в «убогом благополучии». «Существовали мы в тяжелой атмосфере бедности,— вспоминал писатель,— и каждый из нас старался как мог помогать младшим в семье».

Артур должен был бы, собственно, зваться просто Дойлем, однако ему, как и его старшей сестре, дали еще имя Конан, в честь дяди отца — Мишеля Конана, полуфранцуза-полуангличанина, художника и литератора. Мишель Конан не имел наследников и, желая сохранить свое имя, передал его внучатым племянникам.

Шотландец по рождению, ирландец по национальности, англичанин по воспитанию — так биографы считают необходимым указывать на своеобразие судьбы Конан Дойля. Он уроженец Эдинбурга, земляк Р. Л. Стивенсона, создателя «Острова сокровищ»; Стивенсон лишь на девять лет старше. Они познакомились через переписку, однако так никогда и не встретились, но у них были общие друзья по Эдинбургу. Им вспоминались одни и те же лица. Когда появился Шерлок Холмс, Р. Л. Стивенсону показались знакомыми некоторые его черты, и он интересовался в письме к Конан Дойлю: «Уж не мой ли это старый приятель Джо Белл?»

Большую роль в жизни Конан Дойля играла его мать Мэри Фоли. Об этом говорит хотя бы их переписка, очень сердечная и весьма обширная: сохранилось до полутора тысяч писем Конан Дойля к «матушке». Английские исследователи творчества писателя упорно говорят о том, что дар рассказывать у него свойство потомственное, идущее от давних, еще рыцарских традиций семейства. Во всяком случае, у Мэри Фоли был этот дар и она могла непосредственно передать его сыну. Как знать, может быть, способ повествования, повторяющийся в «Подвигах» и «Приключениях» бригадира Жерара и в других произведениях Конан Дойля — бывалый человек развлекает своих слушателей рассказами,— потому и казался писателю особенно естественным, что он усвоил его с детства! Конан Дойль говорил прямо: «Настоящая любовь к литературе, склонность к сочинительству идет у меня, я считаю, от матери». Он пояснял: «Если я что-нибудь и помню со времен моего раннего детства, так это ее увлекательные рассказы, которые сохраняются у меня в памяти столь живо, что заслоняют даже действительные события моего существования тех лет. Она не только была и есть удивительный рассказчик, но владела, я помню, так искусно умением понижать голос до устрашающего шепота, что у меня и теперь пробегают мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом. Я убеждаюсь, оглядываясь на прошлое, что именно стремление воспроизвести эти рассказы детства дало толчок к развитию моей собственной фантазии».

Какие-то мрачные башни и стены — следующий пункт на пути «старого коня». Это приготовительная школа Годдера, а затем иезуитский колледж Стонихерст (графство

Ланкашир), где в 1869—1876 годах прошел школьную выучку Конан Дойль. Писатель не нарисовал и никак иначе не обозначил начальную школу в Эдинбурге — тут ведь сделал он первые шаги в образовании. Школа эта не изгладилась из его воспоминаний. Забыть ее было трудно. Учитель с ремнем в руках — вот была бы, пожалуй, наиболее показательная иллюстрация к этому эпизоду из жизни Конан Дойля. «В возрасте от семи до девяти лет,— писал он потом,— я страдал под властью рябого одноглазого мерзавца, который будто бы сошел со страниц Диккенса». Чтобы еще живее представить себе атмосферу этой школы, следует, вероятно, перечитать всколыхнувшие в свое время всю Англию главы из диккенсовских «Приключений Николаса Никльби», где изображается детский пансион.

«Он калечил наши юные жизни»,— вспоминал об этом учителе Конан Дойль. И как раз в столкновении с такой жестокостью и, как видно, очень рано обнаружилось удивительное здоровье натуры писателя. Он ребенком испытал жестокость, пережил ее, она оставила заметные рубцы, а все же не вселила в его душу неисправимую робость, дрожь и даже неприязнь к напористой силе. Конан Дойль всю жизнь ценил умение ударить, если требуется, дать сдачи. В семьдесят лет он едва не обломал зонтик о наглеца, оскорбившего его отцовские чувства.

«Иезуитский колледж» — звучит страшно. У Дж. Джойса в романе «Портрет художника в юные годы» (1904—1914) описано на основе личного опыта суровое иезуитское учебное заведение. Конан Дойль жил в Англии, но и здесь нравы иезуитов оставались столь же средневековыми. Та же сухость во всем: в методе и материале преподавания, в обращении с воспитанниками, в распорядке жизни и в пище. Даже розгу звали похоже: у Конан Дойля — «Толлей», а у Джойса — «Торкай».

Отдать сына в иезуитский колледж побуждала родителей Артура ритуальная привязанность к своей «старой родине», к Ирландии, хотя они давно натурализовались в Англии. Особенно их поддерживал в этом намерении Мишель Конан. «Его (Артура) *национальный вкус*,— подчеркивал он в письме к Мэри Фоли,— в котором у меня нет никаких сомнений, и определенная доля выучки в Стонихерсте сделают из него законченного художника и позволят ему, таким образом, занять высокое и почетное положение». Однако в то же время Конан всячески предостерегал родителей будущего писателя от последующих шагов в этом направлении, от того, чтобы выбрать для него религию делом жизни и связать его судьбу с иезуитами.

К этому времени определился круг чтения Конан Дойля, чтения еще юношеского, однако, как и детские рассказы матери, сохранившего влияние на интересы всей его жизни. «С тех пор,— говорил он о детстве,— мне приходилось в самом деле стрелять медведей и охотиться на китов, но все не шло ни в какое сравнение с тем, как я пережил это

впервые с мистером Баллантином или капитаном Майном Ридом в руках». Майн Рид, Р. М. Баллантин, автор романа «Коралловый остров»,— пора мальчишества. Теперь же, в Стонихерсте, Конан Дойль попадает под власть Вальтера Скотта, зачитывается «Айвенго». Особую роль в его литературной ориентации сыграли «Этюды» крупного английского историка Т. Б. Маколея. Это была одна из тех задушевных для него книг, импульс впечатления от которых действует долго. Маколей увлек его манерой изложения, живостью исторических картин и выразительностью портретов. Кроме того, хотя тогда это еще не могло быть юношей осознано, Маколей патетически защищал продвижение той среднебуржуазной прослойки, к которой принадлежал и Конан Дойль. «Этюды» занимали почетное место у него на полке до конца его дней.

Со школьных лет в Конан Дойле буквально «заговорил» рассказчик. Услышанное от матери, прочитанное, игра пробудившегося воображения — все это просилось наружу, и он занимал устными повествованиями своих товарищей. Рассказы продолжались изо дня в день и так неделями, свидетельствует Конан Дойль в своих воспоминаниях. Он выдумывал что-нибудь захватывающее, чтобы происходили битвы, схватки, чтобы лилась кровь и совершались подвиги. «Подношения в виде сладостей побуждали меня творить дальше,— вспоминает он,— и я всегда деловито уславливался относительно кексов, что показывало, насколько я был от рождения предназначен стать членом Общества литераторов. Иногда меня настигал упадок творческих сил и только яблоки придавали мне новую энергию. Когда же я подходил к моменту — «Держа левой рукой ее пышные локоны, он правой размахивал ножом у нее над головой, а тем временем...» или «Медленно, медленно отворилась дверь, и взором, полным ужаса, несчастный маркиз увидел...»,— я чувствовал, что слушатели в моей власти».

И рассказы, и Вальтер Скотт, и Маколей — все это держалось в стороне от наставнических глаз.

Как ни тягостно было у Годдера и в Стонихерсте, но и на этот раз сказалась прочность характера Конан Дойля; тогда «конь» был совсем молод и усердно тянул поклажу. «Должен сознаться,— писал он впоследствии жене друга, спросившей у него совета,— что я не нахожу систему воспитания в Стонихерсте удачной, и я бы, например, не послал туда своего сына, если бы он у меня был. Они чрезмерно старались воздействовать страхом и слишком мало любовью или разумом». Тем не менее «упрямый маленький мул» (так назвал себя писатель) выполнял требуемое, получал награды и успешно закончил курс.

Конан Дойль не отметил рисунками поездки после окончания колледжа в Лондон, а затем на континент, в Австрию, и на обратном пути в Париж. Между тем именно в эту пору решалась его дальнейшая судьба. Мэри Фоли не ради экономии средств, а по убеждению не оставляла мысли о

карьере священника для своего сына. В Австрии он опять находился в иезуитском колледже, в той же, по существу, обстановке. Однако в Париже он встретился со своим двоюродным дедом Мишелем Конаном, редактором «Журнала искусств». Полагают, что Конан, сам литератор, был убежден в писательском призвании своего внучатого племянника и оказал решительное воздействие и на родителей и на Артура. С церковными планами было покончено.

Усидчивый студент за книгами — таков очередной символ на пути «старого коня». Это значит Эдинбургский университет, 1876—1881 годы. Авторитет Мишеля Конана подействовал, однако, не вполне и не сразу. Более влиятельным оказалось слово доктора Уоллера, друга семьи, по совету которого Конан Дойль решил сделаться врачом и поступил на медицинский факультет.

Здесь и слушал он лекции Джозефа Белла, профессора Резерфорда, здесь свел дружбу с Джорджем Баддом. Особенно удивительны были занятия с доктором Беллом. Белл пользовался в Эдинбурге всеобщей популярностью. Сохранилось немало рассказов, как умел он сам и как учил студентов «разгадывать» людей.

— Что с этим человеком, сэр? — вопрошал он дрожащего студента.— Посмотрите-ка на него получше! Нет! Не прикасайтесь к нему. Пользуйтесь глазами, сэр! Да, пользуйтесь глазами, действуйте мозгом! Где ваш бугор апперцепции? Пускайте в ход силу дедукции!

Оригинальная одаренность подкреплялась у Белла большим медицинским опытом. Главный хирург Королевской лечебницы в Эдинбурге, он начинал некогда санитаром. Из своего обширного профессионального багажа он искусно подбирал «ключ» к характеру и недугу пациента. Вот его суждение: «Перед нами рыбак, господа! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги. Кроме моряка, никто не станет в такое время года носить высокие сапоги. Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать... За щекой у него жевательный табак, и он управляется с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Далее, об этом свидетельствуют рыбьи чешуйки, уцепившиеся за его одежду и налипшие ему на руки. И, наконец, специфический запах позволяет судить о его занятии с особенной определенностью». И Белл редко ошибался.

Занятия Конан Дойля двигались успешно. Не забывал он и литературу, хотя писательство было для него пока вторым делом, развлечением, хобби. Еще когда он был студентом, ему удалось кое-что опубликовать. В октябре 1879 года в «Чемберс джорнэл» появился его рассказ «Тай-

на Сэсасской долины», а «Лондон сосаети» принял «Американскую повесть». Вещи эти прошли незамеченными. Впрочем, и в памяти самого автора они не оставили существенного следа.

Несколько позднее, но все же в ранние годы своего писательства Конан Дойль сотрудничал в журнале «Корнхилл мэгэзин» и очень гордился этим. В свое время там активно печатался Теккерей, а потом — Р. Л. Стивенсон. Рассказы Конан Дойля помещались анонимно, чтобы не навлечь на молодого автора гнев рецензентов. И в самом деле, один утверждал: «Теккерей в гробу, должно быть, перевернулся от этих рассказов!» Однако другой счел их достойными «Новых арабских ночей», то есть книги Стивенсона.

Каникулы предпоследнего года обучения в университете Конан Дойль провел в плавании. Ему повезло, и он попал корабельным врачом на судно, отправлявшееся в арктические воды. Новые горизонты открылись перед ним и необычайно вдохновили молодого человека. В 1881 году Конан Дойль получил университетский диплом, стал М. Б., то есть «Бэчелер оф Медисн» — бакалавром медицины. На этом, однако, профессиональная подготовка не заканчивалась. Надо было сделаться М. Д. — доктором медицины. И 1882—1890 годы оказались заняты, как пометил на своем жизненном маршруте Конан Дойль, врачебной практикой. В 1882 году он снова в плавании, на этот раз южном. Он повидал Западную Африку.

Как раз в эту пору дальние моря бороздил другой будущий знаменитый английский писатель, а пока профессиональный моряк,— Джозеф Конрад.

В Англии Конан Дойлю пришлось сменить несколько городов и не раз сняться с места, прежде чем он удачно обосновался в приморском городке Саутси. В одном из мануфактурных магазинов Саутси продавцом служил... Г. Дж. Уэллс. Будущий автор «Человека-невидимки» прошел в молодости трудовую школу. Хозяин этого магазина как раз лечился у доктора Конан Дойля, и доктор, в свою очередь, был его постоянным клиентом, однако на продавца он тогда как-то не обратил внимания.

В послеуниверситетские годы Конан Дойль пережил духовный перелом и окончательно отошел от религии. Для него, родившегося и воспитанного в традициях ирландского католичества, это был очень болезненный кризис. И тем не менее ни католицизм, ни англиканская церковь не смогли удержать его в своем лоне. Большое влияние оказывала на него тогда наука — естествознание и философия, представленная в Англии именами Дарвина, Томаса Гексли, Герберта Спенсера, Дж. Стюарта Милля. Эти люди, отмечал позднее Конан Дойль, были решительными отрицателями и вместе с тем в нравственном отношении куда меньше предлагали взамен, чем отбрасывали, но сила их раскрепощающего воздействия на умы была непреодолима.

Изображая себя самого этого времени на пути «старого коня», Конан Дойль нарисовал фигуру молодого человека в легком пальто и шляпе и с каким-то не то ореолом, не то облаком над головой. То были, видимо, его мечты и надежды добиться места в жизни. И он многого достиг. Здесь, в Саутси, за восемь лет не только сформировался доктор Конан Дойль, но и явился Конан Дойль-писатель. Желанные литеры М. Д. прибавились к его имени в 1885 году, когда он защитил диссертацию А в 1887 году вышла в свет первая его повесть, «Этюд в багровых тонах». Главные персонажи этой повести потом долго не разлучались с писателем. Это были доктор Уотсон и Шерлок Холмс.

Первый рассказ из серии «Приключения Шерлока Холмса», «Скандал в Богемии», появился в июле 1891 года в «Стрэнд мэгэзин», и детектив с Бейкер-стрит прочно укрепился на страницах этого журнала. Конан Дойль очутился на некоторое время во власти собственного персонажа. Через два года он при всей своей выдержке, здоровье и плодовитости стал тяготиться непременной надобностью продолжать нескончаемую цепь похождений Шерлока Холмса. «Дорогая матушка,— сообщал он Мэри Фоли в одном из писем.— ...Я решил убить Шерлока Холмса. Он отвлекает меня от более важных вещей». «Кровожадное» намерение было выполнено: в рассказе «Последнее дело Холмса» (1893) Шерлок Холмс погиб в схватке с профессором Мориарти. Но отделаться от любимца читающей публики оказалось не так-то просто. И хотя в конце рассказа было подчеркнуто определенно, что эксперты не имели двух мнений по поводу исхода борьбы грозных соперников на краю жуткой пропасти, хотя говорилось, что попытки отыскать тела разбившихся не дали никакого результата, тем не менее лет через десять Шерлока Холмса пришлось воскресить.

Конан Дойль с большим энтузиазмом занимался исторической темой. Первый его исторический роман вышел тотчас следом за «Этюдом в багровых тонах». Затем появилась любимая книга самого Конан Дойля — роман из английской истории XIV века «Белый отряд».

В 1901—1902 годах на страницах журнала «Стрэнд мэгэзин» Конан Дойль опубликовал образцовую в своем роде повесть «Собака Баскервилей».

Первым из видных писателей на талант начинающего Конан Дойля обратил внимание Оскар Уайльд. Впоследствии они встретились у редактора журнала «Липпинкотс мэгэзин». Эта встреча осталась для Конан Дойля на всю жизнь одним из ярких впечатлений. Оскар Уайльд царил за столом, и хотя общий разговор больше походил на монолог, произносимый одним Оскаром Уайльдом, это выходило естественно и его принимали как достойного властелина в умении занять слушателей.

Редактор предложил каждому из них дать в его журнал по одному произведению. Оскар Уайльд написал

тогда «Портрет Дориана Грея», Конан Дойль — «Знак четырех».

С 1891 года Конан Дойль оставил поприще врача. Литература стала для него профессией. Он продолжал путешествовать. Ездил по Европе; в Швейцарии, в Давосе, познакомился с Редьярдом Киплингом. Конан Дойль высоко ставил стихи Киплинга, однако тут же ревниво замечал: «А большой прозаической вещи ему не написать...» В Норвегии он был вместе с Джеромом К. Джеромом, и тот оставил об этой поездке забавные воспоминания вполне в духе «Троих в одной лодке». Конан Дойль пересек океан и посетил Соединенные Штаты, где выступал с публичными чтениями своих произведений. Был в Египте.

Попробовал Конан Дойль свои силы и в драматургии. Его пьеса «Ватерлоо» (1894—1895) с выдающимся английским актером Генри Ирвингом в главной роли прошла очень удачно в Бристоле и в Лондоне. Очевидец отметил в дневнике: «Новая пьеса — невероятный успех. Генри Ирвинг великолепен и грандиозен. Все смеялись и плакали. Прекрасное изображение старости. Восемь вызовов в финале».

Были сделаны также две инсценировки по мотивам рассказов о Шерлоке Холмсе — одна в США, а другая в Англии. В первой из них Конан Дойль выступал, собственно, только как консультант, отвечая за океан на вопросы постановщика: «Можно женить Шерлока Холмса?»—«Делайте с ним что хотите!» Сам Конан Дойль написал пьесу по рассказу «Пестрая лента». И ему и рецензентам спектакль в общем казался удачным. Хорош был в роли Шерлока Холмса Сэнтсбери. Конан Дойль считал, что этот актер наиболее точно соответствует его представлениям о внешности и манерах знаменитого детектива. Мнения автора и печати разошлись в одном неожиданном пункте. В интриге этого рассказа первостепенное место занимает ядовитая змея. Писатель намеревался как можно больше ошеломить и устрашить зрителей и приспособил для спектакля живого «исполнителя». Однако результат получился обратный: в зале отказывались принимать его за настоящую змею. «Весь спектакль,—утверждала одна газета,— портит отвратительное чучело змеи». Хотел бы я,— в свою очередь, возмущался Конан Дойль,— чтобы этот писака познакомился с таким «чучелом» поближе! Он подбирал новых и новых змей, однако все они, по его признанию, оказались «плохими актерами». Пришлось обратиться к обычному театральному реквизиту и повесить в самом деле муляж. Эффект превзошел все ожидания. Газеты писали: «Прекрасно смотрится на сцене живая змея». Такова уж ирония в соотношении фактической достоверности и театральной правды!

Уже на закате своих дней Конан Дойль встретился творчески с крупным кинорежиссером Альфредом Хичкоком, который снял по его сценарию фильм «Ринг» (1927).

1900 год — англо-бурская война. Конан Дойль снова врач. Он добровольно стал главным хирургом в полевом гос-

питале, организованном богатым филантропом. «Дело в том,— писал он Мэри Фоли,— что, мне кажется, я имею сильное влияние на молодых людей, особенно на молодых, атлетически развитых, спортивных людей (как и Киплинг). И коль скоро это действительно так, чрезвычайно важно, чтобы именно я подал им пример. Вопрос не в моих сорока годах, хотя я совершенно здоров, как всегда, но в том воздействии, какое я могу иметь на эту молодежь». По возвращении с фронта он составил свой писательский отчет о войне — книгу, которая вызвала широкий отклик в общественном мнении и политических кругах. С тех пор Конан Дойля стали называть Патриотом. Был это в конечном счете тот самый «патриотизм», о котором А. И. Куприн выразительно писал в очерке «Редиард Киплинг», где упоминался и Конан Дойль: «беспримерно жестокая колониальная политика».

Конан Дойль выпустил еще одну книгу, «Война в Южной Африке; ее суть и события» (1902), где в сжатом виде изложил свою точку зрения. Он значительно сблизился со сферами высшей английской политики. Получил дворянское, рыцарское звание, стал сэром. Дважды, в 1901 и в 1906 годах, он баллотировался на выборах по Эдинбургскому округу, однако оба раза безуспешно. Но это не охладило и не исчерпало общественного пафоса писателя. Свою незаурядную энергию он устремил в иную область. Так, с завидной настойчивостью и совершенно безвозмездно Конан Дойль выступал ходатаем за некоего Джорджа Эдалжи, который в 1903 году был осужден на семь лет тюрьмы. Дело его было состряпано полицией. Узнав об этом в 1906 году, Конан Дойль в январе 1907 года опубликовал в «Дейли телеграф» серию статей, принял другие энергичные меры и добился окончательного оправдания своего подопечного.

На исходе 1900-х годов Конан Дойль оказался глубоко вовлечен в широкий международный конфликт по поводу политики Бельгии в Конго. Теперь он выступил с развернутым осуждением колониальной политики, впрочем, именно бельгийской колониальной политики, которая нарушала ряд соглашений относительно Конго, касавшихся Англии и Франции. Когда произведенные им разоблачения постарались опровергнуть на том основании, что он тенденциозно осветил факты, желая лишь способствовать интересам Англии, Конан Дойль отвечал на это: «Бельгия не управляла своей колонией. Она просто выжимала из нее соки, заставляя силой местное население отправлять пароходами все сколько-нибудь ценное в Антверпен». Конан Дойль привел в самом деле сильный разоблачительный материал, дал картину бесчеловечия и беззакония колониальных бельгийских властей, того, одним словом, что и было указано в заглавии его книги — «Преступление в Конго» (1909).

Книгу эту Конан Дойль написал в неделю: его заинтересованность в конголезском инциденте была исключительной. Даже некоторые крупные политические деятели обратили пристальное внимание на происходящее в Конго, лишь

прочитав написанное Конан Дойлем. Из других английских и американских писателей участие в обсуждении конголезской проблемы принимал Джозеф Конрад, но значительно менее активное. Марк Твен был уже серьезно болен, хотя и просил передать Конан Дойлю, что с интересом ознакомился с его книгой. Своеобразную позицию занял Киплинг, для которого колониальная тема была, как известно, необычайно острой. Он знал о Конго и прочел книгу Конан Дойля, оценив его осведомленность и разоблачительное воодушевление. Однако сам не был склонен к тому, чтобы энергично воздействовать на мировое общественное мнение. Если конфликт разрастется, замечал он Конан Дойлю, то ведь не придется в изъявлениях человеколюбия ограничиться патетическими призывами. «А вдруг,— продолжал он,— Бельгия решит дать нам совет заниматься нашими собственными делами (с добавлением некоторых неприятных замечаний относительно Индии), что мы будем делать?» Наконец, Германия — она может взять Бельгию под свое крыло, приняв «позу защитника угнетенных национальностей». И, далее, завершал свои предостережения Киплинг, вопрос сведется к простой арифметике солдат, ружей и мощных кораблей: «Международные гарантии не стоят бумаги, на которой они изложены, когда Германия редактирует текст».

Конан Дойль не принял этих опасений и продолжал отстаивать публично свою точку зрения.

В эти годы он работал и над художественными произведениями. Вышли его научно-фантастические повести «Затерянный мир» (1912) и «Отравленный пояс» (1913). Здесь обрисовался еще один характер, еще одна фигура, которая как определенный человеческий тип постоянно интересовала писателя,— профессор Челленджер с его неистовством, причудами и вместе с тем непоколебимой исследовательской целеустремленностью. Тогда же была написана последняя из детективных повестей Конан Дойля, «Долина ужаса», где по-прежнему действовал Шерлок Холмс, а кроме него, появился сыщик Мак-Мурдо, он же Берди Эдвардс, похожий, впрочем, по характеру своих действий на агента-провокатора. Невозможно согласиться с мнением одного из основных биографов Конан Дойля — Дж. Д. Карра, считающего «Долину ужаса» чуть ли не лучшей из книг писателя в этом жанре. Напротив, по этой повести видно, как в конце концов оскудела детективная «жила», столь долго и неустанно разрабатывавшаяся писателем. Героический ореол держался вокруг фигуры Шерлока Холмса значительное время именно потому, что это был содержательный человек и мастер своего дела. Мак-Мурдо мелок, навязчив и никак не годится в преемники прославленному обитателю кабинета на Бейкер-стрит.

При энергичной литературной работе Конан Дойль не оставлял и спорта. Он не просто отдыхал или поддерживал свои силы, а опять-таки вел целую деятельность, организуя,

вдохновляя, пропагандируя. Не зря же громоздкий воз, который тянет «старый конь», венчают боксерские перчатки, клюшки для гольфа и лыжи. Летом 1911 года Конан Дойль отправился в Германию для участия в англо-немецком автопробеге. Здесь его застал так называемый «инцидент Пантера — Агадир», то есть провокационная вылазка немецкого военного судна, возвестившая приближение общеевропейской катастрофы. «Что-то это все значит!» — заметил тогда же Конан Дойль приятелю, но пробег все-таки закончил.

С началом первой мировой войны писатель, которому исполнилось пятьдесят пять лет, снова готов был идти добровольцем, и снова он видел в этом миссию ветерана, обязанного подать пример. «Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить ее,— писал он брату Инессу Дойлю, в будущем генералу,— и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать благотворное воздействие на других». Его предложение было отклонено. Все же в составе английского военного флота плавал в это время траулер, названный «Конан Дойль». А главное, сын, брат, два племянника, зять, брат жены Конан Дойля, ушли на фронт. Все погибли. Сын Кингсли был ранен на Сомме в горло и за несколько часов до перемирия скончался от воспаления легких. Тот же недуг унес брата Инесса.

Всю войну Конан Дойль писал не покладая рук; по неостывшим следам событий он составлял летопись этого беспримерного мирового потрясения. Его «История действий английских войск во Франции и Фландрии» начала выходить в 1916 году — гремела война, а к 1920 году были изданы шесть томов.

Конан Дойлю предложили посетить театр военных действий. Результатом поездки была его книга «На трех фронтах» (1916). Он посетил английскую, итальянскую и французскую армии, то есть побывал на позициях, где в это время сражались будущие авторы романов «Огонь», «Смерть героя», «Прощай, оружие!». Конечно, ни революционного пафоса Анри Барбюса, ни горечи разочарования Олдингтона или Хемингуэя не мог бы разделить Конан Дойль. Он смотрел совершенно иными глазами. Сам готовый идти на смерть и принесший тяжкие личные жертвы, он видел в происходящем героический трагизм.

В своем старом мундире, при ордене, Конан Дойль, став опять на короткий срок солдатом, сжился с армией. Он был на передовой, ходил по окопам. «С фронта трудно писать,— отмечал он.— Известно, что имеются некие вежливые, однако неумолимые джентльмены, которые могут высказать свое мнение, и это повлечет за собой «небольшое упрощение стиля». Он прекрасно понимал, что, даже если смотреть с оптимистической и благожелательной точки зрения, положение дел гораздо более сурово, чем это изображается в официальных сообщениях. Но сам он преисполнен был воинственного воодушевления, и это по-особому окрашивало в его глазах и армейские будни и настроение солдат.

Конан Дойль не искал обособленности, не знал внутреннего отъединения. Напротив, писатель постоянно оставался «на улице», на людях. И если он подчас отстаивал некую свою позицию, то опять-таки в пределах общего потока, не сопротивляясь ему. Убеждая отправить его на фронт в возрасте пятидесяти пяти лет, Конан Дойль ссылался, в частности, на то свое преимущество, что у него еще достаточно мощный голос, чтобы увлечь за собой солдат.

«Железный» Киплинг, также склонный мыслить государственно,— и тот предпочитал иногда остаться в стороне. Конан Дойль же все время здесь, «на улице», на людях. Он убеждал и разубеждал в чем-то правительство, спорил с генералами, воевал с судьями, писал в газеты, конфликтовал с собратьями по перу, и тем не менее он оставался с ними. В то же время в своих демократических симпатиях Конан Дойль был осторожен, предпочитая не переходить известной грани. Сословный дух жил в нем также неистребимо. Они различались в этом смысле с Уэллсом. Создателю «Машины времени» была свойственна простота обращения, в нем не сквозило и намека на снобизм. «Вы, кажется, играли некогда в крикет в Липхуке?» — спросил он однажды Конан Дойля. Тот отвечал утвердительно. «А не приходилось вам замечать старика, профессионала, содержателя площадки?» Конан Дойль вспомнил и старика. «Это был мой отец»,— добавил Уэллс. Конан Дойль был шокирован.

Однако когда речь шла о солдатской или хотя бы спортсменской спайке, тут Конан Дойль оставался «обыкновенным человеком», готовым разделить общую участь.

В нем жил решительный, органичный, проникающий всю его натуру оптимизм, и символично, что после его смерти был найден конверт с записями, где говорилось: «Я не страшусь того зла, которое способен мне причинить человек».

Но, должно быть, испытания военных лет все-таки пошатнули Конан Дойля. Во всяком случае, именно на исходе войны он как бы в поисках выхода из гнетущего настроения обращается к спиритизму. Этот ясный, реальный человек интересуется вдруг такими сочинениями, как книга Мейерса «Человеческая личность и ее дальнейшая жизнь после телесной смерти». Французский биограф Конан Дойля — Пьер Нордон, единственный, кому удалось получить доступ к неопубликованным семейным архивам писателя, называет вопрос, связанный с этой стороной его жизни, «деликатным». Тут в самом деле есть, вероятно, глубоко личные мотивы. Рафаэль Сабатини, автор «Одиссеи капитана Блэда», рассказывал, что, когда у него погиб в автомобильной катастрофе сын, Конан Дойль советовал ему искать утешения в спиритизме.

Личные мотивы, особенно гибель близких людей, повлияли на умонастроение писателя, однако не без воздействия других основательных причин. Конан Дойля тревожило нарастание социальных противоречий и классовых конфлик-

тов, он пережил определенный внутренний кризис, когда почувствовал, что над буржуазным существованием нависла угроза решительных потрясений, а он не видит приемлемого для его убеждений реального выхода. Повышенный интерес к спиритизму связан с этим его состоянием. На это указывают, в частности, и произведения художественной фантастики, написанные Конан Дойлем к концу его жизни.

В 1924 году Конан Дойль издал свои собственные «Воспоминания и приключения». В 1929 году вышла его научно-фантастическая повесть «Маракотова бездна».

В начале 20-х годов Конан Дойль съездил в Австралию, а всего за год до кончины — снова в Южную Африку и Норвегию с лекционным турне. По возвращении из Осло он уже не в силах был добраться домой без посторонней помощи. «Старый конь долго тащил тяжелый воз. Но за ним был хороший уход. Надо, чтобы недель шесть он постоял в конюшне, да еще на шесть месяцев пустить его на траву, и он снова отправится в путь» — так рассуждали у Конан Дойля врачи — «ветеринары», изображенные писателем тут же на картинке. Однако путь «старого коня» непреодолимо шел под уклон. И рисунок — больной в постели — с датой «1930» оказался последним. Конан Дойля в этом году не стало.

Посмертная жизнь «создателя Шерлока Холмса» сложилась в общем столь же удачливо, как быстро и естественно росла прижизненная слава Конан Дойля. Шерлок Холмс и его спутник доктор Уотсон соперничали в популярности среди читателей с персонажами Шекспира и Диккенса. Речь не шла о том, чтобы поставить самого Конан Дойля в один ряд с действительными гигантами английской литературы, но эти два его героя в самом деле казались лицами реальными, убедительно живыми, как мистер Пиквик и Сэм Уэллер. И если англичане хорошо помнят, что Хэмпстедские пруды в Лондоне — это те самые, где члены Пиквикского клуба изучали жизнь колюшки, то не менее прочно сохранились в национальной памяти названия улиц, отелей, связанных с именем Шерлока Холмса и его изысканиями. Показательно, что иногда говорят, будто обстановка кабинета знаменитого сыщика была перенесена с Бейкер-стрит в специальную мемориальную комнату «Клуба Шерлока Холмса» неподалеку от Скотленд-Ярда. Почему же «перенесена»? Разве жил когда-нибудь на Бейкер-стрит Шерлок Холмс? Трудно поверить, что нет. И это — лучшее свидетельство главной удачи писателя в его долгой жизни и деятельности.

Конан Дойль созрел как писатель в пору, когда в Англии развивалось литературное течение, называемое неоромантизмом, то есть романтизмом новым в отличие от романтизма первых десятилетий века, а также в противоположность натурализму и символизму — двум другим тече-

ниям, сформировавшимся в последней трети XIX столетия. Р. Л. Стивенсон с его «Островом сокровищ» (1883) — первый и образцовый представитель неоромантизма. Неоромантиком был Конрад и, кроме того, ряд менее значительных писателей, из которых в свое время особенным успехом пользовался Райдер Хаггард, автор романов «Дочь Монтесумы», «Копи царя Соломона» и др.

«Как надоело все расслабленное и как требуется нам нечто сильное и яркое»,— говорил Стивенсон, выражая в нескольких словах устремления неоромантиков. Он спорил с упадочными настроениями декадентов, с их унынием, замкнутостью, он протестовал и против убогого бытописательства натуралистов. Сама английская жизнь отличалась в ту эпоху каким-то прозаизмом, бесцветной деловитостью, деляческим практицизмом. Словом, духовным убожеством, от которого приходил в отчаяние Оскар Уайльд, глава декадентской школы в Англии.

«Постоянное понижение личностей, вкуса, тона, пустота интересов, отсутствие энергии... все мельчает, становится дюжинное, рядское, стертое, пожалуй, «добропорядочнее», но пошлее...» — так еще в 50-х годах XIX века наблюдал вместе с историком, экономистом и философом Дж. Ст. Миллем наступление буржуазной «толпы» А. И. Герцен. «Добропорядочность», мы видим, поставлена в кавычки, ибо это всего лишь «добропорядочность» конторской книги, «нравственность» расчета, «честность» купли-продажи, «добротность» ведения дел. К исходу века тот же процесс обострился.

Натурализм следил за этим процессом впрямую, невольно в то же время подчиняясь ему. Факт в протокольно плоском, а не творчески преобразованном виде давил творческую мысль. Правда, преподносимая этой литературой, была правдой какой-то однобокой и поверхностной тенденции, а не исследованием жизни. Тем не менее натурализм имел много сторонников. В нем видели литературное соответствие научности, позитивизму, тогда очень широко и сильно влиявшему на умы. Эта литература считалась доступной и нужной демократическому читателю. Вышел, например, роман Джорджа Дугласа «Дом с зелеными ставнями», и Арнольд Беннет, один из крупных английских натуралистов, усиленно советовал Г. Дж. Уэллсу обратить внимание на эту книгу, называя ее «первым реалистическим шотландским романом». «Это не высший класс,— признавал Беннет,— но... ты впервые в жизни увидишь Шотландию». «Чертова серость»,— отозвался в ответ Уэллс о «Доме с зелеными ставнями».

Натуралисты считали своей заслугой смелость, с какой они решались нарушать основное правило буржуазной добропорядочности — «книга должна быть написана так, чтобы при чтении ее не пришлось краснеть молоденькой девушке». Характерна была в этом смысле полемика вокруг романа также одного из видных английских натуралистов, талант-

ливого писателя Джорджа Мура «Эстер Уотерс». В этой полемике принял участие и Конан Дойль. Он защищал «Эстер Уотерс», подчеркивая, что литература существует не для одних молоденьких девушек, что писатели решают более «взрослые» задачи. Когда против Джорджа Мура и его книги готова была подняться травля, Конан Дойль отважно вступил в схватку. Он демонстративно хвалил роман, и эта демонстративность чувствуется: Конан Дойль отстаивает право писателя говорить, что он считает нужным, однако в его апологии нет действительно глубокого творческого сочувствия тому, как Джордж Мур это делает. Конан Дойль защитник его, но не соратник.

Неоромантики не разделяли пристрастия натуралистов к бытовой атмосфере, к приземленным героям, «маленьким людям». Они искали красочных героев, необычной обстановки, бурных событий.

Фантазия неоромантиков двигалась в разных направлениях: они звали читателей в прошлое или в далекие земли. Они совсем не обязательно уходили от современности, но представляли ее с неожиданной стороны, вдали от городских будней.

Известно, сколько усилий приложил Киплинг, чтобы вылепить из колониального чиновника или офицера колониальных войск романтически-приподнятого героя. По романам современного английского писателя Грэма Грина, скажем, «Суть дела», где колониальный мир представлен таким, каков он есть, нетрудно увидеть, что быт этого офицерства и чиновничества еще большая проза, чем конторы лондонского Сити. Но Киплингу в литературном отношении было важно, чтобы контраст был во всем: в красках пейзажа, в манерах, нравах.

Оскар Уайльд рассуждал: «Для романтического писателя не может быть худшей обстановки, чем романтическая,— вот что стало ясно для меня. Живи Стивенсон на Гоуэр-стрит, он мог бы написать книгу вроде «Трех мушкетеров», между тем на острове Самоа он писал письма о немцах в «Таймс». Фактически Оскар Уайльд не совсем точен: Стивенсон писал на Самоа не одни только «письма о немцах», но романы и рассказы. Однако важна мысль по существу — о контрасте, о том или ином протесте против окружающей обстановки. В шотландском горном коттедже Стивенсон мечтал о море и пиратах, создавал «Остров сокровищ», а среди сказочной природы Самоа ему, может быть, вспоминалась однообразно-кирпичная Гоуэр-стрит.

Конан Дойля влекли и история, и моря, и не только дальние, но и вымышленные страны, а главное — романтика рядом, где-то здесь за углом. У Герберта Уэллса есть рассказ «Волшебная лавка», у Конан Дойля — «Таинственная дверь», и по этим двум произведениям видно, как владело английскими писателями стремление неожиданно открыть средь бела дня некую тайну, вдруг отыскать «дверь в стене», через которую можно будет проникнуть в необычайный мир. Шер-

лок Холмс и называл это своим «пристрастием ко всему необычному, ко всему, что выходит за пределы привычного и банального течения повседневной жизни». Но тот же Шерлок Холмс следовал четкому правилу: «Чтобы отыскать эти непонятные явления и необычные ситуации, мы должны обратиться к самой жизни, ибо она всегда способна на большее, чем любое усилие фантазии».

Книги Конан Дойля определенно складываются в несколько циклов. Каждый из этих циклов соединен тематически или судьбами одних и тех же героев, или одного и того же героя. Так следуют одна за другой книги о бригадире Жераре, книги, где действует Шерлок Холмс или профессор Челленджер.

Похождения Шерлока Холмса занимают четыре романа (как называл их автор, но точнее сказать, повести): «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех», «Собака Баскервилей», «Долина ужаса» — и пять сборников рассказов.

А. И. Куприну принадлежит выразительная, хотя несколько преувеличенная характеристика: «Конан Дойль, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По — «Преступление в улице Морг». Сказано, может быть, излишне сурово, но, по сути, точно. Предшественников Шерлока Холмса нетрудно назвать. Во Франции это Лекок из романов Эмиля Габорио, в Англии — сержант Кафф из «Лунного камня» Уилки Коллинза, однако самый ранний — это Дюпен из «Убийства на улице Морг».

Конан Дойль не скрывал литературной родословной своего героя. Он был восторженным почитателем Эдгара По. Кстати, в его архиве сохранялся редкий документ: подробное письмо одного из очень немногих, а может быть, единственного (к 1909 году) человека, знавшего лично американского писателя и присутствовавшего на его нищенских похоронах. Автор «Ворона» обрел во второй половине XIX столетия удивительную посмертную славу в Европе и триумфально «вернулся» к себе домой за океан со всемирно известным именем. Сильно сказалось его влияние в поэзии, в развитии новеллы, рассказа, особенно детективного.

Та самая «сила дедукции», о которой постоянно напоминал своим студентам доктор Джозеф Белл, то есть умение делать вывод на основе множества мимолетных наблюдений, и оказалась действенным орудием следствия, сыска, розыска в руках Дюпена. «Полицейских смущает,— говорит Дюпен, — видимая немотивированность», — речь идет о небывало зверском убийстве... В полиции озадачены, потому что там привыкли искать мотивы преступных действий прямым путем, привыкли тянуться по следу преступника и обкладывать его, будто затравленного зверя. Иное дело Дюпен. В его глазах улик и мотивов достаточно. Стоило ему заметить оттенок в показаниях свидетелей, из которых одни го-

ворили, что слышали визгливый голос, а другие утверждали — хриплый, как у Дюпена возникает догадка, предопределяющая весь дальнейший ход расследования тайны. «Рассудок силится установить причинную связь явлений,— размышляет, в свою очередь, Легран, добровольный детектив из рассказа «Золотой жук»,— и, потерпев неудачу, оказывается на время парализованным». Но только на время. Легран вновь и вновь приводит в систему факты и наблюдения, на первый взгляд никак между собой не связанные, пока наконец не обнаружится в их сопоставлении своя логика.

И Конан Дойль говорил о Шерлоке Холмсе, что его герой раскрывал сложные криминальные случаи не из-за промахов преступника, а благодаря своему умению.

«Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу» — этой проблемой открывается рассказ «Убийство на улице Морг». Речь идет об этом в самом начале 40-х годов прошлого века, когда впереди еще — за единичными исключениями — будущее развитие литературной школы психологического анализа. Эдгар По среди пионеров, осваивающих неведомую область. Гениальность его, о которой говорил А. И. Куприн, и сказалась в плодотворном направлении поисков, в точности намеков и находок, развитых позднейшими писателями далеко за пределами детективного жанра.

Конан Дойль следовал создателю Дюпена и Леграна в более узком, специальном смысле. Кажется, будто в самом деле Шерлок Холмс продолжает своими мыслями и действиями первые страницы «Убийства на улице Морг». «Известно, — говорится там, — что для человека, исключительно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейших наслаждений. Как атлет радуется своей силе и ловкости и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так и аналитик горд своим умением распутать любую головоломку. Всякое, хотя бы и нехитрое занятие, высекающее искры из его таланта, ему приятно. Он обожает загадки, ребусы, криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая заурядному сознанию представляется чуть ли не сверхъестественной. Его выводы, рожденные существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции».

К «умению распутать» и «проницательности» добавляется здесь же еще одно, также подчеркиваемое свойство: «все решает внимание». Стоит ему ослабеть, рассуждает По, и вы совершаете оплошность, которая приводит к просчету или поражению. Это указание будто бы прямо обращено к доктору Уотсону, постоянному спутнику Шерлока Холмса, который не успевает следить за мыслью знаменитого детектива.

Да, Эдгар По многое подсказал несколькими своими новеллами детективному жанру. Однако Конан Дойль не был просто подражателем американского писателя. Он с талантом и размахом продолжал его поиски, в свою очередь, от-

крывая новое, а главное, придал этому жанру форму развитую и законченную. В ряду знаменитых детективов, начинающемся с Дюпена и Лекока, Шерлок Холмс, бесспорно, самое выразительное лицо, наиболее живой характер, а не только хорошо развитый «бугор апперцепции». Вот почему лишь историки литературы помнят и указывают его предшественников, а большинство читателей, несомненно, при слове «детектив» назовет сразу одно имя — Шерлок Холмс.

У Конан Дойля была, мы знаем, и живая модель. Это также помогло, должно быть, сделать Шерлока Холмса реальной фигурой. Джозеф Белл не отрицал сходства. Он даже высказался в печати по этому поводу, признавая в методе Шерлока Холмса свою школу. С еще большей определенностью указал он на своего способнейшего ученика — на самого Конан Дойля, достойно воспринявшего уроки наставника.

Шерлок Холмс — артист, исследователь в своем роде, но только не чиновник сыска и не «ангел-хранитель» буржуазной собственности, каким был Лекок у Эмиля Габорио или позднее американский «король сыщиков» Нат Пинкертон. Существенно, что Нат Пинкертон, бесчисленные и главным образом анонимные книжки о похождениях которого наводняли на рубеже XIX—XX столетий мировой читательский рынок, служил как бы «визитной карточкой», «рекламером» реально существовавшего в США «Сыскного Агентства Аллана Ната Пинкертона и Сыновей». Между тем обитатель кабинета на Бейкер-стрит в Лондоне — одинокий мастер; ни денежное вознаграждение, ни интересы какого бы то ни было дела или фирмы не составляют мотивов его деятельности. И о восстановлении справедливости он риторически почти не рассуждает (этой фальши было довольно в «пинкертоновских» выпусках). Шерлок Холмс занят логической сложностью задачи. И как раз его исследовательский артистизм, свободный от слащаво-мещанской добродетели, делает его привлекательным героем, заставляя верить на слово в его правоту. В лучших вещах, конечно.

И не первая повесть Конан Дойля «Этюд в багровых тонах» создала Шерлоку Холмсу и его создателю имя. Шерлок Холмс раскрылся по-настоящему в циклах рассказов: в его «Приключениях» (1892) и «Записках» о нем (1894), составленных доктором Уотсоном. «Союз рыжих», «Человек с рассеченной губой», «Голубой карбункул», «Пять апельсиновых зернышек», а также «Пляшущие человечки» из сборника «Возвращение Шерлока Холмса» (1905) — вот образцы. Именно после этих рассказов Шерлок Холмс заставляет помнить о себе как о живой, цельной и незаурядной личности.

В каких только поворотах не изучался Шерлок Холмс, будто он в самом деле жил и действовал! Нашлись исследователи, которые с необычайным энтузиазмом и тщанием привели в хронологический порядок его биографию, поста-

рались по косвенным намекам восстановить в его существовании все то, что выходит за пределы разбираемых им таинственных происшествий. Установили, что́ ему нравилось и не нравилось, чем он увлекался и что недолюбливал, каковы были его взгляды на религию и взаимоотношения с женщинами. Наконец, те же добросовестные исследователи указали... профессиональные ошибки маэстро.

И Шерлок Холмс, оказывается, ошибался, но не только потому, что «на всякого мудреца довольно простоты»; некоторые его промахи на совести Конан Дойля, который не всегда мог соблюсти совершенную строгость и стройность в умозаключениях своего героя.

Так случалось, если автор вторгался в область специальную, и тогда «соколиное зрение» не спасало Шерлока Холмса перед судом знатока. Фиаско в этом смысле Конан Дойль потерпел с рассказом «Серебряный»—о пропаже классного скакуна и убийстве тренера. Позднее писатель чистосердечно признался, что ничего не понимал в ипподромном быте и взял скаковой мир лишь как эффектную площадку для действия. Истинные знатоки тотчас различили невежество и не могли этого простить. И тот, который понимал скачки как следует, учинил Конан Дойлю в спортивном отделе одной из газет полный разнос. Писатель оценил ревность конника-энтузиаста, не спорил, не отпирался, но и не сдавал своих позиций. Он знал, что им однажды и навсегда найден в поведении Шерлока Холмса тон психологической убедительности, который уберегает его от мелочных придирок. «Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, и конюшни были заперты в девять часов»,— что же, пусть «обычно» лошадей тренируют и купают по утрам, и в девять часов утра, а не вечера скаковой ипподром уже замирает, но сюжет, но суть происходящего требовала сумерек — и был вечер. Ведь не хотели же верить в натуральную змею на сцене, а макет выглядел, как живая змея.

Еще раз Шерлока Холмса поймали на слове, когда в рассказе «Случай в интернате» он с присущей ему уверенностью определяет, между прочим, по следу велосипедных колес, в какую сторону ехал человек.

— Это невозможно! — стали говорить Конан Дойлю. — След переднего и заднего колеса совершенно одинаков!

Тут Конан Дойля взяло за живое, потому, должно быть, что он сам был заядлым велосипедистом. Он решил проверить это на опыте, и оказалось, что Шерлок Холмс был прав!

Конечно, лишь специальное и скрупулезное изучение могло обнаружить всякие несуразности. С широкой читательской точки зрения, Шерлок Холмс оставался непогрешимым. Ведь большинство следило не за ходом следствия и не за «дедукцией» — все подчинялось полету вдохновения, которое овладевало Шерлоком Холмсом при столкновении с опасностью или тайной. Убедительно было вот что: приеха-

ли французские школьники в Лондон и первым делом попросили показать, где на Бейкер-стрит живет Шерлок Холмс. А когда уже не школьники, а литераторы поинтересовались у Конан Дойля, где тот дом, который автор имел в виду, когда описывал жилище Шерлока Холмса, писатель просто не знал, что ответить. Он и не думал об этом. «Но, — сказал он в утешение, — там обязательно должен быть какой-нибудь дом в этом роде».

Шерлок Холмс сделался мифическим персонажем; сойдя со страниц книг Конан Дойля, он стал достоянием молвы, о нем фантазировали сами читатели. Появились анекдоты о Шерлоке Холмсе и его создателе. Например: в Риме берет Конан Дойль извозчика, тот и говорит: «А, господин Дойль, приветствую вас после вашего путешествия в Константинополь и в Милан!» «Как мог ты узнать, откуда я приехал?» — удивился шерлокхолмсовской проницательности Конан Дойль. «По наклейкам на вашем чемодане», — хитро улыбнулся кучер.

У Конан Дойля также часто спрашивали, кто он сам: Шерлок Холмс или доктор Уотсон? И писатель опять в недоумении разводил руками. Ни тот, ни другой отдельно, в нем содержались оба, как и вообще жизнь связывает противоположности, «лед и пламень», безумные фантазии и здравый смысл, проницательность и простоватость. Друг без друга эти крайности даже менее интересны.

«Я не хочу быть неблагодарным Холмсу, — писал Конан Дойль в автобиографии, подводя итог их долгому союзничеству, — он был для меня во многих отношениях хорошим другом. Если иногда я вроде бы и уставал от него, так это потому, что характер его не допускает светотени. Это счетная машина, и всякая попытка добавить что-нибудь лишь способна испортить все впечатление».

Все же Конан Дойль неуклонно считал, что успех Шерлока Холмса заслоняет его более значительные произведения. Писатель имел в виду свои исторические романы.

Три эпохи из прошлого Англии и Европы особенно интересовали его. Это, во-первых, времена Столетней войны XIV—XV веков. Затем XVII столетие, пора Английской буржуазной революции. Наконец, наполеоновские войны, от Трафальгара до Ватерлоо. Им писатель посвятил несколько произведений, в том числе «Подвиги» и «Приключения» бригадира Жерара. К этому циклу примыкает «Родни Стоун» (1896); время действия романа относится к первым десятилетиям прошлого века, те же имена Наполеона и Нельсона встречаются на его страницах. Однако исторические события, государственные персоны проходят в нем бледным фоном, больше всего внимания уделено спортивным нравам и лицам, главным образом боксу, атмосфере, окружавшей «ринг», колоритным фигурам боксеров, кодексу спортивной чести. В жанровом отношении это роман переходный — от исторического к социально-бытовому. Впрочем, ему

предшествовал социально-бытовой роман Конан Дойля «Торговый дом Гердлстон» (1890).

К историческим романам Конан Дойля примыкает небольшой цикл рассказов о далеком прошлом. Среди них рассказы из истории Рима и римского владычества в Англии последних его дней. Писателя, как можно видеть, интересовали узловые этапы английской истории.

К прошлому Конан Дойль обращался с воодушевлением исследователя и тщанием реставратора: он добивался максимальной бытовой достоверности в картинах ушедших времен. «История — такая дама,— отмечал он,— что если кто-либо позволил себе какие-нибудь вольности в отношении ее, то должен поспешить раскаяться и сознаться». Каждому историческому роману Конан Дойля предпослан список книг, специальных и популярных, которыми он пользовался, восстанавливая картину той или иной эпохи. Тут фундаментальные исторические исследования, мемуары, дневники, письма, работы по быту, по отдельным отраслям деятельности. Например, приступая к роману «Родни Стоун», Конан Дойль читал «Историю флота», «Историю бокса», «Историю скачек», «Времена кучеров». Он перечислял эти книги не только потому, что в Англии строго соблюдается авторское право и даже частичный плагиат может повлечь за собой судебное дело, но потому также, что писатель хотел подчеркнуть основательность повествования. Будет преувеличением сказать, что он и сам занимался исследованием. Нет, он лишь умело и талантливо компилировал, цепко выбирая выразительные детали, черты обихода, приметы нравов, манер, особенности речи. В каком-то смысле Конан Дойль действовал теперь так же, как поступал он еще в ученические годы: пересказывал, преображая прочитанное. С юных лет им усвоен подобный метод вдохновиться, «пропитаться» книгами, а затем наново и по-своему пережить их. «Скомбинировать и передать»,— он сам говорил об этом.

Однако сверх живой детали, бытовой достоверности есть еще другая, гораздо более принципиальная «правда истории» — собственно правда, представление о которой зависит от угла зрения на прошлое, от авторской тенденции. И здесь дело обстоит сложнее.

Конан Дойль откровенно тенденциозен в своем подходе к истории. Даже когда он стремится, как в «Белом отряде», показать человека, «который одну минуту свиреп и зол, а в следующую минуту делается ласковым и мягким, на губах у него ругательство, а глаза смеются», даже когда писатель таким образом смешивает «добро» и «зло», все равно ясны его симпатии. И в истории он ищет людей родственной ему среды, следя за тем, как от прошлого к настоящему совершалось их продвижение. На этот счет у писателя существует своя, так сказать, правда, свой пафос истории. И в этом продолжают действовать ранние его пристрастия. Конан Дойль по-прежнему сохраняет привязанность к Т. Б. Ма-

колею, ибо по-своему оправдывает повороты и жертвы истории там и тогда, где торжествует среднебуржуазная прослойка.

В романе «Белый отряд» Конан Дойль обратился к кризисному этапу истории феодальной Англии и представил в героическом ореоле мелкое или измельчавшее рыцарство, которое готово было приспособиться к новым условиям. Была, однако, в английской литературе еще одна книга о рыцарстве. Но уже не исторический роман, а памятник как раз того самого времени. Книга эта — «Смерть Артура» — появилась за рамками периода, взятого Конан Дойлем, позднее событий, изображенных им, однако в пределах все той же эпохи Столетней войны, а также междоусобицы Алой и Белой Розы.

Автор «Смерти Артура», сэр Томас Мэлори, рыцарь, личность полулегендарная, но все же установленная, был истинным сыном своего века. Он был, возможно, ровесником XV столетия, и не исключено, что юношей участвовал в прославленной битве при Азинкуре. В итоге своей бурной, ломаной жизни сэр Томас оказался в темнице и там составил обширный свод легенд о рыцарях Круглого Стола, служивших древнему королю Артуру. И Мэлори был тенденциозен, стараясь через старинные рассказы передать свое понимание современности. Патетический приверженец прошлого, плоть от плоти феодального уклада, он с безысходной горечью смотрел, как уходит в небытие его Англия. Чем ближе к развязке, тем чаще раздаются вздохи: «Так было в то время», или «Вот было время», или «Не то, что ныне». Даже когда подруга короля Артура оказывается неверна супружескому долгу, Мэлори не хочет признавать измены, «ибо и любовь в те времена была не такой, как в наши дни».

Со страниц исторических романов Конан Дойля также слышны вздохи о прошлом, о том, какое «было время»... Но вздохи и сетования этих двух авторов звучат не в унисон.

Разница делается особенно резка, когда Мэлори подходит к последним главам своей эпопеи. Не только степень, не только сила тоски по прошлому, но и само ее существо иные.

Содружество Круглого Стола распалось. Вместо него мы видим груду мертвых, искалеченных тел. Доблестные рыцари уничтожили друг друга. Один из немногих оставшихся в живых вассалов короля Артура отправляется взглянуть на поле битвы. В накаленном гибельными страстями воздухе реет сознание непоправимой, трагической ошибки. То, что открывается взору последнего из рыцарей, еще более жутко.

«...И услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки, и браслеты, и добрые кольца, и драгоценные камни во множестве.

А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают ради богатых доспехов и украшений».

Кто же эти «пузыри земли», если воспользоваться шекспировскими словами? Вглядевшись пристальнее, мы узнаем в них обломки тех самых «белых отрядов», которые были героизированы Конан Дойлем.

Ночное поле боя, покрытое окровавленными телами, и вурдалаки, бродящие по нему в поисках добычи, — живая картина и в то же время аллегория. Так представлял себе автор «Смерти Артура» распад прежнего мира и судьбы отечества. Столь низменный облик имели в его глазах силы, способствовавшие этому распаду.

«Однако тут-то, в этом чаду смерти, — на свой лад рассуждает Конан Дойль,— в этом тумане заразы, зародилась более светлая и более свободная Англия. Тут в этот мрачный час сверкнул первый луч новой зари. Ибо не иначе, как посредством великой встряски и перемены, могла нация свергнуть железную феодальную систему, сковывавшую ее члены».

Необходимо еще раз оговорить: в «Смерти Артура» и в романе Конан Дойля, откуда взято это суждение, показаны разные события, разные этапы, но одного процесса. И если для Мэлори феодальная эпоха обрывается «днем рока», несет в себе смерть, конец, то Конан Дойль говорит о «новой заре». Говорит он об этом в то время. когда новейшие сэры Найджелы стали очень уж похожи на прозаических, благополучных Форсайтов. А Конан Дойль хочет напомнить им о бурных страстях, о былом героизме, о благородстве. Никакое другое понятие не употребляется им столь часто, как «рыцарское благородство».

И если Мэлори в свое время оправдывал супружескую измену, потому что и «любовь прежде была не такая», то Конан Дойль в том же примерно духе романтизирует наполеоновские войны, ибо и у него выходит, что раньше была иная война, не беспринципно-безжалостная, как ныне... «То был исключительный век, — говорится в авторском предисловии к наполеоновским романам, — и он давал исключительных людей. Двадцать три года Франция находилась в состоянии войны, лишь с краткой мирной передышкой на несколько месяцев. Для французов война стала нормальным и естественным состоянием. Дети рождались на войне, росли на войне, бились на войне и умирали все в той же нескончаемой войне, не имея даже понятия о том, что такое мирная жизнь... И, оказывается, столь удивительные условия не огрубили их, между ними попадались рыцарственные, благородные души, отчаянно доблестные, чьи поступки живо напоминали об истинном духе рыцарства». И далее неунывающий бригадир Жерар на протяжении своих «Подвигов» и «Приключений» постоянно толкует о «благородстве» и «рыцарстве».

Бокс, и тот был прежде благороднее, как стремится показать это Конан Дойль в романе «Родни Стоун». «Во времена Джексона, Брейна, Крибба, Блетчеров, Пирса Галли и

прочих главарями ринга оставались люди, чья честность стояла выше подозрений»,— так утверждает Родни Стоун. Он не хочет остаться голословным: «Вы слышали, как Пирс спас в Бристоле девушку из горящего дома, как Джексон завоевал уважение и дружбу лучших людей своего века и как Галли занял место в первом Парламенте после реформы». Готовые отдубасить друг друга по всем рыцарским правилам на ринге, эти бойцы тем более являли образцы благородства за чертой канатов. Словом, «были люди»! А ныне? И слово «проходимцы» — первое, что срывается с языка у Родни Стоуна.

Никакая жестокая схватка, даже никакое коварство или урон, нанесенный рыцарской чести, не способны были вывести сэра Томаса Мэлори из равновесия до тех пор, пока все это совершалось в пределах Круглого Стола. И повествователь с толком, со знанием дела и высоким чувством готов без устали живописать, как рыцари в доблестном бою наступали, да отступали, да приседали, да увертывались от нападений и сами отвечали противнику могучими ударами. Сэр Томас внимательно следит за тем, как хлещет кровь, подробно передает, чтó за раны и увечья были нанесены в честной схватке и какое множество полегло на поле. А сколько раз не только в силу повествовательного ритуала, а по непосредственной склонности и охоте Мэлори наблюдает и передает: вот один рыцарь поверг другого замертво, и спешит к нему, и снимает с него шлем, и становится на грудь ногой или поступает каким-нибудь еще страшным способом и собирается отсечь ему голову, если только побежденный не успеет или не пожелает вымолить себе пощаду!

Весь этот ужас по меньшей мере нормален, если не привлекателен для Мэлори. И для него это вовсе не «ужас», но суровая и даже страшная цена единства Круглого Стола. А Круглый Стол, как и чаша Святого Грааля, — превыше и важнее всего! Совершенно иными глазами смотрит Мэлори, когда вдруг откуда-то из-под земли выползает кровососное пожирательство, хищничество, чуждое каких бы то ни было одушевляющих понятий, кроме наживы.

По-своему и Конан Дойль говорит о войне как о «нормальном и естественном состоянии», о кулачной драке, как о честном и благородном занятии и, наконец, о разбое «белых отрядов» как о чем-то героическом, поскольку каждая из этих сфер — замкнутый, живущий своими законами мир, отличный в этом смысле от мира новейшего, где, кажется, нет пределов, нет норм, короче, нет «благородства».

Конан Дойль соблюдает, конечно, меру иронии в отношении к браваде и доблестям Жерара, вообще ко всему «героическому» и «благородному», что берет он из прошлого. Но эта мера далеко не всегда выдерживается им или оказывается подвластна ему. Его голос дрожит, взор затуманивается, ему чудится «воссоединение народов английского языка», ему видится торжествующий «дух нации».

Конан Дойля привлекают цельные, жизнелюбивые и волевые характеры, героями его исторических романов выступают люди, чуждые религиозного фанатизма и сословной ограниченности, проникнутые свободолюбивым духом, наделенные чувством личного достоинства. Обращаясь от прошлого к современности, он духу наживы и буржуазному хищничеству стремится противопоставить дух бескорыстия и благовидной деятельности, дельцам-живоглотам — деловых людей иного склада. Вместе с тем он невольно обнажает зависимость неприглядных и преступных явлений, злобных характеров и зловещих замыслов от условий жизни, как он это делает, например, в «Торговом доме Гердлстон», в социально-бытовом романе с криминальным и детективным сюжетом.

Хотя исторические романы Конан Дойля, а также «Торговый дом Гердлстон» имели успех, все же им не была суждена столь долгая и постоянная жизнь в читательской памяти, какая была у книг о Шерлоке Холмсе. Да и научно-фантастические повести Конан Дойля оказались в этом смысле удачливее. «Затерянный мир», «Отравленный пояс», «Маракотова бездна» — именно фантастические свои произведения, и прежде всего «Затерянный мир», Конан Дойль посвятил «мальчику, наполовину ставшему мужчиной, или мужчине, наполовину остающемуся мальчиком», то есть читателю, готовому отправиться в страну вымысла. Впрочем, фантазируя, Конан Дойль также добивался достоверности.

Работая над «Затерянным миром», населяя плато на Амазонке разными доисторическими животными, Конан Дойль консультировался со специалистами. На него, в частности, оказал влияние своими трудами и советами зоолог Эдвин Рей Ланкестер. «Как насчет гигантской змеи длиной в шестьдесят футов? — предлагал Ланкестер Конан Дойлю новых обитателей «Затерянного мира».— Или зверя, похожего на кролика, а величиной с быка?»

«Затерянный мир» вышел самой удачной и убедительной научно-фантастической книгой Конан Дойля. Вот почему, должно быть, подобно тому, как искали на Бейкер-стрит дом Шерлока Холмса, современные летчики, пролетая над Амазонкой, высматривают плато, описанное Конан Дойлем.

В поздних книгах сказались кризисные настроения, владевшие тогда писателем. Фантазия там переставала быть трезвой, она наполнялась мистикой.

Конан Дойля всегда внутренне задевало, что книги, которые писались у него как бы сами собой, оказывались лучше его же произведений, требовавших большего труда. Если бы было наоборот, полагал Конан Дойль, «я занимал бы иное положение в литературе». У него не было болезненного самолюбия или честолюбия. Напротив, он отдавал себе отчет в своих творческих возможностях. О многом говорит тот факт, что на предложение завершить оставшийся незаконченным последний роман Р. Л. Стивенсона «Сент-Ив» Ко-

нан Дойль ответил отказом: Стивенсон слишком хороший писатель, чтобы он, Дойль, мог как бы то ни было равняться с ним...

Его тревожило другое.

Принадлежа к поколению Оскара Уайльда, Дж. Б. Шоу, Джозефа Конрада, Джерома К. Джерома, Р. Киплинга, Г. Дж. Уэллса и Дж. Голсуорси, Конан Дойль тем не менее не попадал в разряд «серьезных литераторов», а числился каким-то развлекателем. В молодости он попробовал писать, подражая Генри Джеймсу, мэтру «серьезной литературы». Не вышло: он не владел психологизмом. Р. Л. Стивенсон, который с блеском проявил себя во многих жанрах, также оставался недосягаем для него.

Уровень, составлявший предел мечтаний Конан Дойля, требовал, в частности, резко индивидуального, изысканного стиля. А его язык был подвижен, легок, прям, но не более. Не доставало богатства оттенков. И как ему было тягаться с литераторами-психологами, когда наиболее выразительное лицо, им созданное, не допускало, по его собственному признанию, светотени? И читательская популярность, по размаху которой Конан Дойль мог поспорить с самим Стивенсоном, не успокаивала его. Он искал прочной литературной репутации.

Все это говорит о требовательности писателя к себе. Между тем он мог бы чувствовать себя спокойнее: его место и в читательской памяти и в истории английской литературы определенно и оригинально. Оно заметно для всех.

Конечно, были ценители, которые смотрели на Конан Дойля свысока. Тот же Генри Джеймс говорил как-то Уэллсу о «бессилии своей выдумки» и тут же прибавлял: «Это скорее для Конан Дойля»,— считая занимательность сюжета чем-то второстепенным и второсортным.

Конан Дойль думал иначе.

Быть понятным, интересным и умным — вот требования, которые он предъявлял писателю. Некоторые крупные литераторы, отмечал он, иногда сполна удовлетворяют последнему условию, однако два первых им никак не даются, и дорога к читателю закрыта для них. Такова была судьба выдающегося английского романиста и поэта Джорджа Мередита, которого Конан Дойль знал лично и ставил как мастера очень высоко. Конан Дойль же старался по мере своих сил следовать всем трем пунктам, и книги его до сих пор не выпускают из рук читатели самых разных стран и возрастов.

«Много было писем из России»,— вспоминал в автобиографии Конан Дойль, говоря об откликах на свои произведения, главным образом на рассказы о Шерлоке Холмсе. Конан Дойля знают у нас давно, и большинство его художественных произведений переведено.

У нас ценили и ценят Конан Дойля за талант увлекательного рассказчика, за его жизнелюбие и веру в человека и его разум, за силу фантазии и мастерство, с каким он строит напряженный детективный или приключенческий сюжет, за серьезное отношение к писательскому труду и уважение к читателю, который любит занимательное чтение.

Настоящее восьмитомное собрание сочинений Конан Дойля не является полным. И в Англии не издан «полный Конан Дойль». У него, автора семидесяти книг, слишком многое не выдержало испытания временем. Сам Конан Дойль стремился отдать трезвый отчет в своих творческих успехах и неудачах. В его автобиографии и письмах встречаются прямые признания: «мне удалось» или, напротив, «не получилось»... Эти авторские оценки не всегда совпадают с объективным значением тех или иных его произведений, но необходимость отбора очевидна.

Что же читатель найдет в нашем собрании? Образцы художественной прозы писателя, лучшие его романы, повести и рассказы. Публицистические и очерковые его книги, в том числе упоминавшиеся выше «Война в Южной Африке», «На трех фронтах» и другие, остаются, естественно, за рамками издания.

Произведения в собрании расположены в хронологическом порядке, однако выделены сложившиеся циклы. Выделены, например, повести и рассказы о Шерлоке Холмсе — они занимают три начальные тома. При распределении по томам других повестей и рассказов также учитывалась их принадлежность к тематическим или иным циклам.

М. Урнов

Этюд
в
багро-
вых
тонах

ЧАСТЬ I

Из воспоминаний доктора Джона Г. Уотсона, отставного офицера военно-медицинской службы

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я окончил Лоидоиский университет, получив звание врача, и сразу же отправился в Нетли, где прошел спецнальный курс для военных хнрургов. После окончаиия заиятий я был назначен ассистентом хнрурга в Пятый Нортумберлендскнй стрелковый полк. В то время полк стоял в Иидии, и ие успел я до него добраться, как вспыхнула вторая война с Афганистаном. Высадившнсь в Бомбее, я узнал, что мой полк форснровал перевал н продвииулся далеко в глубь неприятельской территории. Вместе с другими офнцерамн, попавшими в такое же положение, я пустнлся вдогоику своему полку; мие удалось благополучио добраться до Кандагара, где я накоиец нашел его и тотчас же приступнл к своим новым обязанностям.

Многнм эта кампання прннесла почести н повышеиия, мие же не досталось ннчего, кроме неудач и несчастья. Я был переведен в Беркшнрский полк, с которым я участвовал в роковом сражении прн Майванде[1]. Ружейиая пуля угоднла мне в плечо, разбнла кость н задела подключичную артерию. Вероятнее всего я попал бы в руки беспощадных гази[2], еслн бы ие преданность и мужество

[1] В битве при Майванде во время второй англо-афганской войны (1878—1880) англичане потерпели поражение.
[2] Г а з и — фанатик-мусульмаиин.

моего ординарца Мюррея, который перекинул меня через спину вьючной лошади и ухитрился благополучно доставить в расположение английских частей.

Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдальцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавер. Там я стал постепенно поправляться и уже настолько окреп, что мог передвигаться по палате и даже выходить на веранду, чтобы немножко погреться на солнце, как вдруг меня свалил брюшной тиф, бич наших индийских колоний. Несколько месяцев меня считали почти безнадежным, а вернувшись наконец к жизни, я еле держался на ногах от слабости и истощения, и врачи решили, что меня необходимо немедля отправить в Англию. Я отплыл на военном транспорте «Оронтес» и месяц спустя сошел на пристань в Плимуте с непоправимо подорванным здоровьем, зато с разрешением отечески-заботливого правительства восстановить его в течение девяти месяцев.

В Англии у меня не было ни близких друзей, ни родни, и я был свободен, как ветер, вернее, как человек, которому положено жить на одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. При таких обстоятельствах я, естественно, стремился в Лондон, в этот огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи. В Лондоне я некоторое время жил в гостинице на Стрэнде и влачил неуютное и бессмысленное существование, тратя свои гроши гораздо более привольно, чем следовало бы. Наконец мое финансовое положение стало настолько угрожающим, что вскоре я понял: необходимо либо бежать из столицы и прозябать где-нибудь в деревне, либо решительно изменить образ жизни. Выбрав последнее, я для начала решил покинуть гостиницу и найти себе какое-нибудь более непритязательное и менее дорогостоящее жилье.

В тот день, когда я пришел к этому решению, в баре Критерион кто-то хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я увидел молодого Стэмфорда, который когда-то работал у меня фельдшером в лондонской больнице. Как приятно одинокому увидеть вдруг знакомое лицо в необъятных дебрях Лондона! В прежние времена мы со Стэмфордом никогда особенно не дружили, но сейчас я приветствовал его почти с восторгом, да и он тоже, по-видимому,

был рад видеть меня. От избытка чувств я пригласил его позавтракать со мной, и мы тотчас же взяли кэб и поехали в Холбори.

— Что вы с собой сделали, Уотсон? — с нескрываемым любопытством спросил он, когда кэб застучал колесами по людным лондонским улицам.— Вы высохли, как щепка, и пожелтели, как лимон!

Я вкратце рассказал ему о своих злоключениях и едва успел закончить рассказ, как мы доехали до места.

— Эх, бедняга!— посочувствовал он, узнав о моих бедах.— Ну, и что же вы поделываете теперь?

— Ищу квартиру, — ответил я. — Стараюсь решить вопрос, бывают ли на свете удобные комнаты за умеренную цену.

— Вот странно,— заметил мой спутник,— вы второй человек, от которого я сегодня слышу эту фразу.

— А кто же первый? — спросил я.

— Один малый, который работает в химической лаборатории при нашей больнице. Нынче утром он сетовал: он отыскал очень милую квартирку и никак не найдет себе компаньона, а платить за нее целиком ему не по карману.

— Черт возьми!— воскликнул я.— Если он действительно хочет разделить квартиру и расходы, то я к его услугам! Мне тоже куда приятнее поселиться вдвоем, чем жить в одиночестве!

Молодой Стэмфорд как-то неопределенно посмотрел на меня поверх стакана с вином.

— Вы ведь еще не знаете, что такое этот Шерлок Холмс,— сказал он.— Быть может, вам и не захочется жить с ним в постоянном соседстве.

— Почему? Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто немножко чудаковат — энтузиаст некоторых областей науки. Но вообще-то, насколько я знаю, он человек порядочный.

— Должно быть, хочет стать медиком? — спросил я.

— Да нет, я даже не пойму, чего он хочет. По-моему, он отлично знает анатомию, и химик он первоклассный, но, кажется, медицину никогда не изучал систематически. Он занимается наукой совершенно бессистемно и как-то странно, но накопил массу, казалось бы, ненуж-

ных для дела знаний, которые немало удивили бы профессоров.

— А вы никогда не спрашивали, что у него за цель?— поинтересовался я.

— Нет, из него не так-то легко что-нибудь вытянуть, хотя, если он чем-то увлечен, бывает, что его и не остановишь.

— Я не прочь с ним познакомиться,— сказал я.— Если уж иметь соседа по квартире, то пусть лучше это будет человек тихий и занятый своим делом. Я недостаточно окреп, чтобы выносить шум и всякие сильные впечатления. У меня столько было того и другого в Афганистане, что с меня хватит до конца моего земного бытия. Как же мне встретиться с вашим приятелем?

— Сейчас он наверняка сидит в лаборатории,— ответил мой спутник.— Он либо не заглядывает туда по неделям, либо торчит там с утра до вечера. Если хотите, поедем к нему после завтрака.

— Разумеется, хочу,— сказал я, и разговор перешел на другие темы.

Пока мы ехали из Холборна в больницу, Стэмфорд успел рассказать мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я собирался поселиться вместе.

— Не будьте на меня в обиде, если вы с ним не уживетесь,— сказал он.— Я ведь знаю его только по случайным встречам в лаборатории. Вы сами решились на эту комбинацию, так что не считайте меня ответственным за дальнейшее.

— Если мы не уживемся, нам ничто не помешает расстаться,— ответил я.— Но мне кажется, Стэмфорд,— добавил я, глядя в упор на своего спутника,— что по каким-то соображениям вы хотите умыть руки. Что же, у этого малого ужасный характер, что ли? Не скрытничайте, ради бога!

— Попробуйте-ка объяснить необъяснимое,— засмеялся Стэмфорд.— На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой — это у него уже граничит с бездушием. Легко могу себе представить, что он вспрыснет своему другу небольшую дозу какого-нибудь новооткрытого растительного алкалоида, не по злобе, конечно, а просто из любопытства, чтобы иметь наглядное представление о его действии. Впрочем, надо отдать ему справедливость, я

уверен, что он так же охотно сделает этот укол и себе. У него страсть к точным и достоверным знаниям.

— Что ж, это неплохо.

— Да, но и тут можно впасть в крайность. Если дело доходит до того, что трупы в анатомичке он колотит палкой, согласитесь, что это выглядит довольно-таки странно.

— Он колотит трупы?

— Да, чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти. Я видел это своими глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать медиком?

— Вроде нет. Одному богу известно, для чего он все это изучает. Но вот мы и приехали, теперь уж вы судите о нем сами.

Мы свернули в узкий закоулок двора и через маленькую дверь вошли во флигель, примыкающий к огромному больничному зданию. Здесь все было знакомо, и мне не нужно было указывать дорогу, когда мы поднялись по темноватой каменной лестнице и пошли по длинному коридору вдоль бесконечных выбеленных стен с коричневыми дверями по обе стороны. Почти в самом конце в сторону отходил низенький сводчатый коридорчик — он вел в химическую лабораторию.

В этой высокой комнате на полках и где попало поблескивали бесчисленные бутыли и пузырьки. Всюду стояли низкие широкие столы, густо уставленные ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с трепещущими язычками синего пламени. Лаборатория пустовала, и лишь в дальнем углу, пригнувшись к столу, с чем-то сосредоточенно возился какой-то молодой человек. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с места.

— Нашел! Нашел! — ликующе крикнул он, бросившись к нам с пробиркой в руках. — Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим! — Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс,— представил нас друг другу Стэмфорд.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить.— Я вижу, вы жили в Афганистане.

— Как вы догадались? — изумился я.

— Ну, это пустяки,— бросил он, усмехнувшись.— Вот гемоглобин — это другое дело. Вы, разумеется, понимаете важность моего открытия?

— Как химическая реакция — это, конечно, интересно,— ответил я,— но практически...

— Господи, да это же самое практически важное открытие для судебной медицины за десятки лет. Разве вы не понимаете, что это дает возможность безошибочно определять кровяные пятна? Подите-ка, подите сюда! — В пылу нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к своему столу.— Возьмем немножко свежей крови,— сказал он и, уколов длинной иглой свой палец, вытянул пипеткой капельку крови.— Теперь я растворю эту каплю в литре воды. Глядите, вода кажется совершенно чистой. Соотношение количества крови к воде не больше, чем один к миллиону. И все-таки, ручаюсь вам, что мы получим характерную реакцию.— Он бросил в стеклянную банку несколько белых кристалликов и накапал туда какой-то бесцветной жидкости. Содержимое банки мгновенно окрасилось в мутно-багровый цвет, а на дне появился коричневый осадок.

— Ха, ха! — Он захлопал в ладоши, сияя от радости, как ребенок, получивший новую игрушку. — Что вы об этом думаете?

— Это, по-видимому, какой-то очень сильный реактив,— заметил я.

— Чудесный! Чудесный! Прежний способ с гваяковой смолой очень громоздок и ненадежен, как и исследование кровяных шариков под микроскопом,— оно вообще бесполезно, если кровь пролита несколько часов назад. А этот реактив действует одинаково хорошо, свежая ли кровь или нет. Если бы он был открыт раньше, то сотни людей, что сейчас разгуливают на свободе, давно бы уже расплатились за свои преступления.

— Вот как! — пробормотал я.

— Раскрытие преступлений всегда упирается в эту проблему. Человека начинают подозревать в убийстве, быть может, через несколько месяцев после того, как оно совершено. Пересматривают его белье или платье, находят буроватые пятна. Что это: кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Вот вопрос, который ставил в тупик многих экспертов, а почему? По-

тому что не было надежного реактива. Теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и всем затруднениям конец!

Глаза его блестели, он приложил руку к груди и поклонился, словно отвечая на аплодисменты воображаемой толпы.

— Вас можно поздравить,— сказал я, немало изумленный его энтузиазмом.

— Год назад во Франкфурте разбиралось запутанное дело фон-Бишофа. Он, конечно, был бы повешен, если бы тогда знали мой способ. А дело Мэзона из Брадфорда, и знаменитого Мюллера, и Лефевра из Монпелье, и Сэмсона из Нью-Орлеана? Я могу назвать десятки дел, в которых мой реактив сыграл бы решающую роль.

— Вы просто ходячая хроника преступлений,— засмеялся Стэмфорд.— Вы должны издавать специальную газету. Назовите ее «Полицейские новости прошлого».

— И это было бы весьма увлекательное чтение,— подхватил Шерлок Холмс, заклеивая крошечную ранку на пальце кусочком пластыря.— Приходится быть осторожным,— продолжал он, с улыбкой повернувшись ко мне,— я часто вожусь со всякими ядовитыми веществами.— Он протянул руку, и я увидел, что пальцы его покрыты такими же кусочками пластыря и пятнами от едких кислот.

— Мы пришли по делу,— заявил Стэмфорд, усаживаясь на высокую трехногую табуретку и концом ботинка придвигая ко мне другую.— Мой приятель ищет себе жилье, а так как вы жаловались, что не можете найти компаньона, я решил, что вас необходимо свести.

Шерлоку Холмсу, очевидно, понравилась перспектива разделить со мной квартиру.

— Знаете, я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит,— сказал он,— которая нам с вами подойдет во всех отношениях. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «корабельный»,— ответил я.

— Ну и отлично. Я обычно держу дома химикалии и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Нисколько.

— Погодите-ка, какие же еще у меня недостатки? Да, иногда на меня находит хандра, и я по целым дням не

раскрываю рта. Не надо думать, что я иа вас дуюсь. Просто ие обращайте иа меия вниманиия, н это скоро пройдет. Ну, а вы в чем можете покаяться? Пока мы еще ие поселились вместе, хорошо бы узиать друг о друге самое худшее.

Меия рассмешил этот взаимный допрос.

— У меия есть щеиок-бульдог,— сказал я,— и я ие выиошу иикакого шума, потому что у меия расстроены иервы, я могу проваляться в постели полдня и вообще иевероятио леиив. Когда я здоров, у меня появляется еще ряд пороков, но сейчас этн самые главиые.

— А игру иа скрипке вы тоже считаете шумом? — с беспокойством спросил он.

— Смотря как играть,— ответил я.— Хорошая игра — это дар богов, плохая же...

— Ну, тогда все в порядке,— весело рассмеялся ои.— По-моему, можно считать, что дело улажеио, если только вам понравятся комнаты.

— Когда мы нх посмотрим?

— Зайдите за миой завтра в полдеиь, мы поедем отсюда вместе н обо всем договоримся.

— Хорошо, зиачит, ровио в полдеиь,— сказал я, пожимая ему руку.

Ои сиова заиялся своими химикалиями, а мы со Стэмфордом пошли пешком к моей гостиинице.

— Между прочим,— вдруг остаиовился я, повернувшись к Стэмфорду,— как ои ухитрился угадать, что я приехал из Афгаиистана?

Мой спутиик улыбнулся загадочиой улыбкой.

— Это главная его особенность,— сказал он.— Миогие дорого бы дали, чтобы узнать, как он все угадывает.

— А, зиачит, тут какая-то тайна? — восклнкнул я, потирая руки.— Очеиь заиятио! Спасибо вам за то, что вы нас позиакомили. Зиаете, ведь «чтобы узиать человечество, нáдо изучить человека».

— Стало быть, вы должиы изучать Холмса,— сказал Стэмфорд, прощаясь.— Впрочем, вы скоро убедитесь, что это твердый орешек. Могу держать пари, что ои раскусит вас быстрее, чем вы его. Прощайте!

— Прощайте,— ответил я и зашагал к гостинице, немало заиитересоваииый своим иовым знакомым.

ГЛАВА II

ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ

На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221-б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире было две удобных спальни и просторная, светлая, уютно обставленная гостиная с двумя большими окнами. Комнаты нам пришлись по вкусу, а плата, поделенная на двоих, оказалась такой небольшой, что мы тут же договорились о найме и немедленно вступили во владение квартирой. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а наутро прибыл Шерлок Холмс с несколькими ящиками и саквояжами. День-другой мы возились с распаковкой и раскладкой нашего имущества, стараясь найти для каждой вещи наилучшее место, а потом стали постепенно обживать свое жилище и приспосабливаться к новым условиям.

Холмс, безусловно, был не из тех, с кем трудно ужиться. Он вел спокойный, размеренный образ жизни и обычно был верен своим привычкам. Редко когда он ложился спать после десяти вечера, а по утрам, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще валялся в постели. Иногда он просиживал целый день в лаборатории, иногда — в анатомичке, а порой надолго уходил гулять, причем эти прогулки, по-видимому, заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Его энергии не было предела, когда на него находил рабочий стих, но время от времени наступала реакция, и тогда он целыми днями лежал на диване в гостиной, не произнося ни слова и почти не шевелясь. В эти дни я подмечал такое мечтательное, такое отсутствующее выражение в его глазах, что заподозрил бы его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудренность его образа жизни не опровергала подобных мыслей.

Неделя шла за неделей, и меня все сильнее и глубже интересовала его личность, и все больше разбирало любопытство относительно его целей в жизни. Даже внешность его могла поразить воображение самого поверхностного наблюдателя. Ростом он был больше шести футов, но при своей необычайной худобе казался еще выше.

Взгляд у него был острый, проннзывающнй, еслн не считать тех пернодов оцепенення, о которых говорнлось выше; тоикий орлиный иос придавал его лицу выраженне живой энергии и решнмости. Квадратный, чуть выступающий вперед подбородок тоже говорнл о решнтельиом характере. Его руки были вечно в черннлах н в пятнах от разных химикалий, зато ои обладал способностью удивительно делнкатно обращаться с предметамн,— я не раз это замечал, когда он прн мне возился со своими хрупкими алхимическимн прнборамн.

Читатель, пожалуй, сочтет меия отпетым охотником до чужих дел, еслн я признаюсь, какое любопытство возбуждал во мие этот человек н как часто я пробовал пробить стеику сдержаииости, которой он огораживал все, что касалось личио его. Но прежде чем осуждать, вспомните, до чего бесцельна была тогда моя жизнь и как мало было вокруг такого, что могло бы занять мой праздный ум. Здоровье ие позволяло мие выходить в пасмурную нлн прохладную погоду, друзья меня не иавещали, потому что у меия их не было, и ничто не скрашивало монотонности моей повседневиой жизии. Поэтому я даже радовался иекоторой таииствеиности, окружавшей моего компаньоиа, н жадно стремился развеять ее, тратя на это немало времеии.

Холмс ие занимался меднциной. Он сам однажды ответил на этот вопрос отрнцательио, подтвердив тем самым миенне Стэмфорда. Я не вндел также, чтобы ои снстематически читал какую-либо иаучиую литературу, которая пригодилась бы для получеиия ученого зваиия н открыла бы ему путь в мир науки. Одиако некоторые предметы ои изучал с поразительным рвением, н в какихто довольно страниых областях обладал иастолько обшнрными и точиыми познаииямн, что порой я бывал просто ошеломлеи. Человек, читающий что попало, редко может похвастаться глубииой своих знаннй. Никто не станет обременять свою память мелкими подробиостямн, еслн иа то иет достаточио веских причими.

Невежество Холмса было так же поразительно, как и его зиаиня. О современиой литературе, пблитике и философии ои почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, н Холмс наивно спросил, кто он такой н чем знаменнт. Но когда

оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца,— этому я просто не мог поверить!

— Вы, кажется, удивлены,— улыбнулся он, глядя на мое растерянное лицо.— Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть.

— Забыть?!

— Видите ли,— сказал он,— мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных.

— Да, но не знать о солнечной системе!..— воскликнул я.

— На кой черт она мне?— перебил он нетерпеливо.— Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?

Я хотел было спросить, что же это за работа, но почувствовал, что он будет недоволен. Я задумался над нашим коротким разговором и попытался сделать кое-какие выводы. Он не хочет засорять голову знаниями, которые не нужны для его целей. Стало быть, все накопленные знания он намерен так или иначе использовать. Я перечислил в уме все области знаний, в которых он проявил отличную осведомленность. Я даже взял карандаш и за-

писал все это на бумаге. Перечнтав спнсок, я не мог удержаться от улыбкн. «Аттестат» выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС — ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ.

1. Знання в областн лнтературы — никаких.
2. —»— —»— философин — ннкаких.
3. —»— —»— астрономии — никаких.
4. —»— —»— политики — слабые.
5. —»— —»— ботанккн — неравиомерные. Зиает свойства белладонны, опнума и ядов вообще. Не нмеет понятня о садоводстве.
6. —»— —»— геологнн — практнческне, но ограннчеииые. С первого взгляда определяет образцы различных почв. После прогулок показывает мне брызги грязн на брюках н по их цвету н коненстенцин определяет, нз какой она частн Лондона.
7. —»— —»— химии — глубокие.
8. —»— —»— анатомнн — точиые, но бессистемиые.
9. —»— уголовной хроннкн — огромиые. Знает, кажется, все подробностн каждого преступлення, совершеиного в девятиадцатом веке.
10. Хорошо нграет иа скрнпке.
11. Отлнчно фехтует на шпагах и эспадронах, прекрасиый боксер.
12. Основательные практнческне знання англнйскнх законов.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул «аттестат» в огонь. «Сколько ни перечислять все то, что он знает,— сказал я себе,— невозможно догадаться, для чего ему это нужно и что за профессня требует такого сочетаиня! Нет, лучше уж не ломать себе голову понапрасну!» Я уже сказал, что Холмс прекрасно играл на скрипке. Однако и тут было нечто странное, как во всех его занятнях. Я знал, что он может исполнять скрипичные пьесы, и довольно трудные: не раз по моей просьбе он играл «Песни» Мендельсона и другие любимые мною вещн. Но когда он оставался один, редко можно было услышать пьесу или вообще что-либо похожее на мелодию. Вечерами, положив скрипку на коленн, он откидывался на спинку кресла, закрывал глаза н небрежно водил смычком по струнам. Иногда раздавались звучные, печальные аккорды. Другой раз неслись звуки, в которых слышалось ненстовое веселье. Очевидно, они соответствовалн его настроению, но то лн звукн рождали это настроение, то ли они сами были порожденнем каких-то причудливых мыслей или просто прихоти, этого я никак не мог понять. И, наверное, я взбунтовался бы против этнх скребущих по нервам «концертов», если бы после них, как бы вознаграждая меня за долготерпение, ои не пронгрывал одну за другой несколько моих любимых вещей.

В первую неделю к нам ннкто не заглядывал, и я было начал подумывать, что мой компаньон так же одиноk в этом городе, как н я. Но вскоре я убедился, что у него множество знакомых, прнчем из самых разных слоев общества. Как-то три-четыре раза на одной неделе появлялся щуплый человечек с изжелта-бледной крысьей физиономией и острымн чернымн глазкамн; он был представлен мне как мистер Лестрейд. Однажды утром пришла элегантная молодая девушка и просндела у Холмса не меньше получаса. В тот же день явился седой, обтрепанный старик, похожий на еврея-старьевщнка, мне показалось, что он очень взволнован. Почти следом за ним пришла старуха в стоптанных башмаках. Однажды с монм сожителем долго беседовал пожилой джентльмен с седой шевелюрой, потом — вокзальный носильщик в форменной куртке из вельветнна. Каждый раз, когда появлялся кто-нибудь из этих иепонятных посетителей,

Шерлок Холмс просил позволения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. «Приходится использовать эту комнату для деловых встреч»,— объяснил он как-то, прося по обыкновению извинить его за причиняемые неудобства. «Эти люди — мои клиенты». И опять у меня был повод задать ему прямой вопрос, но опять я из деликатности не захотел насильно выведывать чужие секреты.

Мне казалось тогда, что у него есть какие-то веские причины скрывать свою профессию, но вскоре он доказал, что я неправ, заговорив об этом по собственному почину.

Четырнадцатого марта — мне хорошо запомнилась эта дата — я встал раньше обычного и застал Шерлока Холмса за завтраком. Наша хозяйка так привыкла к тому, что я поздно встаю, что еще не успела поставить мне прибор и сварить на мою долю кофе. Обидевшись на все человечество, я позвонил и довольно вызывающим тоном сообщил, что я жду завтрака. Схватив со стола какой-то журнал, я принялся его перелистывать, чтобы убить время, пока мой сожитель молча жевал гренки. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и, совершенно естественно, я стал пробегать ее глазами.

Статья называлась несколько претенциозно: «Книга жизни»; автор пытался доказать, как много может узнать человек, систематически и подробно наблюдая все, что проходит перед его глазами. На мой взгляд, это была поразительная смесь разумных и бредовых мыслей. Если в рассуждениях и была какая-то логика и даже убедительность, то выводы показались мне совсем уж нарочитыми и, что называется, высосанными из пальца. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, по непроизвольному движению какого-нибудь мускула или по взгляду можно угадать самые сокровенные мысли собеседника. По словам автора выходило, что человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Эвклида. И результаты окажутся столь поразительными, что люди непосвященные сочтут его чуть не за колдуна, пока не поймут, какой процесс умозаключений этому предшествовал.

«По одной капле воды, — писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач. Пусть он, взглянув на первого встречного, научится сразу определять его прошлое и его профессию. Поначалу это может показаться ребячеством, но такие упражнения обостряют наблюдательность и учат, как смотреть и на что смотреть. По ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки—по таким мелочам нетрудно угадать его профессию. И можно не сомневаться, что все это, вместе взятое, подскажет сведущему наблюдателю верные выводы».

— Что за дикая чушь! — воскликнул я, швыряя журнал на стол.— В жизни не читал такой галиматьи.

— О чем вы? — осведомился Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статейке,— я ткнул в журнал чайной ложкой и принялся за свой завтрак.— Я вижу, вы ее уже читали, раз она отмечена карандашом. Не спорю, написано лихо, но меня все это просто злит. Хорошо ему, этому бездельнику, развалясь в мягком кресле в тиши своего кабинета, сочинять изящные парадоксы! Втиснуть бы его в вагон третьего класса подземки да заставить угадать профессии пассажиров! Ставлю тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

— И вы проиграете,— спокойно заметил Холмс.— А статью написал я.

— Вы?!

— Да. У меня есть наклонности к наблюдению и к анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая

кажется вам такой фантастической, на самом деле очень жизненна, настолько жизненна, что ей я обязан своим куском хлеба с маслом.

— Но каким образом? — вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня довольно редкая профессия. Пожалуй, я единственный в своем роде. Я сыщик-консультант, если только вы представляете себе, что это такое. В Лондоне множество сыщиков, и государственных и частных. Когда эти молодцы заходят в тупик, они бросаются ко мне, и мне удается направить их по верному следу. Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка. Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысячу первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Но недавно он не сумел разобраться в одном деле о подлоге и пришел ко мне.

— А другие?

— Чаще всего их посылают ко мне частные агентства. Все это люди, попавшие в беду и жаждущие совета. Я выслушиваю их истории, они выслушивают мое толкование, и я кладу в карман гонорар.

— Неужели вы хотите сказать,— не вытерпел я,— что, не выходя из комнаты, вы можете распутать клубок, над которым тщетно бьются те, кому все подробности известны лучше, чем вам?

— Именно. У меня есть своего рода интуиция. Правда, время от времени попадается какое-нибудь дело посложнее. Ну, тогда приходится немножко побегать, чтобы кое-что увидеть своими глазами. Понимаете, у меня есть специальные знания, которые я применяю в каждом конкретном случае, они удивительно облегчают дело. Правила дедукции, изложенные мной в статье, о которой вы отозвались так презрительно, просто бесценны для моей практической работы. Наблюдательность — моя вторая натура. Вы, кажется, удивились, когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана?

— Вам, разумеется, кто-то об этом сказал.

— Ничего подобного. Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана. Благодаря давней привычке

цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти посылки. Ход моих мыслей был таков: «Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо белее. Лицо изможденное,— очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял и секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились.

— Послушать вас, так это очень просто,— улыбнулся я.— Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент,— заметил он.— А по-моему, ваш Дюпен — очень недалекий малый. Этот прием — сбивать с мыслей своего собеседника какой-нибудь фразой «к случаю» после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показной трюк. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

— Вы читали Габорио? — спросил я.— Как, по-вашему, Лекок — настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

— Лекок — жалкий сопляк,— сердито сказал он.— У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема — установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать.

Он так высокомерно развенчал моих любимых литературных героев, что я опять начал злиться. Я отошел

к окну и повернулся спиной к Холмсу, рассеянно глядя на уличную суету. «Пусть он умен,— говорил я про себя,— но, помилуйте, нельзя же быть таким самоуверенным!»

— Теперь уже не бывает ни настоящих преступлений, ни настоящих преступников,— ворчливо продолжал Холмс.— Будь ты хоть семи пядей во лбу, какой от этого толк в нашей профессии? Я знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений столько врожденного таланта и упорного труда, как я. И что же? Раскрывать нечего, преступлений нет, в лучшем случае какое-нибудь грубо сработанное мошенничество с такими незамысловатыми мотивами, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня положительно коробил этот хвастливый тон. Я решил переменить тему разговора.

— Интересно, что он там высматривает? — спросил я, показывая на дюжего, просто одетого человека, который медленно шагал по другой стороне улицы, вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт,— очевидно, это был посыльный.

— Кто, этот отставной флотский сержант? — сказал Шерлок Холмс.

«Кичливый хвастун!— обозвал я его про себя.— Знает же, что его не проверишь!»

Едва успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и торопливо перебежал через улицу. Раздался громкий стук, внизу загудел густой бас, затем на лестнице послышались тяжелые шаги.

— Мистеру Шерлоку Холмсу,— сказал посыльный, входя в комнату, и протянул письмо моему приятелю.

Вот прекрасный случай сбить с него спесь! Прошлое посыльного он определил наобум и, конечно, не ожидал, что тот появится в нашей комнате.

— Скажите, уважаемый,— вкрадчивейшим голосом спросил я,— чем вы занимаетесь?

— Служу посыльным,— угрюмо бросил он.— Форму отдал заштопать.

— А кем были раньше? — продолжал я, не без злорадства поглядывая на Холмса.

— Сержантом королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он прищелкнул каблуками, отдал честь и вышел.

ГЛАВА III

ТАЙНА ЛОРИСТОН-ГАРДЕНС

Должен сознаться, что я был немало поражен тем, как оправдала себя на деле теория моего компаньона. Уважение мое к его способностям сразу возросло. И все же я не мог отделаться от подозрения, что все это было подстроено заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем, собственно,— этого я никак не мог понять. Когда я взглянул на него, он держал в руке прочитанную записку, и взгляд его был рассеянным и тусклым, что свидетельствовало о напряженной работе мысли.

— Как же вы догадались? — спросил я.

— О чем? — хмуро отозвался он.

— Да о том, что он отставной сержант флота?

— Мне некогда болтать о пустяках,— отрезал он, но тут же, улыбнувшись, поспешил добавить:— Извините за резкость. Вы прервали ход моих мыслей, но, может, это и к лучшему. Так, значит, вы не сумели увидеть, что он в прошлом флотский сержант?

— Нет, конечно.

— Мне было легче понять, чем объяснить, как я догадался. Представьте себе, что вам нужно доказать, что дважды два — четыре,— трудновато, не правда ли, хотя вы в этом твердо уверены. Даже через улицу я заметил на его руке татуировку — большой синий якорь. Тут уже запахло морем. Выправка у него военная, и он носит баки военного образца. Стало быть, перед нами флотский. Держится он с достоинством, пожалуй, даже начальственно. Вы должны были бы заметить, как высоко он держит голову и как помахивает своей палкой, а с виду он степенный мужчина средних лет — вот и все приметы, по которым я узнал, что он был сержантом.

— Чудеса! — воскликнул я.

— А, чепуха,— отмахнулся Холмс, но по лицу его я видел, что он доволен моим восторженным изумлением.— Вот я только что говорил, что теперь больше нет преступников. Кажется, я ошибся, взгляните-ка! — Он протянул мне записку, которую принес посыльный.

— Послушайте, да ведь это ужасно!— ахнул я, пробежав ее глазами.

— Да, что-то, видимо, не совсем обычное,— хладнокровно заметил он.— Будьте добры, прочтите мне это вслух.

Вот письмо, которое я прочел:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме № 3 в Лорнстон-Гарденс на Брикстон-роуд произошла скверная история. Около двух часов ночи наш полисмен, делавший обход, заметил в доме свет, а так как дом нежилой, он заподозрил что-то неладное. Дверь оказалась незапертой, и в первой комнате, совсем пустой, он увидел труп хорошо одетого джентльмена; в кармане он нашел визитные карточки: «Енох Дж. Дреббер, Кливленд, Огайо, Соединенные Штаты». И никаких следов грабежа, никаких признаков насильственной смерти. На полу есть кровяные пятна, но на трупе ран не оказалось. Мы не можем понять, как он очутился в пустом доме, и вообще это дело — сплошная головоломка. Если вы приедете в любое время до двенадцати, вы застанете меня здесь. В ожидании вашего ответа или приезда я оставляю все как было. Если не сможете приехать, я сообщу вам все подробности и буду чрезвычайно обязан, если вы соблаговолите поделиться со мной вашим мнением.

Уважающий вас *Тобиас Грегсон*».

— Грегсон — самый толковый сыщик в Скотленд-Ярде,— сказал мой приятель.— Он и Лестрейд выделяются среди прочих ничтожеств. Оба расторопны и энергичны, хотя банальны до ужаса. Друг с другом они на ножах. Они ревнивы к славе, как профессиональные красавицы. Будет потеха, если оба нападут на след.

Удивительно неторопливо журчала его речь!

— Но ведь, наверное, нельзя терять ни секунды,— встревожился я. — Пойти позвать кэб?

— А я не уверен, поеду я или нет. Я же лентяй, каких

свет не видел, то есть, конечно, когда на меня нападет лень, а вообще-то могу быть и проворным.

— Вы же мечтали о таком случае!

— Дорогой мой, да что мне за смысл? Предположим, я распутаю это дело — ведь все равно Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят всю славу. Такова участь лица неофициального.

— Но он просит у вас помощи.

— Да. Он знает, что до меня ему далеко, и сам мне это говорил, но скорее отрежет себе язык, чем признается кому-то третьему. Впрочем, пожалуй, давайте поедем и посмотрим. Возьмусь за дело на свой риск. По крайней мере посмеюсь над ними, если ничего другого мне не останется. Пошли!

Он засуетился и бросился за своим пальто; приступ энергии сменил апатию.

— Берите шляпу,— велел он.

— Хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если вам больше нечего делать.

Через минуту мы оба сидели в кэбе, мчавшем нас к Брикстон-роуд.

Стояло пасмурное, туманное утро, над крышами повисла коричневатая дымка, казавшаяся отражением грязно-серых улиц внизу. Мой спутник был в отличном настроении, без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между скрипками Страдивариуса и Амати. Я помалкивал; унылая погода и предстоявшее нам грустное зрелище угнетали меня.

— Вы как будто совсем не думаете об этом деле,— прервал я наконец его музыкальные рассуждения.

— У меня еще нет фактов,— ответил он.— Строить предположения, не зная всех обстоятельств дела,— крупнейшая ошибка. Это может повлиять на дальнейший ход рассуждений.

— Скоро вы получите ваши факты,— сказал я, указывая пальцем.— Вот Брикстон-роуд, а это, если не ошибаюсь, тот самый дом.

— Правильно. Стойте, кучер, стойте!

Мы не доехали ярдов сто, но по настоянию Холмса вышли из кэба и к дому подошли пешком.

Дом № 3 в тупике, носившем название «Лористон-Гарденс», выглядел зловеще, словно затаил в себе угрозу.

Это был один из четырех домов, стоявших немного поодаль от улицы; два дома были обитаемы и два пусты. Номер 3 смотрел на улицу тремя рядами тусклых окон; то здесь, то там на мутном темном стекле, как бельмо на глазу, выделялась надпись «Сдается внаем». Перед каждым домом был разбит маленький палисадник, отделявший его от улицы,— несколько деревцев над редкими и чахлыми кустами; по палисаднику шла узкая желтоватая дорожка, судя по виду, представлявшая собою смесь глины и песка. Ночью прошел дождь, и всюду стояли лужи. Вдоль улицы тянулся кирпичный забор в три фута высотой, с деревянной решеткой наверху; к забору прислонился дюжий констебль, окруженный небольшой кучкой зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть мельком увидеть, что происходит за забором.

Мне думалось, что Шерлок Холмс поспешит войти в дом и сразу же займется расследованием. Ничего похожего. Казалось, это вовсе не входило в его намерения. С беспечностью, которая при таких обстоятельствах граничила с позерством, он прошелся взад и вперед по тротуару, рассеянно поглядывая на небо, на землю, на дома напротив и на решетку забора. Закончив осмотр, он медленно зашагал по дорожке, вернее, по траве, сбоку дорожки, и стал пристально разглядывать землю. Дважды он останавливался; один раз я заметил на лице его улыбку и услышал довольное хмыканье. На мокрой глинистой земле было много следов, но ведь ее уже основательно истоптали полицейские, и я недоумевал, что еще надеется обнаружить там Холмс. Однако я успел убедиться в его необычайной проницательности и не сомневался, что он может увидеть много такого, что недоступно мне.

В дверях дома нас встретил высокий, белолицый человек с льняными волосами и с записной книжкой в руке. Он бросился к нам и с чувством пожал руку моему спутнику.

— Как хорошо, что вы приехали! — сказал он.— Никто ничего не трогал, я все оставил, как было.

— Кроме этого,— ответил Холмс, указывая на дорожку.— Стадо буйволов, и то не оставило бы после себя

такое месиво! Но, разумеется, вы обследовали дорожку, прежде чем дали ее так истоптать?

— У меня было много дела в доме,— уклончиво ответил сыщик.— Мой коллега, мистер Лестрейд, тоже здесь. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс бросил на меня взгляд и саркастически поднял брови.

— Ну, после таких мастеров своего дела, как вы и Лестрейд, мне, пожалуй, тут нечего делать,— сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Да уж, кажется, сделали все, что можно. Впрочем, дело заковыристое, а я знаю, что вы такие любите.

— Вы сюда подъехали в кэбе?

— Нет, пришел пешком, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже, сэр.

— Ну, тогда пойдемте, посмотрим комнату,— совсем уж непоследовательно заключил Холмс и вошел в дом. Грегсон, удивленно подняв брови, поспешил за ним.

Небольшой коридор с давно не метенным дощатым полом вел в кухню и другие службы. Справа и слева были две двери. Одну из них, видимо, уже несколько месяцев не открывали; другая вела в столовую, где и было совершено загадочное убийство. Холмс вошел в столовую, я последовал за ним с тем гнетущим чувством, которое вселяет в нас присутствие смерти.

Большая квадратная комната казалась еще больше оттого, что в ней не было никакой мебели. Яркие безвкусные обои были покрыты пятнами плесени, а кое-где отстали и свисали лохмотьями, обнажая желтую штукатурку Прямо против двери стоял аляповатый камин с полкой, отделанной под белый мрамор; на краю полки был прилеплен огарок красной восковой свечки. В неверном, тусклом свете, пробивавшемся сквозь грязные стекла единственного окна, все вокруг казалось мертвенно-серым, чему немало способствовал толстый слой пыли на полу.

Все эти подробности я заметил уже после. В первые минуты я смотрел только на одинокую страшную фигуру, распростертую на голом полу, на пустые, незрячие глаза, устремленные в потолок. Это был человек лет сорока трех-четырех, среднего роста, широкоплечий, с жест-

кими, кудрявыми черными волосами и коротенькой, торчащей вверх бородкой. На нем был сюртук и жилет из плотного сукна, светлые брюки и рубашка безукоризненной белизны. Рядом валялся вылощеный цилиндр. Руки убитого были раскинуты, пальцы сжаты в кулаки, ноги скрючены, словно в мучительной агонии. На лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, ненависти — такого выражения я никогда еще не видел на человеческом лице. Страшная, злобная гримаса, низкий лоб, приплюснутый нос и выступающая вперед челюсть придавали мертвому сходство с гориллой, которое еще больше усиливала его неестественная вывернутая поза. Я видел смерть в разных ее видах, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как сейчас, в этой полутемной, мрачной комнате близ одной из главных магистралей лондонского предместья.

Щуплый, похожий на хорька Лестрейд стоял у двери. Он поздоровался с Холмсом и со мной.

— Этот случай наделает много шуму, сэр,— заметил он.— Такого мне еще не встречалось, а ведь я человек бывалый.

— И нет никакого ключа к этой тайне,— сказал Грегсон.

— Никакого,— подхватил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, опустившись на колени, принялся тщательно разглядывать его.

— Вы уверены, что на нем нет ран? — спросил он, указывая на брызги крови вокруг тела.

— Безусловно! — ответили оба.

— Значит, это кровь кого-то другого — вероятно, убийцы, если тут было убийство. Это мне напоминает обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте, в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Прочтите, право, стоит прочесть. Да, ничто не ново под луной. Все уже бывало прежде.

Его чуткие пальцы в это время беспрерывно летали по мертвому телу, ощупывали, нажимали, расстегивали, исследовали, а в глазах стояло то же отсутствующее выражение, которое я видел уже не раз. Осмотр произошел так быстро, что вряд ли кто-либо понял, как тщательно он был сделан. Наконец Холмс понюхал гу-

бы трупа, потом взглянул на подметки его лакированных ботинок.

— Его не сдвигали с места? — спросил он.

— Нет, только осматривали.

— Можно отправить в морг,— сказал Холмс.— Больше в нем нет надобности.

Четыре человека с носилками стояли наготове. Грегсон позвал их, они положили труп на носилки и понесли. Когда его поднимали, на пол упало и покатилось кольцо. Лестрейд схватил его и стал рассматривать.

— Здесь была женщина! — удивленно воскликнул он.— Это женское обручальное кольцо...

Он положил его на ладонь и протянул нам. Обступив Лестрейда, мы тоже уставились на кольцо. Несомненно, этот гладкий золотой ободок когда-то украшал палец новобрачной.

— Дело осложняется,— сказал Грегсон.— А оно, ей-богу, и без того головоломное.

— А вы уверены, что это не упрощает его? — возразил Холмс.— Но довольно любоваться кольцом, это нам не поможет. Что вы нашли в карманах?

— Все тут.— Грегсон, выйдя в переднюю, указал на кучку предметов, разложенных на нижней ступеньке лестницы.— Золотые часы фирмы Баро, Лондон, № 97163. Золотая цепочка, очень тяжелая и массивная. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка — голова бульдога с рубиновыми глазами. Бумажник русской кожи для визитных карточек и карточки, на них написано: Енох Дж. Дреббер, Кливленд — это соответствует меткам на белье — Е. Д. Д. Кошелька нет, но в карманах оказалось семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с надписью «Джозеф Стэнджерсон» на форзаце. Два письма — одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое — Джозефу Стэнджерсону.

— Адрес какой?

— Стрэнд, Американская биржа, до востребования. Оба письма от пароходной компании «Гийон» и касаются отплытия их пароходов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

— Вы начали разыскивать этого Стэнджерсона?

— Сразу же, сэр. Я разослал объявления во все га-

веты, а один из моих людей поехал на американскую биржу, но еще не вернулся.

— А Кливленд вы запросили?

— Утром послали телеграмму.

— Какую?

— Мы просто сообщили, что произошло, и просили дать сведения.

— А вы не просили сообщить подробнее относительно чего-нибудь такого, что показалось вам особенно важным?

— Я спросил насчет Стэнджерсона.

— И больше ни о чем? Нет ли здесь, по-вашему, каких-либо особых обстоятельств в жизни Дреббера, которые необходимо выяснить?

— Я спросил обо всем, что считал нужным,— обиженным тоном ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся про себя и хотел было что-то сказать, как вдруг перед нами возник Лестрейд, который остался в комнате, когда мы вышли в переднюю. Он пыжился от самодовольства и потирал руки.

— Мистер Грегсон, я только что сделал открытие величайшей важности! — объявил он.— Не догадайся я тщательно осмотреть стены, мы ничего бы и не узнали!

У маленького человечка блестели глаза, он, видимо, внутренне ликовал оттого, что обставил своего коллегу на одно очко.

— Пожалуйте сюда, — сказал он суетливо, ведя нас обратно в комнату, где, казалось, стало немного светлее после того, как унесли ее страшного обитателя.— Вот станьте-ка сюда!

Он чиркнул спичкой о подошву ботинка и поднес ее к стене.

— Глядите! — торжествующе сказал он.

Я уже говорил, что во многих местах обои висели клочьями. В этом углу от стены отстал большой кусок, обнажив желтый квадрат шероховатой штукатурки. На ней кровью было выведено

RACHE

— Видали? — хвастливо сказал Лестрейд, как балаганщик, представляющий публике аттракцион.— Это самый темный угол, и никому не пришло в голову сюда

заглянуть. Убийца — он или она — написал это своей собственной кровью. Глядите, вот кровь стекла со стены, и здесь на полу пятно. Во всяком случае, самоубийство исключается. А почему убийца выбрал именно этот угол? Сейчас объясню. Видите огарок на камине? Когда он горел, этот угол был самый светлый, а не самый темный.

— Ну хорошо, надпись попалась вам на глаза, а как вы ее растолкуете? — пренебрежительным тоном сказал Грегсон.

— Как? А вот как. Убийца — будь то мужчина или женщина — хотел написать женское имя «Рэчел», но не успел докончить, наверное, что-то помешало. Попомните мои слова: рано или поздно выяснится, что тут замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь сколько угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, человек начитанный и умный, но в конечном счете старая ищейка даст вам несколько очков вперед!

— Прошу прощения,— сказал мой приятель, рассердивший маленького человечка своим смехом.— Разумеется, честь этого открытия принадлежит вам, и надпись, без сомнения, сделана вторым участником ночной драмы. Я не успел еще осмотреть комнату и с вашего позволения осмотрю сейчас.

Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол. Холмс так увлекся, что, казалось, совсем забыл о нашем существовании — а мы слышали то бормотанье, то стон, то легкий присвист, то одобрительные и радостные восклицания. Я смотрел на него, и мне невольно пришло на ум, что он сейчас похож на чистокровную, хорошо выдрессированную гончую, которая рыщет взад-вперед по лесу, скуля от нетерпения, пока не нападет на утерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои поиски, тщательно измеряя расстояние между какими-то совершенно незаметными для меня следами, и время от времени — так же непонятно для меня — что-то измерял рулеткой на стенах. В одном месте он осторожно собрал щепотку серой пыли с пола и положил в конверт. Наконец он стал разглядывать через лупу надпись на стене, внимательно исследуя каждую

букву. Видимо, он был удовлетворен осмотром, потому что спрятал рулетку и лупу в карман.

— Говорят, будто гений — это бесконечная выносливость,— с улыбкой заметил он.— Довольно неудачное определение, но к работе сыщика подходит вполне.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-дилетанта с нескрываемым любопытством и не без презрения. Очевидно, они не могли оценить того, что понимал я: все, что делал Холмс, вплоть до незначительных с виду мелочей, служило какой-то вполне определенной и практической цели.

— Ну, что скажете, сэр? — спросили оба хором.

— Не хочу отнимать у вас пальму первенства в раскрытии преступления, — сказал мой приятель,— и поэтому не позволю себе навязывать советы. Вы оба так хорошо справляетесь, что было бы грешно вмешиваться.— В голосе его звучал явный сарказм.— Если вы сообщите о ходе расследования,— продолжал он,— я буду счастлив помочь вам, если смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, который обнаружил труп. Будьте добры сказать мне его имя и адрес.

Лестрейд вынул записную книжку.

— Джон Рэнс,— сказал он.— Сейчас он свободен. Его адрес: Одли-корт, 46, Кеннингтон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

— Пойдемте, доктор,— сказал он мне.— Мы сейчас же отправимся к нему. А вам я хочу кое-что сказать,— обратился он к сыщикам,— быть может, это поможет следствию. Это, конечно, убийство, и убийца — мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете лет, ноги у него очень небольшие для такого роста, обут в тяжелые ботинки с квадратными носками и курит трихинопольские сигары. Он и его жертва приехали сюда вместе в четырехколесном экипаже, запряженном лошадью с тремя старыми и одной новой подковой на правом переднем копыте. По всей вероятности, у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это, конечно, мелочи, но они могут вам пригодиться.

Лестрейд и Грегсон, недоверчиво усмехаясь, переглянулись.

— Если этот человек убит, то каким же образом?

— Яд,— коротко бросил Шерлок Холмс и зашагал к двери.— Да, вот еще что, Лестрейд,— добавил он, обернувшись.— «Rache» — по-немецки «месть», так что не теряйте времени на розыски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а оба соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

ГЛАВА IV

ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РЭНС

Мы вышли из дома № 3 в Лористон-Гарденс около часу дня. Шерлок Холмс потащил меня в ближайшую телеграфную контору, откуда он послал какую-то длинную телеграмму. Затем он подозвал кэб и велел кучеру ехать по адресу, который дал нам Лестрейд.

— Самое ценное — это показания очевидцев,— сказал мне Холмс.— Откровенно говоря, у меня сложилось довольно ясное представление о деле, но тем не менее надо узнать все, что только можно.

— Знаете, Холмс, вы меня просто поражаете,— сказал я.— Вы очень уверенно описали подробности преступления, но скажите, неужели вы в душе ничуть не сомневаетесь, что все было именно так?

— Тут трудно ошибиться,— ответил Холмс.— Первое, что я увидел, подъехав к дому, были следы кэба у самой обочины дороги. Заметьте, что до прошлой ночи дождя не было целую неделю. Значит, кэб, оставивший две глубокие колеи, очевидно, проехал там нынешней ночью. Потом я заметил следы лошадиных копыт, причем один отпечаток был более четким, чем три остальных, а это значит, что подкова была новая. Кэб прибыл после того, как начался дождь, а утром, по словам Грегсона, никто не приезжал,— стало быть, этот кэб подъехал ночью, и, конечно же, он-то и доставил туда тех двоих.

— Все это вполне правдоподобно,— сказал я,— но как вы угадали рост убийцы?

— Да очень просто: рост человека в девяти случаях из десяти можно определить по ширине его шага. Это очень несложно, но я не хочу утомлять вас вычисления-

ми. Я измерил шаги убийцы и на глинистой дорожке и на пыльном полу в комнате. А потом мне представился случай проверить свои вычисления. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на уровне своих глаз. От пола до надписи на стене шесть футов. Одним словом, задачка для детей!

— А как вы узнали его возраст?

— Ну, вряд ли дряхлый старец может сразу перемахнуть четыре с половиной фута. А это как раз ширина лужи на дорожке, которую он, судя по всему, перепрыгнул. Лакированные ботинки обошли ее стороной, а Квадратные носы перепрыгнули. Ничего таинственного, как видите. Просто я применяю на практике некоторые правила наблюдательности дедуктивного мышления, которые я отстаивал в своей статье... Ну, что же еще вам непонятно?

— Ногти и трихинопольская сигара,— ответил я.

— Надпись на стене сделана указательным пальцем, обмакнутым в кровь. Я рассмотрел через лупу, что, выводя буквы, убийца слегка царапал штукатурку, чего не случилось бы, если бы ноготь на пальце был коротко подстрижен. Пепел, который я собрал с полу, оказался темным и слоистым — такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Ведь я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определю вам по пеплу сорт сигары или табака. Между прочим, знание таких мелочей и отличает искусного сыщика от всяких Грегсонов и Лестрейдов.

— Ну, а красное лицо? — спросил я.

— А вот это уже более смелая догадка, хотя я не сомневаюсь, что и тут я прав. Но об этом вы пока что не расспрашивайте.

Я провел рукой по лбу.

— У меня просто голова кругом идет,— сказал я,— чем больше думаешь об этом преступлении, тем загадочнее оно становится. Как могли попасть эти двое — если их было двое — в пустой дом? Куда девался кучер, который их привез? Каким образом один мог заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что за цель

преследовал убийца, если он даже не ограбил свою жертву? Как попало туда женское кольцо? А главное, зачем второй человек, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «Rache»? Должен сознаться, решительно не понимаю, как связать между собой эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

— Вы кратко и очень толково подытожили все трудности этого дела,— сказал он.— Тут еще многое неясно, хотя с помощью главных фактов я уже нашел разгадку. А что до открытия бедняги Лестрейда, то это просто уловка убийцы, чтобы направить полицию по ложному следу, внушив ей, будто тут замешаны социалисты и какие-то тайные общества. Написано это не немцем. Букву «А», если вы заметили, он пытался вывести готическим шрифтом, а настоящий немец всегда пишет печатными буквами на латинский манер, поэтому мы можем утверждать, что писал не немец, а неумелый и перестаравшийся имитатор. Конечно же, это хитрость с целью запутать следствие. Пока я вам больше ничего не скажу, доктор. Знаете, стоит фокуснику объяснить хоть один свой фокус, и в глазах зрителей сразу же меркнет ореол его славы; и если я открою вам метод своей работы, вы, пожалуй, придете к убеждению, что я самая рядовая посредственность!

— Вот уж никогда! — возразил я.— Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки.

Мои слова и серьезная убежденность тона, очевидно, доставили моему спутнику немалое удовольствие — он даже порозовел. Я уже говорил, что он был чувствителен к похвалам его искусству не меньше, чем девушка к похвалам своей красоте.

— Я скажу вам еще кое-что,— продолжал он. — Лакированные ботинки и Квадратные носы приехали в одном кэбе и вместе, по-дружески, чуть ли не под руку, пошли по дорожке к дому. В комнате они расхаживали взад и вперед, вернее, Лакированные ботинки стояли, а расхаживали Квадратные носы. Я это прочел по следам на полу и прочел также, что человека, шагавшего по комнате, охватывало все большее возбуждение. Он все время что-то говорил, пока не взвинтил себя до того, что пришел в бешенство. И тогда произошла трагедия.

Ну вот, я рассказал вам все, что знаю, наверное, остальное — лишь догадки и предположения. Впрочем, фундамент для них крепкий. Но давайте-ка поторопимся, я еще хочу успеть на концерт, послушать Норман Неруду.

Кэб наш тем временем пробирался по бесконечным убогим уличкам и мрачным переулкам. Наш кучер вдруг остановился в самом мрачном и унылом из них.

— Вот вам Одли-корт,— произнес он, указывая на узкую щель в ряде тусклых кирпичных домов.— Когда вернетесь, я буду стоять здесь.

Одли-корт был местом малопривлекательным. Тесный проход привел нас в четырехугольный, вымощенный плитняком двор, окруженный грязными лачугами. Мы протолкались сквозь гурьбу замурзанных ребятишек и, ныряя под веревки с линялым бельем, добрались до номера 46. На двери красовалась маленькая медная дощечка, на которой было выгравировано имя Рэиса. Нам сказали, что констебль еще не вставал, и предложили подождать в крохотной гостиной.

Вскоре появился и сам Рэис. Он, по-видимому, был сильно не в духе оттого, что мы потревожили его сон.

— Я ведь уже дал показания в участке,— проворчал он.

Холмс вынул из кармана полсоверена и задумчиво повертел его в пальцах.

— Нам было бы куда приятнее послушать вас лично,— сказал он.

— Что ж, я не прочь рассказать все, что знаю,— ответил констебль, не сводя глаз с золотого кружка.

— Просто расскажите нам все по порядку.

Рэис уселся на диван, набитый конским волосом, и озабоченно сдвинул брови, как бы стараясь восстановить в памяти каждую мелочь.

— Начну с самого начала,— сказал он.— Я дежурил ночью, с десяти до шести утра. Около одиннадцати в «Белом олене» малость подрались, а вообще-то в моем районе было тихо. В час ночи полил дождь, я повстречался с Гарри Мерчером — с тем, что дежурит в районе Холленд-Грув. Мы постояли на углу Генриетта-стрит, покалякали о том, о сем, а потом, часа, наверное, в два или чуть позже, я решил пройтись по Брикстон-роуд,

проверить, все ли в порядке. Грязь там была невылазная, и кругом ни души, разве что один-два кэба проехали. Иду себе и думаю, между нами говоря, что хорошо бы сейчас пропустить стаканчик горяченького джина, как вдруг вижу: в окне того самого дома мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые, и все потому, что хозяин не желает чистить канализационные трубы, хотя, между прочим, последний жилец умер там от брюшного тифа... Ну и вот, я как увидел в окне свет, так даже опешил и, конечно, заподозрил что-то неладное. Когда я подошел к двери...

— Вы остановились, потом пошли обратно к калитке,— перебил его мой приятель.— Почему вы вернулись?

Рэнс подскочил на месте и изумленно уставился на Холмса.

— А ведь верно, сэр! — сказал он.— Хотя откуда вам это известно, один бог знает! Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так пустынно и тихо, что я решил: лучше-ка я захвачу кого-нибудь с собой. Вообще-то я не боюсь никого, кто ходит по земле; вот те, кто лежат под землей, конечно, другое дело... Я и подумал: а вдруг это тот, что умер от брюшного тифа, пришел осмотреть канализационные трубы, которые его погубили?.. Мне, признаться, стало жутковато, ну я и вернулся к калитке, думал, может, увижу фонарь Мерчера, но только никого вокруг не оказалось.

— И на улице никого не было?

— Ни души, сэр, даже ни одна собака не пробежала. Тогда я собрался с духом, вернулся назад и распахнул дверь. В доме было тихо, и я вошел в комнату, где горел свет. Там на камине стояла свечка, красная, восковая, и я увидел...

— Знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату, стали на колени возле трупа, потом пошли и открыли дверь в кухню, а потом...

Джон Рэнс порывисто вскочил на ноги, с испугом и подозрением глядя на Холмса.

— Постойте, а где же вы прятались, почему вы все это видели, а? — закричал он.— Что-то вы слишком много знаете!

Холмс рассмеялся и бросил на стол перед констеблем свою визитную карточку.

— Пожалуйста, не арестовывайте меня по подозрению в убийстве,—сказал он.—Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд это подтвердят. Продолжайте, прошу вас. Что же было дальше?

Рэнс снова сел, но вид у него был по-прежнему озадаченный.

— Я пошел к калитке и свистнул в свисток. Прибежал Мерчер, а с ним еще двое.

— А на улице так никого и не было?

— Да, в общем, можно сказать, никого.

— Как это понять?

По лицу констебля расплылась улыбка.

— Знаете, сэр, видал я пьяных на своем веку, но уж чтоб так нализаться, как этот,— таких мне еще не попадалось. Когда я вышел на улицу, он привалился к забору возле калитки, но никак не мог устоять, а сам во всю мочь горланил какую-то песню. А ноги его так и разъезжались в стороны.

— Каков он был с виду? — быстро спросил Шерлок Холмс.

Джон Рэнс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

— Пьяный, как свинья, вот какой он был с виду,— ответил он.— Если б мы не были заняты, конечно, сволокли бы его в участок.

— Какое у него лицо, одежда, вы не заметили? — нетерпеливо добивался Холмс.

— Как не заметить, ведь мы с Мерчером попробовали было поставить его на ноги, этого краснорожего верзилу. Подбородок у него был замотан шарфом до самого рта.

— Так, достаточно! — воскликнул Холмс.— Куда же он делся?

— Некогда нам было возиться с пьяницей, других забот хватало,— обиженно заявил полисмен.— Уж какнибудь сам доплелся домой, будьте уверены.

— Как он был одет?

— Пальто у него было коричневое.

— А в руке он не держал кнут?

— Кнут? Нет.

— Значит, бросил его где-то поблизости,— пробормотал мой приятель.— Может быть, вы видели или слышали, не проехал ли потом кэб?

— Нет.

— Ну вот вам полсоверена,— сказал Холмс, вставая и берясь за шляпу.— Боюсь, Рэнс, вы никогда не получите повышения по службе. Головой надо иногда думать, а не носить ее, как украшение. Вчера ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, которого вы поднимали на ноги, ключ к этой тайне, его-то мы и разыскиваем. Сейчас нечего об этом рассуждать, но можете мне поверить, что это так. Пойдемте, доктор!

Оставив нашего констебля в тягостном недоумении, мы направились к кэбу.

— Неслыханный болван! — сердито хмыкнул Холмс, когда мы ехали домой.— Подумать только: прозевать такую редкостную удачу!

— Я все-таки многого тут не понимаю. Действительно, приметы этого человека совпадают с вашим представлением о втором лице, причастном к этой тайне. Но зачем ему было опять возвращаться в дом? Убийцы так не поступают.

— Кольцо, друг мой, кольцо — вот зачем он вернулся. Если не удастся словить его иначе, мы закинем удочку с кольцом. Я его поймаю на эту наживку, ставлю два против одного, что поймаю. Я вам очень благодарен, доктор. Если б не вы, я, пожалуй, не поехал бы и пропустил то, что я назвал бы интереснейшим этюдом. В самом деле, почему бы не воспользоваться жаргоном художников? Разве это не этюд, помогающий изучению жизни? Этюд в багровых тонах, а? Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и поедем слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком, и тон у нее удивительно чистый. Как мотив этой шопеновской вещицы, которую она так прелестно играет? Тра-ля-ля, лира-ля!..

Откинувшись на спинку сиденья, этот сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я думал о том, как разносторонен человеческий ум.

ГЛАВА V

К НАМ ПРИХОДЯТ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Волнення нынешиего утра оказались мне ие по снлам, н к ко цу дия я почувствовал себя совершеиио разбнтым. Когда Холмс уехал на концерт, я улегся иа диваие, надеясь, что сумею заснуть часа иа два. Но ие тут-то было. Мозг мой был перевозбужден сегодияшннмн событиями, в голове теснились самые странные образы н догадки. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой искаженное, гориллообразное лицо убитого—лицо, которое нагоняло на меия такую жуть, что я невольно проникался благодариостью к тому, кто отправил его владельца на тот свет. Наверное, еще нн одно человеческое лицо не отражало столь явио самые низменные пороки, как лицо Еноха Дж. Дреббера нз Кливленда. Но правосудие есть правосудие, н порочность жертвы не может оправдать убийцу в глазах закона.

Чем больше я раздумывал об этом преступлении, тем невероятнее казались мне утверждения Холмса, что Енох Дреббер был отравлен. Я вспомннл, как он обиюхивал его губы,— несомненно, он обнаружил что-нибудь такое, что навело его на эту мысль. Кроме того, если не яд, то что же было причиной смерти, раз на мертвеце не оказалось ин раны, ни следов удушения? А с другой стороны, чьей же кровью так густо забрызган пол? В комиате не было никаких признаков борьбы, а на жертве не найдено никакого оружия, которым он мог бы ранить своего противника. И мне казалось, что, пока иа все эти вопросы не найдется ответов, нн я, нн Холмс не сможем спать по ночам. Мой приятель держался спокойно н уверенно,— надо полагать, у него уже сложилась какая-то теория, объяснявшая все факты, но какая — я не имел нн малейшего представления.

Мне пришлось ждать Холмса долго — так долго, что не было сомнений: после концерта у него нашлись н другие дела. Когда он вернулся, обед уже стоял на столе.

— Это было прекрасно,— сказал он, садясь за стол. — Помните, что говорит Дарвин о музыке? Ои утверждает, что человечество научилось создавать музыку н наслаждаться ею гораздо раньше, чем обрело спо-

собность говорить. Быть может, оттого-то нас так глубоко волнует музыка. В наших душах сохранилась смутиая память о тех туманных веках, когда мир переживал свое раинее детство.

— Смелая теория,— заметил я.

— Все теории, объясняющие явлеиия природы, должны быть смелы, как сама природа,— ответил Холмс.— Но что это с вами? На вас лица нет. Вас, наверное, сильно взволновала эта история на Брикстон-роуд.

— Сказать по правде, да,— вздохнул я.— Хотя после моих афганских мытарств мие следовало бы стать более закалеиным. Когда в Майваиде у меия иа глазах рубили в куски моих товарищей, я и то ие терял самообладаиия.

— Понимаю. В этом преступлении есть таииствеиность, которая действует на воображеиие; где нет пищи воображению, там иет и страха. Вы видели вечериюю газету?

— Нет еще.

— Там довольно подробио рассказаио об этом убийстве. Правда, ничего не говорится о том, что, когда подняли труп, на пол упало обручальное кольцо,— но тем лучше для иас!

— Почему?

— Прочтите-ка это объявление. Я разослал его во все газеты утром, когда мы заезжали на почту.

Он положил на стол передо мной газету; я взглянул на указаиное место. Первое объявление под рубрикой «Находки» гласило: «Сегодня утром на Брикстон-роуд, между трактиром «Белый олеиь» и Холлеид-Грув найдено золотое кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, Бейкер-стрит, 221-б, от восьми до девяти вечера».

— Простите, что воспользовался вашим имеием,— сказал Холмс.— Если бы я иазвал свое, кто-нибудь из этих остолопов догадался бы, в чем дело, и счел бы своим долгом вмешаться.

— О, ради бога,— ответил я.— Но вдруг кто-нибудь явится,— ведь у меия нет кольца.

— Вот оно,— сказал Холмс, протягивая мне какое-то кольцо.— Сойдет вполне: оно почти такое же.

— И кто же, по-вашему, придет за ним?

— Ну, как кто, конечно, человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг с квадратными носками. А если не он сам, так его сообщник.

— Неужели он не побоится риска?

— Ничуть. Если я правильно понял это дело, а у меня есть основания думать, что правильно,— то этот человек пойдет на все, лишь бы вернуть кольцо. Мне думается, он выронил его, когда нагнулся над трупом Дреббера. А выйдя из дома, хватился кольца и поспешил обратно, но туда по его собственной оплошности уже явилась полиция,— ведь он забыл погасить свечу. Тогда, чтобы отвести подозрения, ему пришлось притвориться пьяным. Теперь попробуйте-ка стать на его место. Подумав, он сообразит, что мог потерять кольцо на улице после того, как вышел из дома. Что же он сделает? Наверняка схватится за вечерние газеты в надежде найти объявление о находке. И вдруг — о радость! — он видит наше объявление. Думаете, он заподозрит ловушку? Никогда. Он уверен, что никому и в голову не придет, что между найденным кольцом и убийством есть какая-то связь. И он придет. Вы его увидите в течение часа.

— А потом что? — спросил я.

— О, предоставьте это мне. У вас есть какое-нибудь оружие?

— Есть старый револьвер и несколько патронов.

— Почистите его и зарядите. Он, конечно, человек отчаянный, и, хоть я поймаю его врасплох, лучше быть готовым ко всему.

Я пошел в свою комнату и сделал все, как он сказал. Когда я вернулся с револьвером, со стола было уже убрано, а Холмс предавался своему любимому занятию— пиликал на скрипке.

— Сюжет усложняется,— сказал он.— Только что я получил из Америки ответ на свою телеграмму. Все так, как я и думал.

— А что такое? — жадно спросил я.

— Надо бы купить новые струны для скрипки,— сказал он.— Спрячьте револьвер в карман. Когда явится этот тип, разговаривайте с ним как ни в чем не бывало. Остальное я беру на себя. И не впивайтесь в него глазами, не то вы его спугнете.

— Уже восемь,— заметил я, взглянув на часы.

— Да. Он, наверное, явится через несколько минут. Чуть-чуть приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Вставьте ключ изнутри... Спасибо. Вчера на лотке я купил занятную старинную книжку — De Jure inter Gentes [1], изданную на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда вышел этот коричневый томик, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

— Кто издатель?

— Какой-то Филипп де Круа. На титульном листе сильно выцветшими чернилами написано: «Ex libris Guliolmi Wnyte» [2]. Любопытно, кто такой был этот Уильям Уайт. Наверное, какой-нибудь дотошный стряпчий семнадцатого века. У него затейливый почерк крючкотвора. А вот, кажется, и наш гость!

Послышался резкий звонок. Шерлок Холмс встал и тихонько подвинул свой стул поближе к двери. Мы услышали шаги служанки в передней и щелканье замка.

— Здесь живет доктор Уотсон? — донесся до нас четкий, довольно грубый голос. Мы не слышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Шаги были шаркающие и неуверенные. Холмс прислушался и удивленно поднял брови. Шаги медленно приближались по коридору, затем раздался робкий стук в дверь.

— Войдите,— сказал я.

Вместо грубого силача перед нами появилась древняя, ковыляющая старуха! Она сощурилась от яркого света; сделав реверанс, она остановилась у двери и, моргая подслеповатыми глазками, принялась нервно шарить в кармане дрожащими пальцами. Я взглянул на Холмса — на лице его было такое несчастное выражение, что я с трудом удержался от смеха.

Старая карга вытащила вечернюю газету и ткнула в нее пальцем.

— Я вот зачем пришла, добрые господа,— прошамкала она, снова приседая.— Насчет золотого обручального колечка на Брикстон-роуд. Это дочка моя, Салли, обронила, она только год как замужем, а муж ее

[1] О международном праве (*лат.*).
[2] Из книг Уильяма Уайта (*лат.*).

плавает буфетчиком на пароходе, и вот было бы шуму, если б он вернулся, а кольца нет! Он и так крутого нрава, а уж когда выпьет — упаси бог! Коли угодно вам знать, она вчера пошла в цирк вместе с...

— Это ее кольцо? — спросил я.

— Слава тебе господи! — воскликнула старуха.— Уж как Салли обрадуется! Оно самое, как же!

— Ваш адрес, пожалуйста,— сказал я, взяв карандаш.

— Хаундсдитч, Дункан-стрит, номер 13. Путь до вас не ближний!

— Брикстон-роуд совсем не по дороге от Хаундсдитча к цирку,— резко произнес Холмс.

Старуха обернулась и остро взглянула на него своими маленькими красными глазками.

— Они ведь спросили, где живу я,— сказала она,— а Салли живет в Пекхэме, Мэйсфилд-плейс, дом 3.

— Как ваша фамилия?

— Моя-то Сойер, а ее — Деннис, потому как она вышла за Тома Денниса,— малый он из себя аккуратный, тихий, пока в море, а пароходная компания им не нахвалится, а уж сойдет на берег, тут и женский пол, и пьяики, и...

— Вот ваше кольцо, миссис Сойер,— перебил я, повинуясь знаку, поданному Холмсом.— Оно, несомненно, принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу его вернуть законной владелице.

Бормоча слова благодарности и призывая на меня божье благословение, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла вниз по лестнице. Едва она успела выйти за дверь, как Шерлок Холмс вскочил со стула и ринулся в свою комнату. Через несколько секунд он появился в пальто и шарфе.

— Я иду за ней,— торопливо бросил он.— Она, конечно, сообщница, и приведет меня к нему. Дождитесь меня, пожалуйста.

Когда внизу захлопнулась дверь за нашей гостьей, Холмс уже сбегал с лестницы. Я выглянул в окно,— старуха плелась по другой стороне улицы, а Холмс шагал за нею, держась немного поодаль. «Либо вся его теория ничего не стоит,— подумал я,— либо сейчас он ухватится за нить, ведущую к разгадке этой тайны».

Просьба дождаться его была совершенно излишней: разве я мог уснуть, не узнав, чем кончилось его приключение?

Он ушел около девяти. Я, конечно, и понятия не имел, когда он вернется, но тупо сидел в столовой, попыхивая трубкой и перелистывая страницы «Vie de Bohème»[1] Мюрже. Пробило десять; по лестнице протопала служанка, отправляясь спать. Вот уже и одиннадцать, и снова шаги; я узнал величавую поступь нашей хозяйки, тоже собиравшейся отходить ко сну. Около двенадцати внизу резко щелкнул замок. Как только Холмс вошел, я сразу понял, что он не мог похвастаться удачей. На лице его боролись смешливость и досада, наконец, чувство юмора взяло верх, и он весело расхохотался.

— Что угодно, лишь бы мои дружки из Скотленд-Ярда не пронюхали об этом! — воскликнул он, бросаясь в кресло.— Я столько раз издевался над ними, что они мне этого ни за что не спустят! А посмеяться над собой я имею право — я ведь знаю, что в конечном счете возьму реванш!

— Да что же произошло? — спросил я.

— Я остался в дураках,— но это не беда. Так вот. Старуха шла по улице, потом вдруг стала хромать, и по всему было видно, что у нее разболелась нога. Наконец она остановилась и подозвала проезжавший мимо кэб. Я старался подойти как можно ближе, чтобы услышать, куда она велит ехать, но мог бы и не трудиться: она закричала на всю улицу: «Дункан-стрит, номер тринадцать!» Неужели же здесь нет обмана, подумал я, но когда она села в кэб, я на всякий случай прицепился сзади — этим искусством должен отлично владеть каждый сыщик. Так мы и покатили без остановок до самой Дункан-стрит. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не спеша пошел по тротуару. Кэб остановился. Кэбмен спрыгнул и открыл дверцу — никого! Когда я подошел, он в бешенстве заглядывал в пустой кэб, и должен сказать, что такой отборной ругани я еще на своем веку не слыхал! Старухи и след простыл, и, боюсь, ему долго придется ждать своих денежек! Мы справились в доме тринадцать — владельцем оказался поч-

[1] «Жизнь богемы» *(франц.)*.

тенный обойщик по имени Кесуик, а о Сойерах и Деннисах там никто и не слышал.

— Неужели вы хотите сказать,— изумился я,— что эта немощная хромая старуха выскочила из кэба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

— Какая там к черту старуха!— сердито воскликнул Шерлок Холмс.— Это мы с вами — старые бабы, и нас обвели вокруг пальца! То был, конечно, молодой человек, очень ловкий, и к тому же бесподобный актер. Грим у него был превосходный. Он, конечно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы улизнуть. Это доказывает, что человек, которого мы ищем, действует не в одиночку, как мне думалось,— у него есть друзья, готовые для него пойти на риск. Однако, доктор, вы, я вижу, совсем никуда не годитесь! Ступайте-ка спать, вот что я вам скажу!

Я и в самом деле очень устал, и охотно последовал его совету. Холмс уселся у тлеющего камина, и я еще долго слышал тихие, заунывные звуки его скрипки. Я уже знал, что это значит — Холмс обдумывал странную тайну, которую решил распутать во что бы то ни стало.

ГЛАВА VI

ТОБИАС ГРЕГСОН ДОКАЗЫВАЕТ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН

На следующий день все газеты были полны сообщениями о так называемой «Брикстонской тайне». Каждая газета поместила подробный отчет о происшедшем, а некоторые напечатали и статьи. Из них я узнал кое-что для меня новое. У меня до сих пор хранится множество газетных вырезок, а в записной книжке есть выписка из статей о загадочном убийстве. Вот содержание нескольких из них:

«Дейли телеграф» писала, что в истории преступлений вряд ли можно найти убийство, которому сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие каких-либо явных мотивов и зловещая надпись на стене — все говорит о том, что преступление совершено политическими эмигрантами и рево-

люционерами. В Америке много социалистских организаций; по-видимому, убитый нарушил какие-то их неписаные законы и его выследили. Бегло упомянув германский фемгерихт[1], aqua tofana[2], карбонариев, маркизу де Бренвилье[3], теорию Дарвина, теорию Мальтуса и убийства на Рэтклиффской дороге[4], автор статьи под конец призывал правительство быть начеку и требовал усиления надзора за иностранцами в Англии.

«Стандард» подчеркивала, что беззакония такого рода, как правило, происходят при либеральном правительстве. Причина тому — неустойчивое настроение масс, что порождает неуважение к закону. Убитый, по происхождению — американец, прожил в нашей столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье на Торки-Террас, в Камберуэлле. В поездках его сопровождал личный секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон. Во вторник, четвертого числа сего месяца, оба простились с хозяйкой и поехали на Юстонский вокзал к ливерпульскому экспрессу. На перроне их видели вместе. После этого о них ничего не было известно, пока, согласно приведенному выше отчету, тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, в нескольких милях от вокзала. Как он туда попал и каким образом был убит — все это пока окутано мраком неизвестности. «Мы рады слышать, что расследование ведут мистер Лестрейд и мистер Грегсон из Скотленд-Ярда; можно с уверенностью сказать, что с помощью этих известных сыщиков загадка разъяснится очень скоро».

Газета «Дейли ньюс» не сомневалась, что это — убийство на политической почве. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму прибили к нашим берегам множество эмигрантов, которые стали бы

---

[1] Фемгерихт — тайный суд в средневековой Германии, выносивший свои приговоры на секретных ночных заседаниях.

[2] Аква тофана — яд, названный по имени применявшей его отравительницы Теофании ди Адамо, казненной в Палермо в 1633 году.

[3] Бренвилье, Мария Мадлен — из корыстных целей отравила своего отца и двух братьев. Казнена в Париже в 1676 году.

[4] Убийства на Рэтклиффской дороге — одно из самых знаменитых преступлений в истории английской криминалистики.

превосходными гражданами Англии, если бы не были отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось претерпеть. У этих людей существует строгий кодекс чести, и малейшее его нарушение карается смертью. Нужно приложить все усилия, чтобы разыскать секретаря покойного, некоего Стэнджерсона, и разузнать об особенностях и привычках его патрона. Чрезвычайно важно то, что удалось установить адрес дома, где он жил,— это следует целиком приписать энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Мы прочли эти статьи за завтраком; Шерлок Холмс потешался над ними вовсю.

— Я же говорил,— что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон всегда останутся в выигрыше!

— Это зависит от того, какой оборот примет дело.

— Ну что вы, это ровно ничего не значит. Если убийцу поймают, то исключительно *благодаря* их стараниям; если он удерет — то *несмотря* на их старания. Одним словом,— «мне вершки, тебе корешки», и они всегда выигрывают. Что бы они ни натворили, у них всегда найдутся поклонники. Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire[1].

— Боже, что там такое? — воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног и гневные возгласы нашей хозяйки.

— Это отряд уголовной полиции Бейкер-стрит,— серьезно ответил Шерлок Холмс.

В комнату ворвалась целая орава на редкость грязных и оборванных уличных мальчишек.

— Смирно! — строго крикнул Холмс, и шестеро оборванцев, выстроившись в ряд, застыли неподвижно, как маленькие, и, надо сказать, довольно безобразные изваяния.— Впредь с докладом будет приходить один Уиггинс, остальные пусть ждут на улице. Ну что, Уиггинс, нашли?

— Не нашли, сэр,— выпалил один из мальчишек.

— Я так и знал. Ищите, пока не найдете. Вот ваше жалованье.— Холмс дал каждому по шиллингу.— А те-

---

[1] «Глупец глупцу всегда внушает восхищенье» *(франц.)*. Н. Буало. «Поэтическое искусство».

нерь марш отсюда, и следующий раз приходите с хорошими новостями!

Он махнул им рукой, и мальчишки, как стайка крыс, помчались вниз по лестнице; через минуту их пронзительные голоса донеслись уже с улицы.

— От этих маленьких попрошаек больше толку, чем от десятка полисменов,— заметил Холмс.— При виде человека в мундире у людей деревенеет язык, а эти сорванцы всюду пролезут и все услышат. Смышленый народ, им не хватает только организованности.

— Вы наняли их для Брикстонского дела? — спросил я.

— Да, мне нужно установить один факт. Но это только вопрос времени. Ага! Сейчас мы услышим что-то новенькое насчет убийства из мести. К нам жалует сам Грегсон, и каждая черта его лица источает блаженство.

Нетерпеливо затренькал звонок; белобрысый сыщик через несколько секунд взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и влетел в нашу гостиную.

— Дорогой коллега, поздравьте меня! — закричал он, изо всех сил тряся покорную руку Холмса.— Я разгадал загадку, и теперь все ясно, как божий день!

Мне показалось, что на выразительном лице моего приятеля мелькнула тень беспокойства.

— Вы хотите сказать, что напали на верный след?— спросил он.

— Да что там след! Ха-ха! Преступник сидит у нас под замком!

— Кто же он такой?

— Артур Шарпантье, младший лейтенант флота ее величества! — воскликнул Грегсон, горделиво выпятив грудь и потирая пухлые руки.

Шерлок Холмс с облегчением вздохнул, и его чуть сжавшиеся губы распустились в улыбке.

— Садитесь и попробуйте вот эти сигары,— сказал он.— Мы горим нетерпением узнать, как это вам удалось. Хотите виски с водой?

— Не возражаю,— ответил сыщик.— Последние два дня отняли у меня столько сил, что я просто валюсь с ног — не столько от физической усталости, конечно, сколько от умственного перенапряжения. Вам это знако-

мо, мистер Холмс, мы же с вами одинаково работаем головой.

— Вы мне льстите,— с серьезным видом возразил Холмс.— Итак, каким же образом вы пришли к столь блистательным результатам?

Сыщик удобно уселся в кресло и задымил сигарой. Но вдруг он хлопнул себя по ляжке и захохотал.

— Нет, вот что интересно! — воскликнул он.— Этот болван Лестрейд воображает, что умнее всех, а сам пошел по совершенно ложному следу! Он ищет секретаря Стэнджерсона, а этот Стэнджерсон так же причастен к убийству, как неродившееся дитя. А он, наверное, уже посадил его под замок!

Эта мысль показалась Грегсону столь забавной, что он смеялся до слез.

— А как же вы напали на след?

— Сейчас все расскажу. Доктор Уотсон, это, конечно, строго между нами. Первая трудность состояла в том, как разузнать о жизни Дреббера в Америке. Другой бы стал ждать, пока кто-то откликнется на объявление или сам вызовется дать сведения об убитом. Но Тобиас Грегсон работает иначе. Помните цилиндр, что нашли возле трупа?

— Помню,— сказал Холмс.— На нем была марка — «Джон Ундервуд и сыновья», Камберуэлл-роуд, 129.

Грегсон заметно помрачнел.

— Вот уж никак не думал, что вы это заметили,— сказал он.— Вы были в магазине?

— Нет.

— Ха! — с облегчением усмехнулся Грегсон.— В нашем деле нельзя упускать ни единой возможности, хоть и самой малой.

— Для великого ума мелочей не существует,— сентенциозно произнес Холмс.

— Само собой, я пошел к Ундервуду и спросил, не случилось ли ему продать такой-то цилиндр такого-то размера. Он заглянул в свою книгу и сразу же нашел запись. Он послал цилиндр мистеру Дребберу в пансион Шарпантье на Торки-Террас. Вот таким образом я узнал его адрес.

— Ловко, ничего не скажешь,—пробормотал Шерлок Холмс.

— Затем я отправился к миссис Шарпантье,— продолжал детектив.— Она была бледна и, очевидно, очень расстроена. При ней находилась дочь — на редкость хорошенькая, между прочим; глаза у нее были красные, а когда я с ней заговорил, губы ее задрожали. Я, конечно, сразу почуял, что дело тут нечисто. Вам знакомо это ощущение какого-то особого холодка внутри, когда нападаешь на верный след, мистер Холмс? Я спросил:

— Вам известно о загадочной смерти вашего бывшего квартиранта, мистера Еноха Дреббера из Кливленда?

Мать кивнула. У нее, видно, не было силы вымолвить хоть слово. Дочь вдруг расплакалась. Тут мне уже стало ясно: эти женщины что-то знают.

— В котором часу мистер Дреббер уехал на вокзал? — спрашиваю я.

Мать, стараясь побороть волнение, судорожно глотнула воздух.

— В восемь,— ответила она.— Его секретарь, мистер Стэнджерсон, сказал, что есть два поезда: один — в девять пятнадцать, другой — в одиннадцать. Он собрался ехать первым.

— И больше вы его не видели?

Женщина вдруг сильно изменилась в лице. Она стала белой, как мел, и хрипло, через силу произнесла «нет».

Наступило молчание; вдруг дочь сказала ясным, спокойным голосом:

— Ложь никогда не приводит к добру, мама. Давайте скажем все откровенно. Да, мы видели мистера Дреббера еще раз.

— Да простит тебя бог! — крикнула мадам Шарпантье, всплеснув руками, и упала в кресло.— Ты погубила своего брата!

— Артур сам велел бы нам говорить только правду,— твердо сказала девушка.

— Советую вам рассказать все без утайки,— сказал я.— Полупризнание хуже, чем запирательство. Кроме того, мы сами уже кое-что знаем.

— Пусть же это будет на твоей совести, Алиса! — воскликнула мать и повернулась ко мне.— Я вам расскажу все, сэр. Не подумайте, что я волнуюсь потому, что мой сын причастен к этому ужасному убийству. Он ни в чем не виновен. Я боюсь только, что в ваших глазах и,

может быть, в глазах других он будет невольно скомпрометирован. Впрочем, этого тоже быть не может. Порукой тому его кристальная честность, его убеждения, вся его жизнь!

— Вы лучше расскажите все начистоту,— сказал я.— И можете поверить, если ваш сын тут ни при чем, ничего плохого с ним не случится.

— Алиса, пожалуйста, оставь нас вдвоем,— сказала мать, и девушка вышла из комнаты.— Я решила молчать, но раз уж моя бедняжка дочь заговорила об этом, то делать нечего. И поскольку я решилась, то расскажу все подробно.

— Вот это разумно! — согласился я.

— Мистер Дреббер жил у нас почти три недели. Он и его секретарь, мистер Стэнджерсон, путешествовали по Европе. На каждом чемодане была наклейка «Копенгаген»— стало быть, они прибыли прямо оттуда. Стэнджерсон — человек спокойный, сдержанный, но хозяин его, к сожалению, был совсем другого склада. У него были дурные привычки, и вел он себя довольно грубо. Когда они приехали, он в первый же вечер сильно напился, и если уж говорить правду, после полудня вообще не бывал трезвым. Он заигрывал с горничными и позволял себе с ними недопустимые вольности. Самое ужасное, что он вскоре повел себя так и с моей дочерью Алисой и не раз говорил ей такое, чего она, к счастью, по своей невинности даже не могла понять. Однажды он дошел до крайней наглости — схватил ее и стал целовать; даже его собственный секретарь не вытерпел и упрекнул его за столь неприличное поведение.

— Но вы-то почему это терпели? — спросил я.— Вы ведь могли выставить вон ваших жильцов в любую минуту.

Вопрос, как видите, вполне естественный, однако миссис Шарпантье сильно смешалась.

— Видит бог, я отказала бы им на другой же день,— сказала она,— но слишком велико было искушение — ведь каждый платил по фунту в день — значит, четырнадцать фунтов в неделю, а в это время года так трудно найти жильцов! Я вдова, сын мой служит во флоте, и это стоит немалых денег. Не хотелось лишаться дохода, ну я и терпела, сколько могла. Но последняя его выходка

меня совсем уж возмутила, и я сейчас же попросила его освободить комнаты. Потому-то он и уехал.

— А дальше?

— У меня отлегло от сердца, когда они уехали. Сын мой сейчас дома, он в отпуску, но я побоялась рассказать ему — он очень уж вспыльчивый и нежно любит сестру. Когда я заперла за ними дверь, у меня словно камень с души свалился. Но, увы, не прошло и часа, как раздался звонок и мне сказали, что мистер Дреббер вернулся. Он вел себя очень развязно, очевидно, успел порядком напиться. Он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет того, что он-де опоздал на поезд. Потом повернулся к Алисе и прямо при мне предложил ей уехать с ним. «Вы уже взрослая,—сказал он,—и по закону никто вам запретить не может. Денег у меня куча. Не обращайте внимания на свою старуху, едемте вместе сейчас же! Вы будете жить, как герцогиня!» Бедная Алиса перепугалась и бросилась прочь, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и тут вошел мой сын, Артур. Что было потом, я не знаю. Я слышала только злобные проклятия и шумную возню. Я была так напугана, что не смела открыть глаза. Наконец я подняла голову и увидела, что Артур стоит на пороге с палкой в руках и смеется. «Думаю, что наш прекрасный жилец сюда больше не покажется,— сказал он.— Пойду на улицу, погляжу, что он там делает». Артур взял шляпу и вышел. А наутро мы узнали, что мистер Дреббер убит неизвестно кем.

Рассказывая, миссис Шарпантье то вздыхала, то всхлипывала. Временами она даже не говорила, а шептала так тихо, что я еле разбирал слова. Но все, что она сказала, я записал стенографически, чтобы потом не было недоразумений.

— Очень любопытно,— сказал Холмс, зевая.— Ну, и что же дальше?

— Миссис Шарпантье замолчала,— продолжал сыщик,— и тут я понял, что все зависит от одного-единственного обстоятельства. Я посмотрел на нее пристальным взглядом — я не раз убеждался, как сильно он действует на женщин,— и спросил, когда ее сын вернулся домой.

— Не знаю,— ответила она.

— Не знаете?

— Нет, у него есть ключ, он сам отпирает дверь.

— Но вы уже спали, когда он пришел?

— Да.

— А когда вы легли спать?

— Около одиннадцати.

— Значит, ваш сын отсутствовал часа два, не меньше?

— Да.

— А может, четыре или пять часов?

— Может быть.

— Что же он делал все это время?

— Не знаю,— сказала она, так побледнев, что даже губы у нее побелели.

Конечно, после этого уже не о чем было говорить.

Я разузнал, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я тронул его за плечо и велел спокойно идти с нами, он нагло спросил: «Вы, наверное, подозреваете, что я убил этого негодяя Дреббера?» А поскольку об убийстве и речи пока не было, то все это весьма подозрительно.

— Очень,— подтвердил Холмс.

— При нем была палка, с которой он, по словам матери, бросился вслед за Дреббером. Толстая, тяжелая дубинка, сэр.

— Как же, по-вашему, произошло убийство?

— А вот как. Он шел за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там снова завязалась драка. Шарпантье ударил этой палкой Дреббера, всего вероятнее, в живот,— и тот сразу же умер, а на теле никаких следов не осталось. Лил дождь, кругом не было ни души, и Шарпантье оттащил свою жертву в пустой дом. А свеча, кровь на полу, надпись на стене и кольцо — это всего-навсего хитрости, чтобы запутать следствие.

— Молодец! — одобрительно воскликнул Холмс.— Право, Грегсон, вы делаете большие успехи. У вас большая будущность.

— Я тоже доволен собой, кажется, я недурно справился с делом,— горделиво ответил сыщик.— Молодой человек в своих показаниях утверждает, что он пошел за Дреббером, но тот вскоре заметил его и, подозвав кэб, уехал. Шарпантье утверждает, что, возвращаясь домой,

он якобы встретил своего товарища по флоту, и они долго гуляли по улицам. Однако он не смог сказать, где живет этот его товарищ. Мне кажется, тут все сходится одно к одному необыкновенно точно. Но Лестрейд-то, Лестрейд! Как подумаю, что он сейчас рыщет по ложному следу, так меня разбирает смех! Смотрите-ка, да вот и он сам!

Да, действительно в дверях стоял Лестрейд — за разговором мы не услышали его шагов на лестнице. Но куда девалась его самоуверенность, его обычная щеголеватость? На лице его была написана растерянность и тревога, измятая одежда забрызгана грязью. Очевидно, он пришел о чем-то посоветоваться с Шерлоком Холмсом, потому что, увидев своего коллегу, был смущен и раздосадован. Он стоял посреди комнаты, нервно теребя шляпу, и, казалось, не знал, как поступить.

— Совершенно небывалый случай,— произнес он наконец,— непостижимо запутанное дело!

— Неужели, мистер Лестрейд! — торжествующе воскликнул Грегсон.— Я не сомневался, что вы придете к такому заключению. Удалось ли вам найти секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

— Мистер Джозеф Стэнджерсон,— серьезным тоном сказал Лестрейд,— убит в гостинице «Холлидей» сегодня около шести часов утра.

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕСК СВЕТА

Неожиданная и важная весть, которую принес нам Лестрейд, слегка ошеломила всех нас. Грегсон вскочил с кресла, пролив на пол остатки виски с водой. Шерлок Холмс сдвинул брови и крепко сжал губы, а я молча уставился на него.

— И Стэнджерсон тоже...— пробормотал Холмс.— Дело осложняется.

— Оно и без того достаточно сложно,— проворчал Лестрейд, берясь за стул.— Но я, кажется, угодил на военный совет?

— А вы... вы точно знаете, что он убит? — запинаясь, спросил Грегсон.

— Я только что был в его комнате,— ответил Лестрейд.— И первый обнаружил его труп.

— А мы тут слушали Грегсона, который по-своему решил загадку,— заметил Холмс.— Будьте добры, расскажите нам, что вы видели и что успели сделать.

— Пожалуйста,— ответил Лестрейд, усаживаясь на стул.— Не скрою, я держался того мнения, что Стэнджерсон замешан в убийстве Дреббера. Сегодняшнее событие доказало, что я ошибался. Одержимый мыслью о его соучастии, я решил выяснить, где он и что с ним. Третьего числа вечером, примерно в половине девятого, их видели вместе на Юстонском вокзале. В два часа ночи труп Дреббера нашли на Брикстон-роуд. Следовательно, я должен был узнать, что делал Стэнджерсон между половиной девятого и тем часом, когда было совершено преступление, и куда он девался после этого. Я послал в Ливерпуль телеграмму, сообщил приметы Стэнджерсона и просил проследить за пароходами, отходящими в Америку. Затем я объехал все гостиницы и меблированные комнаты в районе Юстонского вокзала. Видите ли, я рассуждал так: если они с Дреббером расстались у вокзала, то скорее всего секретарь переночует где-нибудь поблизости, а утром опять явится на вокзал.

— Они, вероятно, заранее условились о месте встречи,— вставил Холмс.

— Так и оказалось. Вчерашний вечер я потратил на поиски Стэнджерсона, но безуспешно. Сегодня я начал искать его с раннего утра и к восьми часам добрался наконец до гостиницы «Холлидей» на Литл-Джордж-стрит. На вопрос, не живет ли здесь мистер Стэнджерсон, мне сразу ответили утвердительно.

— Вы, наверное, тот джентльмен, которого он поджидает,— сказали мне.— Он ждет вас уже два дня.

— А где он сейчас? — спросил я.

— У себя наверху, он еще спит. Он просил разбудить его в девять.

— Я сам его разбужу,— сказал я.

Я подумал, что мой внезапный приход застанет его врасплох и от неожиданности он может проговориться насчет убийства. Коридорный вызвался проводить меня до его комнаты — она была на втором этаже и выходила в узенький коридорчик. Показав мне его дверь, коридор-

ный пошел было вниз, как вдруг я увидел такое, от чего, несмотря на мой двадцатилетний опыт, мне едва не стало дурно. Из-под двери вилась тоненькая красная полоска крови, она пересекала пол коридорчика и образовала лужицу у противоположной стены. Я невольно вскрикнул; коридорный тотчас же вернулся назад. Увидев кровь, он чуть не хлопнулся без чувств. Дверь оказалась заперта изнутри, но мы высадили ее плечами и ворвались в комнату. Окно было открыто, а возле него на полу, скорчившись, лежал человек в ночной рубашке. Он был мертв, и, очевидно, уже давно: труп успел окоченеть. Мы перевернули его на спину, и коридорный подтвердил, что это тот самый человек, который жил у них в гостинице под именем Джозефа Стэнджерсона. Смерть наступила от сильного удара ножом в левый бок; должно быть, нож задел сердце. И тут обнаружилось самое странное. Как вы думаете, что мы увидели над трупом?

Прежде чем Холмс успел ответить, я почувствовал, что сейчас услышу что-то страшное, и у меня по коже поползли мурашки.

— Слово «Rache», написанное кровью,— сказал Холмс.

— Да, именно.— В голосе Лестрейда звучал суеверный страх.

Мы помолчали. В действиях неизвестного убийцы была какая-то зловещая методичность, и от этого его преступления казались еще ужаснее. Нервы мои, ни разу не сдававшие на полях сражений, сейчас затрепетали.

— Убийцу видели,— продолжал Лестрейд.— Мальчик, приносивший молоко, шел обратно в молочную через проулок, куда выходит конюшня, что на задах гостиницы. Он заметил, что лестница, всегда валявшаяся на земле, приставлена к окну второго этажа гостиницы, а окно распахнуто настежь. Отойдя немного, он оглянулся и увидел, что по лестнице спускается человек. И спускался он так спокойно, не таясь, что мальчик принял его за плотника или столяра, работавшего в гостинице. Мальчик не обратил особого внимания на этого человека, хотя у него мелькнула мысль, что в такую рань обычно еще не работают. Он припоминает, что человек этот был высокого роста, с красноватым лицом и в длинном коричневом пальто. Он, должно быть, ушел из комнаты не сразу

после убийства — он ополоснул руки в тазу с водой и тщательно вытер нож о простыню, на которой остались кровяные пятна.

Я взглянул на Холмса — описание убийцы в точности совпадало с его догадками. Однако лицо его не выражало ни радости, ни удовлетворения.

— Вы не нашли в комнате ничего такого, что могло бы навести на след убийцы? — спросил он.

— Ничего. У Стэнджерсона в кармане был кошелек Дреббера, но тут нет ничего удивительного: Стэнджерсон всегда за него расплачивался. В кошельке восемьдесят фунтов с мелочью, и, очевидно, оттуда ничего не взято. Не знаю, каковы мотивы этих странных преступлений, но только не ограбление. В карманах убитого не обнаружено никаких документов или записок, кроме телеграммы из Кливленда, полученной с месяц назад. Текст ее — «Дж. Х. в Европе». Подписи в телеграмме нет.

— И больше ничего? — спросил Холмс.

— Ничего существенного. На кровати брошен роман, который Стэнджерсон читал на ночь вместо снотворного, а на стуле рядом лежит трубка убитого. На столе стоит стакан с водой, на подоконнике — аптекарская коробочка, и в ней две пилюли.

С радостным возгласом Шерлок Холмс вскочил со стула.

— Последнее звено! — воскликнул он.— Теперь все ясно!

Оба сыщика вытаращили на него глаза.

— Сейчас в моих руках все нити этого запутанного клубка,— уверенно заявил мой приятель.— Конечно, еще не хватает кое-каких деталей, но цепь событий, начиная с той минуты, как Дреббер расстался со Стэнджерсоном на вокзале, и вплоть до того, как вы нашли труп Стэнджерсона, мне ясна, как будто все происходило на моих глазах. И я вам это докажу. Не могли бы вы взять оттуда пилюли?

— Они у меня,— сказал Лестрейд, вытаскивая маленькую белую коробочку.— Я взял и пилюли, и кошелек, и телеграмму, чтобы сдать в полицейский участок. По правде говоря, пилюли я прихватил случайно: я не придал им никакого значения.

— Дайте сюда,— сказал Холмс и повернулся ко мне.— Доктор, как вы думаете, это обыкновенные пилюли?

Нет, пилюли, конечно, нельзя было назвать обыкновенными. Маленькие, круглые, жемчужно-серого цвета, они были почти прозрачными, если смотреть их на свет.

— Судя по легкости и прозрачности, я полагаю, что они растворяются в воде,— сказал я.

— Совершенно верно,— ответил Холмс.— Будьте добры, спуститесь вниз и принесите этого несчастного парализованного терьера,— хозяйка вчера просила усыпить его, чтобы он больше не мучился.

Я сошел вниз и принес собаку. Тяжелое дыхание и стекленеющие глаза говорили о том, что ей недолго осталось жить. Судя по побелевшему носу, она уже почти перешагнула предел собачьего существования. Я положил терьера на коврик у камина.

— Сейчас я разрежу одну пилюлю пополам,— сказал Холмс, вынимая перочинный нож.— Одну половинку мы положим обратно — она еще может пригодиться. Другую я кладу в этот бокал и наливаю чайную ложку воды. Видите, наш доктор прав — пилюля быстро растворяется.

— Да, весьма занятно,— обиженным тоном произнес Лестрейд, очевидно, заподозрив, что над ним насмехаются,— но я все-таки не понимаю, какое это имеет отношение к смерти Джозефа Стэнджерсона?

— Терпение, друг мой, терпение! Скоро вы убедитесь, что пилюли имеют к ней самое прямое отношение. Теперь я добавлю немного молока, чтобы было повкуснее и собака вылакала бы все сразу.

Вылив содержимое бокала в блюдце, он поставил его перед собакой. Та вылакала все до капли. Серьезность Холмса так подействовала на нас, что мы молча, как завороженные, следили за собакой, ожидая чего-то необычайного. Ничего, однако, не произошло. Терьер лежал на коврике, все так же тяжело дыша, но от пилюли ему не стало ни лучше, ни хуже.

Холмс вынул часы; прошла минута, другая, собака дышала по-прежнему, а Шерлок Холмс сидел с глубоко огорченным, разочарованным видом. Он прикусил губу,

потом забарабанил пальцами по столу — словом, выказывал все признаки острого нетерпения. Он так волновался, что мне стало его искренне жаль, а оба сыщика иронически улыбались, явно радуясь его провалу.

— Неужели же это просто совпадение?—воскликнул он наконец; вскочив со стула, он яростно зашагал по комнате.— Нет, не может быть! Те самые пилюли, которые, как я предполагал, убили Дреббера, найдены возле мертвого Стэнджерсона. И вот они не действуют! Что же это значит? Не верю, чтобы весь ход моих рассуждений оказался неправильным. Это невозможно! И все-таки бедный пес жив... А! Теперь я знаю! Знаю!

С этим радостным возгласом он схватил коробочку, разрезал вторую пилюлю пополам, растворил в воде, долил молока и поставил перед терьером. Едва несчастный пес лизнул языком эту смесь, как по телу его пробежали судороги, он вытянулся и застыл, словно сраженный молнией.

Шерлок Холмс глубоко вздохнул и отер со лба пот.

— Надо больше доверять себе,— сказал он.— Пора бы мне знать, что если какой-нибудь факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит, его можно истолковать иначе. В коробке лежало две пилюли — в одной содержался смертельный яд, другая — совершенно безвредная. Как это я не догадался раньше, чем увидел коробку!

Последняя фраза показалась мне настолько странной, что я усомнился, в здравом ли он уме. Однако труп собаки служил доказательством правильности его доводов. Я почувствовал, что туман в моей голове постепенно рассеивается и я начинаю смутно различать правду.

— Вам всем это кажется сущей дичью,— продолжал Холмс,— потому что в самом начале расследования вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне посчастливилось ухватиться за него, и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и, в сущности, являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило вас в тупик и, как вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения. Нельзя смешивать странное с таинственным. Часто самое банальное преступле-

ние оказывается самым загадочиым, потому что ему ие сопутствуют какие-нибудь особеииые обстоятельства, которые могли бы послужить осиовой для умозаключеиий. Это убийство было бы бесконечио трудиее разгадать, если бы труп просто нашли иа дороге, без всяких «outrè»[1] и сеисациоииых подробиостей, которые придали ему характер иеобыкновениости. Страииые подробиости вовсе ие осложняют расследоваине, а, иаоборот, облегчают его.

Грегсои, сгоравший от иетерпения во время этой речи, ие выдержал.

— Послушайте, мистер Шерлок Холмс,— сказал он,— мы охотио призиаем, что вы человек сообразительный и изобрели свой особый метод работы. Но сейчас иам ни к чему выслушивать лекцию по теории. Сейчас иадо ловить убийцу. У меия было свое толковаине дела, ио, кажется, я ошибся. Молодой Шарпантье ие может быть причастеи ко второму убийству. Лестрейд подозревал Стэиджерсоиа и, очевидно, тоже промахиулся. Вы все время сыплете иамеками и делаете вид, будто зиаете гораздо больше иас, ио теперь мы вправе спросить иапрямик: что вам известио о преступлеиии? Можете ли вы назвать убийцу?

— Не могу не согласиться с Грегсоиом, сэр,— заметил Лестрейд.— Мы оба пыталиська найти разгадку, и оба ошиблись. С той мииуты, как я пришел, вы уже несколько раз говорили, что у вас есть все иеобходимые улики. Надеюсь, теперь-то вы не стаиете их утаивать?

— Если медлить с арестом убийцы,— добавил я,— он может совершить еще какие-нибудь злодеяния.

Мы так иаседали на Холмса, что ои явио заколебался. Нахмурив брови и опустив голову, он шагал по комиате взад и вперед, как всегда, когда ои что-то иапряженно обдумывал.

— Убийств больше ие будет,— сказал ои, внезапио остановившись.— Об этом можете не беспокоиться. Вы спрашиваете, зиаю ли я имя убийцы. Да, зиаю. Но знать имя — это еще слишком мало, иадо суметь поймать преступника. Я очеиь иадеюсь, что прииятые миою меры облегчат эту трудиую задачу, ио тут иужио действовать с

[1] Явные признаки *(франц.)*.

величайшей осторожностью, ибо нам придется иметь дело с человеком хитрым и готовым на все, и к тому же, как я уже имел случай доказать, у него есть сообщник, не менее умный, чем он сам. Пока убийца не знает, что преступление разгадано, у нас еще есть возможность схватить его; но если у него мелькнет хоть малейшее подозрение, он тотчас же переменит имя и затеряется среди четырех миллионов жителей нашего огромного города. Не желая никого обидеть, я должен все же сказать, что такие преступники не по плечу сыскной полиции, поэтому-то я и не обращался к вашей помощи. Если я потерплю неудачу, вся вина за упущение падет на меня — и я готов понести ответственность. Пока же могу пообещать, что немедленно расскажу вам все, как только я буду уверен, что моим планам ничто не угрожает.

Грегсон и Лестрейд были явно недовольны и этим обещанием и обидным намеком на сыскную полицию. Грегсон вспыхнул до корней своих льняных волос, а похожие на бусинки глаза Лестрейда загорелись гневом и любопытством. Однако ни тот, ни другой не успели произнести ни слова: в дверь постучали, и на пороге появился своей собственной, непрезентабельной персоной представитель уличных мальчишек.

— Сэр,— заявил он, прикладывая руку к вихрам над лбом,— кэб ждет на улице.

— Молодчина! — одобрительно сказал Холмс.— Почему Скотленд-Ярд не пользуется этой новой моделью? — продолжал он, выдвинув ящик стола и доставая пару стальных наручников.— Смотрите, как прекрасно действует пружина — они захлопываются мгновенно.

— Мы обойдемся и старой моделью,— ответил Лестрейд,— было бы на кого их надеть.

— Отлично, отлично! — улыбнулся Холмс.— Пусть кэбмен пока что снесет вниз мои вещи. Позови его, Уиггинс.

Я удивился: Холмс, видимо, собрался уезжать, а мне не сказал ни слова! В комнате стоял небольшой чемодан; Холмс вытащил его на середину и, став на колени, начал возиться с ремнями.

— Помогите мне затянуть этот ремень,— не поворачивая головы, сказал он вошедшему кэбмену.

Кэбмен с вызывающе пренебрежительным видом

шагнул вперед и протянул руки к ремню. Послышался резкий щелчок, металлическое звяканье, и Шерлок Холмс быстро поднялся на ноги. Глаза его блестели.

— Джентльмены,— воскликнул он,—позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа Стэнджерсона!

Все произошло в одно мгновение, я даже не успел сообразить, в чем дело. Но в память мою навсегда врезалась эта минута — торжествующая улыбка Холмса и его звенящий голос и дикое, изумленное выражение на лице кэбмена при виде блестящих наручников, словно по волшебству сковавших его руки. Секунду-другую мы, оцепенев, стояли, словно каменные идолы. Вдруг пленник с яростным ревом вырвался из рук Холмса и кинулся к окну. Он вышиб раму и стекло, но выскочить не успел: Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как ищейки, и оттащили от окна. Началась жестокая схватка. Рассвирепевший преступник обладал недюжинной силой: как мы ни старались навалиться на него, он то и дело раскидывал нас в разные стороны. Такая сверхъестественная сила бывает разве только у человека, бьющегося в эпилептическом припадке. Лицо его и руки были изрезаны осколками стекла, но, несмотря на потерю крови, он сопротивлялся с ничуть не ослабевавшей яростью. И только когда Лестрейд изловчился просунуть руку под его шарф, схватил его за горло и чуть не задушил, он понял, что бороться бесполезно; все же мы не чувствовали себя в безопасности, пока не связали ему ноги. Наконец, еле переводя дух, мы поднялись с пола.

— Внизу стоит кэб,— сказал Шерлок Холмс.— На нем мы и доставим его в Скотленд-Ярд. Ну что же, джентльмены,— приятно улыбнулся он,— нашей маленькой тайны уже не существует. Прошу вас, задавайте любые вопросы и не опасайтесь, что я откажусь отвечать.

ЧАСТЬ II

Страна святых

ГЛАВА I

В ВЕЛИКОЙ СОЛЯНОЙ ПУСТЫНЕ

В центральиой частн огромиого североамериканского матернка лежит унылая, бесплодиая пустыня, с давних времен служившая преградой на путн цивилизацнн. От Сьерра-Невады до Небраскн, от реки Йеллоустои на севере до Колорадо на юге простирается страна безлюдья н мертвой тншнны. Но прнрода н в этом унылом запустеинн показала свой прнхотливый нрав. Здесь есть и высокие горы, увенчанные снежными шапками, и темные, мрачные долнны. Здесь есть скалистые ущелья, где пробегают быстрые потоки, и огромные равииины, зимою белые от снега, а летом покрытые серой солончаковой пылью. Но всюду одниаково голо, иеприютио и печально.

В этой стране безнадежности ие живут людн. Иногда в поисках новых мест для охоты туда забредают индейцы нз племени поунн илн черноногих, но даже самые отчаянные храбрецы стремятся поскорее покииуть эти зловещне равннны и вернуться в родиые прернн. Здесь по кустарникам рыщут койоты, порой в воздухе захлопает крыльямн сарыч, и, грузно переваливаясь, пройдет по темной лощине серый медведь, стараясь иайтн пропнтанне среди голых скал. Вот, пожалуй, и все обнтателн этой глухомани.

Наверное, нет в мире картнны безрадостнее той, что открывается с севериого склоиа Сьерра-Бланка. Кругом,

насколько хватает глаз, простирается бесконечная плоская равнина, сплошь покрытая солончаковой пылью; лишь кое-где на ней темнеют карликовые кусты чаппараля. Далеко на горизонте высится длинная цепь гор с зубчатыми вершинами, на которых белеет снег. На всем этом огромном пространстве нет ни признаков жизни, ни следов, оставленных живыми существами. В голубовато-стальном небе не видно птиц, и ничто не шевельнется на тусклой серой земле — все обволакивает полная тишина. Сколько ни напрягать слух, в этой великой пустыне не услышишь ни малейшего звука, здесь царит безмолвие — нерушимое, гнетущее безмолвие.

Выше говорилось, что на равнине нет никаких следов живой жизни; пожалуй, это не совсем верно. С высоты Сьерра-Бланка видна извилистая дорога, которая тянется через пустыню и исчезает где-то вдали. Она изборождена колесами и истоптана ногами многих искателей счастья. Вдоль дороги, поблескивая под солнцем, ярко белеют на сером солончаке какие-то предметы. Подойдите ближе и приглядитесь! Это кости — одни крупные и массивные, другие помельче и потоньше. Крупные кости бычьи, другие же — человеческие. На полторы тысячи миль можно проследить страшный караванный путь по этим вехам — останкам тех, кто погиб в соляной пустыне.

4 мая 1847 года все это увидел перед собой одинокий путник. По виду он мог бы сойти за духа или за демона этих мест. С первого взгляда трудно было определить, сколько ему лет — под сорок или под шестьдесят. Желтая пергаментная кожа туго обтягивала кости его худого, изможденного лица, в длинных темных волосах и бороде серебрилась сильная проседь, запавшие глаза горели неестественным блеском, а рука, сжимавшая ружье, напоминала кисть скелета. Чтобы устоять на ногах, ему приходилось опираться на ружье, хотя, судя по высокому росту и могучему сложению, он должен был обладать крепким, выносливым организмом; впрочем, его заострившееся лицо и одежда, мешком висевшая на его иссохшем теле, ясно говорили, почему он выглядит немощным стариком. Он умирал — умирал от голода и жажды.

Напрягая последние силы, он спустился в лощину, потом одолел подъем в тщетной надежде найти здесь, на равнине, хоть каплю влаги, но увидел перед собой лишь соляную пустыню и цепь неприступных гор вдали. И нигде ни дерева, ни кустика, ни признака воды! В этом необозримом пространстве для него не было ни проблеска надежды. Диким, растерянным взглядом он посмотрел на север, потом на восток и запад и понял, что его скитаниям пришел конец,— здесь, на голой скале, ему придется встретить свою смерть. «Не все ли равно, здесь или на пуховой постели лет через двадцать пять»,— пробормотал он, собираясь сесть в тень возле большого валуна.

Но прежде чем усесться, он положил на землю ненужное теперь ружье и большой узел, завязанный серой шалью, который он нес, перекинув через правое плечо. Узел был, очевидно, слишком тяжел для него,— спустив с плеча, он не удержал его в руках и почти уронил на землю. Тотчас раздался жалобный крик и из серой шали высунулись сначала маленькое испуганное личико с блестящими карими глазами, потом два грязных пухлых кулачка.

— Ты меня ушиб! — сердито произнес детский голосок.

— Правда? — виновато отозвался путник.— Прости, я нечаянно.

Он развязал шаль; в ней оказалась хорошенькая девочка лет пяти, в изящных туфельках, нарядном розовом платьице и полотняном переднике; все это свидетельствовало о том, что ее одевала заботливая мать. Лицо девочки побледнело и осунулось, но, судя по крепким ножкам и ручкам, ей пришлось вытерпеть меньше лишений, чем ее спутнику.

— Тебе больно? — забеспокоился он, глядя, как девочка, запустив пальцы в спутанные золотистые кудряшки, потирает затылок.

— Поцелуй, и все пройдет,— важно сказала она, подставляя ему ушибленное место.— Так всегда делает мама. А где моя мама?

— Она ушла. Думаю, ты скоро ее увидишь.

— Ушла? — переспросила девочка.— Как же это она не сказала «до свиданья»? Она всегда прощалась, да-

же когда уходила к тете пить чай, а теперь ее нет целых три дия. Ужасно пить хочется, правда? Нет ли здесь воды или чего-нибудь поесть?

— Ничего тут нет, дорогая. Потерпи немножко, н все будет хорошо. Положи сюда голову, тебе стаиет лучше. Нелегко говорнть, когда губы сухие, как бумага, но уж лучше я тебе скажу все, как есть. Что это у тебя?

— Смотри, какие красивые! Какие чудесиые! — восторжению сказала девочка, подняв два блестящих кусочка слюды.— Когда вернемся домой, я подарю нх братцу Бобу.

— Скоро ты увидншь миого вещей куда красивее этих,— твердо ответил ее спутинк...— Ты только немиожко потерпн. Вот что я хотел тебе сказать: ты помнншь, как мы ушли с реки?

— Помию.

— Поиимаешь, мы думали, что скоро прндем к другой реке. Не зиаю, что нас подвело — компас ли, карта или что другое, только мы сбились с дороги. Вода наша вся вышла, сберегли мы каплю для вас, детишек, и... н...

— И тебе нечем было умыться? — серьезным тоном перебила девочка, глядя в его грустиое лицо.

— Да, н попить было нечего. Ну вот, сиачала умер мистер Бендер, потом индеец Пит, а за иим мнссис МакГрегор, Джоинн Хоуис и, иаконец, твоя мама.

— Мама тоже умерла! — воскликиула девочка и, уткиув лицо в передиичек, горько заплакала.

— Да, малышка, все умерлн, кроме иас с тобой. Тогда я решил поглядеть, нет ли воды в этой стороие, взвалил тебя иа плечи, и мы двииулнсь дальше. А тут оказалось еще хуже. И иам теперь и вовсе ие на что надеяться.

— Значит, мы тоже умрем? — спросила девочка, подияв залитое слезами лицо.

— Да, вндно, дело к тому идет.

— Что же ты мие раньше ие сказал?— обрадовалась оиа.— Я так испугалась! Но когда мы умрем, мы же пойдем к маме!

— Ты-то, конечио, пойдешь, милая.

— И ты тоже. Я расскажу маме, какой ты добрый.

Наверное, она встретит нас на небе в дверях с кувшином воды и с целой грудой гречишных лепешек, горяченьких и поджаристых,— мы с Бобом так их любили! А долго еще ждать, пока мы умрем?

— Не знаю, должно быть, недолго.— Он не отрываясь смотрел на север, где на самом краю голубого небосвода показались три темные точки. С каждой секундой они становились все больше и все ближе и вскоре превратились в трех крупных коричневых птиц, которые медленно покружили над головами путников и уселись на скале чуть выше их. Это были сарычи, хищники западных равнин, их появление предвещало смерть.

— Курочки, курочки! — радостно воскликнула девочка, указывая на зловещих птиц, и захлопала в ладошки, чтобы они снова взлетели.— Послушай, а это место тоже создал бог?

Неожиданный вопрос вывел его из задумчивости.

— Конечно!

— Он создал Иллинойс, и Миссури тоже он создал,— продолжала девочка.— А это место, наверное, создал кто-то другой и забыл про деревья и воду. Тут не так хорошо, как там.

— Может, помолимся? — неуверенно предложил ее спутник.

— Но мы же еще не ложимся спать,— возразила девочка.

— Это ничего. Конечно, еще не время для молитвы, но бог не обидится, ручаюсь тебе. Прочти те молитвы, что ты всегда читала на ночь в повозке, когда мы ехали по долинам.

Девочка удивленно раскрыла глаза.

— А почему ты сам не хочешь?

— Я их позабыл,— сказал он.— Я не молился с тех пор, как был чуть побольше, чем ты. Молись, а я буду повторять за тобой.

— Тогда ты должен стать на колени, и я тоже стану,— сказала девочка, расстилая на земле шаль.— Сложи руки вот так, и тебе сразу станет хорошо.

Это было странное зрелище, которого, впрочем, не видел никто, кроме сарычей. На расстеленной шали бок о бок стояли на коленях двое путников: щебечущий ребе-

нок и отчаянный, закаленный жизнью бродяга. Его изможденное, костлявое лицо и круглая мордашка девочки были запрокинуты вверх; глядя в безоблачное небо, оба горячо молились страшному божеству, с которым они остались один на один. Два голоса — тоненький, звонкий и низкий и хриплый — молили его о милости и прощении. Помолившись, они сели в тени возле валуна; девочка вскоре уснула, прикорнув на широкой груди своего покровителя. Он долго сторожил ее сон, но мало-помалу усталость взяла свое. Три дня и три ночи он не смыкал глаз и не давал себе отдыха. Его отяжелевшие веки постепенно опускались, а голова все ниже и ниже клонилась на грудь, пока его поседевшая борода не коснулась золотистых локонов девочки. Оба спали крепким, тяжелым сном без сновидений.

Если бы путнику удалось побороть сонливость, то через полчаса его глазам представилась бы странная картина. Далеко, на самом краю соляной равнины, показалось крошечное облачко пыли; поначалу еле заметное, сливающееся с дымкой на горизонте, оно постепенно разрасталось вверх и вширь, пока не превратилось в плотную тучу. Она увеличивалась все больше, и наконец стало ясно, что эта пыль поднята множеством движущихся живых существ. Будь эти места более плодородны, можно было бы подумать, что это бизоны, которые огромными стадами пасутся в прериях. Но здесь, в мертвой пустыне, вряд ли водились бизоны. Облако медленно приближалось к одинокой скале, где спали двое несчастных. Сквозь дымку пыли показались парусиновые крыши повозок и силуэты вооруженных всадников — загадочное явление оказалось двигавшимся с запада караваном. Но каким караваном! Когда головная его часть приблизилась к скале, на горизонте еще не было видно конца. Пересекая огромную равнину, тянулись нестройными вереницами телеги, крытые повозки, всадники, пешие, множество женщин, сгибавшихся под ношей; были здесь и дети, семенившие возле повозок или выглядывавшие из-под белых парусиновых крыш. Очевидно, это была не просто партия переселенцев, а целое кочевое племя, которое какие-то обстоятельства вынудили искать себе нового пристанища. В ясном воздухе над этим громадным скопищем людей плыл разноголо-

сый гул, смешанный с топотом, ржанием лошадей и скрипом колес. Но как ни громок был этот шум, он не разбудил обессиленных путников, спавших на скале.

Во главе колонны ехало несколько всадников в темной домотканой одежде и с ружьями за спиной. Лица их были неподвижны и суровы. У подножия скалы они остановились и стали совещаться.

— Родники направо, братья,— сказал всадник с гладко выбритым лицом, жестким складом рта и сильной проседью в волосах.

— Направо от Сьерра-Бланка,— стало быть, мы выедем к Рио-Гранде,— отозвался другой.

— Не бойтесь остаться без воды! — воскликнул третий.— Тот, кто мог высечь воду из скал, не покинет свой избранный народ!

— Аминь! Аминь! — подхватили остальные.

Они собирались двинуться дальше, как вдруг самый молодой и зоркий из них удивленно вскрикнул, указывая на зубчатый утес над ними. Вверху, ярко выделяясь на сером камне, трепетал клочок розовой ткани. Всадники мгновенно сдержали лошадей и перекинули ружья на грудь. Отделившись от колонны, к ним на подмогу галопом поскакала еще группа всадников. У всех на устах было одно слово: «Краснокожие».

— Тут не может быть много индейцев,— сказал седоволосый человек, судя по всему, глава отряда.—Мы миновали племя поуни, а по эту сторону гор других племен нет.

— Брат Стэнджерсон, я пойду вперед и посмотрю, что там такое,— вызвался один из всадников.

— И я! И я! — раздались голоса.

— Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас внизу,— распорядился старший.

Молодые люди мгновенно спрыгнули с лошадей и, привязав их, начали карабкаться по крутизне вверх, к розовому предмету, разжегшему их любопытство. Они взбирались быстро и бесшумно, с той ловкостью и уверенностью движений, какая бывает только у опытных лазутчиков. Стоявшие внизу следили, как они перепрыгивали с уступа на уступ, пока наконец не увидели их фигуры вверху, на фоне неба. Тот юноша, что первый поднял тревогу, опередил остальных. Люди, шедшие следом, вдруг увидели, как он удивленно вскинул руки, и,

догнав его, тоже остановились, пораженные представшим перед ними зрелищем.

На маленькой площадке, венчавшей голую вершину, высился гигантский валун, а возле него лежал крупный, но невероятно исхудалый мужчина с длинной бородой. По безмятежному выражению его изможденного лица и по ровному дыханию было видно, что он крепко спит. Рядом, обхватив его темную жилистую шею круглыми беленькими ручками и положив голову ему на грудь, спала девочка. Ее золотистые волосы рассыпались по вытертому бархату его куртки, розовые губы чуть раздвинулись в счастливой улыбке, показывая ровный ряд белоснежных зубов. Ее пухлые белые ножки в белых носочках и аккуратных туфельках с блестящими пряжками представляли странный контраст с длинными высохшими ногами ее спутника. Над ними, на краю скалы, торжественно и мрачно восседали три сарыча; при появлении пришельцев они с хриплым, сердитым клекотом медленно взмыли вверх.

Крик этих мерзких птиц разбудил спящих; они подняли головы, растерянно озираясь вокруг. Мужчина, шатаясь, встал и поглядел вниз, на равнину, такую пустынную в тот час, когда его сморил сон, а теперь кишевшую множеством людей и животных. Не веря своим глазам, он провел рукой по лицу.

— Вот это, наверное, и есть предсмертный бред,— пробормотал он. Девочка стояла рядом, держась за полу его куртки, и молча глядела вокруг широко раскрытыми глазами.

Пришельцам быстро удалось убедить несчастных, что их появление не галлюцинация. Один из них поднял девочку и посадил себе на плечо, а двое других, поддерживая изможденного путника, помогли ему спуститься вниз и подойти к каравану.

— Меня зовут Джоном Ферье,— сказал он.— Нас было двадцать два человека, остались в живых только я да эта малютка. Остальные погибли от голода и жажды еще там, на юге.

— Это твоя дочь? — спросил кто-то.

— Теперь моя! — вызывающе сказал путник.— Моя, потому что я ее спас. Никому ее не отдам! С этого дня она — Люси Ферье. Но вы-то кто? — спросил он, с лю-

бопытством глядя на своих рослых загорелых спасителей.— Похоже, вас тут целая туча!

— Почти десять тысяч! — ответил один из молодых людей.— Мы божьи чада в изгнании, избранный народ ангела Мерона.

— В первый раз о таком слышу,— сказал путник.— Порядочно же у него избранников, как я погляжу!

— Не смей кощунствовать! — строго прикрикнул его собеседник.— Мы те, кто верит в святые заповеди, начертанные египетскими иероглифами на скрижалях кованого золота, которые были вручены святому Джозефу Смиту в Палмайре. Мы прибыли из Нову в штате Иллинойс, где мы построили свой храм. Мы скрываемся от жестокого тиранства и от безбожников и ищем убежище, пусть даже среди голой пустыни.

Название «Нову», видимо, что-то напомнило Джону Ферье.

— А, теперь знаю,— сказал он.— Вы мормоны[1].

— Да, мы мормоны,— в один голос подтвердили незнакомцы.

— Куда же вы направляетесь?

— Мы не знаем. Нас ведет рука господа в лице нашего Провидца. Сейчас ты предстанешь перед ним. Он скажет, что с тобой делать.

К этому времени они уже спустились к подножию горы; их ждала целая толпа пилигримов—бледные, кроткие женщины, крепенькие, резвые дети и озабоченные мужчины с суровыми глазами. Увидев, как изможден путник и как мала шедшая с ним девочка, они разразились возгласами удивления и сочувствия. Но сопровождающие, не останавливаясь, вели их дальше, пока не очутились возле повозки, которая была гораздо больше остальных и украшена ярче и изящнее. Ее везла шестерка лошадей, другие же повозки были запряжены парой и лишь немногие — четверкой. Рядом с возницей сидел человек лет тридцати на вид; такая крупная голова и волевое лицо могли быть только у вождя. Он читал толстую книгу в коричневом переплете; когда подошла

---

[1] Мормоны — религиозная секта, основанная Д. Смитом (1805—1844) в 1830 году. Учение мормонов — причудливая смесь христианских, мусульманских, буддистских и др. верований.

толпа, он отложил книгу и со вниманием выслушал рассказ о происшедшем. Затем он повернулся к путникам.

— Мы возьмем вас с собой,—торжественно произнес он,— лишь в том случае, если вы примете нашу веру. Мы не потерпим волков в нашем стаде. Если вы окажетесь червоточиной, постепенно разъедающей плод, то пусть лучше ваши кости истлеют в пустыне. Согласны вы идти с нами на этих условиях?

— Да, я пойду с вами на каких угодно условиях! — с такой пылкостью воскликнул Ферье, что суровые старейшины не могли удержаться от улыбки. И только строгое выразительное лицо вождя не изменило прежнего выражения.

— Возьми его к себе, брат Стэнджерсон,— сказал он,— накорми и напои его и ребенка. Поручаю тебе также научить их нашей святой вере. Но мы слишком долго задержались. Вперед, братья! В Сион!

— В Сион! В Сион!— воскликнули стоявшие поблизости мормоны. Этот клич, подхваченный остальными, понесся по длинному каравану и, перейдя в неясный гул, затих где-то в дальнем его конце. Защелкали кнуты, заскрипели колеса, повозки тронулись с места, и караван снова потянулся через пустыню. Старейшина, попечениям которого Провидец поручил двух путников, отвел их в свой фургон, где их накормили обедом.

— Вы будете жить здесь,— сказал он.— Пройдет несколько дней, и ты совсем окрепнешь. Но не забывай, что отныне и навсегда ты принадлежишь к нашей вере. Так сказал Бригем Янг[1], а его устами говорил Джозеф Смит, то есть глас божий.

ГЛАВА II

ЦВЕТОК ЮТЫ

Здесь, пожалуй, не место вспоминать все бедствия и лишения, которые пришлось вынести беглым мормонам, пока они не нашли свою тихую пристань. С бес-

[1] Бригем Янг (1801—1877) — вождь мормонов после смерти Д. Смита.

примерным в истории упорством они пробирались от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор. Дикари, хищные звери, голод, жажда, изнеможение и болезни — словом, все препятствия, которые природа ставила на их пути, преодолевались с чисто англосаксонской стойкостью. И все же долгий путь и бесконечные беды расшатали волю даже самых отважных. Когда внизу перед ними открылась залитая солнцем широкая долина Юты, когда они услышали от своего вождя, что это и есть земля обетованная и что эта девственная земля отныне будет принадлежать им навеки, все, как один, упали на колени, в жарких молитвах благодаря бога.

Янг оказался не только смелым вожаком, но и толковым управителем. Вскоре появились карты местности и чертежи с планировкой будущего города. Вокруг него были разбиты участки для ферм, распределявшиеся соответственно положению каждого. Торговцам предоставили возможность заниматься торговлей, ремесленникам — своим ремеслом. Городские улицы и площади возникали словно по волшебству. В долине осушали болота, ставили изгороди, расчищали поля, сажали, сеяли, и на следующее лето она золотилась зреющей пшеницей. В этом необычном поселении все росло, как на дрожжах. И быстрее всего вырастал огромный храм в центре города; с каждым днем он становился все выше и обширней. С ранней зари до наступления ночи возле этого монумента, воздвигаемого поселенцами тому, кто благополучно провел их через множество опасностей, стучали молотки и визжали пилы.

Два одиноких путника, Джон Ферье и маленькая девочка, делившая его судьбу в качестве приемной дочери, прошли с мормонами до конца их трудных странствий. Маленькая Люси удобно путешествовала в повозке Стэнджерсона, где вместе с нею помещались три жены мормона и его сын, бойкий, своевольный мальчик двенадцати лет. Детская душа обладает упругостью, и Люси быстро оправилась от удара, причиненного смертью матери; вскоре она стала любимицей женщин и привыкла к новой жизни на колесах под парусиновой крышей. А Ферье, окрепнув после невзгод, оказался полезным проводником и неутомимым охотником. Он быстро завоевал уважение мормонов, и, добравшись наконец до земли обетованной,

онн единодушио решили, что ои заслуживает такого же большого и плодородиого участка земли, как и все прочие поселеицы, разумеется, за исключением Янга и четырех главиых старейшии — Стэиджерсоиа, Кемболла, Джоистоиа н Дреббера, которые были иа особом положеиии.

На своем участке Ферье поставил добротиый бревеичатый сруб, а в последующие годы делал к иему пристройки, и в коице коицов его жилище превратилось в простормый загородиый дом. Ферье обладал практической сметкой, любое дело спорилось в его ловких руках, а железиое здоровье позволяло ему трудиться иа своей земле от зари до зари, поэтому дела на ферме шли отлично. Через три года ои стал зажиточиее всех своих соседей, через шесть лет был состоятельным человеком, через девять — богачом, а через двеиадцать лет в Солт-Лейк-Сити ие иашлось бы и десяти человек, которые могли бы сравияться с иим. От Солт-Лейк-Сити до далекого хребта Уосатч ие было имеии известиее, чем имя Джоиа Ферье.

И только одио-едииствеииое обстоятельство огорчало и обижало его едииоверцев. Никакие доводы и уговоры ие могли заставить его взять себе, по примеру прочих, несколько жеи. Ои не объясиял причииы отказа, ио держался своего решеиия твердо и иепреклоиио. Одни обвиияли его в иедостаточиой приверженности к прииятой им вере, другие считали, что он просто скупец и ие желает лишиих расходов. Некоторые утверждали, что всему причииой старая любовь и что где-то иа берегах Атлаитического океаиа по иему тоскует белокурая красавица. Но как бы то ии было, Ферье упорио оставался холостяком. В остальиом же ои строго следовал вере поселеицев н слыл человеком иабожиым и честиым.

Люси Ферье росла в бревеичатом доме и помогала приемиому отцу во всех его делах. Мать и няиек ей замеияли свежий гориый воздух и целительиый аромат сосеи. Время шло, и с каждым годом оиа стаиовилась все выше и сильиее, все ярче рдел ее румяиец, и все более упругой делалась походка. И ие в одиом путиике, проезжавшем по дороге мимо фермы Ферье, оживали вдруг давио заглохшие чувства при виде стройиой девичьей

фигурки, мелькавшей на пшеничном поле или сидевшей верхом на отцовском мустанге, которым она правила с легкостью и изяществом настоящей дочери Запада. Бутон превратился в цветок, и в тот год, когда Джон Ферье оказался самым богатым из фермеров, его дочь считалась самой красивой девушкой во всей Юте.

Конечно, не отец был первым, кто заметил превращение ребенка в женщину. Отцы вообще замечают это редко. Перемена совершается так постепенно и неуловимо, что ее невозможно определить точной датой. Ее не сознает даже сама девушка, пока от звука чьего-то голоса или прикосновения чьей-то руки не затрепещет ее сердце и она вдруг с гордостью и страхом не почувствует, что в ней зреет что-то новое и большое. Редкая женщина не запомнит на всю жизнь тот пустяковый случай, который возвестил ей зарю новой жизни. Для Люси Ферье этот случай был отнюдь не пустяковым, не говоря уже о том, что он повлиял на ее судьбу и судьбы многих других.

Стояло жаркое июньское утро. Мормоны трудились, как пчелы,— недаром они избрали своей эмблемой пчелиный улей. Над полями, над улицами стоял деловитый гул. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы нагруженных тяжелой поклажей мулов — они шли на запад, ибо в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а путь по суше проходил через город Избранных. Туда же двигались гурты овец и волов с дальних пастбищ, тянулись караваны усталых переселенцев; нескончаемое путешествие одинаково изматывало и людей и животных.

Сквозь эту пеструю толчею с уверенностью искусного наездника скакала на своем мустанге Люси Ферье. Лицо ее раскраснелось, длинные каштановые волосы развевались за спиной. Отец послал ее в город с каким-то поручением, и, думая лишь о деле и о том, как она его выполнит, девушка с бесстрашием юности врезалась в самую гущу движущейся толпы. Охотники за золотом, обессиленные долгой дорогой, с восторженным изумлением глазели ей вслед. Даже бесстрастным индейцам, обвешанным звериными шкурами, изменила их привычная выдержка, и они восхищенно разглядывали эту бледнолицую красавицу.

У самой окраины города дорогу запрудило огромное стадо скота, с ним еле справлялись пять-шесть озверевших пастухов. Люси, горевшей нетерпением, показалось, что животные расступились, и она решила ехать напрямик сквозь стадо. Но едва она успела въехать в образовавшийся проезд, как ряды животных снова сомкнулись, и она очутилась в живом потоке, со всех сторон окруженная длиннорогими быками с налитыми кровью глазами. Девушка привыкла управляться со скотом и, ничуть не растерявшись, при каждой возможности подгоняла лошадь, надеясь пробиться вперед. К несчастью, один из быков случайно или намеренно боднул мустанга в бок, и тот мгновенно пришел в неистовство. Храпя от ярости, он взвился на дыбы, загарцевал, заметался так, что, будь Люси менее искусной наездницей, он непременно сбросил бы ее с седла. Положение становилось опасным. Каждый раз, опуская передние копыта, взбешенный мустанг снова натыкался на рога и снова вставал на дыбы, разъяряясь еще больше. Девушка изо всех сил старалась удержаться в седле, иначе ее ждала страшная смерть под копытами грузных, перепуганных быков. Она не знала, что делать; у нее закружилась голова, рука, сжимавшая поводья, ослабела. Задыхаясь от пыли, от запаха разгоряченных животных, она в отчаянии чуть было не выпустила из рук поводья, как вдруг рядом послышался ободряющий голос, и она поняла, что ей пришли на помощь. И тотчас же смуглая мускулистая рука схватила испуганного мустанга за уздечку, и незнакомый всадник, протискиваясь между быков, вскоре вывел его на окраинную улицу.

— Надеюсь, вы не пострадали, мисс? — почтительно обратился к Люси ее спаситель.

Взглянув в его энергичное смуглое лицо, она весело рассмеялась.

— Я ужасно струсила,— наивно сказала она,— вот уж не думала, что мой Пончо испугается стада быков!

— Слава богу, что вы удержались в седле,— серьезно произнес всадник, высокий молодой человек в грубой охотничьей куртке и с длинным ружьем за спиной. Лошадь под ним была крупная, чалой масти.

— Вы, должно быть, дочь Джона Ферье? — спросил

он.— Я видел, как вы выезжали из ворот его фермы. Когда вы его увидите, спросите, помнит ли он Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Ферье, то они с моим отцом были очень дружны.

— Почему бы вам не зайти и не спросить об этом самому? — спокойно спросила девушка.

Молодому человеку, очевидно, понравилось это предложение — у него даже заблестели глаза.

— Я бы с удовольствием,— сказал он,— но мы два месяца пробыли в горах, и я не знаю, удобно ли в таком виде делать визиты. Придется принять нас такими, как есть.

— Он примет вас с огромной благодарностью, и я тоже,— ответила Люси.— Он очень любит меня. Если бы меня растоптали эти быки, он горевал бы всю жизнь.

— Я тоже,— сказал молодой охотник.

— Вы? Но вам-то что до меня? Ведь мы с вами даже не друзья.

Смуглое лицо охотника так помрачнело, что Люси Ферье громко рассмеялась.

— О, не принимайте это всерьез,— сказала она.— Конечно, теперь вы наш друг. Приходите к нам непременно! А сейчас я должна торопиться, иначе отец ничего не станет мне поручать! До свиданья!

— До свиданья! — Он снял свое широкое сомбреро и наклонился к ее маленькой ручке. Люси круто повернула мустанга, стегнула его хлыстом и поскакала по широкой дороге, вздымая за собой облако пыли.

Джефферсон Хоуп-младший вернулся к своим спутникам. Он был угрюм и молчалив. Они искали в горах Невады серебро и возвратились в Солт-Лейк-Сити, надеясь собрать денег для разработки открытых ими залежей. Он был увлечен этим делом не меньше остальных, пока внезапное происшествие не отвлекло его мысли совсем в иную сторону.

Образ прелестной девушки, чистой и свежей, как ветерок Сьерры, до глубины всколыхнул его пылкую, необузданную душу. Когда она скрылась из виду, он понял, что отныне для него началась новая жизнь и что ни спекуляции с серебром, ни любые другие дела не могут быть для него важнее, чем это неожиданное и всепогло-

щающее чувство. Это была не юношеская мимолетная влюбленность, а бурная, неистовая страсть человека с сильной волей и властным характером. Он привык добиваться всего, чего хотел. Он поклялся себе, что добьется и теперь, если только удача зависит от напряжения всех сил и от всей настойчивости, на какую он способен.

В тот же вечер он пришел к Джону Ферье и потом навещал его так часто, что вскоре стал своим человеком в доме. Джон целых двенадцать лет не выезжал за пределы долины и к тому же был настолько поглощен своей фермой, что почти ничего не знал о том, что делается в мире. А Джефферсон Хоуп мог рассказать немало, и рассказчик он был такой, что его заслушивались и отец и дочь. Он был пионером в Калифорнии и знал много диковинных историй о том, как в те безумные и счастливые дни создавались и гибли целые состояния. Он был разведчиком необжитых земель, искал в горах серебряную руду, промышлял охотой и работал на ранчо. Если что-либо сулило рискованные приключения, Джефферсон Хоуп всегда был тут как тут. Вскоре он стал любимцем старого фермера, который не скупился на похвалы его достоинствам. Люси при этом обычно помалкивала, но горячий румянец и радостно блестевшие глаза ясно говорили о том, что ее сердце ей уже не принадлежит. Простодушный фермер, быть может, и не видел этих красноречивых признаков, но они не ускользнули от внимания того, кто завоевал ее любовь.

Однажды летним вечером он подскакал верхом к ферме и спешился у ворот. Люси, стоявшая на пороге дома, пошла ему навстречу. Он привязал лошадь к забору и зашагал по дорожке.

— Я уезжаю, Люси,— сказал он, взяв ее руку в свои и нежно глядя ей в глаза.— Я не прошу вас ехать со мной сейчас, но согласны ли вы уехать со мной, когда я вернусь?

— А когда вы вернетесь? — засмеялась она, краснея.

— Самое большее месяца через два. Я приеду и увезу вас, дорогая моя. Никто не посмеет стать между нами.

— А что скажет отец?

— Он согласен, если дела на рудниках пойдут хорошо. А я в этом не сомневаюсь.

— Ну, если вы с отцом уже столковались, что же мне остается делать...— прошептала девушка, прижавшись щекой к его широкой груди.

— Благодарю тебя, господи! — хрипло произнес он и, нагнувшись, поцеловал девушку.— Значит, решено! Чем дольше я останусь с тобой, тем труднее будет уехать. Меня ждут в каньоне. До свиданья, радость моя, до свиданья. Увидимся через два месяца.

Он наконец оторвался от нее, вскочил на лошадь и бешеным галопом поскакал прочь — даже не оглянулся, словно боясь, что, если увидит ее хоть раз, у него не хватит силы уехать. Стоя у ворот, Люси глядела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Тогда она вошла в дом, чувствуя, что счастливее ее нет никого во всей Юте.

ГЛАВА III

ДЖОН ФЕРЬЕ БЕСЕДУЕТ С ПРОВИДЦЕМ

С тех пор, как Джефферсон Хоуп и его товарищи уехали из Солт-Лейк-Сити, прошло три недели. Сердце Джона Ферье сжималось от тоски при мысли о возвращении молодого человека и о неизбежной разлуке со своей приемной дочерью. Однако сияющее личико девушки действовало на него сильнее любых доводов, и он почти примирился с неизбежностью. В глубине своей мужественной души он твердо решил, что никакая сила не заставит его выдать дочь за мормона. Он считал, что мормонский брак — это стыд и позор. Как бы он ни относился к догмам мормонской веры, в вопросе о браке он был непоколебим. Разумеется, ему приходилось скрывать свои убеждения, ибо в стране святых в те времена было опасно высказывать еретические мысли.

Да, опасно, и настолько опасно, что даже самые благочестивые не осмеливались рассуждать о религии иначе, как шепотом, боясь, как бы их слова не были истолкованы превратно и не навлекли бы на них немедленную

кару. Жертвы преследования сами стали преследователями и отличались при этом необычайной жестокостью. Ни севильская инквизиция, ни германский фемгерихт, ни тайные общества в Италии не могли создать более мощной организации, чем та, что темной тенью стлалась по всему штату Юта.

Организация эта была невидима, окутана таинственностью и поэтому казалась вдвое страшнее. Она была всеведущей и всемогущей, но действовала незримо и неслышно. Человек, высказавший хоть малейшее сомнение в непогрешимости мормонской церкви, внезапно исчезал, и никто не ведал, где он и что с ним сталось. Сколько ни ждали его жена и дети, им не суждено было увидеть его и узнать, что он испытал в руках его тайных судей. Неосторожное слово или необдуманный поступок неизбежно вели к уничтожению виновного, но никто не знал, что за страшная сила гнетет их. Не удивительно, что люди жили в непрерывном страхе, и даже посреди пустыни они не смели шептаться о своих тягостных сомнениях.

Поначалу эта страшная темная сила карала только непокорных — тех, кто, приняв веру мормонов, отступался от нее или нарушал ее догмы. Вскоре, однако, ее стали чувствовать на себе все больше и больше людей. У мормонов не хватало взрослых женщин; а без женского населения доктрина о многоженстве теряла всякий смысл. И вот поползли странные слухи — слухи об убийствах среди переселенцев, о разграблении их лагерей, причем в тех краях, где никогда не появлялись индейцы. А в гаремах старейшин появлялись новые женщины — тоскующие, плачущие, с выражением ужаса, застывшим на их лицах. Путники, проезжавшие в горах поздней ночью, рассказывали о шайках вооруженных людей в масках, которые бесшумно прокрадывались мимо них в темноте. Слухи и басни обрастали истинными фактами, подтверждались и подкреплялись новыми свидетельствами, и наконец эта темная сила обрела точное название. И до сих пор еще в отдаленных ранчо Запада слова «союз данитов» или «ангелы-мстители» вызывают чувство суеверного страха.

Но, узнав, что это за организация, люди стали бояться ее не меньше, а больше. Никто не знал, из кого состояла эта беспощадная секта. Имена тех, кто участвовал в кро-

вавых злодеяннях, совершениых якобы во нмя религии, сохранялнсь в глубокой тайне. Друг, которому вы поверялн свон сомнения относительио Провндца н его мнссии, мог оказаться однням нз тех, которые, жаждая местн, явятся к вам ночью с огнем и мечом. Поэтому каждый боялся своего соседа и ннкто не высказывал вслух свонх сокровенных мыслей.

В одно прекрасное утро Джон Ферье собрался было ехать в поля, как вдруг услышал стук щеколды. Выглянув в окио, он увндел полного рыжеватого мужчину средннх лет, который иаправлялся к дому. Ферье похолодел: это был не кто иной, как велнкнй Брнгем Янг.

Ферье, дрожа, броснлся к дверн встречать вождя мормонов — он знал, что это появленне ие сулнт инчего хорошего. Янг сухо ответнл на приветствия н, сурово сдвннув бровн, прошел вслед за иим в гостиную.

— Брат Ферье,— сказал ои, усевшись и сверля фермера взглядом из-под светлых ресннц,—мы, нстнно верующне, былн тебе добрымн друзьямн. Мы подобрали тебя в пустыне, где ты умнрал от голода, мы разделнлн с тобой кусок хлеба, мы привезлн тебя в Обетованную долину, наделнлн тебя хорошей землей н, покровнтельствуя тебе, дали возможность разбогатеть. Разве не так?

— Так,— ответнл Джои Ферье.

— И взамен мы потребовалн только одного: чтобы ты прнобщнлся к нстнной вере н во всем следовал ее законам. Ты обещал, ио еслн то, что говорят о тебе, правда, зиачнт, ты нарушил обещанне.

— Как же я его иарушнл? — протестующе поднял рукн Ферье.— Разве я ие вношу свою долю в общнй фонд? Разве я не хожу в храм? Разве я...

— Где твон жены? — перебнл Янг, оглядываясь вокруг.— Пусть прндут, я хочу с ними поздороваться.

— Это верио, я ие женат. Но жеищин мало, н многие среди нас иуждаются в ннх больше, чем я. Я все-такн не одинок — обо мне заботнтся моя дочь.

— Вот о дочери я н хочу поговорнть с тобой,— сказал вождь мормоиов.— Оиа уже взрослая н слывет цветком Юты; она прншлась по сердцу некоторым достойнейшнм людям.

Джон Ферье насторожился.

— О ней болтают такое, чему я не склонен верить. Ходят слухи, что она обручена с каким-то язычником. Это, конечно, пустые сплетни. Что сказано в тринадцатой заповеди святого Джозефа Смита? «Каждая девица, исповедующая истинную веру, должна быть женой одного из избранных; если же она станет женой иноверца, то совершит тяжкий грех». Я не могу поверить, чтобы ты, истинно верующий, позволил своей дочери нарушить святую заповедь.

Джон Ферье молчал, нервно теребя свой хлыст.

— Вот это будет испытанием твоей веры — так решено на Священном Совете Четырех. Девушка молода, мы не хотим выдавать ее за седого старика и не станем лишать ее права выбора. У нас, старейшин, достаточно своих телок [1], но мы должны дать жен нашим сыновьям. У Стэнджерсона есть сын, у Дреббера тоже, и каждый из них с радостью примет в дом твою дочь. Пусть она выберет одного из двух. Оба молоды, богаты и исповедуют нашу святую веру. Что ты на это скажешь?

Ферье, сдвинув брови, молчал.

— Дайте нам время подумать,— сказал он наконец.— Моя дочь еще очень молода, ей рано выходить замуж.

— Она должна сделать свой выбор за месяц,— ответил Янг, подымаясь с места.— Ровно через месяц она обязана дать ответ.

В дверях он обернулся; лицо его вдруг налилось кровью, глаза злобно сверкнули.

— Если ты, Джон Ферье,— почти закричал он,— вздумаешь со своими слабыми силенками противиться приказу Четырех, то ты пожалеешь, что твои и ее кости не истлели тогда на Сьерра-Бланка!

Погрозив ему кулаком, он вышел за дверь. Ферье молча слушал, как хрустит галька на дорожке под его тяжелыми сапогами.

Он сидел, упершись локтем в колено, и раздумывал, как сообщить обо всем этом дочери, но вдруг почувство-

---

[1] Гебер Ч. Кембелл в одной из проповедей наградил этим нежным эпитетом сотню своих жен. (*Прим. автора.*)

вал ласковое прикосновение руки и, подняв голову, увидел, что Люси стоит рядом.

— Я не виновата,— сказала она, отвечая на его недоуменный взгляд.— Его голос гремел по всему дому. Ах, отец, отец, что нам теперь делать?

— Ты только не бойся! — Он притянул девушку к себе и ласково провел широкой грубой ладонью по ее каштановым волосам.— Все уладится. Как тебе кажется, ты еще не начала остывать к этому малому?

В ответ послышалось горькое всхлипывание, и ее рука стиснула руку отца.

— Значит, нет. Ну и слава богу — не хотел бы я услышать, что ты его разлюбила. Он славный мальчик и настоящий христианин к тому же, не то, что здешние святоши, несмотря на все их молитвы и проповеди. Завтра в Неваду едут старатели — я уж как-нибудь дам ему знать, что с нами приключилось. И насколько я понимаю, он примчится сюда быстрее, чем телеграфная депеша!

Это сравнение рассмешило Люси, и она улыбнулась сквозь слезы.

— Он приедет и посоветует, как нам быть,— сказала она.— Но мне страшно за тебя, дорогой. Говорят... говорят, что с теми, кто идет наперекор Провидцу, всегда случается что-то ужасное...

— Но мы еще не идем ему наперекор,— возразил отец.— А дальше видно будет, еще успеем поостеречься. У нас впереди целый месяц, а потом, мне думается, нам лучше всего бежать из Юты.

— Бросить Юту!

— Да, примерно так.

— А наша ферма?

— Постараемся продать, что можно, выручим немного денег, а остальное—что ж, пусть пропадает. По правде говоря, Люси, я уже не раз подумывал об этом. Ни перед кем я не могу пресмыкаться, как здешний народ пресмыкается перед этим чертовым Провидцем. Я свободный американец, и все это не по мне. А переделывать себя уже поздно. Если он вздумает шататься вокруг нашей фермы, то, чего доброго, навстречу ему вылетит хороший заряд дроби!

— Но оии нас ие выпустят!

— Погодн, пусть приедет Джефферсон, и мы все устроим. А пока ии о чем не беспокойся, девочка, н не плачь, а то у тебя опухнут глазки, и мие от него здорово попадет! Бояться нечего, и никакая опасиость иам не грозит.

Джои Ферье успоканвал ее весьма уверенным тоиом, но Люсн ие могла не заметнть, что в этот вечер ои с особой тщательиостью запер все двери, а потом вычистил н зарядил старое, заржавлениое охотиичье ружье, которое внсело у него иад кроватью.

ГЛАВА IV

ПОБЕГ

На следующее утро после разговора с мормоиским Провидцем Джон Ферье отправился в Солт-Лейк-Снти н, иайдя зиакомого, который уезжал в горы Невады, вручил ему письмо для Джефферсоиа Хоупа. Ои иаписал, что нм угрожает иеминуемая опасиость н что крайне иеобходнмо, чтобы он прнехал поскорее. Когда Ферье отдал пнсьмо, иа душе у иего стало легче, и, возвращаясь домой, он даже повеселел.

Подойдя к ферме, он уднвнлся, увндев, что к столбам ворот прнвязаны две лошади. Уднвлеине его возросло, когда он вошел в дом: в гостиной весьма иепрниужденно расположнлнсь двое молодых людей. Однн, длнииолнцый и бледный, разваднлся в кресле-качалке, положнв иогн на печь; второй, с бычьей шеей н грубым, одутловатым лицом, стоял у окна, заложнв рукн в карманы, и насвнстывал церковиый гнми. Оба кнвнули вошедшему Ферье.

— Вы, вероятно, нас не знаете,— иачал тот, что сндел в кресле-качалке.— Это сын старейшнны Дреббера, а я Джозеф Стэнджерсои, который странствовал с вамн в пустыне, когда господь простер свою руку н направнл вас в лоно нстниной церквн.

— Как иаправнт он всех людей иа свете, когда придет время,— гиусавым голосом подхватил второй.— У бога для праведных места много.

Джон Ферье холодно поклонился. Он догадался, кто они, эти гости.

— Мы пришли,— продолжал Стэнджерсон,— просить руки вашей дочери для того из нас, кто полюбится вам и ей. Правда, поскольку у меня всего четыре жены, а у брата Дреббера — семь, то у меня есть некоторое преимущество.

— Ничего подобного, брат Стэнджерсон! — воскликнул Дреббер.— Дело вовсе не в том, сколько у кого жен,— главное, кто сможет их содержать. Мне отец передал свои фабрики, стало быть, я теперь богаче тебя.

— Зато виды на будущее у меня лучше! — запальчиво возразил Стэнджерсон.— Когда господь призовет к себе моего отца, мне достанется его кожевенный завод и дубильня. Кроме того, я старше тебя и выше по положению!

— Пусть девушка выберет сама,— усмехнулся Дреббер, любуясь своим отражением в зеркале.— Мы предоставим решать ей.

Джон Ферье слушал этот разговор у двери, кипя от злости и еле сдерживая желание обломать свой хлыст о спины гостей.

— Ну, вот что,— сказал он, шагнув вперед.— Когда моя дочь вас позовет, тогда и приднете, а до тех пор я не желаю видеть ваши физиономии!

Молодые мормоны остолбенело воззрились на хозяина. По их понятиям, спор из-за девушки был высочайшей честью и для нее и для ее отца.

— Из этой комнаты два выхода,— продолжал Ферье,— через дверь и через окно. Который вы предпочитаете?

Ярость, исказившая его лицо, и угрожающе поднятый кулак заставили гостей вскочить на ноги и поспешно обратиться в бегство. Старый фермер шел за ними до дверей.

— Когда договоритесь, кто из вас жених, дайте мне знать,— с издевкой сказал он.

— Ты за это поплатишься! — выкрикнул Стэнджерсон, побелев от злости.— Ты ослушался Провидца и Совет Четырех и будешь раскаиваться в этом до конца своих дней!

— Тяжело тебя покарает десница божья! — воскликнул Дреббер-младший.— Мы сотрем тебя с лица земли!

— Еще посмотрим, кто кого,— взревел Ферье и бросился было за ружьем, но Люси удержала его, схватив за руку.

А за воротами уже слышался стук копыт, и Ферье понял, что их теперь не догнать.

— Ах, подлые ханжи! — бранился фермер, отирая со лба пот.— Да лучше мне видеть тебя мертвой, чем женой кого-нибудь из них!

— Я тоже предпочла бы умереть, отец,— твердо сказала девушка.— Но ведь скоро приедет Джефферсон.

— Да. Теперь уже скоро. И чем скорее, тем лучше: от них всего можно ожидать.

И в самом деле, мужественный старый фермер и его приемная дочь сейчас отчаянно нуждались в совете и помощи. Среди мормонов еще не было случая, чтобы кто-нибудь оказывал открытое неповиновение старейшинам. Если даже мелкие проступки карались столь сурово, чего же мог ждать такой бунтарь, как Ферье? Он знал, что ни положение, ни богатство его не спасут. Люди не менее известные и состоятельные, чем он, внезапно исчезали навсегда, а все их имущество переходило к церкви. Ферье был далеко не труслив, и все же он трепетал, думая о нависшей над ним таинственной, неосязаемой угрозе. Любую явную опасность он встретил бы, не теряя присутствия духа, но его страшила неизвестность. Он скрывал этот страх от дочери и делал вид, будто все происшедшее — сущие пустяки, но любовь к отцу сделала ее прозорливой, и она подмечала все оттенки его настроения и ясно видела, что ему сильно не по себе.

Он ждал, что Янг возмутится его поведением и призовет его к ответу, и не ошибся, хотя это случилось совершенно неожиданным образом. На следующее же утро он, проснувшись, с изумлением обнаружил маленький квадратный листок бумаги, пришпиленный к одеялу прямо у него на груди. Крупным размашистым почерком на нем было написано:

«На искупление вины тебе дается двадцать девять дней, а потом —».

Тире было страшнее всяких угроз. Ферье тщетно ломал голову, стараясь догадаться, как могла эта бумажка попасть к нему в комнату. Слуги спали в отдельном флигеле, а все окна и двери дома были накрепко заперты. Он уничтожил бумажку и ничего не сказал дочери, но сердце его холодело от ужаса. Двадцать девять дней оставалось до конца месяца, то есть срока, назначенного Янгом. Какое же мужество, какие силы нужны для борьбы с врагом, обладающим такой таинственной властью? Рука, приколовшая к его одеялу записку, могла нанести ему удар в сердце, и он так и не узнал бы, кто его убийца.

На другое утро ему стало еще страшнее. Сидя с ним за завтраком, Люси вдруг удивленно вскрикнула и показала на потолок. Там, на самой середине, было выведено — очевидно, обугленной палкой — число «28». Для Люси это было загадкой, а Ферье не стал ей ничего объяснять. Всю эту ночь он просидел с ружьем в руках, не смыкая глаз и навострив слух. Он ничего не увидел и не услышал, но утром снаружи на двери появилось число «27».

Так проходил день за днем, и каждое утро он неизменно убеждался, что незримые враги ведут точный счет и где-нибудь на виду обязательно оставляют напоминание о том, сколько дней осталось до конца назначенного срока. Иногда роковые цифры появлялись на стенах, иногда — на полу, а то и на листках бумаги, приклеенных к садовой калитке или к доскам забора. При всей своей бдительности Джон Ферье так и не мог обнаружить, каким образом появлялись эти ежедневные предупреждения. Каждый раз при виде цифр его охватывал почти суеверный ужас. Он потерял покой, исхудал, и в глазах его стоял тоскливый страх, как у затравленного зверя. Его поддерживала лишь единственная надежда на то, что вот-вот из Невады примчится молодой охотник.

Число двадцать постепенно сократилось до пятнадцати, пятнадцать до десяти, а от Джефферсона Хоупа все не было никаких вестей. Количество оставшихся дней таяло, но Хоуп не появлялся. Услышав на улице стук конских копыт или окрик возчика, погонявшего лошадей,

старый фермер бросался к воротам, надеясь, что наконец-то пришла помощь. Но когда цифра пять сменилась четверкой, а четверка тройкой, он совсем пал духом и перестал надеяться на спасение. Он понимал, что один, да еще плохо зная окружающие горы, он будет совершенно беспомощен. Все проезжие дороги тщательно охранялись, и никто не мог выехать без пропуска, выданного Советом Четырех. Куда ни поверни, нигде не скрыться от нависшей над ним смертельной опасности. И все-таки ничто не могло поколебать его решения скорее расстаться с жизнью, чем обречь свою дочь на позор и бесчестие.

Однажды вечером он сидел один, уйдя в мысли о своей беде и тщетно стараясь найти какой-нибудь выход. Утром на стене дома появилась цифра «2»; завтра — последний день назначенного срока. И что будет потом? Воображение смутно рисовало ему всякие ужасы. А дочь — что будет с ней, когда его не станет? Неужели нет способа вырваться из этой паутины, плотно облепившей их обоих? Он уронил голову на стол и заплакал от сознания своего бессилия.

Но что это? До него донесся легкий скребущий звук, отчетливо слышный в ночной тишине. Звук это шел от входной двери. Ферье прокрался в прихожую и напряженно прислушался. Несколько секунд полной тишины, затем снова тот же чуть слышный и словно бы вкрадчивый звук. Очевидно, кто-то тихонько постукивал пальцем по дверной филенке. Быть может, ночной убийца, явившийся привести в исполнение приговор тайного судилища? Или это напоминание о том, что наступил последний день отпущенного ему срока? Джон Ферье решил, что мгновенная смерть лучше мучительного ожидания, которое истерзало его сердце и заставляло трепетать каждый нерв. Бросившись вперед, он выдернул засов и распахнул дверь.

Снаружи было тихо и спокойно. Стояла ясная ночь, в небе ярко переливались звезды. Фермер оглядел маленький, огороженный решеткой садик перед домом — ни там, ни на улице не было ни души. Облегченно вздохнув, Ферье посмотрел направо и налево и вдруг, случайно опустив глаза, увидел прямо у своих ног ничком распростертого на земле человека.

Ферье в ужасе отпрянул к стене и схватился за горло, чтобы подавить крик. Первой его мыслью было, что человек на земле ранен или мертв; но тот вдруг быстро и бесшумно, как змея, пополз по земле прямо в дом. Очутившись в прихожей, человек вскочил на ноги и запер дверь. Затем обернулся — и изумленный фермер узнал жесткое и решительное лицо Джефферсона Хоупа.

— Господи! — задыхаясь, произнес Джон Ферье.— Как ты меня напугал! Почему ты явился ползком?

— Дайте мне поесть,— прохрипел Хоуп.— Двое суток у меня не было во рту ни крошки.— Он набросился на холодное мясо и хлеб, оставшиеся на столе после ужина, и жадно поглощал кусок за куском.

— Как Люси? — спросил он, утолив голод.

— Ничего. Она не знает, в какой мы опасности,— ответил Ферье.

— Это хорошо. За домом следят со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Но как они ни хитры, а охотника из Уошоу им не поймать!

Почувствовав, что теперь у него есть преданный союзник, Джон Ферье словно переродился. Он схватил загрубевшую руку Хоупа и крепко стиснул.

— Таким, как ты, можно гордиться,— сказал он.— Не многие бы рискнули разделить с нами такую беду!

— Что верно, то верно,— ответил молодой охотник.— Я очень вас уважаю, но, по чести сказать, будь вы один, я бы еще дважды подумал, прежде чем совать голову в это осиное гнездо. Я приехал из-за Люси, и пока Джефферсон Хоуп ходит по земле, с ней ничего не случится!

— Что же мы будем делать?

— Завтра — последний день, и если сегодня не скрыться, вы погибли. В Орлином ущелье нас ждут две лошади и мул. Сколько у вас денег?

— Две тысячи долларов золотом и пять тысяч банкнотами.

— Достаточно. У меня примерно столько же. Надо пробраться через горы в Карсон-Сити. Разбудите Люси. Хорошо, что слуги спят не в доме.

Пока Ферье помогал дочери собираться в путешествие, Джефферсон Хоуп собрал в узелок все съестное, что

нашлось в доме, и наполнил глиняный кувшин водой — он знал по опыту, что в горах источников мало, к тому же они находятся далеко один от другого. Едва он закончил сборы, как явился фермер с дочерью, уже одетой и готовой отправиться в путь. Влюбленные поздоровались пылко, но торопливо: сейчас нельзя было терять ни минуты, а дел предстояло еще много.

— Мы должны выйти немедленно,— сказал Джефферсон Хоуп тихо и твердо, как человек, сознающий, насколько велика опасность, но решивший не сдаваться.— За передним и черным ходом следят, но мы можем осторожно вылезти в боковое окно и пойти полями. Выйдем к дороге, а оттуда всего две мили до Орлиного ущелья, где нас ждут лошади. К рассвету мы проедем половину пути через горы.

— А что, если нас задержат? — спросил Ферье.

Джефферсон похлопал по рукоятке револьвера, торчащей из-под его куртки.

— Если их будет слишком много, то двух-трех мы возьмем с собой,— мрачно усмехнулся он.

В доме потушили свет, и Ферье из темного окна поглядел на свои поля, которые он покидал навсегда. Он давно уже приучал себя к мысли о том, что эта жертва неизбежна: честь и счастье дочери были для него дороже утраченного состояния. Вокруг стояла безмятежная тишь, чуть слышно шелестели деревья, широкие поля дышали покоем, и было трудно представить себе, что где-то там притаилась смерть. Однако, судя по бледности и суровому выражению лица молодого охотника, пробираясь к дому, он видел достаточно и был осторожным не зря.

Ферье взял мешок с деньгами, Джефферсон Хоуп — скудный запас еды и воду, а Люси — маленький сверток с несколькими дорогими ее сердцу вещицами. Очень медленно и осторожно открыв окно, они подождали, пока черная туча не наползла на небо, закрыв собою звезды, и тогда один за другим спустились в маленький садик. Пригнувшись и затаив дыхание, они прокрались к забору и бесшумно двинулись вдоль него к пролому, выходившему в пшеничное поле. Внезапно молодой человек толкнул своих спутников в тень, и все трое, дрожа, приникли к земле.

Жизнь в прериях развила у Джефферсона Хоупа острый, рысий слух. Едва он и его друзья успели растянуться на земле, как в нескольких шагах раздался заунывный крик горной совы; в ответ послышался такой же крик где-то неподалеку. И тотчас же в проломе, куда стремились беглецы, возникла неясная темная фигура; опять тот же жалобный условный крик — и из темноты выступил второй человек.

— Завтра в полночь,— произнес первый, по-видимому, начальник.— Когда трижды прокричит козодой.

— Хорошо,— ответил второй.— Сказать брату Дребберу?

— Скажи ему, а он пусть передаст другим. Девять к семи!

— Семь к пяти!— сказал второй, и они разошлись в разные стороны. Последние слова, очевидно, были паролем и отзывом. Когда шаги их затихли вдали, Джефферсон вскочил на ноги, помог своим спутникам пройти через пролом и побежал по полю, поддерживая девушку и почти неся ее на руках, когда она выбивалась из сил.

— Скорей, скорей! — то и дело шептал он, задыхаясь.— Мы прошли линию часовых. Теперь все зависит от быстроты. Скорей!

Попав наконец на дорогу, где идти было легче, беглецы зашагали быстрее. Лишь однажды им кто-то попался навстречу, но им удалось вовремя броситься в поле, и они остались незамеченными. Не доходя до города, охотник свернул на узкую каменистую тропу, ведшую в горы. В темноте над ними маячили две черные зубчатые вершины, разделенные узким ущельем,— это и было Орлиное ущелье, где беглецов ждали лошади. С безошибочным чутьем Джефферсон Хоуп провел своих спутников между огромных валунов и затем по высохшему руслу потока к укромному месту среди скал, где были привязаны верные животные. Девушку усадили на мула, старый Ферье со своим мешком сел на одну из лошадей, другую же Джефферсон Хоуп, взяв под уздцы, повел по крутой, обрывистой тропе.

Это был трудный путь для тех, кто не привык к

природе в самом первобытном ее состоянии. С одной стороны на тысячу футов вверх вздымалась огромная скала, черная, суровая и грозная, с длинными базальтовыми столбами вдоль отвесной стены, похожими на ребра окаменевшего чудовища. С другой стороны — обрыв и дикий хаос внизу, нагромождение каменных глыб и обломков, по которым ни пройти, ни проехать. А посредине беспорядочно петляла тропа, местами такая узкая, что ехать по ней можно было лишь гуськом; и такая скалистая, что одолеть ее мог только опытный наездник. И все же, несмотря на трудности и опасности, беглецы воспрянули духом, ибо с каждым шагом увеличивалось расстояние между ними и той страшной деспотической силой, от которой они пытались спастись.

Однако вскоре им пришлось убедиться, что они еще не совсем ушли из-под власти святых. Они доехали до самого глухого места на всем пути, как вдруг девушка испуганно вскрикнула и указала наверх. Там, над самой тропинкой, на темной скале четко выделялся на фоне неба силуэт одинокого часового. И в ту же минуту часовой заметил их, и над безмолвным ущельем прогремел окрик: «Кто идет?»

— Путники в Неваду,— отозвался Джефферсон Хоуп, хватаясь за ружье, лежавшее поперек седла.

Часовой, взведя курок, вглядывался в них сверху, видимо, не удовлетворенный ответом Хоупа.

— Кто дал разрешение? — спросил он.

— Священный Совет Четырех,— сказал Ферье. Живя среди мормонов, он знал, что Совет Четырех представляет собою высшую власть.

— Девять к семи! — крикнул часовой.

— Семь к пяти,— быстро ответил Джефферсон Хоуп, вспомнив подслушанный в саду пароль.

— Проезжайте с богом,— сказал голос сверху.

За сторожевым постом дорога стала шире, и лошади перешли на рысь. Оглянувшись, путники увидели одинокого человека, который стоял, опершись на ружье, и поняли, что благополучно миновали границу страны избранного народа. Впереди их ждала свобода!

ГЛАВА V

АНГЕЛЫ-МСТИТЕЛИ

Всю ночь они ехали по извилистым ущельям, по петляющим каменистым тропам. Не раз они сбивались с пути, но Хоуп, отлично знавший горы, снова выводил их на правильную дорогу. Когда рассвело, перед ними открылось зрелище удивительной, хотя и дикой красоты. Со всех сторон их обступали огромные снежные вершины — каждая словно выглядывала из-за плеча другой, чтобы увидеть дальние горизонты. Их скалистые склоны были так круты, что сосны и лиственницы как бы висели над головами проезжих и, казалось, первый же порыв ветра сбросит их вниз. И, наверное, эти опасения были не напрасны: голая долина была сплошь усеяна деревьями и валунами, рухнувшими сверху. Когда беглецы проезжали долиной, где-то неподалеку сорвался огромный камень и с сильным грохотом покатился вниз, будя эхо в гулких ущельях и перепугав усталых лошадей, которые вдруг понеслись вскачь.

Над горизонтом медленно вставало солнце, и снежные вершины загорались одна за другой, как фонарики на празднестве, пока все сразу не запылали красным пламенем. Путники невольно залюбовались этим великолепным зрелищем — они даже ощутили прилив новых сил. Сделав привал у ручья, вытекавшего из какого-то ущелья, они наскоро перекусили и напоили лошадей. Люси и ее отец охотно остались бы здесь подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим.

— Они уже пустились в погоню за нами,— сказал он.— Теперь все зависит от быстроты. Доберемся до Карсона — и можем отдыхать хоть всю жизнь.

Весь день они пробирались по ущельям и к вечеру, по их расчетам, были больше чем за тридцать миль от своих врагов. Они нашли себе приют на ночь под выступом скалы, где кое-как можно было укрыться от холодного ветра, и там, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, проспали несколько часов, но еще до рассвета снова пустились в путь. Они не замечали никаких признаков погони, и Джефферсон Хоуп начал уже думать, что им удалось ускользнуть от страшной организации,

гиев которой они навлекли на себя. Он не знал, как далеко простирается ее железная рука и как скоро она сожмет их в кулак и раздавит.

В середине второго дня их странствий скудные запасы еды почти истощились. Впрочем, это мало беспокоило охотника: в горах водилась дичь, а ему и прежде часто приходилось добывать себе пищу с помощью ружья. Найдя укромный уголок, он собрал кучу валежника и разжег яркий костер, чтобы Люси и старый Ферье могли погреться. Они находились на высоте около пяти тысяч футов над уровнем моря, и воздух резко похолодал. Привязав лошадей и кивнув на прощание Люси, он перебросил ружье через плечо и отправился на поиски какой-нибудь дичи. Пройдя немного, он оглянулся: старик и девушка сидели у костра, а за ними неподвижно стояли привязанные лошади. Затем их заслонили собою скалы.

Он прошел мили две, блуждая по ущельям, но ничего не нашел, хотя по ободранной кое-где коре деревьев и по другим приметам он заключил, что где-то поблизости обитает множество медведей. Потратив на тщетные поиски часа два-три, он вконец отчаялся и хотел было повернуть обратно, как вдруг, подняв глаза, увидел нечто такое, от чего радостно забилось его сердце. На выступе высокой скалы, футах в трехстах — четырехстах над ним стояло животное, с виду похожее на овцу, но с гигантскими рогами. Снежный баран — так называлось это животное — был, вероятно, вожаком стада, которого Хоуп не мог увидеть снизу. К счастью, баран смотрел в другую сторону и не заметил охотника. Джефферсон Хоуп бросился на землю, положил дуло ружья на камень и долго прицеливался, прежде чем спустить курок. Наконец он выстрелил; животное подпрыгнуло, чуть-чуть задержалось на краю выступа и рухнуло вниз в долину.

Снежный баран оказался таким тяжеловесным, что охотник не стал тащить его на себе и отрезал лишь заднюю ногу и часть бока. Взвалив свои трофеи на плечо, он поспешил в обратный путь, так как начинало уже смеркаться. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как понял, что, увлекшись поисками, он забрел в незнакомые места и теперь будет не так-то легко отыскать

дорогу обратно. Долину окружали ущелья, ничем не отличавшиеся одно от другого. По какому-то из них он прошел около мили и наткнулся на горный поток, который, как он точно помнил, не встречался ему по пути в долину. Убедившись, что он заблудился, охотник попробовал было пойти по другому ущелью — и опять ему пришлось повернуть обратно. Быстро надвигалась ночь и почти уже стемнело, когда он наконец нашел ущелье, которое показалось ему знакомым. Но и тут ему стоило большого труда не сбиться с пути: луна еще не взошла, и среди высоких скал царила полная тьма. Сгибаясь под тяжелой ношей, измученный бесконечными блужданиями, Джефферсон Хоуп брел вперед, подбадривая себя мыслью, что с каждым шагом он все ближе к Люси и что мяса, которое он несет, хватит им до конца путешествия.

Наконец, он подошел ко входу в то самое ущелье, где оставил Люси и ее отца. Даже в темноте Хоуп узнал очертания скал, окружавших долину. Должно быть, подумал он, о нем уже беспокоятся — ведь он ушел почти пять часов назад. У него стало радостно на душе; он приставил руки ко рту, и гулкое эхо далеко разнесло веселый клич, которым он оповещал о своем возвращении. Он прислушался, ожидая ответа. Ни звука, кроме его собственного голоса, прогремевшего в мрачных, безмолвных ущельях и снова и снова повторяемого эхом. Он крикнул еще раз, погромче прежнего, и опять не услышал никакого отклика от друзей, с которыми так недавно расстался. В сердце его закралась неясная, беспричинная тревога; он в смятении ринулся вперед, сбросив с плеч свою ношу.

Обогнув скалу, он увидел площадку, где был разведен костер. Там еще дымилась куча золы, но, очевидно, никто не поддерживал огонь после его ухода. Вокруг царила все та же мертвая тишина. Его смутные опасения превратились в уверенность; он подбежал ближе. Возле тлеющих остатков костра не было ни одного живого существа: девушка, старик, лошади — все исчезли. Было ясно, что в его отсутствие сюда нагрянула страшная беда — беда, которая настигла их всех, не оставив никаких следов.

У Джефферсона Хоупа, потрясенного тяжким ударом,

вдруг все поплыло перед глазамн, н ему пришлось опереться на ружье, чтобы не упасть. Однако он был человеком действня н быстро преодолел свою слабость. Выхватнв нз золы тлеющую головешку, он дул, пока она не запылала, н, светя себе этнм факелом, принялся осматривать маленький лагерь. Земля была истоптана конскими копытами, значит, на беглецов напал большой отряд всадников, а по направлению следов было видно, что отсюда онн повернули обратно, к Солт-Лейк-Ситн. Очевидно, они увезлн с собой н старика и девушку. Джефферсон Хоуп почтн убедил себя, что это так, но вдруг сердце его дрогнуло и нервы напряглись до предела. Чуть поодаль он увидел нечто такое, чего здесь не было прежде,— небольшую кучку красноватой земли. Сомнений быть не могло — это недавно засыпанная могила. Молодой охотинк подошел ближе: из землн торчала палка, в ее расщепленный конец был засунут листок бумаги. Джефферсон Хоуп прочел краткую, но исчерпывающую надпись:

Джон Ферье
нз Солт-Лейк-Сити

умер 4 августа 1860.

Значнт, мужественного старого фермера, с которым он расстался так недавно, уже нет в живых и вот это — все, что написали на его могиле! Джефферсон Хоуп дико огляделся вокруг, ища вторую могилу. Второй не оказалось. Люси увезли с собой эти чудовища, она обречена быть одной из жен в гареме сына старейшины. Поняв, что судьба ее решена и что он бессилен помешать мормонам, молодой человек горько пожалел, что не лежит вместе со стариком в этой тихой могнле.

Но деятельная натура снова преодолела апатию, которую порождает отчаяние. Если он не в силах помочь девушке, то по крайней мере может посвятить свою жизнь отмщению. Наряду с безграничным терпением и настойчивостью в характере Джефферсона Хоупа была и мстительность — это, вероятно, передалось ему от индейцев, среди которых он вырос. Стоя у потухшего костра, он чувствовал, что облегчить его горе может только полное возмездие врагам, совершенное его

собственной рукой. Отныне его сильная воля и неутомимая энергия будут посвящены только этой единственной цели. Бледный и угрюмый, Джефферсон Хоуп пошел туда, где он бросил мясо убитого барана, потом развел огонь и приготовил себе еду на несколько дней. Он сложил мясо в мешок и, несмотря на усталость, отправился в путь через горы, по следам ангелов-мстителей.

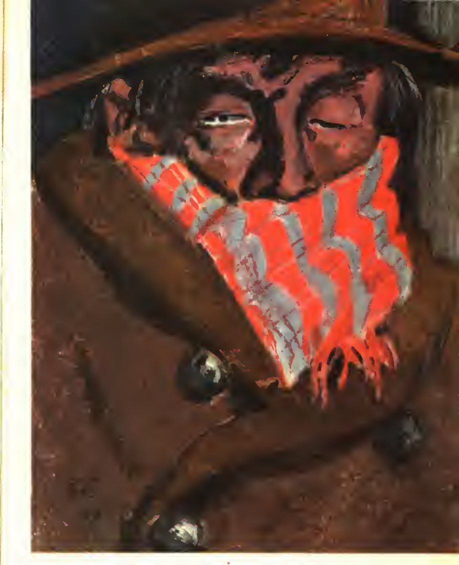
Пять дней, чуть не падая от изнеможения, сбивая до крови ноги, брел он по тем же ущельям, где недавно проезжал верхом. Ночью он забывался на несколько часов где-нибудь на земле среди скал, но еще до рассвета поднимался и снова шагал дальше. На шестой день он дошел до Орлиного ущелья, откуда начался их неудачный побег. Перед ним открылся вид на гнездо мормонов. Джефферсон Хоуп, обессилевший, изможденный, оперся на ружье и яростно погрозил кулаком широко раскинувшемуся внизу безмолвному городу. Он увидел флаги на главных улицах: очевидно, там происходило какое-то торжество. Раздумывая, что бы это могло значить, он услышал топот копыт — к нему приближался какой-то всадник. Хоуп узнал в нем мормона по имени Каупер, которому он не раз оказывал услуги. Он подошел к нему, надеясь выведать что-нибудь о судьбе Люси.

— Я Джефферсон Хоуп,— сказал он.— Вы меня помните?

Мормон уставился на него с нескрываемым изумлением. И в самом деле, трудно было узнать прежнего молодого щеголеватого охотника в этом грязном оборванце с мертвенно-бледным лицом и горящими глазами. Но когда он в конце концов убедился, что перед ним Джефферсон Хоуп, изумление на его лице сменилось ужасом.

— Вы с ума сошли! Зачем вы сюда явились? — воскликнул он.— Если кто увидит, что я с вами разговариваю, мне несдобровать! Священный Совет Четырех дал приказ арестовать вас за то, что вы помогли сбежать Ферье и его дочери!

— Не боюсь я ни вашего Совета, ни его приказов,— твердо сказал Хоуп.— Вы, должно быть, что-нибудь о них знаете. Заклинаю вас всем, что для вас до-

«Этюд в багровых тонах»

«Этюд в багровых тонах»

рого, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради бога, не отказывайте мне в этой просьбе!

— Ну, что вам нужно? — беспокойно озираясь, спросил мормон.— Скорее только. У скал есть уши, а у деревьев — глаза.

— Что с Люси Ферье?

— Ее вчера обвенчали с младшим Дреббером. Эй, эй, да что с вами такое? Вы просто помертвели!

— Пустяки,— побелевшими губами еле выговорил Хоуп и опустился на камень.— Вы говорите, обвенчали?

— Да, вчера. Потому и флаги возле храма вывесили. Младший Дреббер и младший Стэнджерсон все спорили, кому из них она достанется. Оба были в отряде, который помчался в погоню, и Стэнджерсон застрелил ее отца, и это вроде бы давало ему преимущество, но на Совете у Дреббера была сильная поддержка, и Провидец отдал девушку ему. Только, думается мне, ненадолго, вчера по лицу ее было видно, что не жить ей на этом свете. Не женщина стояла под венцом, а привидение. Вы что, уходите?

— Ухожу,— сказал Джефферсон Хоуп, поднимаясь. Его застывшее, суровое лицо, казалось, было высечено из мрамора, и только глаза горели недобрым огнем.

— Куда же вы идете?

— Это неважно,— ответил он и, вскинув ружье на плечо, побрел в ущелье, а оттуда — в самое сердце гор, к логовам хищных зверей. Среди них не было более опасного и свирепого зверя, чем он сам.

Предсказание мормона сбылось. Подействовала на нее ужасная смерть отца или ненавистный насильственный брак, но бедняжка Люси, ни разу не поднявшая глаз, стала чахнуть и через месяц умерла. Вечно пьяный Дреббер, который женился на Люси главным образом из-за состояния Джона Ферье, не слишком скорбел о своей утрате. Ее оплакивали остальные его жены, по обычаю мормонов просидевшие у ее гроба всю ночь накануне погребения. А когда забрезжил рассвет, дверь вдруг распахнулась, и перепуганные, изумленные женщины увидели перед собой косматого одичалого человека в лохмотьях. Не обращая внимания на сбившихся в кучу

женщины, он подошел к бездыханному телу, в котором еще так недавно обитала чистая душа Люси Ферье. Нагнувшись, он благоговейно прижался губами к ее холодному лбу, потом поднял ее руку и снял с пальца обручальное кольцо.

— Она не ляжет в могилу с этим кольцом! — гневно прорычал он и, прежде чем женщины успели поднять тревогу, бросился на лестницу и исчез. Все это было так диковинно и произошло так быстро, что женщины не поверили бы себе и не убедили других, если бы не один неоспоримый факт: маленький золотой ободок, символ брака, исчез с ее пальца.

Несколько месяцев Джефферсон Хоуп бродил по горам, вел странную полузвериную жизнь и лелеял в своем сердце свирепую жажду мести. В городе ходили слухи о таинственном существе, которое обитало в глухих горных ущельях и не раз прокрадывалось к окраинам города. Однажды в окно Стэнджерсона влетела пуля и расплющилась о стену в каком-нибудь футе от его головы. Другой раз возле проходившего под скалой Дреббера пролетел огромный камень,— он избежал ужасной смерти лишь потому, что мгновенно бросился ничком на землю. Оба молодых мормона сразу догадались, кто покушался на их жизнь, и неоднократно устраивали набеги в горы, надеясь поймать или убить своего врага, но все их попытки кончались безуспешно. Тогда они решили из предосторожности не выходить из дома в одиночку, тем более вечером, а возле своих домов поставили караульных. Но постепенно они перестали соблюдать осторожность, ибо враг больше не давал о себе знать, и они надеялись, что время остудило его мстительный пыл.

Это было далеко не так, оно скорее усилило его. Охотник, упрямый и неподатливый по натуре, был так одержим навязчивой мыслью о мести, что не мог уже думать больше ни о чем другом.

Однако он обладал прежде всего практическим умом. Он вскоре понял, что даже его железный организм не выдержит постоянных испытаний, которым он себя подвергал. Жизнь под открытым небом и отсутствие здоровой пищи подорвали его силы. Но если он тут, в горах, околеет как собака, кто же отомстит негодяям? А его, ко-

иечио, ждет нмеиио такая смерть, еслн он будет вестн тот же образ жизин. Он зиал, что это сыграет иа руку его врагам, и поэтому заставнл себя вернуться в Неваду, на свон рудинкн, чтобы восстаиовить здоровье и иакопнть денег, а потом сиова добиваться своей цели, не терпя особых лишеиий.

Ои намеревался прожить в Неваде не больше года, ио всякие непредвнденные обстоятельства задержали его на пять лет. Несмотря на долгнй срок, он так же остро чувствовал свое горе и так же жаждал мести, как в ту памятную иочь, когда он стоял у могнлы Джона Ферье. Он вериулся в Солт-Лейк-Сити, измеиив свой облик и назвавшнсь другим именем. Его ничуть ие заботила собствениая участь — лишь бы удалось свершить справедливое возмездне. В городе его ждали плохие вести. Несколько месяцев назад среди избраииого иарода произошел раскол: младшие члены церкви взбуитовались против власти старейшин. В результате иекоторая часть недовольиых отказалась от мормоиской веры и покинула Юту. Среди инх былн Дреббер н Стэйджерсои; куда оии уехали, иикто не зиал. Говорили, будто Дрebberу удалось выручить за свое имущество иемалые деиьги и ои уехал богачом, а его товарищ Стэйджерсои был сравиительно беден. Одиако иикто ие мог подсказать, где их следует разыскивать.

· Миогие даже самые мстнтельиые людн, столкнувшнсь с таким препятствием, перестали бы и думать о возмездии, но Джефферсои Хоуп ие колебался ин мииуты. Денег у иего было иемиого, ио ои, хватаясь за любую возможиость подработать и кое-как сводя коицы с коицами, ездил из города в город, разыскивая своих врагов. Год проходнл за годом, чериые волосы Хоупа засеребрились седнной, а он, как нщейка, все рыскал по городам, сосредоточившнсь иа той едииственой цели, которой посвятил свою жизнь. И иакоиец его упорство было возиаграждеио. Проходя по улице, ои бросил всего лишь одии взгляд иа мелькиувшее в окие лицо, ио этого было достаточио: теперь он зиал, что люди, за которыми он гоиится столько лет, иаходятся здесь, в Клнвлеиде, штат Огайо. Он вериулся в свое жалкое жилище с готовым плаиом мести. Случнлось, одиако, так, что Дреббер, выгляиувший в окио, заметил бродягу на улнце и прочел

в его глазах свой смертный приговор. Вместе со Стэнджерсоном, который стал его личным секретарем, он кинулся к мировому судье и заявил, что их из ревности преследует старый соперник и им угрожает опасность. В тот же вечер Джефферсон Хоуп был арестован, и так как не нашлось никого, кто бы взял его на поруки, то он просидел в тюрьме несколько недель. Выйдя на свободу, Хоуп обнаружил, что дом Дреббера пуст: он со своим секретарем уехал в Европу.

Мститель снова потерял их следы, и снова ненависть заставила его продолжать погоню. Но для этого необходимы были деньги, и он опять стал работать, стараясь сберечь каждый доллар для предстоящей поездки. Наконец, скопив достаточно, чтобы не умереть с голода, он уехал в Европу и опять начал скитаться по городам, не гнушаясь никакой работой и выслеживая своих врагов. Догнать их, однако, не удавалось. Когда он добрался до Петербурга, Дреббер и Стэнджерсон уже уехали в Париж; он поспешил туда и узнал, что они только что отбыли в Копенгаген. В столицу Дании он тоже опоздал — они отправились в Лондон, где наконец-то он и застиг их.

О том, что там произошло, лучше всего узнать из показаний старого охотника, записанных в дневнике доктора Уотсона, которому мы и так уже многим обязаны.

ГЛАВА VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСОК ДОКТОРА ДЖОНА УОТСОНА

По-видимому, яростное сопротивление нашего пленника вовсе не означало, что он пылает ненавистью к нам, ибо, поняв бесполезность борьбы, он неожиданно улыбнулся и выразил надежду, что никого не зашиб во время этой свалки.

— Вы, наверное, повезете меня в участок,— обратился он к Шерлоку Холмсу.— Мой кэб стоит внизу. Если вы развяжете мне ноги, я сойду сам. А то нести меня будет не так-то легко: я потяжелел с прежних времен.

Грегсои н Лестрейд переглянулнсь, очевндно, считая, что это довольно рискоаино, но Шерлок Холмс, поверив плеиинку иа слово, тотчас же развязал полотенце, которым былн скручены его щиколотки. Тот встал н прошелся по комнате, чтобы размять ногн. Помню, глядя на него, я подумал, что ие часто можно увидеть человека столь могучего сложеиия; выраженне решнмости н энергнн на его смуглом, опаленном солнцем лнце прндавало его облнку еще большую внушнтельиость.

— Еслн случайно место начальннка полнцнн сейчас не занято, то лучше вас ннкого не иайтн,— сказал он, глядя на моего сожителя с нескрываемым восхнщеннем.— Как вы меня выследили — просто уму иепостнжимо!

— Вам тоже следовало бы поехать со мной,— сказал Холмс, повернувшись к сыщикам.

— Я могу быть за кучера,— предложнл Лестрейд.

— Отлнчно, а Грегсон сядет с намн в кэб. И вы тоже, доктор. Вы ведь ннтересуетесь этнм делом, так давайте поедем все вместе.

Я охотно согласился, и мы спустнлись вниз. Наш пленннк не делал никаких попыток к бегству; он спокойно сел в прниадлежавшнй ему кэб, а мы последовалн за ним. Взобравшнсь на козлы, Лестрейд стегнул лошадь н очень быстро доставнл нас в участок. Нас ввелн в небольшую комнатку, где полнцейский иинспектор, бледный и вялый, выполнявшнй свон обязанностн механнчески, со скучающим вндом запнсал нмя арестованного н его жертв.

— Арестованный будет допрошен судьямн в теченпе неделн,— сказал ннспектор.— Джефферсои Хоуп, хотите лн вы что-лнбо заявнть до суда? Предупреждаю: все, что вы скажете, может быть обращено против вас.

— Я многое могу сказать,— медлеино пронзнес наш пленннк.— Мне хотелось бы рассказать этнм джентльменам все.

— Может, расскажете иа суде? — спроснл ннспектор.

— А до суда я, наверное, и не дожнву. Не бойтесь, я ие собираюсь коичать самоубийством. Вы ведь док-

тор? — спросил он, устремив на меня свои горячие черные глаза.

— Да,— подтвердил я.

— Ну, так положите сюда вашу руку,— усмехнулся Хоуп, указывая скованными руками на свою грудь.

Я так и сделал и тотчас же ощутил под рукой сильные, неровные толчки. Грудная клетка его вздрагивала и тряслась, как хрупкое здание, в котором работает огромная машина. В наступившей тишине я расслышал в его груди глухие хрипы.

— Да ведь у вас аневризма аорты! — воскликнул я.

— Так точно,— безмятежно отозвался Хоуп.— На прошлой неделе я был у доктора — он сказал, что через несколько дней она лопнет. Дело к тому идет уже много лет. Это у меня оттого, что в горах Соленого озера я долго жил под открытым небом и питался как попало. Я сделал что хотел, и мне теперь безразлично, когда я умру, только прежде мне нужно рассказать, как это все случилось. Не хочу, чтобы меня считали обыкновенным головорезом.

Инспектор и оба сыщика торопливо посовещались, не нарушат ли они правила, позволив ему говорить.

— Как вы считаете, доктор, положение его действительно опасно? — обратился ко мне инспектор.

— Да, безусловно,— ответил я.

— В таком случае наш долг—в интересах правосудия снять с него показания,— решил инспектор.— Можете говорить, Джефферсон Хоуп, но еще раз предупреждаю: ваши показания будут занесены в протокол.

— С вашего позволения, я сяду,— сказал арестованный, опускаясь на стул.— От этой аневризмы я быстро устаю, да к тому же полчаса назад мы здорово отколошматили друг друга. Я уже на краю могилы и лгать вам не собираюсь. Все, что я вам скажу,— чистая правда, а как вы к ней отнесетесь, меня не интересует.

Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и начал свою удивительную историю. Рассказывал он подробно, очень спокойным тоном, будто речь шла о чем-то самом обыденном. За точность приведенного ниже рассказа я ручаюсь, так как мне удалось раздобыть за-

записную книжку Лестрейда, а он записывал все слово в слово.

— Вам не так уж важно знать, почему я ненавидел этих людей,— начал Джефферсон Хоуп,— достаточно сказать, что они были причиной смерти двух человеческих существ — отца и дочери — и поплатились за это жизнью. С тех пор, как они совершили это преступление, прошло столько времени, что мне уже не удалось бы привлечь их к суду. Но я знал, что они убийцы, и решил, что сам буду их судьей, присяжными и палачом. На моем месте вы поступили бы точно так же, если только вы настоящие мужчины.

Девушка, которую они сгубили, двадцать лет назад должна была стать моей женой. Ее силком выдали замуж за этого Дреббера, и она умерла от горя. Я снял обручальное кольцо с пальца покойницы и поклялся, что в предсмертную минуту он будет видеть перед собой это кольцо и, умирая, думать лишь о преступлении, за которое он понес кару. Я не расставался с этим кольцом и преследовал Дреббера и его сообщника на двух континентах, пока не настиг обоих. Они надеялись взять меня измором, но не тут-то было. Если я умру завтра, что очень вероятно, то умру я с сознанием, что дело мое сделано и сделано как следует. Я отправил их на тот свет собственной рукой. Мне больше нечего желать и не на что надеяться.

Они были богачами, а я нищим, и мне было нелегко гоняться за ними по свету. Когда я добрался до Лондона, у меня не осталось почти ни гроша; пришлось искать хоть какую-нибудь работу. Править лошадьми и ездить верхом для меня так же привычно, как ходить по земле пешком; я обратился в контору наемных кэбов и вскоре пристроился на работу. Я должен был каждую неделю давать хозяину определенную сумму, а все, что я зарабатывал сверх того, шло в мой карман. Мне перепадало немного, но кое-что удавалось наскрести на жизнь. Самое трудное для меня было разбираться в улицах — уж такой путаницы, как в Лондоне, наверное, нигде на свете нет! Я обзавелся планом города, запомнил главные гостиницы и вокзалы, и тогда дело пошло на лад.

Не сразу я разузнал, где живут эти мои господа; я справлялся везде и всюду и наконец выследил их. Они

остановились в меблированных комнатах в Камберуэлле, на той стороне Темзы. Раз я их нашел, значит, можно было считать, что они в моих руках. Я отрастил бороду — узнать меня было невозможно. Оставалось только не упускать их из виду. Я решил следовать за ними повсюду, чтобы им не удалось улизнуть.

А улизнуть они могли в любую минуту. Мне приходилось следить за ними, куда бы они ни отправлялись. Иногда я ехал в своем кэбе, иногда шел пешком, но ехать было удобнее — так им трудно было бы скрыться от меня. Теперь я мог зарабатывать только рано по утрам или ночью и, конечно, задолжал хозяину. Но меня это не заботило; самое главное — они были у меня в руках!

Они, впрочем, оказались очень хитры. Должно быть, они опасались слежки, поэтому никогда не выходили поодиночке, а в позднее время и вовсе не показывались на улице. Я колесил за ними две недели подряд и ни разу не видел одного без другого. Дреббер часто напивался, но Стэнджерсон всегда была настороже. Я следил за ними днем и ночью, а удобного для меня случая все не выпадало; но я не отчаивался — что-то подсказывало мне, что скоро наступит мой час. Я боялся только, что эта штука у меня в груди лопнет и я не успею сделать свое дело.

Наконец, как-то под вечер я ездил взад-вперед по Торки-Террас — так называется улица, где они жили,— и увидел, что к их двери подъехал кэб. Вскоре вынесли багаж, потом появились Стэнджерсон и Дреббер, сели в кэб и уехали. У меня екнуло сердце — чего доброго, они уедут из Лондона! Я хлестнул лошадь и пустился за ними. Они вышли у Юстонского вокзала, я попросил мальчишку присмотреть за лошадью и пошел за ними на платформу. Они спросили, когда отходит поезд на Ливерпуль; дежурный ответил, что поезд только что ушел, а следующий отправится через несколько часов. Стэнджерсон, как видно, был недоволен, а Дреббер вроде даже обрадовался. В вокзальной сутолоке я ухитрился незаметно пробраться поближе к ним и слышал каждое слово. Дреббер сказал, что у него есть маленькое дело; пусть Стэнджерсон подождет его здесь, он скоро вернется. Стэнджерсон запротестовал, напомнив ему,

что они решили всюду ходить вместе. Дреббер ответил, что дело его щекотливого свойства и он должен идти один. Я не расслышал слов Стэнджерсона, но Дреббер разразился бранью и заявил, что Стэнджерсон, мол, всего лишь наемный слуга и не смеет ему указывать. Стэнджерсон, видимо, решил не спорить и договорился с Дреббером, что, если тот опоздает к последнему поезду, он будет ждать его в гостинице «Холлидей». Дреббер ответил, что вернется еще до одиннадцати, и ушел.

Наконец-то настала минута, которой я ждал так долго. Враги были в моих руках. Пока они держались вместе, я бы не мог с ними справиться, но, очутившись врозь, они были бессильны против меня. Я, конечно, действовал не наобум. У меня заранее был составлен план. Месть не сладка, если обидчик не поймет, от чьей руки он умирает и за что несет кару. По моему плану тот, кто причинил мне зло, должен был узнать, что расплачивается за старый грех. Случилось так, что за несколько дней до того я возил одного джентльмена, он осматривал пустые дома на Брикстон-роуд и обронил ключ от одного из них в моем кэбе. В тот же вечер он хватился пропажи, и ключ я вернул, но днем успел снять с него слепок и заказать такой же. Теперь у меня имелось хоть одно место в этом огромном городе, где можно было не бояться, что мне помешают. Самое трудное было залучить туда Дреббера, и вот сейчас я должен был что-то придумать.

Дреббер пошел по улице, заглянул в одну распивочную, потом в другую — во второй он пробыл больше получаса. Оттуда он вышел пошатываясь — видно, здорово накачался. Впереди меня стоял кэб: он сел в него, а я поехал следом, да так близко, что морда моей лошади была почти впритык к задку его кэба. Мы проехали мост Ватерлоо, потом колесили по улицам, пока, к удивлению моему, не оказались у того дома, откуда он выехал. Зачем он туда вернулся, бог его знает; на всякий случай я остановился ярдах в ста. Он отпустил кэб и вошел... Дайте мне, пожалуйста, воды. У меня во рту пересохло.

Я подал ему стакан; он осушил его залпом.

— Теперь легче,— сказал он.— Так вот, я прождал примерно с четверть часа, и вдруг из дома донесся шум,

будто там шла драка. Потом дверь распахнулась, выбежали двое — Дреббер и какой-то молодой человек — его я видел впервые. Он тащил Дреббера за шиворот и на верхней ступеньке дал ему такого пинка, что тот кувырком полетел на тротуар. «Мерзавец! — крикнул молодой человек, грозя ему палкой.— Я тебе покажу, как оскорблять честную девушку!» Он был до того взбешен, что я даже испугался, как бы он не пристукнул Дреббера своей дубинкой, но подлый трус пустился бежать со всех ног. Добежав до угла, он вскочил в мой кэб. «В гостиницу «Холлидей»!» — крикнул он.

Он сидит в моем кэбе! Сердце у меня так заколотилось от радости, что я начал бояться, как бы моя аневризма не прикончила меня тут же. Я поехал медленно, обдумывая, что делать дальше. Можно было завезти его куда-нибудь за город и расправиться с ним на безлюдной дороге. Я было решил, что другого выхода нет, но он сам пришел мне на выручку. Его опять, видно, потянуло на выпивку — он велел мне остановиться возле питейного заведения и ждать его. Там он просидел до самого закрытия и так надрался, что, когда вышел, я понял — теперь все будет по-моему.

Не думайте, что я намеревался просто взять да убить его. Конечно, это было бы только справедливо, но к такому убийству у меня не лежала душа. Я давно уже решил дать ему возможность поиграть со смертью, если он того захочет. Во время моих скитаний по Америке я брался за любую работу, и среди всего прочего мне пришлось быть служителем при лаборатории Нью-Йоркского университета. Там однажды профессор читал лекцию о ядах и показал студентам алкалоид — так он это назвал,— добытый им из яда, которым в Южной Америке отравляют стрелы. Этот алкалоид такой сильный, говорил он, что одна крупица его убивает мгновенно. Я приметил склянку, в которой содержался препарат, и, когда все разошлись, взял немножко себе. Я неплохо знал аптекарское дело и сумел приготовить две маленькие растворимые пилюли с этим алкалоидом и каждую положил в коробочку рядом с такой же по виду, но совсем безвредной. Я решил, что, когда придет время, я заставлю обоих моих молодчиков выбрать себе одну из двух пилюль в коробочке, а я проглочу ту, что останется. Алкалоид

убьет наверняка, а шуму будет меньше, чем от выстрела сквозь платок. С того дня я всегда носил при себе две коробочки с пилюлями, и наконец-то настало время пустить их в ход.

Миновала полночь, время близилось к часу. Ночь была темная, ненастная, выл ветер, и дождь лил как из ведра. Но, несмотря на холод и мрак, меня распирала радость — такая радость, что я готов был заорать от восторга. Если кто-либо из вас, джентльмены, когда-нибудь имел желанную цель, целых двадцать лет только о ней одной и думал и вдруг увидел бы, что она совсем близка, вы бы поняли, что со мной творилось. Я закурил сигару, чтобы немного успокоиться, но руки у меня дрожали, а в висках стучало. Я ехал по улицам, и в темноте мне улыбались старый Джон Ферье и милая моя Люси — я видел их так же ясно, как сейчас вижу вас, джентльмены. Всю дорогу они были передо мной, справа и слева от лошади, пока я не остановился у дома на Брикстон-роуд.

Кругом не было ни души, не слышно было ни единого звука, кроме шума дождя. Заглянув внутрь кэба, я увидел, что Дреббер храпит, развалясь на сиденье. Я потряс его за плечо.

— Пора выходить,— сказал я.

— Ладно, сейчас,— пробормотал он.

Должно быть, он думал, что мы подъехали к его гостинице,— он молча вылез и потащился через палисадник. Мне пришлось идти рядом и поддерживать его — хмель у него еще не выветрился. Я отпер дверь и ввел его в переднюю. Даю вам слово, что отец и дочь все это время шли впереди нас.

— Что за адская тьма,— проворчал он, топчась на месте.

— Сейчас зажжем свет,— ответил я и, чиркнув спичкой, зажег принесенную с собой восковую свечу.— Ну, Енох Дреббер,— продолжал я, повернувшись к нему и держа свечку перед собой,— ты меня узнаешь?

Он уставился на меня бессмысленным пьяным взглядом. Вдруг лицо его исказилось, в глазах замелькал ужас — он меня узнал! Побледнев, как смерть, он отпрянул назад, зубы его застучали, на лбу выступил пот. А я, увидев все это, прислонился спиной к двери и гром-

ко захохотал. Я всегда знал, что месть будет сладка, но не думал, что почувствую такое блаженство.

— Собака! — сказал я.— Я гонялся за тобой от Солт-Лейк-Сити до Петербурга, и ты всегда удирал от меня. Но теперь уж странствиям твоим пришел конец — кто-то из нас не увидит завтрашнего утра!

Он все отступал назад; по лицу его я понял, что он принял меня за сумасшедшего. Да, пожалуй, так оно и было. В висках у меня били кузнечные молоты; наверное, мне стало бы дурно, если бы вдруг из носа не хлынула кровь — от этого мне полегчало.

— Ну что, вспомнил Люси Ферье? — крикнул я, заперев дверь и вертя ключом перед его носом.— Долго ты ждал возмездия, и наконец-то пришел твой час!

Я видел, как трусливо затрясся его подбородок. Он, конечно, стал бы просить пощады, но понимал, что это бесполезно.

— Ты решишься на убийство? — пролепетал он.

— При чем тут убийство? — ответил я.— Разве уничтожить бешеную собаку значит совершить убийство? А ты жалел мою дорогую бедняжку, когда оторвал ее от убитого вами отца и запер в свой гнусный гарем?

— Это не я убил ее отца! — завопил он.

— Но ты разбил ее невинное сердце! — крикнул я и сунул ему коробочку.— Пусть нас рассудит всевышний. Выбери пилюлю и проглоти. В одной смерть, в другой жизнь. Я проглочу ту, что останется. Посмотрим, есть ли на земле справедливость или нами правит случай.

Скорчившись от страха, он дико закричал и стал умолять о пощаде, но я выхватил нож, приставил к его горлу, и в конце концов он повиновался. Затем я проглотил оставшуюся пилюлю, с минуту мы молча стояли друг против друга, ожидая, кто из нас умрет. Никогда не забуду его лица, когда, почувствовав первые приступы боли, он понял, что проглотил яд! Я захохотал и поднес к его глазам кольцо Люси. Все это длилось несколько секунд — алкалоид действует быстро. Лицо его исказилось, он выбросил вперед руки, зашатался и с хриплым воплем тяжело рухнул на пол. Я ногой перевернул его на

спину и положил руку ему на грудь. Сердце не билось. Он был мертв!

Из носа у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Не знаю, почему мне пришло в голову сделать кровью надпись на стене. Может, из чистого озорства мне захотелось сбить с толку полицию,— очень уж весело и легко у меня было тогда на душе! Я вспомнил, что в Нью-Йорке нашли как-то труп немца, а под ним было написано слово «Rache»; газеты писали тогда, что это, должно быть, дело рук какого-то тайного общества. Что поставило в тупик Нью-Йорк, то поставит в тупик и Лондон, решил я и, обмакнув палец в свою кровь, вывел на видном месте это слово. Потом я пошел к кэбу — на улице было пустынно, а дождь лил по-прежнему. Я отъехал от дома, и вдруг, сунув руку в карман, где у меня всегда лежало кольцо, обнаружил, что его нет. Я был как громом поражен — ведь это была единственная памятка от Люси! Подумав, что я обронил его, когда наклонялся к телу Дреббера, я оставил кэб в переулке и побежал к дому — я готов был на любой риск, лишь бы найти кольцо. Возле дома я чуть было не попал в руки выходящего оттуда полисмена и отвел от себя подозрение только потому, что прикинулся в стельку пьяным.

Вот, значит, как Енох Дреббер нашел свою смерть. Теперь мне оставалось проделать то же самое со Стэнджерсоном и расквитаться с ним за Джона Ферье. Я знал, что он остановился в гостинице «Холлидей», и слонялся возле нее целый день, но он так и не вышел на улицу. Думается мне, он что-то заподозрил, когда Дреббер не явился на вокзал. Он был хитер, этот Стэнджерсон, и всегда держался начеку. Но напрасно он воображал, будто убережется от меня, если будет отсиживаться в гостинице! Вскоре я уже знал окно его комнаты, и на следующий день, едва стало светать, я взял лестницу, что валялась в проулке за гостиницей, и забрался к нему. Разбудив его, я сказал, что настал час расплатиться за жизнь, которую он отнял двадцать лет назад. Я рассказал ему о смерти Дреббера и дал на выбор две пилюли. Вместо того, чтобы ухватиться за единственный шанс спасти свою жизнь, он вскочил с постели и стал меня душить. Защищаясь, я ударил его ножом в сердце. Все

равно ему суждено было умереть — провиденне не допустнло бы, чтобы рука убийцы выбрала пилюлю без яда.

Мне уже немногое осталось рассказать, и слава богу, а то я совсем выбился из сил. Еще день-два я возил седоков, надеясь немного подработать и вернуться в Америку. И вот сегодня я стоял на хозяйском дворе, когда какой-то мальчишка-оборванец спросил, нет лн здесь кучера по имеии Джефферсон Хоуп. Его, мол, просят подать кэб на Бейкер-стрит, иомер 221-б. Ничего не подозревая, я поехал, и тут вдруг этот молодой человек защелкнул на мне наручники, да так ловко, что я и оглянуться не успел. Вот и все, джентльмены. Можете считать меня убийцей, но я утверждаю, что я так же послужил правосудию, как и вы.

История эта была столь захватывающей, а рассказывал он так выразительно, что мы слушали, не шелохнувшнсь н не проронив ни слова. Даже профессиональные сыщнки, blasé[1] всеми видами преступлений, казалось, следилн за его рассказом с острым интересом. Когда ои кончил, в комнате стояла полная тишина, нарушаемая только скрнпом карандаша,— это Лестрейд доканчивал свою стенографическую запись.

— Мне хотелось бы выяснить еще одно обстоятельство,— произнес наконец Шерлок Холмс.— Кто ваш сообщник — тот, который приходил за кольцом?

Джефферсон Хоуп шутливо подмигнул моему приятелю.

— Свои тайны я могу уже не скрывать,— сказал он,— но другим не стану причннять неприятности. Я прочел объявление и подумал, что либо это ловушка, либо мое кольцо и в самом деле найдено на улнце. Мой друг вызвался пойти н проверить. Вы, наверное, не стаиете отрицать, что он вас ловко провел.

— Что верно, то верно,— искренне согласился Холмс.

— Джентльмены,— важно произнес инспектор,— надо все же подчиняться установленным порядкам. В четверг арестованный предстанет перед судом, и вас пригла-

[1] Пресыщенные (*франц.*).

сят тоже. А до тех пор ответственность за него лежит на мне.

Он позвонил. Джефферсона Хоупа увели два тюремных стражника, а мы с Шерлоком Холмсом, выйдя из участка, подозвали кэб и поехали на Бейкер-стрит.

ГЛАВА VII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всех нас предупредили, что в четверг мы будем вызваны в суд; но когда наступил четверг, оказалось, что наши показания уже не понадобятся — Джефферсона Хоупа призвал к себе высший судия, чтобы вынести ему свой строгий и справедливый приговор. Ночью после ареста его аневризма лопнула, и наутро его нашли на полу тюремной камеры с блаженной улыбкой на лице, словно, умирая, он думал о том, что прожил жизнь не зря и хорошо сделал свое дело.

— Грегсон и Лестрейд, наверное, рвут на себе волосы,— сказал Холмс вечером, когда мы обсуждали это событие.— Он умер, и пропали все их надежды на шумную рекламу.

— По-моему, они мало что сделали для поимки преступника,— заметил я.

— В этом мире неважно, сколько вы сделали,— с горечью произнес Холмс.— Самое главное — суметь убедить людей, что вы сделали много. Но все равно,— продолжал он после паузы, уже веселее,— я ни за что не отказался бы от этого расследования. Я не помню более интересного дела. И как оно ни просто, все же в нем было немало поучительного.

— Просто?! — воскликнул я.

Холмса рассмешило мое изумление.

— Разумеется, его никак нельзя назвать сложным,— сказал он.— И вот вам доказательство — за три дня я без всякой помощи и только посредством самых обыкновенных умозаключений сумел установить личность преступника.

— Это верно!

— Я уже как-то говорил вам, что необычное — скорее помощь, чем помеха в нашем деле. При решении подобных задач очень важно уметь рассуждать ретроспективно. Это чрезвычайно ценная способность, и ее нетрудно развить, но теперь почему-то мало этим занимаются. В повседневной жизни гораздо полезиее думать наперед, поэтому рассуждения обратным ходом сейчас не в почете. Из пятидесяти человек лишь один умеет рассуждать аналитически, остальные же мыслят только синтетически.

— Должен признаться, я вас не совсем понимаю.

— Я так и думал. Попробую объяснить это понятнее. Большинство людей, если вы перечислите им все факты одни за другим, предскажут вам результат. Они могут мысленно сопоставить факты и сделать вывод, что должно произойти то-то. Но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными, или аналитическими, рассуждениями.

— Понимаю,— сказал я.

— Этот случай был именно таким—мы знали результат и должны были сами найти все, что к нему привело. Я попытаюсь показать вам различные стадии моих рассуждений. Начнем с самого начала. Вам известно, что я, не внушая себе заранее никаких идей, подошел к дому пешком. Естественно, я прежде всего исследовал мостовую и, как я уже говорил вам, обнаружил отчетливые следы колес, а из расспросов выяснилось, что кэб мог подъехать сюда только ночью. По небольшому расстоянию между колесами я убедился, что это был наемный кэб, а не частный экипаж — обыкновенный лондонский кэб гораздо у́же господской коляски.

Это было, так сказать, первое звено. Затем я медленно пошел через палисадник по дорожке; она была глинистая, то есть такая, на которой особенно заметно отпечатываются следы. Вам, конечно, эта дорожка представлялась просто полоской истоптанной грязи, но для моего натренированного глаза имела значение каждая отметина на ее поверхности. В сыскном деле нет ничего важнее, чем искусство читать следы, хотя именно ему у нас почти не уделяют внимания. К счастью, я много занимался этим, и благодаря долгой практике умение распознавать

следы стало моей второй натурой. Я увидел глубоко вдавленные следы констеблей, но разглядел и следы двух человек, проходивших по садику до того, как явилась полиция. Определить, что эти двое проходили раньше, было нетрудно: кое-где их следы были совершенно затоптаны констеблями. Так появилось второе звено. Я уже знал, что ночью сюда приехали двое — один, судя по ширине его шага, очень высокого роста, а второй был щегольски одет: об этом свидетельствовали изящные очертания его узких подошв.

Когда я вошел в дом, мои выводы подтвердились. Передо мной лежал человек в щегольских ботинках. Значит, если это было убийством, то убийца должен быть высокого роста. На мертвом не оказалось ран, но по ужасу, застывшему на его лице, я убедился, что он предвидел свою участь. У людей, внезапно умерших от разрыва сердца или от других болезней, не бывает ужаса на лице. Понюхав губы мертвого, я почувствовал чуть кисловатый запах и понял, что его заставили принять яд. Это подтверждалось еще и выражением ненависти и страха на его лице. Я убедился в этом с помощью метода исключения — известные мне факты не укладывались ни в какую другую гипотезу. Не воображайте, что тут произошло нечто неслыханное. Насильственное отравление ядом вовсе не новость в уголовной хронике. Каждый токсиколог тотчас вспомнил бы дело Дольского в Одессе или Летюрье в Монпелье.

Теперь передо мной встал главный вопрос: каковы мотивы преступления? Явно не грабеж: все, что имел убитый, осталось при нем. Быть может, это политическое убийство или тут замешана женщина? Я склонялся скорее ко второму предположению. Политические убийцы, сделав свое дело, стремятся как можно скорее скрыться. Это убийство, наоборот, было совершено без спешки, следы преступника видны по всей комнате, значит, он пробыл там довольно долго. Причины, по-видимому, были частного, а не политического характера и требовали обдуманной, жестокой мести. Когда на стене была обнаружена надпись, я еще больше утвердился в своем мнении. Надпись была сделана для отвода глаз. Когда же нашли кольцо, вопрос для меня был окончательно решен. Ясно, что убийца хотел напомнить своей жертве

о какой-то умершей или находящейся где-то далеко женщине. Тут-то я и спросил Грегсона, не поинтересовался ли он, посылая телеграмму в Кливленд, каким-либо особым обстоятельством в жизни Дреббера. Как вы помните, он ответил отрицательно.

Затем я принялся тщательно исследовать комнату, нашел подтверждение моих догадок о росте убийцы, а заодно узнал о трихинопольской сигаре и о длине его ногтей. Так как следов борьбы не оказалось, я заключил, что у убийцы от волнения хлынула из носа кровь. Кровяные пятна на полу совпадали с его шагами. Редко бывает, чтобы у человека шла носом кровь от сильных эмоций — разве только он очень полнокровен, поэтому я рискнул сказать, что преступник, вероятно, дюжий и краснолицый. События доказали, что я рассуждал правильно.

Выйдя из дома, я прежде всего исправил промах Грегсона. Я отправил телеграмму начальнику кливлендской полиции с просьбой сообщить факты, относящиеся к браку Еноха Дреббера. Ответ был исчерпывающим. Я узнал, что Дреббер уже просил у закона защиты от своего старого соперника, некоего Джефферсона Хоупа, и что этот Хоуп сейчас находится в Европе. Теперь ключ к тайне был в моих руках — оставалось только поймать убийцу.

Я уже решил про себя, что человек, вошедший в дом вместе с Дреббером, был не кто иной, как кэбмен. Следы говорили о том, что лошадь бродила по мостовой, чего не могло быть, если бы за ней кто-то присматривал. Где же, спрашивается, был кэбмен, если не в доме? К тому же нелепо предполагать, будто человек в здравом уме станет совершать задуманное преступление на глазах третьего лица, которое наверняка его выдало бы. И, наконец, представим себе, что человек хочет выследить кого-то в Лондоне — можно ли придумать что-либо лучше, чем сделаться кэбменом? Все эти соображения привели меня к выводу, что Джефферсона Хоупа надо искать среди столичных кэбменов.

Но если он кэбмен, вряд ли он бросил бы сейчас это занятие, рассуждал я. Наоборот, с его точки зрения, внезапная перемена ремесла привлекла бы к нему внимание. Вернее всего, он какое-то время еще будет зани-

маться свонм делом. И вряд лн он живет под другнм нменем. Зачем ему менять свое нмя в стране, где его ннкто ие знает? Поэтому я составнл нз улнчных мальчншек отряд сыскиой полнцин н гонял нх по всем конторам наемных кэбов, пока онн не разыскали нужного мне человека. Как оин его доставнли н как быстро я этнм воспользовался, вы знаете. Убнйство Стэнджерсона было для меня полной неожнданностью, но, во всяком случае, я не смог бы его предотвратить. В результате, как вам нзвестно, я получнл пнлюлн, в существованнн которых ие сомневался. Вот вндите, все расследоваине представляет собою цепь непрерывных и безошибочиых логнческнх заключенннй.

— Просто чудеса!— воскликнул я.— Вашн заслугн должиы быть прнзнаны публнчно. Вам нужно напнсать статью об этом деле. Еслн вы не напншнте, это сделаю я!

— Делайте что хотнте, доктор,— ответнл Холмс.— Но сначала прочтнте-ка вот это.

Ои протянул мие свежую газету «Эхо». Статейка, иа которую он указал, была посвящена делу Джефферсона Хоупа.

«Публнка лншилась возможности нспытать острые ощущення,— говорилось в иен,— нз-за скоропостнжной смерти некоего Хоупа, обвннявшегося в убнйстве мнстера Еиоха Дреббера н мнстера Джозефа Стэнджерсоиа. Теперь, наверное, нам ннкогда не удастся узнать все подробностн этого дела, хотя мы располагаем сведениямн нз авторнтетных нсточнннков, что преступленне совершено на почве старнннной романтнческой вражды, в которой иемалую роль сыграли любовь и мормоинзм. Говорят, будто обе жертвы в молодые годы прниадлежалн к секте «Святых последннх дней», а скончавшнйся в тюрьме Хоуп тоже жил в Солт-Лейк-Снтн. Если этому делу н не суждено нметь другого воздействня, то, во всяком случае, оно является блнстательным доказательством энергни нашей сыскной полнцнн, а также послужнт уроком для всех ниостранцев: пусть онн сводят свон счеты у себя иа роднне, а не на брнтанской земле. Уже нн для кого не секрет, что честь ловкого разоблачеиия убнйцы всецело принадлежнт известным сыщнкам из Скотленд-Ярда, мистеру Грегсоиу н мнстеру Лестрейду. Преступнпк был

схвачен в квартире некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, который обнаружил некоторые способности в сыскном деле; будем надеяться, что, имея таких учителей, он со временем приобретет навыки в искусстве раскрытия преступлений. Говорят, что оба сыщика в качестве признания их заслуг получат достойную награду».

— Ну, что я вам говорил с самого начала? — смеясь, воскликнул Шерлок Холмс.— Вот для чего мы с вами создали этот этюд в багровых тонах,—чтобы обеспечить им достойную награду!

— Ничего,— ответил я,— все факты записаны у меня в дневнике, и публика о них узнает. А пока довольствуйтесь сознанием, что вы победили, и повторите вслед за римским скрягой:

«Populus me sibilat, at mihi plaudo.
Ipse domi simul ac nummos contemplar in arca»[1].

[1] «Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь».
Гораций. Сатиры, I, строки 66—67.

Знак четырех

ГЛАВА I

СУТЬ ДЕДУКТИВНОГО МЕТОДА ХОЛМСА

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучался, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что̀ я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие поползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я робел и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в порыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Холмса, я не выдержал и взорвался.

— Что сегодня,— спросил я,— морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

— Кокаин,— ответил он.— Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Благодарю покорно! — отрезал я.— Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

— Возможно, вы правы, Уотсон,— сказал он.— И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

— Но подумайте,— горячо воскликнул я,— какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

— Мой мозг,— сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев,— бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

— Единственный на весь мир частный детектив?— спросил я, поднимая брови.

— Единственный частный детектив-консультант,— ответил Шерлок Холмс.— Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда

мне удается распутать дело, моё имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Уотсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

— Да, помню,— ответил я, смягчаясь.— Интереснейший случай. Я даже написал о нем нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

— Я видел вашу повесть,— без энтузиазма покачал головой Холмс.— И, должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления — точная наука, по крайней мере должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю.

— Но там действительно была романтическая история!— запротестовал я.— Я просто строго придерживался фактов.

— Кое о чем можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле,— цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова — ведь я описал дело Холмса, чтобы сделать ему приятное. И еще меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нем некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

— С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте,— сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую вишневую трубку.— На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции.

Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завещания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил Виллару два подобных случая — один расследовался в 1857 году в Риге, другой — в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил пестрел словами: magnifique, coup-de-maitre и tours-de-force [1], свидетельствующими о горячем восхищении француза.

— Он пишет вам, как ученик учителю,— сказал я.

— Он переоценивает мою помощь,— заметил Холмс безразлично.— Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

— А вы разве пишете?

— Есть грех,— рассмеялся Холмс.— Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

— У вас поразительная способность замечать мелочи,— сказал я.

— Просто я понимаю их важность. Или вот еще работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое

[1] Великолепно, мастерски, гениально (*франц.*).

исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в ней даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу, что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

— Нисколько! — горячо запротестовал я.— Мне все это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это — почти одно и то же.

— Нет, это разные вещи,— ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма.— Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

— Поразительно! — воскликнул я.— Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

— Проще простого,— улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению.— Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

— А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

— Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего

же тогда идти на почту, как не за тем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

— Действительно, все очень просто,— сказал я, помолчав.— Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьезному испытанию.

— Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

— Я помню, вы говорили, что когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остается отпечаток личности ее владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разглядывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, щелкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

— Почти ничего нельзя сказать,— проговорил он.— Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишен возможности утверждать что-нибудь наверняка.

— Вы правы,— ответил я.— Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищеным часам?

— Хотя я и не могу похвастаться результатами, но все-таки я в них кое-что увидел,— сказал он, устремив в потолок отрешенный взгляд.— Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Уотсон. Так вот, часы, по-моему,

принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. У.», выгравированные на крышке?

— Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «У», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

— Да, пока все правильно,— заметил я.— А что еще вы увидели в этих часах?

— Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и все, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромая, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказали вам какие-то старые часы! Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

— Мой дорогой Уотсон,— сказал мягко Холмс,— простите меня, ради бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

— Тогда объясните мне, как вы все это узнали. Ваш рассказ о моем брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

— Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так все и было.

— Но это не просто догадка?

— Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует гибельно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод — что вашему брату была несвойственна аккуратность. Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твердым, например, ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было не маленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

— В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иглой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырех таких номеров. Вывод — ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод — время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука. Что же во всем этом чудесного и таинственного?

— Да, теперь и я вижу, что все очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

— Вас спрашивает молодая девушка, сэр,— обратилась хозяйка к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен,— ответил он.— Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

ГЛАВА II

МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ДЕЛОМ

Мисс Морстен вошла в комнату легким, уверенным шагом, держась спокойно и непринужденно. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой. На своем веку я встречал женщин трех континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на стул, который Холмс пред-

ложил ей, я заметил, что руки и губы ее дрожат, видимо, от сильного внутреннего волнения.

— Я пришла именно к вам, мистер Холмс,— начала наша гостья,— потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

— Миссис Сесил Форрестер? — повторил задумчиво Холмс.— Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

— Миссис Форрестер о нем другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперед на своем кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряженного внимания.

— Изложите ваше дело,— сказал он сухим, деловым тоном.

Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

— С вашего позволения, я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затянутую в перчатку руку.

— Если ваш друг останется,— сказала она,— он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

— Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждет меня. Каждое слово в телеграмме — я очень хорошо помню ее — дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен дей-

«Знак четырех»

«Знак четырех»

ствительно остановился у них, но что накануне вечером он ушел куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моем несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого... — Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдавленное рыдание оборвало на полуслове фразу.

— Когда это случилось? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— А его вещи?

— Они остались в гостинице. В них не было ничего, что помогло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещиц с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, несшей охрану тюрьмы.

— Были ли у него в Лондоне друзья?

— Я знала только одного: майора Шолто. Они служили вместе в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слыхал о возвращении своего друга.

— Очень странное дело,— заметил Холмс.

— Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймсе» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в ее интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку — небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой даже самой маленькой записки, объясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день

я получала по почте точно такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания, кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

— Очень интересно,— проговорил Шерлок Холмс.— А не произошло ли с вами еще чего-нибудь?

— Да, не далее, как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

— Спасибо,— сказал Холмс, беря письмо.— И конверт, пожалуйста. На штемпеле — Лондон, Юго-Запад, 7 июля. Гм! В углу—отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр «Лицеум». Если вы боитесь, возьмите с собой двоих друзей. С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, все рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

— Это как раз я и хотела у вас спросить.

— Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Уотсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Уотсоном уже не раз работали вместе.

— А доктор Уотсон согласится пойти?— спросила мисс Морстен, и я услыхал в ее голосе чуть ли не мольбу.

— Почту за честь и особое счастье,— сказал я горячо,— если смогу быть вам полезен!

— Вы оба так добры ко мне,— ответила мисс Морстен.— Я живу очень уединенно, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

— Только не опаздывайте,— ответил Холмс.— У ме-

ня к вам еще один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

— Они у меня с собой,— ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов оберточной бумаги.

— Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

— Почерк везде, кроме письма, изменен,— сказал он вскоре.—Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите «е» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

— Никакого.

— Я так и думал. Так, значит, мы ждем вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я еще подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвертого. До свидания.

— До свидания,— ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла. Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась легким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое перышко не затерялись в серой толпе.

— Какая очаровательная девушка! — воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжег свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Очаровательная? — переспросил он апатично.— Я не заметил.

— Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! — воскликнул я.— Вы иногда просто поражаете меня!

Холмс мягко улыбнулся.

— Самое главное — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отрави-

ла их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но на сей раз...

— Я никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило. Послушайте, Уотсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

— Почерк разборчивый и правильный,— ответил я,— по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы,— сказал он.— Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «а», а «l» за «е». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «к» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну, ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в мое отсутствие эту книгу — замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу — ее улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила ее жизнь. Ей было семнадцать лет, когда исчез ее отец, значит, сейчас ей двадцать семь — прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы — ничего больше. Если будущее мое черно, то лучше думать о нем с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцвечивать его пустой игрой воображения.

ГЛАВА III

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлен, весел и бодр — так обычно сменялись его приступы черной меланхолии.

— В этом деле нет ничего загадочного,— сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил.— Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Вы уже нашли разгадку?!

— Ну, это еще рано утверждать. Пока я нашел одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое еще предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймса», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

— Вы, вероятно, Холмс, сочтете меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

— Не видите? Вы поражаете меня, Уотсон. Ну, ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в Лондоне, кого он мог навестить,— майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год еще один, потом еще. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо. Это, безусловно, намек на исчезновение ее отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

— Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал свое письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же

быть, что отец ее жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

— Да, в этой истории есть еще темные места,— задумчиво проговорил Холмс.— Но наша сегодняшняя поездка все объяснит. А вот и мисс Морстен. Слышите, подъехал кэб. Вы готовы? Тогда идемте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьезным.

На мисс Морстен был темный плащ, ее милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у нее тревоги, но самообладание ее было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разгладил его у себя на коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

— Бумага сделана в Индии,— сказал он.— Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нем наброскан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полустершаяся надпись карандашом «3,37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладины которых соприкасаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырех — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое

это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.

— Мы и нашли его в записной книжке.

— Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он еще нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново все обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света,— лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых,— мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек не впечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие подействовали мне на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой накрахмаленной грудью и женщины,

закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны — назначенного места встречи, как от нее отделился низенький, смуглый, вертлявый человек в одежде кучера и подошел к нам.

— Вы вместе с мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим насквозь взглядом.

— Простите меня, мисс,— сказал он настойчиво,— но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

—Даю вам слово,— спокойно ответила мисс Морстен.

Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвел к нам стоявший на той стороне кэб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кэб с бешеной скоростью покатил сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя по обыкновению спокойно и сдержанно. Я пытался ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путаны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуплетом уложил его из двуствольного тигренка. Сперва я еще мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знанию Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шепотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

— Рочестер-роуд,— говорил он.— А вот и Винсент-сквер. Выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Очевид-

но, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проемах блестит вода.

И в самом деле, внизу блеснула темная вода Темзы, в которой отражаются зажженные фонари, но вот кэб уже на другом берегу, мчится по запутанному лабиринту узких, извилистых улочек.

— Уондсуэрт-роуд,— говорит Холмс.— Прайори-роуд, Ларкхолл-лейн, Стокуэлл-плейс, Роберт-стрит, Коулд-харбор-лейн. А цель нашего путешествия лежит, кажется, не в фешенебельной части города.

Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещенные трактиры непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий — чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант.

Наконец кэб остановился у третьего дома совсем новой улицы. Ни один из соседних домов не был обитаем. Тот, у которого мы остановились, был такой же темный, как и соседние, не считая светлого окошка в кухне. Мы постучали, нам тотчас открыл слуга-индус в желтом тюрбане и белом свободном платье, подпоясанном желтым кушаком. Было странно видеть эту экзотическую фигуру в дверях третьеразрядного лондонского загородного дома.

— Сагиб ждет вас,— сказал он, и в тот же миг из внутренних комнат послышался тонкий, пронзительный голос:

— Проведите их ко мне. Немедленно проведите их ко мне!

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧКА С ЛЫСИНОЙ

Мы последовали за индусом по скудно освещенному и почти пустому мрачному коридору. У двери справа он остановился и распахнул ее настежь. В глаза нам ударил яркий желтый свет. Посреди комнаты стоял маленький

человечек с вытянутой головой. Блестящую лысину, торчащую, как голая вершина горы в окружении сосен, обрамляли рыжие волосы. Он стоял, потирая руки, черты его лица находились в постоянном движении: он то улыбался, то хмурился, ни на минуту не оставаясь в покое. Природа наделила его отвислой нижней губой и выдающимися желтыми и неровными зубами, которые он безуспешно пытался прикрыть, то и дело поглаживая рукой нижнюю часть лица. Несмотря на столь заметную лысину, он производил впечатление молодого человека. Ему и было в действительности около тридцати лет.

— К вашим услугам, мисс Морстен,— повторял он тонким, высоким голосом.— К вашим услугам, господа. Прошу вас, входите в кабинет затворника. Как видите, мисс, мой кабинет мал, но зато я все в нем устроил по собственному вкусу. Оазис искусства среди мерзости запустения Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас приглашал. В этом мрачном доме она походила на бриллиант чистой воды в медной оправе: на окнах шелковые занавеси, гобелены, картины в тяжелых рамах, восточные вазы. Ковер на полу был в янтарных и черных тонах и такой толстый, пушистый и мягкий, что ноги утопали в нем по щиколотку, как во мху. Поверх ковра были брошены две большие тигровые шкуры, которые вместе с огромным кальяном, стоящим в углу на подстилке, создавали в комнате ощущение восточной роскоши. На почти невидимой золотой проволоке в центре комнаты висела серебряная лампа в виде голубя. Она горела, наполняя комнату тонким, легким ароматом.

— Мистер Таддеуш Шолто,— проговорил маленький человечек, все так же дергаясь и улыбаясь.— Так меня зовут. Вы, конечно, мисс Морстен. А эти джентльмены....

— Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон.

— Доктор, а!— воскликнул человечек, явно обрадованный.— А у вас есть с собой стетоскоп? Можно ли попросить вас об одном одолжении? Не будете ли вы столь любезны? У меня, видите ли, существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Насчет

аорты я не беспокоюсь, но вот митральный клапан! Я бы хотел узнать ваше о нем мнение.

Я выслушал его сердце, но не нашел никаких отклонений от нормы, если не считать того, что человечек был чем-то до полусмерти напуган — его трясло с головы до ног.

— Митральный клапан в порядке,— сказал я.— У вас нет причин тревожиться.

— Вы должны извинить мне мою тревогу, мисс Морстен,— галантно сказал человечек.— Я великий страдалец. И я уже давно подозреваю — с моим митральным клапаном что-то неладное. И счастлив слышать, что мои подозрения беспочвенны. Если бы, мисс Морстен, ваш отец щадил свое сердце, он был бы все еще жив.

Я чуть не дал ему пощечину, так разозлил он меня своим грубым и бесцеремонным прикосновением к столь деликатному предмету. Мисс Морстен села, лицо ее побледнело так, что даже губы стали белые.

— Я сердцем чувствовала, что моего отца нет в живых,— проговорила она.

— Я вам все-все объясню,— сказал человечек.— Больше того, я исправлю причиненную вам несправедливость. Я обязательно это сделаю, что бы ни говорил мой брат Бартоломью. Я очень рад видеть у себя ваших друзей не только как ваших телохранителей, но и как свидетелей всего, что я сегодня собираюсь сказать и сделать. Мы трое в состоянии оказать решительное сопротивление брату Бартоломью. Но пусть не будет свидетелей — ни полиции, ни понятых. Мы все хорошо уладим между собой, не вмешивая никого постороннего. Ничто так сильно не может рассердить брата Бартоломью, как огласка,— сказал человечек и сел на низкую софу, вопросительно прищурив на нас свои близорукие, водянистые голубые глаза.

— Что касается меня,— сказал Шерлок Холмс,— то готов вас заверить: все вами сказанное дальше меня не пойдет.

Я в знак согласия кивнул.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно! Позвольте предложить вам рюмку кьянти, мисс Морстен, или, быть может, токайского? Других вин я не держу. Прикажете открыть бутылку? Нет? Тогда, я надеюсь, вы не станете

возражать, если я закурю? Вас не обеспокоит табачный дым, легкий бальзамический аромат восточного табака? Я немного нервничаю, а мой кальян — несравненное успокаивающее средство.

Он приладил к большому сосуду трубку, и дым весело забулькал в розовой воде. Мы сидели полукругом, вытянув головы и уперев подбородки в ладони, а странный дергающийся человечек с блестящей куполообразной лысиной сидел в центре и нервно курил кальян.

— Решив послать вам это приглашение,— сказал он наконец,— я мог бы, конечно, просто написать в письме мой адрес, но я побоялся, что вы оставите без внимания мою просьбу и пригласите с собой не тех людей. Поэтому я позволил себе назначить вам это свидание у театра с моим слугой Уильямом, которому полностью доверяю. Ему были даны инструкции, что если он что-нибудь заподозрит, пусть едет домой один. Вы простите мне эту предосторожность, но я человек, склонный к уединению и, если можно так сказать, утонченный, а ничего более прозаического, чем полиция, нет. У меня инстинктивное отвращение ко всяким проявлениям грубого материализма. Я редко вступаю в соприкосновение с чернью. Как видите, я живу окруженный самой изысканной обстановкой. Я могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Пейзаж на стене — подлинный Коро, и если знаток мог бы, пожалуй, оспаривать подлинность вот этого Сальватора Роза, то насчет вон того Бугро не может быть и сомнения. Я поклонник современной французской школы.

— Простите меня, мистер Шолто,— сказала мисс Морстен,— я здесь по вашей просьбе, вы хотели что-то рассказать мне. Сейчас уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

— Но он все-таки займет у нас какое-то время,— ответил наш хозяин.—Ибо мы, без всякого сомненья, должны будем поехать в Норвуд к моему брату Бартоломью. Мы поедем все вместе и попытаемся одолеть его упрямство. Он очень сердит на меня за то, что я повел дело так, как считаю наиболее справедливым. Вчера вечером мы с ним сильно поспорили. Вы не представляете себе, каким ужасным бывает мой брат, когда сердится.

— Если нам предстоит ехать в Норвуд, так не лучше ли отправиться немедленно,— осмелился предложить я.

Человечек рассмеялся так, что у него покраснели уши.

— Ну нет, это вряд ли получится! — воскликнул он.— Я не знаю, как мой брат воспримет ваш приезд. Поэтому я должен сперва приготовить вас, объяснить, в каких мы стоим отношениях друг к другу. Прежде всего я должен заметить, что в этой истории имеются моменты, которые для меня самого остаются тайной. Стало быть, я вам расскажу не все, а только то, что известно мне самому.

Мой отец, как вы уже догадались,— майор Джон Шолто, служивший некогда в Индии в колониальных войсках. Одиннадцать лет назад он подал в отставку, вернулся в Англию и поселился в усадьбе Пондишери-Лодж в Аппер-Норвуде. В Индии он разбогател и вернулся домой с богатой коллекцией восточных редкостей и целым штатом туземных слуг. Таким образом, он смог купить себе дом и зажил, окруженный роскошью. Других детей, кроме меня и моего брата-близнеца Бартоломью, у него не было.

Я очень хорошо помню, какие чувства вызвало у нас исчезновение капитана Морстена. О том, что он исчез, мы узнали из газет, а так как капитан Морстен был другом нашего отца, мы с братом обсуждали происшествие в его присутствии. Он обычно присоединялся к нам и гадал, что же в действительности произошло. Мы ни на один миг не подозревали, что тайна исчезновения капитана похоронена в его груди, что из всех людей ему одному была известна судьба Артура Морстена.

Но мы, однако, знали, что какая-то тайна тяготеет над нашим отцом, какая-то несомненная опасность угрожает ему. Он очень боялся выходить один и в качестве привратников в Пондишери-Лодж всегда держал бывших профессиональных боксеров. Уильям, который привез вас сегодня, один из них. Он был когда-то чемпионом Англии в легком весе. Наш отец никогда не говорил нам, чего он боится. Но из его поведения было ясно, что он смертельно боится людей на деревянной ноге. Однажды он выстрелил из пистолета в человека на деревяшке, который оказался всего-навсего безобидным торговцем; чтобы замять дело, отцу пришлось заплатить боль-

шие деньги. Мы с братом склонны были считать это простой причудой отца, но последующие события заставили нас изменить мнение.

В начале 1882 года мой отец получил из Индии письмо, которое как громом поразило его. Он чуть не лишился сознания, когда распечатал его утром за завтраком, и с того дня до самой смерти он так и не оправился. Что было в том письме, мы так никогда и не узнали, но когда он держал его, я успел заметить, что это была скорее коротенькая записка, кое-как нацарапанная. Наш отец уже много лет страдал хронической нервной болезнью. Теперь же состояние его резко ухудшилось, он стал на глазах слабеть, и в конце апреля врачи предупредили нас, что надежды на выздоровление нет. Нас позвали к отцу, он хотел сказать нам свое последнее слово.

Когда мы вошли в комнату, отец сидел на постели в подушках и тяжело дышал. Он попросил нас запереть дверь на замок и подойти к его постели с обеих сторон. Взяв нас обоих за руки, он заговорил голосом, надломленным волнением и болью, и мы с братом услыхали поразительное признание, которое я попытаюсь воспроизвести дословно.

«Есть только одно, — начал он, — что тяготит мою душу в эту торжественную минуту. Это несправедливость, которую я допустил по отношению к бедной сироте — дочери Морстена. Проклятая жадность, которая была неотступным пороком всю мою жизнь, лишила ее сокровищ, по крайней мере той их части, которая по справедливости принадлежит ей. Но и я сам ни на что не употребил их, так слепа и глупа алчность. Самое чувство владения сокровищами так было приятно мне, что я не мог ни с кем поделить их. Видите жемчужные четки рядом с пузырьком хины? Даже с ними я не могу расстаться, хотя я и вынул их специально, чтобы послать ей. Вы, мои сыновья, должны будете отдать принадлежащую ей часть сокровищ Агры. Но ничего не отдавайте, даже эти четки, пока не закроете мне глаза. Ведь бывало, что человек стоит одной ногой в могиле и все-таки остается жив.

Я расскажу вам, как умер Морстен, — продолжал он. — Много лет он страдал болезнью сердца, но скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним благодаря

удивительному стечению обстоятельств стали обладателями огромного богатства, которое я, выйдя в отставку, увез в Англию. Скоро вернулся в Англию и Морстен и в день возвращения явился ко мне за своей долей. Со станции он пришел в Пондишери-Лодж пешком, его впустил мой преданный слуга старик Лал Човдар, которого уже нет в живых. У нас с Морстеном вышла ссора из-за того, как поделить сокровища. Морстен в приступе ярости вскочил со стула, лицо у него вдруг почернело, он прижал руку к сердцу, упал навзничь, ударившись головой об угол ларца, в котором хранились сокровища. Когда я нагнулся над ним, то, к ужасу своему, обнаружил, что он мертв.

Долгое время я оставался в растерянности, не зная, что делать. Первым моим побуждением было, конечно, позвать на помощь, но я понимал, что имеются все основания подозревать меня в убийстве. Смерть в момент ссоры, глубокая рана на голове — все это было против меня. К тому же официальное расследование неминуемо занялось бы сокровищами, а у меня были веские основания никого не посвящать в их тайну. Морстен сказал мне, что ни одна душа на свете не знает, куда он поехал. И я стал склоняться к мысли, что нет надобности, чтобы хоть одна душа узнала это.

Я все еще пребывал в полной растерянности, как вдруг, подняв голову, увидел в дверях моего слугу Лал Човдара. Он неслышно скользнул в комнату и запер за собой дверь.

— Не бойтесь, сагиб,— сказал он.— Никто не узнает, что вы убили его. Спрячем его подальше — и концы в воду.

— Но я не убивал! — запротестовал я.

— Я все слышал,— улыбаясь, покачал головой Лал Човдар.— Я слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но на губах моих печать молчания. Все в доме спят. Давайте вместе унесем его.

И я решился. Если мой собственный слуга не верит мне, как можно рассчитывать, что в твою невиновность поверят двенадцать глупых торговцев в камере присяжных? В ту же ночь мы с Лал Човдаром спрятали тело, а через несколько дней все лондонские газеты были заполнены сообщениями о таинственном исчезновении капитана

Морстена. Из того, что я рассказал вам, вы видите, что меня, в сущности, не в чем винить. Но я скрыл тело капитана, а сокровища, принадлежавшие нам обоим, стал считать с того дня своей нераздельной собственностью. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, мои сыновья, восстановили справедливость. Наклонитесь ко мне поближе, к самым губам. Сокровища спрятаны...— В этот момент лицо его страшно исказилось, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я никогда не забуду: «Не пускайте его. Ради всего святого, не пускайте!» Мы оба взглянули в окно, куда был устремлен его взгляд. Из темноты на нас глядело лицо. Был хорошо виден побелевший нос, прижатый к стеклу. Лицо, налитое злобой, до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко. Мы с братом бросились к окну, но лицо исчезло. Когда мы вернулись к изголовью отца, голова его поникла, пульс перестал биться.

В ту ночь мы обшарили весь сад, но никаких следов ночного вторжения не нашли, кроме отпечатка одной ноги на цветочной клумбе как раз под самым окном. Если бы не этот единственный след, мы могли бы подумать, что то дикое, полное злобы лицо — плод нашего воображения. Однако очень скоро мы обнаружили еще и другие, значительно более осязаемые признаки, что против нас действуют какие-то таинственные силы. Однажды утром окно в спальне моего отца оказалось распахнутым, шкафы и сундуки перерыты сверху донизу, и на его письменном столе приколот обрывок бумаги, на котором было нацарапано: «знак четырех». Мы так и не узнали, кто был наш таинственный посетитель и что означают эти слова. Насколько мы могли судить, ничего из вещей отца не пропало, хотя все было перерыто вверх дном. Вполне естественно, что это ночное посещение мы с братом связали с теми страхами, которые всю жизнь преследовали отца. Но кто это был, до сих пор остается полнейшей загадкой.

Человечек замолчал, раскурил погасший кальян и несколько секунд глубокомысленно пускал дым. Мы все с неослабным вниманием слушали его в высшей степени удивительное повествование. Во время короткого рассказа о смерти отца мисс Морстен побелела, как мел, мне

даже на миг показалось, что она упадет в обморок. Но, выпив воды, которую я налил из графина венецианского стекла, стоявшего в углу на маленьком столике, она поборола волнение. Шерлок Холмс с отсутствующим выражением лица сидел, откинувшись в кресле; из-под опущенных век было видно, как блестят его глаза. Я посмотрел на него и не мог не вспомнить, что только сегодня он горько жаловался на скуку и однообразие жизни. Теперь по крайней мере он получил проблему, разрешение которой потребует напряжения всех его удивительных способностей. Мистер Таддеуш Шолто поглядывал то на одного из нас, то на другого, явно гордясь впечатлением, которое произвел его рассказ. Попыхивая своей непомерно длинной трубкой, он продолжал:

— Мой брат и я, как вы можете догадаться, были весьма взволнованы рассказом отца о сокровищах. В течение нескольких месяцев мы перерыли весь сад метр за метром и ничего не нашли. Мысль, что отец умер в тот самый миг, когда с уст его были готовы сорваться слова, которые сделали бы нас обладателями несметных сокровищ, могла свести с ума. О размерах богатства мы судили по жемчужным четкам. Относительно этих четок у нас с братом возникло небольшое недоразумение. Жемчужины были, по всей видимости, очень дорогие, и он не желал с ними расставаться, унаследовав, между нами говоря, частично отцовскую слабость. Кроме того, он полагал, что если еще кто-нибудь узнает об этих четках, то пойдут всякие сплетни, и тогда нам не миновать беды. Мне удалось только убедить его разыскать адрес мисс Морстен и посылать ей через определенное время жемчужины по одной, чтобы по крайней мере избавить ее от нужды.

— У вас доброе сердце.— Мисс Морстен с признательностью посмотрела на рассказчика.— Это был великодушный поступок.

— Но ведь мы были все равно как ваши опекуны,— энергично замахал руками человечек.— Так по крайней мере считал я. Но брат Бартоломью никак с этим не соглашался. У нас было много денег. Я был доволен тем, что мы имели. Вести себя так низко по отношению к молодой девушке — это дурной тон. Le mauvais gout

mene au crime[1]. Как элегантно выражают французы подобные мысли! Наше расхождение зашло так далеко, что я предпочел поселиться отдельно. Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма. Но вчера я узнал, что произошло событие огромной важности: обнаружен тайник, где спрятаны сокровища. Я немедленно дал знать мисс Морстен, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и потребовать свою долю. Вчера вечером я сказал брату Бартоломью, что написал мисс Морстен. Так что незваными гостями мы не будем, хотя и желанными тоже.

Мистер Шолто умолк, он сидел на своей роскошной софе и подергивался. А мы, не проронив ни слова, размышляли о том неожиданном обороте, который получило это таинственное дело. Первым вскочил на ноги Шерлок Холмс.

— Вы правильно вели себя, сэр, от начала до конца,— сказал он.— Мы постараемся приоткрыть завесу над всем темным, что есть в рассказанной вами истории, и этим отблагодарить вас. Но, как только что сказала мисс Морстен, уже поздно, и нам лучше всего взяться за дело без промедления.

Наш новый знакомый очень аккуратно отвернул трубку с кальяна и достал из-за занавески длинное пальто, отделанное тесьмой, с каракулевым воротником и манжетами. Он застегнулся сверху донизу на все пуговицы, хотя вечер был теплый, даже душный, и нахлобучил на голову кроличий треух, так что боковые клапаны плотно закрывали уши, оставив острую подвижную мордочку.

— Здоровье у меня хрупкое,— объяснил он нам, идя к выходу,— я вынужден соблюдать строгий режим.

Кэб ждал нас у ворот. Программа была, по-видимому, составлена заранее: не успели мы расположиться внутри, как лошади тронулись и помчались. Таддеуш Шолто трещал без умолку, его резкий высокий голос заглушал стук колес.

— Бартоломью — умная голова. Как, вы думаете, он отыскал ларец с сокровищами? Он пришел к выводу, что раз ларца нет снаружи, он должен быть где-то в доме.

[1] Дурной тон ведет к преступлению *(франц.)*.

И он перемерил все комнаты, все коридоры и чуланы, не оставив невымеренным ни дюйма. Оказалось, что высота всего дома семьдесят четыре фута, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и еще прибавить толщину перекрытий, которые он вымерил, просверлив сквозные отверстия, то окажется, что общая высота равна не более семидесяти футов. Значит, куда-то исчезли целых четыре фута. Было ясно, что их надо искать наверху. Тогда мой брат пробил дыру в потолке комнаты верхнего этажа, и там, как и следовало ожидать, оказался еще один крошечный чердак, который был замурован, и поэтому о нем никто не знал. Посередине чердака на стропилах стоял ларец с сокровищами. Согнувшись в три погибели, Бартоломью вытащил его через дыру и открыл. В нем оказалось драгоценностей на сумму не менее полумиллиона фунтов стерлингов.

Услыхав такую цифру, мы все широко раскрыли глаза. Мисс Морстен, если нам удастся отстоять ее права, из бедной компаньонки превращалась в одну из самых богатых невест Англии. Без сомнения, всякий настоящий друг должен был бы обрадоваться, услыхав такую новость. Но я, к своему стыду, должен сказать, что сердце мое налила свинцовая тяжесть. Я пробормотал, запинаясь, несколько поздравительных слов и мрачно уставился в пол, не слушая дальнейших разглагольствований нашего нового знакомого. Он был типичнейший ипохондрик, и я, как сквозь сон, слушал бесконечное перечисление симптомов его болезней и нескончаемые мольбы объяснить ему состав и действие многочисленных шарлатанских снадобий, которые он всюду возил с собой в кожаном футляре. Я уповаю только на то, что он не запомнил мои советы, которые я дал ему в тот вечер. Холмс утверждает, что он слышал, как я предупреждал его ни в коем случае не принимать более двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно, и настоятельно советовал в качестве успокаивающего средства в больших дозах стрихнин. Как бы там ни было, но я почувствовал облегчение, когда наш кэб рывком остановился, кучер спрыгнул с козел и открыл дверь.

— Это, мисс Морстен, и есть Пондишери-Лодж,— сказал мистер Таддеуш, подавая ей руку.

ГЛАВА V
ТРАГЕДИЯ В ПОНДИШЕРИ-ЛОДЖ

Было около одиннадцати часов, когда мы достигли этого последнего этапа нашего ночного путешествия. Мы оставили позади сырой туман большого города, здесь же, в деревне, ночь была суха и тепла. С запада дул теплый ветерок, тяжелые тучи медленно ползли по небу, в разрывы иногда выглядывал месяц. Было довольно светло, но Таддеуш Шолто снял с кэба дорожный фонарь и пошел с ним вперед.

В глубине парка стоял дом, обнесенный очень высокой каменной стеной, верх которой был усыпан битым стеклом. Попасть внутрь можно было только через узкую, окованную железом дверь в стене. Наш спутник как-то по-особенному постучал, как иногда стучат почтальоны.

— Кто там? — спросил из-за двери грубый голос.

— Это я, Мак-Мурдо. Пора бы уже научиться узнавать мой стук.

Послышалось ворчание, затем звяканье и скрежет ключей, и дверь тяжело повернулась на петлях. На пороге стоял низкорослый, с могучей грудью человек, желтый огонь его фонаря освещал выдвинутое вперед лицо и недоверчиво блестевшие глазки.

— Это вы, мистер Таддеуш? А это кто с вами? Я не получал никаких распоряжений от хозяина насчет ваших гостей.

— Никаких распоряжений. Вы меня поражаете, Мак-Мурдо! Я ж говорил моему брату вчера вечером, что со мной приедут мои друзья.

— Хозяин сегодня весь день не выходил из своей комнаты. Вы и сами очень хорошо знаете наши строгости. Вас я могу впустить, но ваши друзья — они пусть подождут вас снаружи.

Это было неожиданное препятствие. Таддеуш Шолто смотрел на стража растерянно и беспомощно.

— Это очень нехорошо с вашей стороны, Мак-Мурдо! — пролепетал он.— Я отвечаю за них, вам этого должно быть достаточно. С нами к тому же молодая девушка. Ей неприлично оставаться в такой час на проезжей дороге.

— Очень сожалею, мистер Таддеуш,— ответил неумолимый страж.— Гости могут быть вашими друзьями, но недругами моего хозяина. Мне хорошо платят, чтобы я хорошо исполнял свои обязанности. И я хорошо их исполняю. Я не знаю этих людей.

— Да нет же, Мак-Мурдо, знаете,— вдруг добродушно проговорил Шерлок Холмс.— Я не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя-боксера, с которым вы провели три раунда на ринге Алисона в день вашего бенефиса четыре года назад?

— Уж не мистера ли Шерлока Холмса я вижу?! — воскликнул боксер.— А ведь он самый и есть! Как это я сразу вас не узнал? Вы не стояли бы здесь таким тихоней, а нанесли бы мне ваш знаменитый встречный удар в челюсть, я бы тогда сразу узнал вас. Э-э, да что говорить! Вы из тех, кто зарывает таланты в землю. А то бы далеко пошли, если бы захотели!

— Видите, Уотсон, если моя профессия никому не будет больше нужна, у меня еще есть в запасе мои любительские таланты,— сказал, смеясь, Холмс.— Наш друг, я уверен, не станет дольше держать нас под открытым небом.

— Входите, входите, сэр, вы и ваши друзья,— отвечал привратник.— Очень сожалею о происшедшем, мистер Таддеуш, но порядок есть порядок. Я должен быть абсолютно уверен в ваших друзьях, чтобы впустить их в дом.

За каменной стеной через пустынный парк шла усыпанная гравием аллея. Дом был весь в тени, кроме одной стены, залитой лунным светом, наверху в ней поблескивало окно. От этого огромного мрачного дома, погруженного в тишину, становилось жутко. Даже привычному Таддеушу было не по себе: фонарь дрожал и поскрипывал в его руке.

— Ничего не понимаю,— бормотал он.— Здесь какая-то ошибка. Я же ясно объяснил Бартоломью, что сегодня вечером мы будем у него. А в его кабинете почему-то нет света. Не понимаю, что бы это могло значить.

— Он всегда так строго охраняет свой дом? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, это заведено еще моим отцом. Бартоломью

был любимчиком, и мне иногда казалось, что отец рассказывает ему больше, чем мне. Вон, видите освещенное луной окно — это кабинет Бартоломью. Но в нем, помоему, темно.

— Да, темно,— сказал Шерлок Холмс.— Но в маленьком окошке у входа как будто горит свет.

— А, это комната экономки. Миссис Берстон, наша старая экономка, там обычно проводит вечера. Она-то все и объяснит нам. Не согласитесь ли вы несколько минут подождать меня здесь? Если мы войдем все сразу, то миссис Берстон испугается, она ведь не ожидает нашего вторжения. Тс, тише! Что это?

Он поднял дрожащей рукой фонарь, и вокруг нас запрыгало и закачалось пятно света. Мисс Морстен схватила меня за руку, мы все трое остановились с бьющимися сердцами, напрягая слух. От темной мрачной громады дома доносились сквозь ночную тишину скорбные, жалостные звуки — всхлипывания чем-то испуганной женщины.

— Это миссис Берстон, — сказал Шолто.— В доме только одна женщина. Подождите здесь. Я сейчас же вернусь.

Он подошел к двери и постучал своим особенным стуком. Его пустила высокая пожилая женщина, при виде его всплеснувшая от радости руками.

— О, мистер Таддеуш, я так рада, что вы пришли! Так рада, так рада! — услыхали мы ее причитания, затем дверь затворилась, и голос ее замер в глубине дома.

Таддеуш Шолто оставил нам фонарь. Холмс медленно посветил фонарем по сторонам, затем пристально посмотрел на дом и на большие кучи земли, загромождавшие двор. Мы с мисс Морстен стояли совсем близко, и ее рука была в моей. Удивительная, непостижимая вещь любовь, вот мы стоим тут двое, мы никогда не встречались до этого дня, никогда не сказали друг другу ни одного ласкового слова, не смотрели ласково друг на друга, и вот сейчас в минуту опасности наши руки инстинктивно потянулись одна к другой. Я потом часто вспоминал с удивлением об этой минуте, но тогда мне все казалось естественным, и она потом часто говорила мне, что сразу же потянулась ко мне, уверенная, что найдет во мнё утешение и защиту. Так мы стояли вдвоем, перед

этим странным, мрачным домом, держась за руки, как дети, и наши сердца вдруг объял покой.

— Какое странное место,— проговорила мисс Морстен, оглядываясь.

— Похоже, что над этим парком трудились все кроты Англии. Мне довелось видеть нечто подобное под Балларэтом. Но там весь холм был перекопан и изрыт золотоискателями.

— И здесь трудились золотоискатели,— заметил Холмс.— Вернее, искатели кладов. Не забывайте, хозяева этого дома шесть лет искали сокровища. Ничего удивительного, что парк похож на золотой прииск.

В этот миг входная дверь распахнулась, и с протянутыми вперед руками из дому выбежал Таддеуш Шолто, в глазах его стоял ужас.

— С Бартоломью что-то случилось! — воскликнул он.— Я так боюсь! Нервы мои не выдерживают.

Он действительно чуть не захлебывался слезами, и его дергающееся, бледное лицо, выступающее из каракулевого воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение до смерти перепуганного ребенка.

— Идемте в дом,— решительно проговорил Холмс.

— Да, идемте,— умоляюще пролепетал Таддеуш Шолто.— Я, правда, совсем уже не понимаю, что теперь делать.

Мы последовали за ним в комнату экономки, которая находилась по левую руку от входа. В ней взад и вперед металась испуганная женщина, нервно теребя пальцы, но появление мисс Морстен подействовало на нее успокаивающе.

— Господь да благословит вас,— воскликнула она, подавляя рыдания.—Какое кроткое и доброе у вас лицо! Я гляжу на вас, и мне становится легче. Что я вынесла за этот день!

Мисс Морстен, погладив худую, загрубевшую от работы руку экономки, сказала ей несколько ласковых, утешительных слов с чисто женским участием, и бледные, бескровные щеки пожилой женщины слегка порозовели.

— Хозяин заперся у себя и не отвечает на стук,— объяснила она.— Я целый день ждала, когда он позовет меня. Но вообще-то он любит оставаться один. Час назад я начала тревожиться, уж не случилось ли чего, подня-

лась наверх н заглянула в замочную скважину. Вы должиы сами подняться туда, мнстер Таддеуш, и посмотреть. Десять лет я живу в этом доме, я видела мистера Бартоломью и в горе и в радости, но такого лица я ие видала у него никогда.

Шерлок Холмс взял лампу н пошел наверх первый, так как у Таддеуша от страха зуб иа зуб не попадал. Коленн у него подгибались, и я взял его под руку, чтобы он смог подняться по лестнице. Дважды, пока мы шлн наверх, Холмс выннмал из кармана лупу и тщательно разглядывал какне-то темные пятна на цнновке нз кокосового волокна, которые показалнсь мне простой пылью. Ои двигался очень медленно, лампу нес иизко и бросал влево н вправо цепкне взгляды. Мисс Морстеи осталась внизу с перепуганной экономкой.

Третий пролет вывел нас в длнннып прямой коридор, иа правой стене которого висел ручной работы индийскнй ковер. Слева выходнлн трн дверн. Холмс медленно пошел вперед, тщательно осматривая все иа ходу, мы шлн за иим по пятам, а за иамн двигалнсь вдоль коридора иаши длинные черные тенн. Нам нужна была третья дверь. Холмс постучал и, не получнв ответа, попытался повернуть ручку и нажал на иее. Дверь оказалась запертой изнутри. Холмс подиес лампу к самому замку, и мы увидели, что язык замка — широкий и очень прочный. Ключ, однако, был повернут, и в скважнне оставалась щелка. Шерлок Холмс иаклоннлся к ией и тут же резко отпрянул.

— Что-то в этом есть дьявольское, Уотсон! — прошептал он. Я ннкогда раньше не вндел его таким встревоженным.— Что вы об этом думаете?

Я иагнулся к скважине н содрогнулся от ужаса. В окно лнлся лунный свет, наполняя комнату слабым зыбким сиянием. Прямо на меня смотрело как бы висевшее в воздухе — так как все под ним было в тени — лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая блестящая лысина, та же рыжая бахрома вокруг, то же бескровиое лицо. Только черты его лица застылн в ужасной улыбке — напряженной н неестественной, которая в этой спокойиой, залитой лунным светом комнате производила более страшное впечатление, чем гримаса боли или страха. Лнцо было так похоже на лнцо иашего крошечного

приятеля, что я оглянулся, чтобы убедиться, что он здесь, рядом со мной. «Они ведь с братом близнецы»,— вспомнил я.

— Какой ужас! Что теперь делать? — сказал я Шерлоку Холмсу.

— Нужно высадить дверь,— ответил он и, навалившись на нее всем телом, попытался взломать замок. Дверь трещала и скрипела, но не поддавалась. Тогда мы с силой навалились вдвоем, замок щелкнул, дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете Бартоломью Шолто.

Кабинет был оборудован под химическую лабораторию. На полке, висевшей на стене, против двери, стояли два ряда бутылей и пузырьков со стеклянными притертыми пробками, стол был уставлен бунзеновскими горелками, пробирками и колбами. По углам на полу стояли большие бутыли в корзинах, в которых держат кислоту. Одна из них, по-видимому, треснула или раскололась, так как из-под нее вытекала струйка какой-то темной жидкости, и комнату наполнял тяжелый, сладковатый запах, похожий на запах дегтя. В одном углу комнаты стояла стремянка, пол у ее основания был усыпан штукатуркой и дранкой, а верх упирался в потолок, рядом с отверстием, достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. На полу рядом с лестницей был брошен моток толстой веревки.

Возле стола в деревянном кресле сидел в поникшей позе хозяин дома, наклонив голову к левому плечу и улыбаясь этой ужасной, непостижимой улыбкой. Он был холодный и уже окоченел. Он был мертв, по-видимому, уже несколько часов. Я обратил внимание, что не только его лицо было искажено гримасой, но руки и ноги были вывернуты и скручены самым невероятным образом. На столе рядом с его рукой лежало странное орудие — коричневая тонкая трость с каменным наконечником в виде молотка, грубо привязанным веревкой. Рядом с ней лежал вырванный из блокнота листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов. Холмс взглянул на него и протянул мне.

— Видите,— многозначительно подняв брови, сказал он.

В свете фонаря я прочитал, содрогнувшись от ужаса: «знак четырех».

— Во имя всего святого, что все это значит?

— Это значит, что здесь было совершено убийство,— сказал Холмс, наклоняясь к окоченевшему трупу несчастного Бартоломью Шолто.— А, я так и ожидал. Смотрите! — И он указал на вонзившийся в кожу над ухом тонкий длинный темный шип.

— Походит на шип от какого-то растения,— заметил я.

— Это и есть шип. Можете вынуть его. Только осторожно, он отравлен.

Осторожно, двумя пальцами я вынул шип. Он поддался очень легко, не оставив на коже почти никакого следа. Место прокола обозначалось только маленьким пятнышком засохшей крови.

— Для меня все это непостижимая тайна,— признался я,— и чем дальше, тем загадочнее она становится.

— Для меня наоборот,— ответил Холмс,— дело с каждой минутой проясняется. Недостает только нескольких звеньев, чтобы восстановить ход событий.

Мы почти забыли о присутствии нашего спутника, попав в эту комнату. Он все еще стоял в дверях, ломая руки и издавая время от времени сдавленные стоны. Фигура его была олицетворением отчаяния. Вдруг из его груди вырвался безумный, полный отчаяния вопль.

— Сокровища исчезли! — вопил он.— Они ограбили его! Видите вон ту дыру. Мы вытащили ларец оттуда. Я помогал ему! Я последний, кто видел его живым! Я ушел отсюда вчера вечером и слышал, когда спускался по лестнице, как он запирал за мной дверь.

— В котором часу это было?

— В десять часов. И вот он мертв! Сюда позовут полицию. Подозрение падет на меня. Да, я уверен, что так и будет. Но вы не считаете меня виновным, господа? Вы, конечно, не можете думать, что это сделал я! Разве бы я привез вас сюда, если бы это я? О, господи! О, господи! Нет, я сойду с ума!

Он ломал руки, топал ногами, его трясло, как в лихорадке.

— Вам нечего бояться, мистер Шолто,— сказал Холмс, успокаивающе похлопывая его по плечу.— Послушайтесь меня и поезжайте в полицейский участок. Надо

сообщить о случившемся. Обещайте оказать им всевозможную помощь. А мы вас здесь подождем.

Человечек повиновался, все еще полностью не придя в себя. И мы услышали, как он, спотыкаясь в темноте, спускается по лестнице.

ГЛАВА VI

ШЕРЛОК ХОЛМС ДЕМОНСТРИРУЕТ СВОЙ МЕТОД

— Итак, Уотсон,— сказал Шерлок Холмс, потирая руки.— В нашем распоряжении полчаса. Давайте как можно лучше используем это время. Как я уже вам сказал, дело мне вполне ясно. Но все-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу ни показался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным.

— Простым! — в изумлении воскликнул я.

— Конечно,— ответил Холмс с видом профессора, демонстрирующего ученикам интересного больного.— Пожалуйста, сядьте в тот угол, чтобы ваши следы не осложнили дело. А теперь за работу. Во-первых, как эти молодцы проникли сюда и как выбрались наружу? Дверь со вчерашнего вечера не отпиралась. Как насчет окна? — Он поднес к окну лампу, высказывая вслух свои соображения, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне.— Окно заперто изнутри. Рамы очень прочные. Давайте откроем его. Рядом никакой водосточной трубы. Крыша недосягаема. И все-таки человек проник в комнату через окно. Прошлую ночь шел небольшой дождь. Видите, на подоконнике земля; отпечаток ботинка и еще один странный круглый отпечаток. А вот опять этот след. На этот раз на полу. А вот он уже на столе. Смотрите, Уотсон, картина вполне ясная.

Я стал рассматривать круглые бляшки земли на полу.

— Это след не от ноги,— сказал я.

— Поэтому он так и важен. Это отпечаток деревянного протеза. Видите, здесь на подоконнике след тяжелого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом круглый след деревяшки.

— Человек на деревянной ноге!

— Вот именно. Он здесь был не один. У него был очень способный и ловкий помощник. Вы могли бы, доктор, залезть по этой стене?

Я выглянул в открытое окно. Луна все еще ярко освещала эту часть дома. Мы были на высоте добрых шестидесяти футов от земли, и, насколько я мог видеть, нигде в кирпичной кладке не было ни трещины, ни выемки, куда можно было поставить ногу.

— Это абсолютно невозможно,— ответил я.

— Да, одному невозможно. Но предположим, в комнате находится ваш сообщник, который выбросил вам надежную веревку, вон ту, что валяется в углу, привязав один ее конец к торчащему в стене крюку. Ну тогда, если вы человек ловкий, то и с деревянной ногой вы, пожалуй, смогли бы забраться по этой стене. Потом вы спустились бы вниз, ваш друг втащил бы веревку наверх, отвязал от крюка, запер окно, на задвижку, а сам ушел из этой комнаты тем же путем, каким и вошел сюда. Деталь помельче,— продолжал Холмс, показывая на веревку,— хотя наш друг на деревяшке оказался отличным верхолазом, но он по профессии не моряк. Его руки не задубели от лазания по канатам. Моя лупа обнаружила в нескольких местах следы крови, особенно заметные на конце веревки. Значит, он спускался вниз так поспешно, что содрал кожу с рук.

— Очень хорошо,— сказал я,— но все дело не стало от этого ни на йоту понятнее. Кто этот таинственный помощник? Как он проник в эту комнату?

— Да, помощник,— повторил Холмс задумчиво.— Этот помощник — личность примечательная. Благодаря ему дело приобретает совершенно исключительную окраску. Я думаю, что оно впишет новую страницу в историю преступлений в Англии. Подобные случаи бывали раньше, но только в Индии и еще, если память не изменяет мне, в Сенегамбии.

— Но как же все-таки он проник в эту комнату? — повторил я.— Дверь заперта, окна снаружи недоступны. Может быть, через трубу?

— Каминное отверстие слишком мало,— ответил Холмс.— Я уже проверил эту возможность.

— Но как же тогда?

— Вы просто не хотите применить мой метод,— ска-

зал он, качая головой.— Сколько раз я говорил вам, отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался. Нам известно, что он не мог попасть в комнату ни через дверь, ни через окна, ни через дымовой ход. Мы знаем также, что он не мог спрятаться в комнате, поскольку в ней прятаться негде. Как же тогда он проник сюда?

— Через крышу! — воскликнул я.

— Без сомнения. Он мог проникнуть в эту комнату только через крышу. Если вы будете добры посветить мне, мы продолжим наши поиски в тайнике, где был спрятан ларец с сокровищами.

Холмс поднялся по стремянке к потолку, ухватился обеими руками за балку и, подтянувшись, влез в отверстие. Затем, высунув лицо,— он, видимо, распластался там,— протянул руку, взял у меня лампу и держал ее, пока я поднимался следом.

Чердак, на котором мы очутились, был десяти футов в длину и шести в ширину. Полом служили потолочные балки и тонкий слой дранки со штукатуркой, так что ступать с балки на балку надо было с осторожностью. Крыша была двускатная, заканчивалась коньком. Потолком чердака служила, по всей вероятности, внутренняя сторона крыши. Пол покрывал толстый слой пыли, скопившийся за многие годы. Кроме пыли, на чердаке ничего не было.

— Вот, пожалуйста,— сказал Шерлок Холмс, кладя руку на покатую стену.— Это слуховое окно ведет наружу. Откройте его и очутитесь прямо на крыше, а крыша, к счастью, пологая. Именно этим путем Номер Первый и проник в комнату. Давайте посмотрим, не оставил ли он каких-нибудь следов.

Холмс опустил лампу к полу, и я второй раз за сегодняшний вечер увидел на его лице удивленное и озадаченное выражение. Проследив его взгляд, я почувствовал, как мороз подирает меня по коже: на полу было множество отпечатков босых ног — четких, хорошо заметных, но эти следы были чуть не в половину меньше следов взрослого человека.

— Холмс,— прошептал я,— выходит, что это страшное дело сделал ребенок!

Самообладание уже вернулось к Холмсу.

— Я было, признаться, оказался в тупике. Память подвела. А ведь дело-то простое. Я должен был с самого начала догадаться, какие будут следы. Ну что ж, здесь больше делать нечего. Идемте вниз.

— Но что это за следы? — спросил я, сгорая от любопытства.

— Дорогой Уотсон, проанализируйте факты,— сказал он с легким раздражением.— Вы знаете мой метод. Примените его, будет интересно сравнить результаты.

— Нет, я ничего не понимаю,— отвечал я.

— Скоро все поймете,— рассеянно бросил Холмс.— Я думаю, что ничего интересного здесь больше нет. И все-таки я проверю еще раз.

Быстрым движением он вынул из кармана лупу и сантиметр и, приблизив свой острый тонкий нос к самой обшивке, стал внимательно изучать каждый миллиметр. Его глаза, блестящие, глубоко посаженные, напоминали мне глаза хищной птицы. Так быстры, неслышны и вкрадчивы были его движения, точь-в-точь как у ищейки, взявшей след, что я вдруг подумал, каким бы страшным преступником он мог бы быть, если бы направил свой талант и свою энергию не в защиту закона, а против него.

Осматривая чердак, он все время что-то шептал себе под нос и вдруг радостно вскрикнул.

— Вот уж, можно сказать, повезло,— сказал он.— Это сэкономит нам много времени и трудов. Номер Первый имел неосторожность вступить в креозот. Видите, с правой стороны этой вязкой, вонючей лужи отпечатался краешек маленькой ноги. Бутыль с креозотом, по-видимому, треснула, и жидкость потекла.

— Ну и что?

— А то, что теперь мы его очень быстро поймаем. Есть собака, которая по следу, пахнущему креозотом, пойдет хоть на край света. Если обычная ищейка будет держать след до самых границ графства, как вы думаете, куда может уйти специально натренированная собака? Обычная пропорциональная зависимость, неизвестный член которой равен... Стоп! Я слышу, на место прибыли полномочные представители закона.

Внизу послышались тяжелые шаги и громкие голоса, сильно хлопнула входная дверь.

— Пока они еще не пришли,— сказал Холмс,— коснитесь ладонью руки и ноги этого бедняги. Что вы чувствуете?

— Мускулы затвердели, как дерево,— ответил я.

— Вот именно. Они сведены сильнейшей судорогой. Это не простое трупное окоченение. На какую мысль наводит вас эта гиппократовская, или, как любили писать старые писатели, сардоническая улыбка и это окостенение?

— Смерть наступила в результате действия какого-то сильного алкалоида растительного происхождения,— отвечал я,— наподобие стрихнина, вызывающего столбняк.

— Это первое, о чем я подумал, когда увидел это перекошенное лицо. Войдя в комнату, я сразу же стал искать, чем был введен яд. И, как помните, обнаружил шип, который едва наколол кожу. Обратите внимание, что шип поразил ту часть головы, которая обращена к отверстию в потолке, если сидеть прямо на этом стуле. А теперь давайте осмотрим самый шип.

Я осторожно взял шип и поднес к фонарю. Он был длинный, острый и черный, у самого острия блестел засохший подтек какой-то густой жидкости. Тупой конец имел овальную форму и носил следы ножа.

— Это от дерева, растущего в Англии?

— Разумеется, нет. Так вот, Уотсон, имея в своем распоряжении столько фактов, вы должны прийти к правильному заключению. А вот и представители регулярных частей; вспомогательные силы должны уступить им место.

Шаги были слышны все громче, наконец, они зазвучали прямо за дверью, и в комнату вошел, тяжело ступая, грузный, большой мужчина в сером. У него было красное, мясистое лицо, с которого хитро поглядывали на нас из-под припухших, одутловатых век маленькие блестящие глазки. За ним вошел инспектор полиции в мундире и следом все еще не переставший дрожать Таддеуш Шолто.

— Ну и дельце! — воскликнул вошедший глухим, хриплым голосом.— Хорошенькое дельце! Кто это здесь? Почему в доме людей, как в садке кроликов?..

— Вы, должно быть, помните меня, мистер Этелни Джонс? — спокойно проговорил Холмс.

— Ясное дело, помню,— прохрипел в ответ тот.— Вы мистер Холмс, Шерлок Холмс, теоретик. Я никогда не забуду, как вы поучали нас, объясняя, куда девались бишопгейтские бриллианты. Справедливость требует заметить, что вы показали нам верный путь, но теперь-то уж вы можете признать, что в тот раз вам помог просто счастливый случай.

— Мне помогла в тот раз простая логика.

— Ну будет, будет. Никогда не стыдитесь правды. Так что же здесь произошло? Скверное дело! Скверное! Факты, к счастью, налицо, так что всякие там теории ни к чему. К счастью, я как раз оказался в Норвуде, по поводу другого дела. И вдруг эта смерть в Пондишери-Лодж. Как вы думаете, отчего она наступила?

— Теории здесь ни к чему,— сухо заметил Холмс.

— Конечно, конечно. Но мы ведь не отрицаем, что вы иногда удивительно попадаете в точку. Господи помилуй! Дверь, как я понимаю, заперта. Хм, хм... Исчезли драгоценности стоимостью в полмиллиона. А как насчет окна?

— Тоже на запоре, но на подоконнике есть следы.

— Отлично, отлично, но если оно заперто, то следы не имеют никакого отношения к делу. Это подсказывает здравый смысл. Человек может умереть от удара. Да, но ведь исчезли драгоценности. Ага! У меня есть версия. Иногда и на меня находят озарения. Пожалуйста, отойдите в сторону, сержант, и вы, мистер Шолто. Ваш друг может остаться, где стоит. Что вы об этом думаете, Холмс? Шолто, как он сам признался, был вчера весь вечер со своим братом. С братом случился удар, после чего Шолто ушел и унес с собой все драгоценности. Ну, что скажете?

— После чего мертвый хозяин очень предусмотрительно встал и заперся изнутри.

— Гм, гм! В этом слабое место моей версии. Призовем на помощь здравый смысл. Этот Таддеуш Шолто пришел к брату. Завязалась ссора. Это нам известно. Брат мертв, драгоценности исчезли — это тоже известно. Никто не видел брата после ухода Таддеуша. Постель его не тронута. Таддеуш явно пребывает в большом смятении. Как

вы видите, я плету сеть вокруг Таддеуша. И сеть затягивается.

— Но вам еще неизвестны все факты,— заметил Холмс.— Видите этот шип; у меня есть все основания полагать, что он отравлен. Его нашли вонзенным в голову убитого. Там остался след. На столе лежала вот эта записка, прочтите ее. Рядом было вот это странное оружие с наконечником из камня. Как ваша версия объясняет эти факты?

— Замечательно объясняет,— напыщенно ответил жирный детектив.— Дом полон индийских редкостей. И Таддеуш принес эту штуку сюда. А если шип был отравлен, то ему было проще простого использовать его как орудие убийства. Эта записка — ловкий трюк для отвода глаз. Одно только неясно — каким путем он вышел отсюда? Ага, в потолке отверстие! Разумеется, через него.

С неожиданной для его тучности ловкостью он полез вверх по лестнице и нырнул в отверстие. В ту же минуту мы услыхали его торжествующий голос. Он кричал, что с чердака на крышу ведет слуховое окно.

— Он, пожалуй, найдет там еще что-нибудь,— проговорил Холмс, пожав плечами.— Иногда в нем как будто заметны проблески разума. Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit[1].

— Вот видите! — сказал Этелни Джонс, спускаясь по лестнице.— Факты надежнее всякой теории. Моя версия подтверждается полностью. На чердаке есть дверь на крышу. И она даже приоткрыта.

— Это я ее открыл.

— В самом деле? Так, значит, вы тоже ее видели?

Джонс был явно обескуражен, услыхав слова Холмса.

— Неважно, кто первый ее заметил,— сказал он примирительно,— важно то, что теперь ясно, как он выбрался отсюда. Инспектор!

— Да, сэр! — Голос из коридора.

— Пригласи сюда мистера Шолто. Мистер Шолто, мой долг предупредить вас, что все ваши слова могут

[1] «Нет более несносных глупцов, чем те, которые не совсем лишены ума» *(франц.)*. Ф. Ларошфуко. «Максимы и моральные размышления».

быть обращены против вас. Я арестую вас именем королевы как лицо, причастное к смерти вашего брата.

— Ну вот! Я говорил вам! — воскликнул плачущим голосом маленький человечек, протягивая к нам руки.

— Не расстраивайтесь, мистер Шолто,— сказал Холмс.— Я думаю, что сумею снять с вас это обвинение.

— Не обещайте слишком много, мистер Теоретик, не обещайте! — воскликнул детектив.— Это может оказаться не таким простым делом.

— Я не только сниму с мистера Шолто обвинение, мистер Джонс, но я еще и сделаю вам подарок: назову имя и приметы одного из двоих людей, которые были в этой комнате прошлой ночью. У меня есть все основания утверждать, что его имя Джонатан Смолл. Он почти неграмотный, невысокого роста, подвижный, у него нет правой ноги, он ходит на стоптанной внутрь деревяшке. Левая его нога обута в грубый, с квадратным носом башмак на железной подковке. Это бывший каторжник, лет ему около сорока, он очень загорелый. Вот несколько примет, которые могут помочь вам, тем более, что на этой веревке имеется кровь: он вчера ночью ободрал здесь ладони. Другой...

— Ах, есть и другой,— насмешливо проговорил Этелни Джонс, но было заметно, что уверенность, с какой Холмс описывал преступника, произвела на него впечатление.

— Это довольно любопытная личность,— сказал Холмс, поворачиваясь на пятках.— Я надеюсь, что очень скоро передам эту парочку в ваши руки. Уотсон, мне надо сказать вам несколько слов.

Он вывел меня на площадку лестницы.

— Неожиданный поворот событий,— сказал он,— заставил нас забыть о первоначальной цели нашего путешествия.

— Я тоже как раз об этом подумал,— ответил я.— Нельзя, чтобы мисс Морстен дольше находилась в этом злосчастном доме.

— Нельзя. Вы должны отвезти ее домой. Она живет у миссис Сесил Форрестер в Лоуэр-Камберуэлле. Это не так далеко отсюда. Если вы решите вернуться, я вас здесь подожду. Но, может быть, вы очень устали?

— Нисколько. Я не смогу уснуть, пока эта фантасти-

ческая история не станет для меня более или менее ясной. Я не раз попадал в чрезвычайно сложные и острые ситуации, но, должен признаться, сегодняшнее нагромождение этих поистине невероятных происшествий вывело меня из равновесия. Но раз уж я оказался в самой гуще событий, я останусь с вами до конца.

— Ваше присутствие мне будет очень необходимо,— сказал Холмс.— Мы поведем это дело самостоятельно. И пусть Джонс тешит себя своими фантазиями. Когда вы отвезете мисс Морстен, поезжайте, пожалуйста, в Ламбет, улица Пинчин-лейн, 3. Это на самом берегу. В третьем доме по правую руку живет чучельник по имени Шерман, он набивает чучела птиц. В его окне вы увидите ласку, держащую крольчонка. Разбудите Шермана, передайте от меня привет и скажите ему, что мне немедленно нужен Тоби. Возьмите Тоби и привезите его сюда.

— Это собака?

— Да, забавный такой пес, не чистокровный, но с поразительным нюхом. Я предпочитаю воспользоваться помощью Тоби, чем всеми сыскными силами Лондона.

— Я привезу его вам,— ответил я.— Обратно я вернусь около трех, если найду свежую лошадь.

— А я,— сказал Холмс,— попробую узнать что-нибудь у миссис Берстон и слуги-индуса, который, как сказал мистер Таддеуш, спит в чулане на чердаке. Затем я примусь за изучение методов великого мистера Джонса и послушаю его иронические и малоделикатные замечания. «Wir sind gewohnt, dass die Menschen verhonen was sie nicht verstehen» [1]. Гете, как всегда, глубок и краток.

ГЛАВА VII

ЭПИЗОД С БОЧКОЙ

Полицейские приехали в двух кэбах, одним я воспользовался, чтобы отвезти мисс Морстен домой. Обладавшая в высшей степени чувством сострадания, мисс Морстен весь этот ужасный вечер держала себя стойко, пока

[1] Мы привыкли, что люди издеваются над тем, чего они не понимают (*нем.*).

рядом было существо, нуждавшееся в поддержке. Когда я спустился вниз, она ласково и невозмутимо разговаривала с перепуганной экономкой. Когда же мы очутились с ней вдвоем в кэбе, она вдруг совсем обессилела, а потом безутешно разрыдалась — так сильно подействовали на нее события этого вечера. Впоследствии она говорила мне, что во время этого путешествия в кэбе я показался ей чужим и холодным. Она и не подозревала, какая во мне происходила борьба и сколько мне стоило усилий сдержать себя. Я был так же полон к ней сострадания и нежности, как там, в саду, когда мы держались за руки. Я понимал, что за многие годы безмятежной жизни я не узнал бы лучше ее доброго и храброго сердца, чем за один этот невероятный день. Но два соображения мешали мне что-нибудь сказать. Она была беззащитна и слаба, нервы у нее сильно расстроились. Говорить ей сейчас о своей любви значило воспользоваться ее беспомощностью. Но еще хуже было то, что она была богата. Если поиски Холмса увенчаются успехом, она станет наследницей найденных сокровищ, по крайней мере половины их. Будет ли справедливо, будет ли благородно, если отставной хирург на половинном жалованье воспользуется минутой близости, которую подарил ему случай? Не отнесется ли она ко мне, как к обычному искателю богатых невест? Я не могу допустить, чтобы она так обо мне подумала. Эти сокровища Агры легли между нами непреодолимым барьером.

Было около двух часов, когда мы добрались до дома миссис Сесил Форрестер. Слуги уже давно легли спать, но миссис Форрестер еще не ложилась, а ждала возвращения мисс Морстен — так заинтересовало ее странное письмо, полученное ее компаньонкой. Она сама открыла нам дверь. Это была очень приятная средних лет дама; я с радостью заметил, как ласково она обняла мисс Морстен и голос ее звучал по-матерински. Было ясно, что мисс Морстен не просто живет в услужении, но она еще и друг. Она представила меня миссис Форрестер, и та предложила мне войти в дом, несмотря на поздний час, и рассказать о наших приключениях. Но я объяснил ей всю важность поручения Холмса и твердо обещал в скором времени заехать к ним и рассказать, как подвинулось дело. Когда кэб отъехал немного, я оглянулся, и до

сих пор передо мной эта картина: две изящных женских фигурки, тесно прижавшиеся друг к другу на ступеньках крыльца, открытая входная дверь, прихожая, освещенная сквозь матовое стекло внутренней двери, барометр на стене, ярко начищенные металлические прутья на лестнице. Как умиротворяюще подействовал на меня спокойный уют английского дома! Я даже забыл на секунду это ужасное, загадочное дело.

И чем больше я о нем думал, тем загадочнее и ужаснее оно мне казалось. Пока кэб громыхал по тихим, освещенным газовыми фонарями ночным улицам, я вспомнил всю цепь невероятных событий прошлого дня и ночи. Начальная проблема вполне прояснилась. Смерть капитана Морстена, посылки с жемчужинами, объявление в газете, письмо — все это больше не было тайной, но зато нам открылась еще одна тайна, куда более загадочная и трагическая. Индийские сокровища, непонятный план, найденный среди вещей капитана Морстена, странные события, приведшие к смерти майора Шолто, открытие тайника и убийство того, кто этот тайник нашел, исключительные обстоятельства убийства, странные следы, странное оружие, слова, нацарапанные на клочке бумаги, те же самые, что были на плане Морстена,— это был настоящий лабиринт, в котором человек, не наделенный такими исключительными способностями, как мой друг Шерлок Холмс, непременно бы заблудился, потеряв всякую надежду когда-нибудь найти выход.

Пинчин-лейн была рядом старых двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я долго стучал в двери дома № 3. Наконец за ставнем блеснул огонек свечи, и в окне второго этажа появилось лицо.

— Убирайся отсюда сейчас же, пьяная тварь! — раздалось сверху.— Если ты не перестанешь колотить, я отопру двери и выпущу на тебя сорок три собаки.

— Мне нужно только одну, я за тем и приехал.

— Убирайся! — вопил тот же голос.— У меня здесь в корзине гадюка! Если ты не уйдешь, я брошу ее тебе на голову!

— Мне нужна собака, а не змея! — кричал я в ответ.

— Надоело мне с тобой пререкаться. Считаю до трех. Если не уйдешь, бросаю гадюку!

— Мистер Шерлок Холмс...— начал я.

Имя Шерлока Холмса возымело магическое действие, ибо рама немедленно опустилась, а не прошло и минуты, как загремели ключи, и дверь отворилась. Мистер Шерман оказался длинным, худым стариком, с сутулыми плечами, жилистой шеей и в синих очках.

— Друг Шерлока Холмса всегда желанный гость в этом доме,— сказал он.— Входите, сэр. Держитесь подальше от барсука, он кусается. Фу, как стыдно! Ты хочешь укусить этого господина? — Эти слова были обращены к горностаю, который просовывал свою хищную мордочку с красными глазками между прутьев клетки.— Не обращайте на эту змею внимания. Это всего-навсего веретеница. Она не ядовитая, и я пускаю ее бегать по комнате. Она уничтожает жуков. Вы не сердитесь на меня за то, что я поначалу был несколько груб. Спасения нет от мальчишек. Любят торчать под моими окнами. Чем я могу быть полезным мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

— Ему нужна ваша собака.

— А-а! Ему нужен Тоби!

— Да, именно Тоби.

— Тоби живет здесь в номере седьмом по левую руку.

Он медленно побрел со свечой в руках по этому удивительному звериному городку. В неверном, слабом свете свечи я различал в каждом закоулке, в каждой щели блестящие, мерцающие глаза, следящие за нами. Над нашими головами на потолочных балках сидели важные птицы и лениво переступали с ноги на ногу, когда наши голоса тревожили их сон.

Тоби оказался маленьким уродцем, длинношерстным и длинноухим, помесь спаниеля и шотландской ищейки. Он был коричневый с белым, и у него была смешная, неуклюжая походка вперевалочку. После некоторого колебания он взял от меня кусок сахару, данный мне старым натуралистом, и, заключив таким образом со мной союз, без всяких уговоров последовал за мной в кэб. На дворце Ламбетского епископа как раз пробило три, когда я во второй раз в эту ночь очутился у ворот Пондишери-Лодж. Бывший профессиональный боксер Мак-Мурдо, как я узнал, был арестован по подозрению в соучастии и вместе с мистером Шолто отправлен в полицию. Узкую входную дверь караулили два полицей-

скнх, но меня с собакой онн пропустнли немедленио, как только я назвал имя зиаменнтого сыщнка.

Холмс стоял на пороге, засуиув рукн в карманы н куря свою трубку.

— А, вы прнвезлн его! — сказал ои, увидев меия.— Хорошая собака! Этелин Джоис ушел. Пока вас не было, мы былн свндетелями его неукротимой энергии. Он арестовал не только нашего друга Таддеуша Шолто, но н экономку, привратиика н слугу-индуса. Так что мы здесь однн, не счнтая сержанта в кабинете наверху. Оставьте собаку здесь и пойдемте со мной.

Мы прнвязалн Тобн к столу в прнхожей и поднялнсь по лестнице. Комната была в том же внде, как я ее оставнл, только тело посредн комиаты было укрыто простыней. В углу прикорнул усталый сержаит.

— Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, сержант,— сказал Холмс.— А теперь завяжнте сзадн вот эту бечевку, чтобы фоиарь висел у меня на грудн. Ботинкн с носкамн я синму. Вы захватнте их с собой внна, Уотсои. Я хочу попробсвать профессню верхолаза. Опустнте, пожалуйста, мой носовой платок в креозот. Так, хорошо. А теперь подинмемся ненадолго наверх.

Мы опять поднялнсь по стремянке и влезлн через отверстне в потолке на чердак. Холмс направил свет фонаря на страниые следы в пылн.

— Это очень нптересные следы,— сказал он.— Вы заметнлн в ннх что-нибудь иеобыкиовенное?

— Это следы ребенка,— ответнл я,— илн мнниатюрной женщнны.

— Еслн суднть по нх размеру. А еще что в ннх поражает?

— По-моему, они больше ничем не отлнчаются от всякого другого следа.

— Отличаются, да еще как! Смотрнте. В пыли отпечаток правой ступни. Я наступаю рядом своей ступней. В чем разинца?

— Ваши пальцы прижаты друг к другу. На маленьком следе все пальцы торчат врозь.

— Совершенно верно. Это очеиь важно запомнить. А теперь подойднте к слуховому окну и понюхайте подоконник. Я со своим платком останусь здесь.

Так я н сделал н почувствовал снльный запах дегтя.

— Вот куда ои поставил иогу, когда уходил отсюда. Еслн вы учуяли его след, то Тоби и подавио учует. А теперь ступайте вииз, отвяжите собаку — н в погоию за Номером первым.

Когда я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже иа коньке крышн, по которому он медлеиио полз, как огромный светляк. Он было исчез за трубамн, но скоро опять появнлся и снова нсчез за коньком — виднмо, стал спускаться по противоположиому скату крышн. Я обошел дом и увидел, что он уже сиднт на карнизе, рядом с угловой водосточиой трубой.

— Уотсон, это вы? — крикиул он сверху.

— Я,— ответил я.

— Вот где он подиимался. Что там винзу?

— Бочка!

— Крышка иа ней есть?

— Есть.

— А лестницы поблнзости не видио?

— Нет!

— Вот дьявол! Тут н шею сломать иедолго. Но там, где прошел он, пройду и я. Водосточиая труба довольио прочиая. Ну, я спускаюсь!

Послышалось шаркаиье босых ног, и огонь фоиаря медленно пополз вииз по стеие. Затем Холмс легко прыгнул иа крышку бочки и оттуда на землю.

— Нетрудно было идти по его следу,— сказал ои, иадевая носки и ботиики.— Черепнца, где ои ступал, ослабла, и впопыхах ои оброиил вот что. Это подтверждает мой диагноз, как любите говорить вы, медики.

Ои протяиул мие что-то вроде иебольшого кошелька, сплетеиного из цветиой соломки и украшеиного дешевым бисером. По виду и форме ои иапомииал портсигар. Виутрн было полдюжииы длиниых темиых колючек, острых с одной стороны и закруглениых с другой,— точио таких, какая поразнла Бартоломью Шолто.

— Дьявольскне нголкн,— проговорил Холмс.— Осторожнее, не уколитесь. Я очень рад, что нашел нх. Вряд ли у него с собой есть еще. Теперь можно не бояться, что такой вот шип продырявнт мие или вам кожу. Я скорее соглашусь получить пулю из боевой виитовки. Ну что, Уотсои, вы достаточио бодро себя чувствуете для шестнмильного пробега?

— Коиечио,— ответил я.
— Нога выдержит?
— Выдержит.
— Поди сюда, Тоби. Подн сюда, хорошая собака. Нюхай, Тоби! Нюхай!

Холмс суиул собаке под иос платок, испачкаиный креозотом. Расставив свои лохматые иоги и смешио задрав вверх одио ухо, Тоби июхал платок с видом дегустатора, наслаждающегося букетом старого вииа. Холмс бросил платок подальше, привязал толстый шпагат к ошейиику собаки и подвел ее к бочке. Собака немедлеиио залилась тоиким, возбужденым лаем и, уткиув иос в землю, а хвост задрав вверх, помчалась по следу с такой быстротой, что поводок иатяиулся, и мы бросились за ней бежать изо всех сил.

Восток стал поиемиогу бледиеть, и мы уже могли различать предметы вокруг иас в холодиых утреииих сумерках. Большой, похожий иа коробку дом с чериыми провалами окои и высокими голыми стеиами высился, печальиый и молчаливый, позади иас. Наш путь лежал через парк, между ям и каиав, которые пересекали его по всем направлениям. Это место с кучами мусора и земли, с кустамн и деревьями, давио ие видавшими иожииц садовника, являло вид мрачиый и заброшеииый, что вполие гармоиировало с разыгравшейся здесь трагедией.

Достигнув камеииой ограды, Тоби побежал вдоль нее, жалобио и иетерпеливо скуля, пока не остаиовился иакоиец в углу, заслоиеиным от всего парка большим молодым буком. Там, где стеиы сходились, иесколько кирпнчей сдвинулось, образуя как бы ступеиьки, которые были стерты и закруглеиы у иаружиого края, что говорило о том, что ими часто пользовались. Холмс подиялся по иим н, взяв у меия из рук Тоби, бросил его иа землю.

— Здесь есть отпечаток руки человека иа деревяииой иоге,— сказал ои, когда я подиялся к иему.— Видите, слабые пятиа крови иа белой краске. Какая удача, что со вчерашиего дня ие было дождя! Запах остался иа дороге, несмотря иа то, что оии прошли здесь двадцать восемь часов назад.

Призиаюсь, у меия были иа этот счет иекоторые сомнеиия, когда я подумал, какое сильиое движеиие бывает на Лоидонском шоссе. Но сомиеиия мои скоро рассея-

лись. Тоби, ни секунды не колеблясь, побежал вперед, смешно переваливаясь на ходу. Резкий запах креозота победил на дороге все остальные запахи.

— Не думайте, пожалуйста,— сказал Холмс,— что только благодаря этой случайности преступники скоро окажутся в наших руках. Я знаю сейчас уже так много, что вижу несколько способов поймать их, но это, конечно, самый легкий и быстрый. Было бы глупо им не воспользоваться, раз уж судьба так благосклонна к нам. Но этот счастливый случай оказал мне и плохую услугу: решение перестало быть чисто логическим, каким я вначале представлял его. Тогда бы это дело действительно принесло мне лавры.

— Какие лавры вам еще нужны, Холмс! Я восхищен вашим дедуктивным методом. Такой блестящий успех! Он затмил даже дело Джефферсона Хоупа. Норвудское дело кажется мне более сложным и загадочным. Объясните мне, например, откуда вам с такой достоверностью известна наружность человека на деревянной ноге?

— А, мой дорогой Уотсон! Ведь это так просто! И это я говорю не из ложной скромности. Два офицера из тюремной охраны становятся обладателями важной тайны. Англичанин, по имени Джонатан Смолл, нарисовал и передал им план, указывающий местонахождение клада. Вы помните, что именно это имя было на плане, найденном в записной книжке капитана Морстена. От имени своих товарищей он подписался с некоторой претензией «знак четырех». Пользуясь планом, офицеры, а может быть, один из них, завладели кладом и увезли его в Англию, нарушив, как можно догадаться, соглашение, в силу которого этот клад попал им в руки. Можно спросить: почему Джонатан Смолл сам не завладел кладом? И это ясно. Если вы помните, план помечен числом, когда Морстен постоянно общался с заключенными. Отсюда следует, что Джонатан Смолл вместе со своими приятелями был в то время в тюрьме и, следовательно, сам не мог завладеть сокровищами.

— Это — чистое предположение,— сказал я.

— Больше чем предположение. Это гипотеза, которая объясняет все без исключения факты. Давайте проверим. Майор Шолто живет спокойно, наслаждаясь сокровища-

ми, находящимися в его безраздельном владении. Потом вдруг он получает из Индии письмо, которое пугает его до полусмерти. Что это письмо могло сообщить?

— То, что человек, с которым поступили несправедливо, выпущен на свободу.

— Или бежал. Что более вероятно, так как майор Шолто, несомненно, знал сроки заключения Джонатана Смолла и его друзей. И если бы срок истек, его появление не испугало бы его до такой степени. Что же он делает? Он вооружается, ставит в воротах усадьбы надежную охрану, боясь до умопомрачения человека на деревянной ноге, причем белого. Помните, он, обознавшись, стрелял из револьвера в хромого торговца? Дальше, на плане только одно английское имя. Другие — индусские или магометанские. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что человек на деревянной ноге и есть Джонатан Смолл. Вам пока не кажется, что мое рассуждение грешит против логики?

— Нет, все очень ясно и убедительно.

— Хорошо. Тогда давайте поставим себя на место Джонатана Смолла. Посмотрим на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с намерением вернуть себе то, что считает по праву принадлежащим ему, а также отомстить нарушившему соглашение. Он узнает, где живет Шолто, и, по всей вероятности, вступает в контакт с кем-нибудь из слуг. Там есть дворецкий, которого мы еще не видели, его имя Лал Рао. Миссис Берстон отозвалась о нем неодобрительно. Но Смоллу не удалось, однако, найти тайник, где были спрятаны сокровища, потому что никто, кроме самого майора и его преданного слуги, который уже умер, о тайнике не знал. Неожиданно Смолл узнает, что майор при смерти. В отчаянии, что тайна клада умрет вместе с ним, он, каким-то образом обманув бдительность привратника, пробирается в парк и заглядывает в окно спальни умирающего. Только присутствие у постели майора двух его сыновей помешало ему проникнуть внутрь. Обезумев от ярости, он той же ночью пробирается в спальню усопшего, перерывает в ней все вверх дном в поисках какого-нибудь указания, где хранится сундук с драгоценностями, и оставляет как свидетельство своего визита уже известный нам «знак четырех». Без сомнения, он заранее решил, убив

майора, оставить возле его тела такую записку в знак того, что это не простое убийство, а месть. Примеров подобного пристрастия к дешевым эффектам можно встретить немало в анналах преступного мира, и они обычно являются ценным ключом для установления личности преступника. Пока все ясно?

— Абсолютно все.

— Хорошо. Что же Джонатану Смоллу остается делать? Остается только установить секретное наблюдение за домом, где начались поиски сокровищ. Возможно, он жил за пределами Англии и только время от времени наезжал сюда. Затем был обнаружен тайник, и Смолла тотчас уведомили об этом. Здесь опять выступает на сцену его сообщник из домочадцев. Джонатан Смолл со своей деревянной ногой не смог бы забраться в кабинет Бартоломью Шолто, расположенный так высоко. Тогда он находит себе очень странного помощника, который легко взбирается на крышу по водосточной трубе, но попадает босой ногой в креозот, вследствие чего в дело вступает Тоби и отставной хирург с простреленным сухожилием отправляется в шестимильную прогулку.

— Так, значит, это не он, а его помощник убил майора?

— Да. И, судя по следам Смолла в комнате, он был этим очень недоволен. Он не питал ненависти к Бартоломью Шолто и считал, что надо только связать его и заткнуть ему рот. Ему совсем не хотелось лезть в петлю. Но сделанного, как говорится, не воротишь. В его сообщнике проснулись дикие инстинкты, и яд сделал свое дело. Тогда Джонатан Смолл оставил свой «знак четырех», спустил через окно на землю ларец с сокровищами и ушел сам. Таков в моем представлении ход событий. Что касается его наружности, то он, конечно, должен быть средних лет и очень смуглым, после стольких лет каторжных работ на Андаманских островах. Рост его легко рассчитывается по длине шага, а о том, что у него есть борода, мы знаем из рассказа Таддеуша Шолто, которого особенно поразило обилие растительности на лице, показавшемся в окне в ночь смерти его отца. Ну вот, собственно, и все.

— А помощник?

— Ах да, помощник, но и с ним все так же ясно.

Да вы все скоро узнаете. А как хорошо дышится свежим утренним воздухом! Видите вон то маленькое облачко? Оно плывет, как розовое перо гигантского фламинго. Красный диск солнца еле продирается вверх сквозь лондонский туман. Оно светит многим добрым людям, любящим вставать спозаранку, но вряд ли есть среди них хоть один, кто спешит по более странному делу, чем мы с вами. Каким ничтожным кажется человек с его жалкой амбицией и мечтами в присутствии этих стихий! Как поживает ваш Жан Поль?

— Прекрасно! Я напал на него через Карлейля.

— Это все равно, что, идя по ручью, дойти до озера, откуда он вытекает. Он высказал одну парадоксальную, но глубокую мысль о том, что истинное величие начинается с понимания собственного ничтожества. Она предполагает, что умение оценивать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа. Рихтер дает много пищи для размышлений. У вас есть с собой пистолет?

— Нет, только палка.

— Возможно, нам понадобится оружие, когда мы сунемся в их логово. Джонатана вы возьмете на себя. Если же тот, другой, будет сопротивляться, я просто застрелю его.

Холмс вынул свой пистолет и, зарядив его двумя патронами, сунул обратно в правый карман пиджака.

Все это время след вел нас то по проселку, то по шоссе в сторону Лондона, и скоро мы очутились в бесконечном лабиринте улиц предместья, полных уже заводскими рабочими и докерами. Неряшливого вида женщины открывали ставни и подметали ступеньки у входа. В кабачке на углу одной из улиц жизнь уже кипела вовсю, то и дело из него появлялись бородатые мужчины, вытирая рот рукавом после утреннего возлияния. Бродячие собаки провожали нас любопытным взглядом, но наш неподражаемый Тоби не смотрел ни вправо, ни влево, а бежал вперед, почти касаясь носом земли, и время от времени нетерпеливо повизгивал, чуя горячий след.

Таким образом мы миновали Стритем, Брикстон, Камберуэлл и очутились в районе Кеннингтон-лейн, выйдя окольными путями к восточной стороне Кеннингтонского стадиона. По-видимому, Джонатан Смолл и его страшный помощник специально выбрали этот сложный

маршрут, чтобы сбить со следа преследователей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было двигаться в желаемом направлении боковыми улочками. В начале Кеннингтон-лейн они свернули налево и пошли по Бонд-стрит и Майлс-стрит. Там, где последняя улица вливается в Найтс-плейс, Тоби остановился и забегал взад и вперед, одно ухо задрав, другое опустив, выражая всем своим видом полное недоумение. Затем он стал кружить на месте, время от времени поглядывая на нас, точно искал у нас сочувствия.

— Что такое творится с собакой? — вскипел Холмс.— Ведь не взяли же они здесь кэб и не улетели отсюда на воздушном шаре?

— Может, они останавливались здесь ненадолго? — предположил я.

— Да, по всей вероятности. Тоби опять взял след,— сказал он с облегчением.

На этот раз Тоби буквально полетел стрелой. Обнюхав все кругом своим острым носом, он вдруг опять обрел уверенность и бросился вперед с такой прытью, какую еще не проявлял. След, очевидно, был совсем свежий, так как Тоби не только почти зарылся носом в землю, но и рвался с поводка, который теперь мешал ему развить настоящий бег. По блеску глаз Холмса я видел, что конец нашего путешествия, по его мнению, близок.

Мы бежали теперь по Найн-Элмс, оставив позади большой дровяной склад фирмы «Бродерик и Нельсон». У соседней со складом таверны «Белый орел» Тоби в сильном возбуждении нырнул в калитку, и мы очутились во дворе склада, где пильщики уже начали свой дневной труд. Тоби, не обращая на них внимания, прямо по стружкам и опилкам выбежал на дорогу, обогнул сарай, проскочил коридор из двух поленниц и наконец с ликующим лаем вскочил на большую бочку, еще стоявшую на ручной тележке, на которой ее сюда привезли. Со свесившимся языком и блестящими глазами Тоби стоял на бочке и торжествующе поглядывал на нас, ожидая похвалы. Вся бочка и колеса тележки были измазаны темной густой жидкостью, кругом сильно пахло креозотом.

Мы с Шерлоком Холмсом посмотрели друг на друга и одновременно разразились неудержимым смехом.

ГЛАВА VIII

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧАСТИ С БЕЙКЕР-СТРИТ

— Что же теперь делать? — воскликнул я.— Тоби потерял свою непогрешимую репутацию.

— Он действовал в меру своего разумения,— ответил Холмс, снимая Тоби с бочки и уводя его со склада.— Представьте себе, сколько Лондон потребляет в течение дня креозота, так что не удивительно, что наш след оказался пересеченным. Пошла мода пропитывать им дерево. Нет, бедняга Тоби не виноват.

— Значит, вернемся к начальному следу?

— Да. К счастью, это недалеко. Я теперь понимаю, почему Тоби так растерялся на углу Найтс-плейс. Оттуда в разные стороны убегало два одинаковых следа. Мы попали на ложный. Остается вернуться и найти правильный след.

Это было нетрудно. Мы привели Тоби туда, где он ошибся. Он сделал там еще один круг и бросился совсем в другом направлении.

— Как бы он не привел нас к месту, откуда эта бочка прикатила,— заметил я.

— Не бойтесь. Видите, Тоби сейчас бежит по тротуару, а ведь тележка ехала по мостовой. Нет, на сей раз мы на верном пути.—След свернул к берегу, позади остались Бельмонт-плейс и Принсис-стрит. В конце Бродстрит след подошел прямо к воде, к небольшому деревянному причалу. Тоби вывел нас на самый край и остановился, возбужденно повизгивая и глядя на темную быструю воду внизу.

— Не повезло,— проговорил Холмс.— Здесь они взяли лодку.

К причалу было привязано несколько яликов и плоскодонок. Мы подвели Тоби к каждой, но как он ни внюхивался, запах креозота исчез.

Неподалеку от этого простенького причала стоял небольшой кирпичный домик. Над его вторым окном висела большая деревянная вывеска со словами «Мордекай Смит», пониже было написано: «Прокат лодок на час или на день». Надпись на двери возвещала, что у хозяина

есть паровой катер, о чем красноречиво говорила большая куча кокса у самого берега. Шерлок Холмс огляделся по сторонам, и лицо его помрачнело.

— Дело плохо,— сказал он.— Эти молодчики оказались умнее, чем я предполагал. Кажется, они сумели замести следы. Боюсь, что отступление было подготовлено заранее.

Он подошел к домику. Дверь вдруг распахнулась, и на порог выбежал маленький кудрявый мальчишка лет шести, а следом за ним полная, краснощекая женщина с губкой в руке.

— Сейчас же иди домой мыться, Джек! — кричала женщина.— Какой ты чумазый! Если папа увидит тебя, знаешь, как нам попадет!

— Славный мальчуган,— начал Холмс наступление.— Какие у проказника румяные щеки! Послушай, Джек, чего ты очень хочешь?

— Шиллинг,— ответил он, подумав.

— А может, еще что-нибудь?

— Два шиллинга,— ответил юнец, поразмыслив еще немного.

— Тогда лови! Какой прекрасный у вас ребенок, миссис Смит!

— Благослови вас бог, сэр! Такой смышленый растет, что и не приведи господь. Никакого сладу с ним, особенно когда отца нет дома. Как вот сейчас.

— Нет дома? — переспросил Холмс разочарованно.— Очень жаль. Я к нему по делу.

— Он уехал еще вчера утром, сэр. И я уже начинаю беспокоиться. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу отвязать ее.

— Мне бы хотелось взять напрокат катер.

— Катер? Вот ведь какая жалость. Он как раз на нем и ушел! Поэтому-то я и беспокоюсь. Угля в нем только, чтобы доплыть до Вулиджа и обратно. Если бы на яхте, то я бы ничего не думала. Он ведь иногда и в Грейвсенд уезжает. Даже ночует там, если много дел. Но ведь на баркасе далеко не уедешь.

— Уголь можно купить на любой пристани.

— Можно-то можно, да только он этого не любит. Слишком, говорит, они дерут за уголь... И еще мне не

нравнтся человек на деревяшке, у него такое страшное лицо н говорит не по-нашему. Вечно здесь околачивается!

— Человек на деревяшке? — изумленно переспросил Холмс.

— Ну да, сэр. Такой загорелый, похожий на обезьяну. Это он приходил вчера ночью за моим мужем. А муж мой, как видно, ждал его, потому что катер был уже под парами. Скажу вам прямо, сэр, не нравится мне все это, очень не нравится.

— Моя дорогая миссис Смит,— сказал Холмс, пожимая плечами,— вы только напрасно волнуете себя. Ну, откуда вы можете знать, что ночью приходил не кто-то другой, а именно человек на деревянной ноге? Не понимаю, откуда такая уверенность.

— А голос, сэр? Я хорошо запомнила его голос, он такой хриплый и грубый. Он постучал в окно, было около трех. «А ну-ка проснись, дружище,— прохрипел он,— пора на вахту». Мой старик разбудил Джима — это наш старший,— и оба они, не сказав мне ни слова, ушли. Ночью было хорошо слышно, как по булыжнику стучит деревяшка.

— А что, этот, на деревяшке, был один?

— Не могу вам сказать, сэр. Больше я ничего не слышала.

— Прошу простить меня за беспокойство, миссис Смит, но мне так нужен был катер. Мне очень рекомендовали его. Как же это он называется?

— «Аврора», сэр.

— Ну да. Такая старая посудина, зеленая с желтой полосой и очень широкая в корме.

— Нет, это не он. Наш катер маленький такой, аккуратный. Его только что покрасили в черный цвет с двумя красными полосами.

— Спасибо. Уверен, что мистер Смит скоро вернется. Я хочу прокатиться вниз по реке и, если увижу «Аврору», крикну вашему мужу, что вы волнуетесь. С черной трубой, вы сказали?

— Труба черная с белой каймой, сэр.

— Ах да, конечно. Это бока черные. До свидания, миссис Смит. Я вижу лодочника, Уотсон. Мы переправимся сейчас на ту сторону.

— Самое главное,— начал Холмс, когда мы расположились на снастях ялика,— имея дело с простыми людьми, не давать им понять, что хочешь что-то узнать у них. Стоит им это понять, сейчас же защелкнут створки, как устрицы. Если же выслушивать их с рассеянным видом и спрашивать невпопад, узнаешь от них все, что угодно.

— Теперь дальнейший план действий ясен,—сказал я.

— Нанять катер и искать «Аврору».

— Друг мой, это было бы невероятно трудной задачей. «Аврора» могла остановиться у любой пристани на том и другом берегу до самого Гринвича. За мостом пойдут бесконечные пристани одна за другой. Целый лабиринт пристаней. Если мы пустимся в погоню одни, они нас дня два-три поводят за нос.

— Так позовите на помощь полицию.

— Нет. Я позову Этелни Джонса разве что в последний момент. Он, в сущности, неплохой человек, и я не хотел бы портить ему карьеру. Но теперь, когда так много сделано, я хочу сам довести дело до конца.

— Может, поместить объявление в газете, чтобы хозяева пристаней сообщили нам, если увидят «Аврору»?

— Нет, это еще хуже. Наши приятели узнают, что погоня на хвосте, и, чего доброго, удерут из Англии. Я думаю, что покинуть Англию и без того входит в их планы. Но пока опасности нет, они не будут спешить. Расторопность Джонса нам только на пользу. Не сомневаюсь, что его версия обошла уже все газеты и беглецы вполне уверены, что полиция устремилась по ложному следу.

— Что же тогда делать? — спросил я, когда мы причалили возле милбанкского исправительного дома.

— Возьмем этот кэб, поедем домой, позавтракаем и часок поспим. Вполне вероятно, что и эту ночь мы будем на ногах. Кэбмен, остановитесь возле почты. Тоби пока оставим у себя. Он еще может пригодиться.

Мы вышли у почтамта на Грейт-Питер-стрит, где Холмс послал телеграмму.

— Как вы думаете, кому? — спросил меня Холмс, когда мы опять сели в кэб.

— Не имею представления.

— Вы помните отряд сыскной полиции с Бейкер-

стрнт, который помог мне расследовать дело Джефферсона Хоупа?

— Помию, — засмеялся я.

— Так вот сейчас опять требуется их помощь. Еслн оин потерпят неудачу, у меня есть еще помощники. Но сперва я все-такн нспробую их. Эта телеграмма моему чумазому помощнику Уиггиису. И я увереи, что он со своей ватагой будет у нас—мы еще не кончим завтракать.

Было около половнны девятого, и я почувствовал, что наступнла реакция после такой буриой н полной событнй ночн. Нога моя сильно хромала, все тело ломнло от усталостн, в голове был туман. У меня не было того профессноиального энтузиазма, которым горел мой друг. Не мог я также отиоснться к этому из ряда вои выходящему случаю, как к простой логической задаче. Что касается Бартоломью Шолто, убитого прошлой ночью, то я, слыхав о нем мало хорошего, не мог чувствовать сильной непрнязнн к его убнйце. С сокровнщамн же было дело другое. Этн сокровнща, нлн, вернее, нх часть, по праву принадлежалн мнсс Морстен. И покуда была надежда разыскать нх, я был готов посвятнть этому всю мою жнзнь. Правда, еслн я найду нх, мнсс Морстен, по всей вероятностн, будет навсегда для меия потеряна. Но еслн бы я руководился только такнми мыслями, какой же мелкой н себялюбивой была бы моя любовь! Если Холмс не щаднл себя, чтобы поймать преступннков, то прнчнна, побуждавшая меня заняться поисками сокровищ, была во сто крат сильнее.

Ванна на Бейкер-стрит н чнстое белье освежили меня как нельзя лучше. Когда я спустнлся вннз, завтрак был уже на столе, а Холмс потягнвал кофе.

— Смотрнте,— сказал он мне, смеясь н протягнвая газету,— неукротнмый Джонс н вездесущий газетный репортер сделали доброе дело. Но вы, пожалуй, по горло сыты норвудской нсторней. Прииимайтесь-ка лучше за янчннцу с ветчнной.

Я взял у него газету н прочтал иебольшую заметку под названнем «Загадочное пронсшествие в Аппер-Норвуде».

«Около двенадцати часов прошлой ночью,— пнсала «Стандард»,— мнстер Бартоломью Шолто, живший в

Пондишери-Лодж, в Аппер-Норвуде, был найден мертвым в своей спальне при обстоятельствах, заставляющих подозревать участие чьей-то преступной воли. На теле мистера Шолто не обнаружено никаких признаков насилия. Но исчезло богатейшее собрание индийских драгоценностей, унаследованное покойным от его отца. Первыми обнаружили преступление Шерлок Холмс и доктор Уотсон, приехавшие в Пондишери-Лодж вместе с братом убитого. По исключительно счастливой случайности, хорошо известный полицейский инспектор мистер Этелни Джонс был в это время в полицейском участке Норвуда и прибыл на место преступления через полчаса после того, как подняли тревогу. Мистер Этелни Джонс с присущим ему профессиональным мастерством сейчас же взялся за дело, и результаты не замедлили сказаться: арестован брат покойного Таддеуш Шолто, а также экономка миссис Берстон, дворецкий Лал Рао, по национальности индус, и привратник по имени Мак-Мурдо. Нет сомнения, что вор или воры хорошо знакомы с расположением дома, ибо, как твердо установлено мистером Джонсом, известным своей исключительной наблюдательностью и знанием преступного мира, негодяи не могли проникнуть в комнату ни в дверь, ни в окно, а только по крыше дома, через слуховое окно и чердак, сообщающийся с кабинетом мистера Шолто, где было найдено тело. Этот факт, который был установлен со всей тщательностью, непреложно свидетельствует о том, что мы имеем дело не со случайными грабителями. Быстрые и эффективные действия представителей закона лишний раз демонстрируют, как полезно присутствие на месте подобных преступлений человека с энергичным, проницательным умом. Мы считаем, что этот случай подтверждает правоту тех, кто держится мнения, что наша полиция должна быть более децентрализована. Тогда дела будут расследоваться более быстро и тщательно».

— Не правда ли, великолепно! — улыбнулся Холмс, отпивая из чашки кофе.— Что вы на это скажете?

— Скажу, что мы с вами едва избежали ареста как соучастники преступления.

— И я так думаю. Если его обуяет еще один приступ неукротимой деятельности, не миновать нам участи Таддеуша Шолто.

В этот миг в прихожей раздалось громкое звяканье колокольчика, вслед за ним испуганный голос нашей хозяйки, уговаривающей кого-то.

— Боже мой, Холмс,— сказал я, вставая, — никак это действительно они!

— Нет, до этого еще не дошло. Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит.

Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек. Несмотря на шумное вторжение, было заметно все-таки, что это отряд, подчиняющийся дисциплине, так как мальчишки немедленно выстроились в ряд и нетерпеливо воззрились на нас. Один из них, повыше и постарше других, выступил вперед с видом небрежного превосходства. Нельзя было без смеха смотреть на это чучело, отнюдь не внушающее доверия.

— Получил вашу телеграмму, сэр,— сказал он.— И привел всех. Три шиллинга и шесть пенсов на билеты.

— Пожалуйста,— сказал Холмс, протянув несколько монет.— В дальнейшем, Уиггинс, они будут докладывать тебе, а ты мне. Я не могу часто подвергать мой дом такому вторжению. Но сейчас даже хорошо, что пришли все. Послушаете мои инструкции. Нужно установить местонахождение парового катера «Аврора», хозяин которого Мордекай Смит. Катер черный с двумя красными полосами. Труба тоже черная с белой каймой. Он затерялся где-то на реке. Я бы хотел, чтобы один из вас дежурил возле причала Смита — это напротив милбанкского исправительного дома — на случай, если катер вернется. Распределите между собой обязанности и обыщите оба берега. Если что-нибудь узнаете, немедленно сообщите мне. Ясно?

— Да, начальник, — ответил Уиггинс.

— Условия прежние, и нашедшему катер — гинея. А это за день вперед. Ну, а теперь за работу! — Холмс каждому вручил шиллинг, мальчишки застучали голыми пятками по лестнице и высыпали на улицу.

— Эти «Аврору» из-под земли достанут,— сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола и зажигая трубку.— Они всюду пролезут, все увидят, все услышат. Я уверен, что уже к вечеру мы будем знать, где «Аврора». А пока

ничего ие остается, как ждать. След оборвался, и мы ие возьмем его, пока ие найдем «Аврору» или хотя бы ее хозяииа.

— Эти остатки доест Тобн. Вы ляжете отдохиуть, Холмс?

— Нет, я ие устал. У меия страииый организм. Я не помию случая, чтобы работа утомляла меня. Зато безделье меия изиуряет. Я покурю и подумаю иад этнм иеобыкиовеииым делом, которым мы обязаны иашей белокурой клиеитке. Коиец представляется мие чрезвычайио легкнм. Людей с деревянной иогой не так уж много, а Номер первый — просто уиикальиый экземпляр.

— Опять этот таинствеииый Номер первый!

— Я отиюдь ие хочу делать из него тайиы, тем более от вас. Но помилуйте, Уотсон, у вас уже должно было сложиться о ием определениое миенне. Давайте еще раз вспоминм все его приметы. Малеиькая нога, пальцы которой ннкогда ие зиали ботинок, ходнт боснком, деревяииая палка с камеииым иакоиечииком, очеиь ловок, мал ростом, отравлеииые шипы. Какой вы делаете из этого вывод?

— Дикарь! — воскликнул я.— Возможно, один нз тех индусов, кто был в компаини с Джоиатаиом Смоллом.

— Ну, едва ли,— возразил Холмс.— Когда я первый раз увндел его следы, я подумал было то же самое, ио потом мое миеиие о ием перемеиилось. Среди иаселеиия полуострова Индостан есть ннзкорослые племеиа, ио таких малеиькнх иог вы там ие иайдете. У собствеиио индусов ступни иог узкне и длиииые. Магометаие иосят саидалии, и большой палец у иих, как правнло, отстоит от другнх, потому что отделеи ремешком. Эти маленькне стрелы могут быть выпущеиы только однни путем. Из трубкн, в которую дуют. Ну, как, по-вашему, откуда иаш дикарь?

— Южная Америка,— сказал я иаудачу.

Холмс протяиул руку и снял с полки толстую книгу.

— Это первый том географического справочинка, издающегося сейчас. Можио счнтать его последиим словом географической науки. Посмотрим, что здесь есть для иас интересного. Андаманскне острова. Расположены в Бен-

гальском залнве в трехстах сорока милях к северу от Суматры. Хм-хм... Ну, а что дальше? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, Порт-Блэр, каторжная тюрьма, остров Ратленд... Ага, нашел: «Аборигены Андаманских островов могут, пожалуй, претендовать на то, что онн самое ннзкорослое племя на земле, хотя некоторые антропологн отдают пальму первенства бушменам Африки, амерnканским индейцам племени «диггер» и аборигенам Огненной Земли. Средний рост взрослого около четырех футов, хотя встречаются отдельные экземпляры гораздо ниже. Это злобные, угрюмого внда люди, почтн не поддающнеся цнвилизацин, но зато они способны на самую преданную дружбу». Обратите на это особенное внимание, Уотсон. Слушайте дальше: «Они очень некраснвы. У нних большая, неправильной формы голова, крошечные, злые глазки и отталкивающие черты лица. Руки н ноги у нних замечательно малы. Они так злобны н днки, что все усилия англнйскнх властей приручить их всегда кончались неудачей. Они всегда былн грозой потерпевшнх кораблекрушение. Захваченных в плен они обычно убивают дубннкамн с каменным наконечннком или отравленными стреламн. Побоище, как правило, заканчнвается каннибальским пнршеством». Какие милые, располагающне к себе людн, не правда ли, Уотсон? Если бы этот красавчик имел возможность действовать по собственному усмотреиню, дело могло бы принять еще более страшный оборот. Думается мие, что Джонатан Смолл не очень-то охотно прнбег к его помощи.

— Но откуда у него этот странный партнер?

— Не могу вам сказать. Но, поскольку, как нам известно, Джонатан Смолл прибыл в Англню не откуданнбудь, а с Андаманских островов, то особенно удивляться тому, что средн его знакомых есть тамошние жители, не приходится. Несомненно, что со временем мы будем знать все подробно. Послушайте, Уотсон, у вас чертовскн плохой внд. Ложитесь-ка на тот диван, и посмотрим, как скоро я сумею усыпить вас.

Он взял из угла свою скрипку. Я растянулся на диване, и он заиграл тихую, медленную, навевающую дремоту мелодию, без сомнения, его собственную: у Шерлока Холмса был неподражаемый талант нмпровнзатора. Я смутно вспомнаю его тонкую, худую руку, серьезное ли-

цо и взмахи смычка. Потом мне стало казаться, что я мирно уплываю куда-то по морю звуков, и вот я уже в стране снов и надо мной склонилось милое лицо Мэри Морстен.

ГЛАВА IX

РАЗРЫВ В ЦЕПИ

Когда я проснулся, день уже клонился к вечеру. Я чувствовал себя окрепшим и полным энергии. Сон вернул мне силы. Шерлок Холмс сидел все на том же месте, только скрипки у него в руках не было. Услыхав, что я шевелюсь, он посмотрел в мою сторону, лицо у него потемнело и выражало тревогу.

— Вы так крепко спали,— сказал он,— а я боялся, что мы разбудим вас своим разговором.

— Нет, я ничего не слыхал,— ответил я.— Есть какие-нибудь новости?

— К сожалению, нет. И должен признаться, что я удивлен и разочарован. Я рассчитывал к этому времени уже узнать что-то определенное. Только что прибегал Уиггинс. Он сказал мне, что никаких следов катера нигде нет. Досадное промедление, когда дорога каждая минута.

— Не могу ли я помочь чем-нибудь? Я чувствую себя вполне отдохнувшим и готов еще одну ночь провести на ногах.

— Нет, сейчас делать нечего. Ждать — вот все, что нам осталось. Если мы уйдем, в наше отсутствие может прибыть долгожданное известие, и опять будет задержка. Располагайте собой как хотите, а я останусь здесь, на посту.

— Тогда я съезжу в Камберуэлл, навещу миссис Сесил Форрестер. Она просила меня вчера зайти.

— Миссис Сесил Форрестер? — переспросил Холмс, и в его глазах блеснула искорка смеха.

— И мисс Морстен тоже, само собой разумеется. Им так хотелось, чтобы я пришел и рассказал, что будет дальше!

— Я бы не стал им рассказывать всего. Женщинам никогда нельзя доверять полностью, даже лучшим из них.

Я не стал оспаривать это вопиющее заявление, а только заметил, что вернусь часа через два.

— Прекрасно! Счастливого пути. Да, вот что, если уж вы отправляетесь через реку, захватите с собой Тоби. Я думаю, он нам теперь не понадобится.

Я сделал, как сказано, и отдал его старому натуралисту с Пинчин-лейн вместе с полсовереном. Оттуда я поехал прямо в Камберуэлл. Мисс Морстен еще не оправилась от переживаний прошлого вечера, но была полна любопытства. И миссис Форрестер жаждала узнать дальнейший ход событий. Я рассказал им все, как было, опустив только самые ужасные подробности. Рассказывая о смерти мистера Шолто, я умолчал о деталях убийства. Но, несмотря на сокращения, мой рассказ все-таки сильно поразил и разволновал их.

— Как в романе! — воскликнула миссис Форрестер.— Принцесса — жертва несправедливости, клад с драгоценностями, чернокожий каннибал, разбойник на деревянной ноге. Это вместо традиционного дракона или какого-нибудь коварного графа.

— И два странствующих рыцаря-спасителя,— прибавила мисс Морстен и ясными глазами посмотрела в мою сторону.

— Послушайте, Мэри, ведь от исхода поисков зависит ваша судьба. Мне кажется, что вы не подумали об этом и поэтому так равнодушны. Только вообразите, что значит быть богатой и чтобы весь мир был у твоих ног.

Сердце мое радостно забилось, когда я увидел, что мисс Морстен не проявила никакого восторга по поводу блестящих возможностей, открывающихся ей. Наоборот, она небрежно тряхнула своей гордой головкой, как будто эти сокровища не имели к ней отношения.

— Меня очень беспокоит судьба мистера Таддеуша Шолто,— сказала она.— Все остальное неважно. Он был так добр и благороден. Наш долг сделать так, чтобы с него сняли это ужасное, несправедливое обвинение.

Когда я покинул дом миссис Форрестер, уже сильно смеркалось. На Бейкер-стрит я вернулся, когда было

совсем темио. Кинга и трубка моего друга лежали в его кресле, но его самого ие было. Я пonскал записку, ио не нашел.

— Что, мистер Холмс вышел куда-инбудь? — спросил я хозяйку, когда оиа вошла в комиату, чтобы опустнть шторы.

— Нет, ои ушел к себе. Зиаете, мнстер Уотсои,— тут хозяйка перешла иа миогозиачительиый шепот,— я боюсь, что ои иездоров.

— Почему вы так думаете?

— Очень ои сегодия страиный. Как только вы ушли, ои стал ходить по комиате туда-сюда, туда-сюда, я слушать и то устала эти бескоиечные шаги. Потом ои стал разговаривать сам с собой, бормотал что-то. И всякнй раз, как брякал звоиок, выходил иа площадку н спрашнвал: «Что там такое, миссис Хадсои?» А потом пошел к себе н хлопиул дверью, ио и оттуда все время слышио, как он ходнт. Хоть бы ои ие заболел. Я предложнла ему успокаивающее лекарство, ио ои так посмотрел иа меня, что я ие помию, как и убралась из его комиаты.

— Думаю, мнссис Хадсон,что особеиных причин для беспокойства иет,— сказал я.— Я ие раз видел его в таком состояиии. Ои сейчас решает одиу небольшую задачу и, конечно, волнуется.

Я говорил с иашей хозяйкой самым спокойиым тоном, но, признаться, и сам начал тревожиться о состоянии моего друга, когда, просыпаясь несколько раз иочью, все время слышал за стеиой глухой стук его шагов. Я поиимал, какой вред может причиннть его деятельиому уму это вынуждеиное бездействие.

За завтраком Холмс выглядел осунувшнмся и усталым. На щеках лихорадочио горели два пятиышка.

— Вы не жалеете себя, Холмс,— заметил я.— Вы ведь всю иочь, я слыхал, ие прилегли ии на часок.

— Я ие мог спать,— ответил ои.— Это проклятое дело изводит меня. Застрять на месте из-за какого-то пустяка, когда так много сделаио, это уже слишком. Я зиаю преступииков, зиаю их катер, знаю все. И ии с места. Я пустил в ход весь мой арсенал. Вся Темза, оба ее берега общарены вдоль и поперек, и иикаких следов проклятой «Авроры». Ни ее, ни ее хозяина. Можно по-

думать, что они затопили катер. Хотя есть факты, говорящие против.

— Может быть, миссис Смит направила нас по ложному следу?

— Нет, это исключается. Я навел справки. Катер с такими приметами существует.

— Может, он поднялся вверх по реке?

— Я и это учел. Сейчас ведутся поиски до самого Ричмоида. Если сегодня не будет новостей, я завтра выеду сам. И буду искать не катер, а людей. Но я все-таки уверен, абсолютно уверен, что известие придет.

Однако оно не пришло. Ни от Уиггинса, ни из других источников. Газеты продолжали печатать сообщения о норвудской трагедии. Все они были настроены враждебно к бедному Таддеушу Шолто. Ни в одной из газет не сообщалось ничего нового, не считая того, что дознание было назначено на завтра.

Вечером я опять побывал в Камберуэлле и рассказал о нашем невезении. Вернувшись, я застал Холмса в самом мрачном расположении духа. Он едва отвечал на мои вопросы и ставил весь вечер какие-то сложнейшие химические опыты. Нагревал реторты, дистиллировал воду и развел под конец такую вонь, что я чуть не убежал из дому. До рассвета я слышал, как он звенит пробирками и колбами, занимаясь своими ароматными экспериментами.

Проснулся я рано утром, как будто кто-то толкнул меня. Надо мной стоял Холмс, одетый, к моему удивлению, в грубую матросскую робу. На нем был бушлат, и вокруг шеи повязан грубый красный шарф.

— Я отправляюсь в поиски вниз по реке, Уотсон,— сказал он мне.— Я много думал над моим планом и считаю, что попытаться стоит.

— Я тоже поеду с вами.

— Нет, вы мне поможете гораздо больше, если останетесь здесь. Я ухожу неохотно. В любую минуту может прийти долгожданное известие, хотя Уиггинс, как я заметил вчера вечером, совсем упал духом. Прошу вас вскрывать все телеграммы и письма, адресованные мне. И если прочтете что-нибудь важное, действуйте по собственному усмотрению. Могу я положиться на вас?

— Вполне.

— Боюсь, что мне нельзя будет послать телеграмму, потому что я и сам еще не знаю, где в какое время я буду. Но если мне повезет, я вернусь скоро. И уж, конечно, не с пустыми руками.

Все утро и во время завтрака от Холмса не было никаких известий. Открыв «Стандард», я нашел, однако, сообщение, отличающееся от прежних. Газета писала: «Что касается трагедии в Аппер-Норвуде, то дело может оказаться куда более сложным и загадочным, чем показалось сначала. Как только что установлено, мистер Таддеуш Шолто абсолютно непричастен к смерти брата. Он и экономка миссис Берстон вчера вечером выпущены на свободу. Как сообщают, полиция располагает данными, позволяющими установить личность настоящих преступников. Расследование дела находится в надежных руках полицейского инспектора из Скотленд-Ярда мистера Этелни Джонса, известного своей энергией и проницательностью. Преступники каждую секунду могут быть арестованы».

«Ну, слава богу,— подумал я.— По крайней мере наш друг Шолто на свободе. Что же это за «данные», интересно? Впрочем, так всегда пишут, когда полиция садится в лужу».

Я бросил газету на стол, и вдруг в глаза мне бросилось объявление в колонке происшествий. В нем говорилось:

«Разыскиваются пропавшие: Мордекай Смит и его сын Джон, покинувшие причал Смита около трех часов ночи во вторник на катере «Аврора». Катер черный с двумя красными полосами, труба черная с белой каймой. Вознаграждение — пять фунтов тому, кто сообщит о местонахождении вышеупомянутого Смита и катера «Аврора» его жене миссис Смит, причал Смита, или на Бейкер-стрит, 221-б».

Адрес говорил, что объявление помещено Холмсом. «Хитро составлено,— подумал я.— Беглецы увидят в нем только естественное беспокойство жены, разыскивающей мужа».

День тянулся очень долго. Всякий раз, как стучали в дверь или снаружи раздавались чьи-то громкие шаги, я настораживался, ожидая, что это или вернулся Холмс, или пришли с ответом на объявление. Я пытался читать,

но мысли мои неотступно вращались вокруг этого странного преступления и его странных участников, за которыми мы охотились. А вдруг в рассуждения моего друга вкралась роковая ошибка и он стал жертвой чудовищного самообмана? Вдруг его точный логический ум построил эту фантастическую версию на ложных посылках? Я не знал случая, когда бы Шерлок Холмс ошибся, но ведь даже самый сильный ум один раз может ошибиться. Его могла ввести в заблуждение слишком уж изощренная логика. Он предпочитал странные, хитроумные объяснения, отбрасывая прочь более простые и естественные, находившиеся под рукой. Но, с другой стороны, я сам был очевидцем происшедшего, своими ушами слышал доводы Холмса. Проследив в который раз с самого начала всю длинную цепь странных событий, многие из которых сами по себе могли бы показаться пустяком, я должен был признать, что если Холмс и заблуждается, то истина все равно лежит где-то в области удивительного и маловероятного.

В три часа пополудни послышалось резкое звяканье колокольчика, в прихожей раздался чей-то властный голос, и, к моему удивлению, в комнату вошел не кто иной, как мистер Этелни Джонс собственной персоной. Но как не походил он сегодня на того высокомерного и бесцеремонного поборника здравого смысла, который с таким непререкаемым апломбом взялся расследовать норвудскую трагедию! Лицо у него было понурое, весь он как-то обмяк, а в его осанке появилось даже что-то просительное.

— Добрый день, сэр, добрый день,— проговорил он.— Мистера Холмса, как я вижу, нет дома?

— Нет. И я не знаю, когда он придет. Но, может быть, вы подождете его? Садитесь в это кресло. Вот вам сигары.

— Благодарю вас. Я и правда подожду,— сказал он, вытирая лицо красным, в клетку носовым платком.

— Виски с содовой хотите?

— Э-э, полстакана. Слишком жаркая стоит погода для сентября. К тому же нет конца всяким волнениям. Вы ведь знаете мою норвудскую версию?

— Помню, вы излагали ее.

— Ну вот, я был выиужден ее пересмотреть. Я так ловко подвел сеть под мнстера Шолто, так крепко ее затянул, н вдруг — бац! — в сети оказалась дырка, и он ушел. У него иеоспорнмое алнбн. С той мииуты, как за ним захлопнулась дверь комнаты брата, его видели то здесь, то там, словом, он ни на одну секунду не оставался один. И не мог поэтому ни влезть иа крышу, ин проникнуть на чердак сквозь слуховое окно. Это очеиь темиое дело, и мой профессиональиый престиж поставлен иа карту. Я был бы очень рад иебольшой помощи.

— Все мы иуждаемся иногда в помощи,— заметнл я.

— Ваш друг мистер Шерлок Холмс — выдающаяся лнчность, сэр,— сказал он доверительно осипшим голосом.— Он человек, не знающий поражений. Мне-то известно, в скольких делах участвовал этот молодой человек, н всегда ему удавалось докопаться до истины. Ои иесколько непоследователен в своих методах и, пожалуй, чересчур торопнтся делать выводы, но вообще, я думаю, он мог бы стать самым выдающимся сыщиком Скотленд-Ярда, и готов заявить это кому угодио. Сегодия утром я получил от него телеграмму, из которой ясио, что у него есть свежие факты по этому делу. Вот телеграмма.

Он вынул ее из кармана и протянул мие. Она была послана в двенадцать часов из Поплара. «Немедленно ндnте на Бейкер-стрит,— писал Холмс.— Еслн я не успею вернуться, подождите меня. Следую по пятам норвудской парочки. Если хотите участвовать в финише, можете присоединиться к иам».

— Хорошие иовости! Значнт, Холмс опять напал на нх след,— сказал я.

— Ага, значнт, и он допустил промах! — воскликнул с явным удовольствнем Джоис.— Даже лучшим из иас свойствеино ошибаться. Конечио, эта телеграмма может оказаться ложной тревогой, но мой долг инспектора Скотленд-Ярда ие упускать ии одного шанса. Я слышу шаги. Возможно, это Холмс.

На лестнице послышалось тяжелое шарканье иог, сильное пыхтеиие и кашель, как будто шел человек, для которого дышать было непосильным трудом. Один или два раза он остаиавливался. Но вот иаконец ои подошел

к нашей двери и отворил ее. Его внешность вполне соответствовала звукам, которые доносились до нас. Это был мужчина преклонных лет в одежде моряка — старый бушлат был застегнут до подбородка. Спина у него была согнута, колени дрожали, а дыхание было затрудненное и болезненное, как у астматика. Он стоял, опершись на толстую дубовую палку, и его плечи тяжело поднимались, набирая в легкие непослушный воздух. На шее у него был цветной платок, лица, обрамленного длинными седыми бакенбардами, почти не было видно, только светились из-под белых мохнатых бровей темные умные глаза. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного старого моряка, впавшего на склоне лет в бедность.

— Чем можем вам служить, папаша? — спросил я.

Он обвел комнату медленным взглядом старика.

— Мистер Шерлок Холмс дома? — спросил он.

— Нет. Но я его заменяю. Вы можете рассказать мне все, что хотели рассказать ему.

— А я хочу видеть самого Шерлока Холмса,— упрямо повторил старик.

— Но я же вам говорю, что я его заменяю. Вы пришли по поводу катера Смита, конечно?

— Да, я знаю, где он. Еще я знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, где сокровища. Я все знаю!

— Расскажите мне; это все равно, что рассказать Холмсу.

— Нет, я должен рассказать только ему самому,— твердил наш гость со стариковским упрямством и раздражительностью.

— Тогда подождите его.

— Не хочу ждать. Не хочу даром терять день ни ради кого. Если мистера Холмса нет, пусть себе все узнает сам. А вам я ничего не скажу, больно мне ваши физиономии не нравятся.

Он поковылял к двери, но Джонс обогнал его.

— Подожди, приятель, — сказал он. — У тебя есть важные сведения, и ты не уйдешь отсюда. Придется тебе подождать, хочешь ты или нет, нашего друга Холмса.

Старик рванулся к двери, но Этелни Джонс заслонил ее своей широкой спиной, и старик понял, что сопротивление бесполезно.

— Хорошенькое обращение с гостем,— сказал он, стуча палкой.— Я пришел сюда, чтобы поговорить с мистером Холмсом. А вы двое набросились на меня, хотя я вас знать не знаю. Хорошенькое обращение с человеком!

— Вам не сделают ничего плохого,— сказал я.— Садитесь сюда на диван и подождите. Холмс очень скоро вернется.

Он мрачно подошел к дивану и сел, подперев ладонями свою большую голову. Мы с Джонсом снова взяли наши сигары и продолжили разговор.

Вдруг голос Холмса оборвал нас на полуслове:

— Могли бы предложить сигару и мне.

Мы так и подпрыгнули в креслах. Прямо перед нами сидел Холмс и довольно улыбался.

— Холмс! — воскликнул я.— Вы здесь? А где же старик?

— Вот он,— ответил Холмс, протягивая в руке копну белых волос.— Вот он весь — бакенбарды, парик, брови. Я знал, что мой маскарад удачен, но не предполагал, что он выдержит такое испытание.

— Вот это класс! — с искренним восхищением воскликнул Джонс.— Из вас вышел бы отличный актер, первосортный! Вы кашляете точь-в-точь как постоялец работного дома. А за ваши дрожащие колени можно дать десять фунтов в неделю. Мне, правда, показался знакомым блеск глаз. Но уйти вы все-таки от нас не смогли.

— Я работал в этом маскарадном костюме весь день,— сказал он, зажигая сигару.— Видите ли, преступный мир уже довольно хорошо знает меня, особенно после того, как мой друг, сидящий здесь, взялся за перо. Так что я теперь могу появляться на передовых позициях только в переодетом виде. Вы получили мою телеграмму?

— Да, поэтому-то я здесь.

— Как подвигается ваша версия?

— Лопнула. Мне пришлось отпустить двух моих пленников, а против остальных двух нет ни одной улики.

— Не расстраивайтесь. Мы вам дадим парочку других взамен. Я только прошу вас на время целиком под-

чиняться мне, действовать по выработанному мной плану. Согласны? Конечно, вся заслуга в этом деле будет официально признана за вами.

— Согласен, если вы поможете мне взять этих двоих.

— Тогда, во-первых, мне необходима быстроходная посудина — полицейский моторный катер. К семи часам у Вестминстерского причала.

— Будет сделано. Там всегда дежурит полицейская лодка. Но, пожалуй, мне лучше пойти через дорогу и позвонить для верности.

— Затем два полицейских посильнее на случай сопротивления.

— В катере всегда есть два или три человека.

— Когда мы их возьмем, у нас в руках окажутся сокровища. Я думаю, мой друг будет очень рад доставить сундучок одной молодой леди, которой по праву принадлежит половина. Пусть она первая откроет его. А, Уотсон?

— Мне это было бы очень приятно.

— Нарушение процедуры, но дело такое необычное, что можно будет закрыть глаза. Но потом клад надо передать властям до окончания следствия.

— Конечно. Это будет легко сделать. Еще один момент. Мне бы очень хотелось услыхать о некоторых подробностях из уст самого Джонатана Смолла. Вы знаете, я люблю выяснять все до конца. Не будет возражений, если я с ним неофициально встречусь здесь, у меня, или в каком-нибудь другом месте, конечно, под надежной охраной?

— Вы хозяин положения, вам и карты в руки. Но у меня до сих пор нет никаких доказательств существования этого самого Джонатана Смолла. Однако если вы мне представите его, я не смогу отказать вам в вашей просьбе.

— Значит, решено?

— Решено. Еще что?

— Это уже последнее: я хочу, чтобы вы пообедали с нами. У нас есть устрицы, пара куропаток и небольшой выбор белых вин. Нет, Уотсон, вы не умеете ценить мои достоинства домашней хозяйки.

ГЛАВА X
КОНЕЦ ОСТРОВИТЯНИНА

Обед проходил очень оживленно. Холмс, когда хотел, мог быть исключительно интересным собеседником. А в тот вечер он был в ударе — сказалось сильное нервное возбуждение. Я никогда прежде не видел его таким разговорчивым. Он говорил о средневековой керамике и о мистериях, о скрипках Страдивари, буддизме Цейлона и о военных кораблях будущего. И говорил так, будто был специалистом в каждой области. Эта яркая вспышка была реакцией живого ума после мрачного уныния, которое завладело им накануне. Этелни Джонс в свободную от дел минуту оказался очень общительным человеком и за обедом доказал, что знает толк в жизненных радостях. Я тоже был в приподнятом настроении, предчувствуя конец дела и заразившись весельем Холмса. Никто из нас за весь вечер не упомянул о причине, которая собрала нас вместе.

Когда убрали со стола, Холмс посмотрел на часы и разлил в бокалы портвейн.

— Давайте выпьем,— сказал он,— за успех нашей маленькой вылазки. А теперь пора идти. У вас есть оружие, Уотсон?

— Мой старый боевой пистолет. Он в ящике стола.

— Возьмите его с собой. Это необходимо. Я вижу, что кэб уже у двери, он был заказан на половину седьмого.

У Вестминстерского причала мы были в семь с небольшим. Катер уже ждал нас. Холмс оглядел его критически.

— Есть на нем что-нибудь, что выдавало бы его принадлежность полиции? — спросил он.

— Да. Зеленый фонарь сбоку.

— Тогда снимите его.

Все было сделано мгновенно, мы вошли в катер и отчалили. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один полицейский стоял у руля, другой следил за топкой, впереди расположились два дюжих полисмена.

— Куда? — спросил Джонс.

— К Тауэру. Прикажите им остановиться напротив Джекобсон-Ярда.

Наше суденышко оказалось очень быстроходным. Мы промчались мимо вереницы груженых барж, как будто они не плыли, а стояли на месте. Когда мы догнали и оставили позади речной пароход, Холмс удовлетворенно улыбнулся.

— Можно подумать, что наш катер — самое быстроходное судно на реке,— заметил он.

— Ну, это вряд ли. Но катеров быстрее этого, пожалуй, найдется немного.

— Мы должны догнать «Аврору». А она слывет быстроходным судном. Сейчас я введу вас, Уотсон, в курс дела. Вы помните, как меня угнетала эта нелепая задержка.

— Помню.

— Так вот, я решил дать голове полный отдых и занялся химическими опытами. Один из наших великих государственных мужей сказал как-то, что перемена занятия — лучший отдых. И это правильно. Когда мне удалось наконец разложить углеводород, я вернулся к нашей загадке и все заново обдумал. Моя команда мальчишек обшарила всю реку не один раз, и безрезультатно. «Авроры» нигде не было — ни на причалах, ни дома. Вряд ли они затопили ее, чтобы замести следы. Хотя и эту возможность следует иметь в виду, если поиски в конце концов не приведут ни к чему. Я знал, что этот Смолл довольно хитер, но я думаю, что какая-нибудь особенно утонченная хитрость ему не по плечу. Ее ожидаешь, как правило, от человека образованного. Дальше, нам известно, что он жил несколько времени в Лондоне, вел наблюдение за Пондишери-Лодж, а это значит, что покинуть пределы Англии он сразу же не мог; чтобы уладить дела, нужно время — день, а может, на наше счастье, и больше. Такой по крайней мере напрашивается вывод.

— Вывод довольно слабый,— заметил я.— Он мог все уладить и до нападения на Пондишери-Лодж.

— Нет, не думаю. Он очень дорожит своим убежищем, где можно отлежаться в случае опасности, и покинет его только тогда, когда будет в полной уверенности, что ему совсем ничего не грозит. И вот еще что при-

шло мне в голову: Джонатан Смолл должен был понимать, что необычная внешность его помощника, как бы он ни старался замаскировать его, может вызвать всякие толки, и, возможно, кое-кто догадается связать его с норвудской трагедией. Он достаточно умен, чтобы понимать это. Итак, они покинули свою штаб-квартиру ночью, под покровом темноты. И, конечно, лучшим вариантом было бы вернуться до света. Но «Аврора» отошла от причала, по словам миссис Смит, когда был уже четвертый час. В это время совсем светло, через час-другой на улицах появится народ. На основании этого я сделал вывод, что они не должны уйти далеко. Они хорошо заплатили Смиту, чтобы он держал язык за зубами, наняли его катер до окончательного исчезновения и поспешили с кладом в свое логово. Они решили выждать пару деньков, чтобы узнать из газет, в каком направлении пошло следствие и нет ли за ними слежки. И тогда уже опять под покровом темноты идти в Грейвсенд или куда-нибудь в Даунс. Они, несомненно, заранее позаботились заказать места на какой-нибудь корабль, уходящий в Америку или колонии.

— А как же катер? Не могли же они захватить его в свое логово?

— Конечно, не могли. А это значит, что «Аврора», несмотря на неуловимость, находится где-то совсем рядом. Я поставил себя на место Смолла и постарался взглянуть на дело его глазами. По всей вероятности, он решил, что отпустить «Аврору» или поставить у ближайшего причала опасно: вдруг полиция все-таки напала на их след. Куда же деть «Аврору», чтобы она была невидима для всех, а для него досягаема в любую минуту? Что бы сделал я, случись мне решать такую задачу? И я увидел одну-единственную возможность. Надо поставить ее в какой-нибудь док для мелкого ремонта. Там она будет надежно укрыта от посторонних глаз и всегда готова к отплытию.

— Как просто!

— В том-то и дело, что простое объяснение всегда приходит в голову в последнюю очередь. Когда я это сообразил, я решил немедленно действовать и, приняв обличье безобидного старого матроса, отправился вниз по Темзе осматривать доки. В пятнадцати доках об «Ав-

ропе» никто н не слыхал. Зато в шестнадцатом я был вознагражден за терпение: мне сказали, что «Аврору» два дня назад поставил к ним человек на деревянной ноге н попросил проверить руль. «Но руль оказался в полном порядке,— сказал мне корабельный мастер.— Вон она там стоит, черная с красными полосами». Не успел он это сказать, как в доке появился не кто иной, как сам пропавший хозяин «Авроры» Мордекай Смит. Я бы, конечно, не узнал его, но он, будучи основательно пьян, орал во всю глотку, что он хозяин «Авроры». Мордекай Смит требует, чтобы его посудина была готова сегодня к восьми часам. «Ровно к восьми,— повторил он,— я обещал двум джентльменам, которые не любят ждать». Они, по-видимому, хорошо заплатили ему, потому что он швырял шиллинги налево и направо. Я несколько времени шел было за ним, но он юркнул в первый же кабачок. Тогда я пошел обратно в док. По дороге случайно встретил одного из мальчишек и поставил его наблюдать за «Авророй». Увидев, что она отчаливает, он начнет махать платком. Мы тем временем будем караулить их на реке. И как только они выйдут из дока, схватим их вместе с «Авророй» и сокровищами.

— Те это люди, которых мы ищем, или нет, но продумано все образцово,— сказал Джонс.— И все-таки я лучше направил бы в Джекобсон-Ярд отряд полиции и спокойно схватил бы их, только бы они там появились.

— А они бы там не появились. Смолл хитер. Я не сомневаюсь, что он вышлет вперед разведчика, и, если тот почует опасность, Смолл заляжет в берлогу еще на неделю.

— Но можно выследить Смита и таким образом найти их убежище,— сказал я.

— Тогда мы потеряем еще день. К тому же я на девяносто девять процентов убежден, что Смит не знает, где они прячутся. Ему хорошо платят, виски есть, к чему задавать ненужные, не относящиеся к делу вопросы... Распоряжения ему посылаются, он выполняет их... Нет, я обдумал все возможные пути, этот наилучший.

Пока мы так говорили, наша лодка проносилась под многочисленными мостами, перекинутыми через Темзу. Последние лучи солнца золотили крест на куполе собора

святого Павла. Тауэра мы достигли, когда уже сильно смеркалось.

— Вот Джекобсон-Ярд,— сказал Холмс, указывая на лес мачт и снастей в стороне Суррея.

— Курсируйте взад и вперед под прикрытием этой флотилии,— приказал Холмс, поднося к глазам ночной морской бинокль, и несколько времени обозревал берег.— Я вижу моего караульного, но платком он еще не машет.

— А что, если мы пройдем немного ниже и будем ждать их там? — предложил сгоравший от нетерпения Джонс.

Мы все уже сидели как на иголках. Даже ничего не знавшие полицейские и рулевой с кочегаром, и те заразились нашим волнением.

— Мы не имеем права рисковать,— сказал Холмс.— Десять шансов против одного, что они пойдут вниз по реке, а не вверх. И все-таки мы должны учесть и эту возможность. Отсюда нам хорошо виден вход в док, а нас почти незаметно. Ночь обещает быть светлой, и огней на реке много. Мы должны оставаться там, где мы есть. Видите, как хорошо видны отсюда люди, снующие в свете газовых фонарей.

— Они возвращаются домой после работы в доке.

— Какие они усталые и грязные! Но в каждом горит искра бессмертного огня. Глядя на них, ни за что не скажешь этого. И тем не менее это так. Странное все-таки существо человек.

— Кто-то назвал человека животным, наделенным душой.

— Уинвуд Рид хорошо сказал об этом,— продолжал Холмс.— Он говорит, что отдельный человек — это неразрешимая загадка, зато в совокупности люди представляют собой некое математическое единство и подчинены определенным законам. Разве можно, например, предсказать действия отдельного человека, но поведение целого коллектива можно, оказывается, предсказать с большей точностью. Индивидуумы различаются между собой, но процентное отношение человеческих характеров в любом коллективе остается постоянным. Так говорит статистика. Но что это, кажется, платок? В самом деле, там кто-то машет белым.

— Это один из ваших мальчишек. Я отчетливо вижу его! — воскликнул я.

— А вот и «Аврора»! — крикнул Холмс.— Отличный у нее ход. Эй, там, внизу, полный вперед! Следуйте за тем катером с желтым огнем. Я не прощу себе, если он уйдет от нас!

«Аврора» незаметно выскользнула из дока и, набирая скорость, прошла за маленькими суденышками, так что, когда мы увидели ее, она уже мчалась на всех парах. Она уходила вниз по реке, держась берега. Быстроходность ее была поразительна. Джонс посмотрел на нее с тревогой.

— Очень лихо идет,— сказал он.— Нам ее не догнать.

— Должны догнать! — проговорил Холмс, стиснув зубы.— Не жалейте угля! Выжмите из машины все, что можно. Пусть лучше сгорит катер, чем они уйдут от нас!

Теперь мы шли прямо на них. Огонь в топках гудел, мощная машина стучала, как огромное металлическое сердце. Острый, отвесный нос лодки, как ножом, рассекал спокойную воду, посылая влево и вправо две круглые, длинные, тугие волны. В такт машине вся лодка вибрировала и вздрагивала, как живое существо. Желтый фонарь на носу бросал вперед длинный мерцающий столб света. Впереди нас бежало по воде темное пятно — это была «Аврора». Вихрь белой пены за ней свидетельствовал о скорости, с какой она шла. Мы проносились мимо барж, пароходов, торговых парусников, обгоняя их слева и справа. Из темноты доносились громкие голоса, а «Аврора» все уходила вперед, и мы висели у нее на хвосте.

— Наддайте ходу! — крикнул Холмс, заглянув в машинное отделение; яркое пламя осветило снизу его напряженное, орлиное лицо.

— Мне кажется, мы нагоняем их,— сказал Джонс, не спуская с «Авроры» глаз.

— Нет никакого сомнения! — воскликнул я.— Еще несколько минут — и мы нагоним их.

И в тот же миг судьба зло посмеялась над нами: путь наш пересек буксир с тремя баржами. Если бы не рулевой, вывернувший до отказа руль, мы врезались бы

в него. Когда наконец мы обогнули их и снова легли на курс, оказалось, что «Аврора» ушла вперед на добрых двести ярдов, но, к счастью, все еще была хорошо видна. Наша машина давала полную мощность, хрупкая посудина вибрировала и трещала под напором яростной энергии, которая несла нас. Мы оставили позади Пул, миновали Вест-индские доки, обогнули длинную Дептфордскую косу и Собачий остров. Смутное пятно впереди нас стало принимать изящные очертания «Авроры». Джонс включил прожектор, и мы ясно увидели на ее борту людей. Один сидел на корме, нагнувшись к какому-то черному предмету у его ног. Рядом лежала темная куча, похожая на огромного ньюфаундленда. Красное пламя топки освещало старшего Смита, он был обнажен до пояса и яростно, как заведенный, бросал в топку уголь, сын его держал румпель. Беглецы не сразу поняли, что за ними погоня, но, видя, что мы неотступно идем за ними, повторяя все их зигзаги и повороты, они перестали сомневаться. У Гринвича нас разделяло саженей сто, к Блэкуоллу расстояние сократилось до семидесяти пяти. За годы моей полной приключений армейской жизни мне не раз приходилось участвовать в погоне, но никогда я не испытывал такого жгучего волнения, как во время этой бешеной гонки по Темзе. Мы все ближе и ближе. В ночной тиши слышен стук и пыхтение их машины. Человек на корме все еще стоит, нагнувшись над чем-то на палубе, что-то делая руками, поминутно поднимая голову, чтобы прикинуть на глаз расстояние между «Авророй» и нами. Мы уже совсем близко. Джонс крикнул, чтобы они остановились. Нас разделяет всего четыре корпуса, и обе лодки летят, как на крыльях. На этом участке Темзы было пустынно. С одной стороны протянулась низина Баркинглевел, с другой — печальные Пламстедские болота. Услыхав приказ Джонса, человек на корме вскочил на ноги и, тряся над головой сжатыми кулаками, стал ругать нас грубым и охрипшим голосом. Это был сильный, рослый человек, он стоял на палубе, широко расставив ноги, и я увидел, что, начиная от бедра, вместо правой ноги у него деревянный протез. При звуках его резкого, хриплого голоса темная куча на палубе зашевелилась и обернулась маленьким черным человечком, у него была огромная,

иеправильной формы голова с копиой всклокочеиных волос. Холмс вынул свой пистолет, я тоже схватился за свой при виде этого чудовища. На нем было что-то темное, ие то балахон, ие то одеяло, открытым оставалось только лицо, какое может привидеться только в кошмариом сие. Никогда в жизни ни в одном лице я не встречал столько жестокости н кровожадности. Глаза его блестели мрачиым, угрюмым блеском, а толстые губы, вывериутые наружу, изгибались злобной усмешкой, обиажая зубы, лязгавшие от животной ярости.

— Если он подиимет руку, стреляйте,— невозмутимо проговорил Холмс.

«Аврора» была уже на расстояиии одиого корпуса от иас, можио сказать, на расстояиии вытяиутой руки. Я хорошо видел этих двонх — большого белого мужчиину, стоящего, широко расставив ноги, и поносящего иас отборными ругательствами, и страшного карлика: его отвратительное лицо и оскалеииые желтые зубы, поблескивающие в свете нашего фонаря.

Хорошо, что мы успели подойти так близко. Несмотря иа то, что мы не спускали с него глаз, он быстрым двнжеинем вынул нз складок своего одеяиия короткую деревяиную трубку, похожую иа лиейку школьиика, и сунул ее в рот. Наши выстрелы гряиули одновременно. Карлик повериулся, раскииул руки и, издав захлебывающийся кашель, упал боком в воду. На один миг в пеие волн я увидел его смертоносный, неиавидящий взгляд. В тот же миг человек на деревяииой иоге изо всех сил налег иа руль, и его лодка круто повернула к южному берегу. Мы продолжали стрелять по ней, ио мимо. Пули пролетели всего в нескольких футах от нее. Мы тоже повернули, но поздио: «Аврора» уже ткнулась иосом в берег. Это было дикое, пустыииое место. Луиа заливала мертвенным светом огромиую болотистую равиииу, иа которой блестели окиа стоячей воды и темнели островки гииющих растеиий. Глухо ударнвшись о берег, «Аврора» застряла прочно, нос ее задрался в воздух, а корма погрузилась в воду. Беглец выскочил на берег, и его деревяииая нога тотчас ушла на всю длину в вязкую почву. Напрасио он старался высвободить ее, дергаясь всем телом. Он не мог больше сделать ни одного шага ии вперед, ни назад. Он завыл в бессиль-

ной злобе и яростно заколотил другой ногой по болотистой жиже. Но его злополучная деревяшка только еще глубже уходила в предательскую почву. Когда наш катер подошел к нему, он уже так прочно встал на якорь, что мы сумели вытащить его только с помощью веревки, которой он обвязал свое туловище. И мы долго тянули его, как огромную, опасную рыбину. Оба Смита, отец и сын, сидели понурившись в своем катере, но безропотно подчинились нашему приказу и перешли к нам на борт. Потом мы вызволили «Аврору» и крепко привязали ее к своей корме. На ее палубе стоял тяжелый железный сундучок ручной индийской работы, безо всякого сомнения, тот самый, в котором хранились приносящие несчастье сокровища семьи Шолто. Ключа не было, и мы осторожно отнесли его, хотя он был довольно тяжел, в нашу маленькую кабину. Мы медленно возвращались в Лондон и все время пути обшаривали прожектором реку и берега, но так и не нашли следов маленького островитянина. Где-то на илистом дне Темзы так и останутся лежать до скончания века кости этого странного чужеземца, нашедшего свой конец на наших туманных берегах.

— Смотрите,— показал Холмс на створку деревянной двери,— он все-таки выстрелил первый.

Действительно, в дереве как раз против того места, где мы с Холмсом стояли, торчала одна из тех черных колючек, которые мы так хорошо знали. Должно быть, она пролетела между нами в тот самый миг, когда мы одновременно разрядили свои пистолеты. Холмс улыбнулся, а меня, признаться, пробрала дрожь, когда я представил себе, какой страшной смерти мы чудом избежали этой ночью.

ГЛАВА XI

СОКРОВИЩА АГРЫ

Наш пленник сидел в кабине напротив ларца, к которому он так стремился и ради которого столько преодолел препятствий. Его лицо, точно вырезанное из красного дерева, с отчаянным до дерзости взглядом и

сетью крупных и мелких морщин, говорило о жизни, сопряженной с трудом на открытом воздухе. Его подбородок, покрытый густой растительностью, сильно выдавался вперед, обличая упрямый, несговорчивый характер. Ему было, наверное, лет около пятидесяти, его черные кудрявые волосы были сильно подернуты сединой. Черты его лица, когда оно было спокойно, не были лишены приятности, зато стоило ему прийти в ярость — мы это только что видели — и оно становилось жестоким и мрачным от нависших бровей и агрессивно торчащего подбородка. Сейчас он сидел неподвижно, положив большие руки в наручниках на колени и опустив на грудь голову. Время от времени он бросал острый блестящий взгляд на ларец — причину своих преступных действий. Мне показалось, что в его суровом, замкнутом лице было больше печали, чем злобы. Однажды он взглянул вверх, и мне почудилась в его взгляде усмешка.

— Знаете, Джонатан Смолл,— начал Шерлок Холмс,— мне очень жаль, что так все обернулось.

— И мне тоже, сэр,— отозвался он с чувством.— Но я думаю, виселица мне на этот раз не грозит. Я готов присягнуть на библии, что я не повинен в смерти мистера Шолто. Это маленький дьявол Тонга выстрелил в него своей проклятой стрелой. Мои руки не запятнаны кровью, сэр. Мне было очень жаль этого Шолто, как будто он был мой родной брат. Я хорошенько вздул Тонгу свободным концом веревки, но да что толку. Сделанного не воротишь.

— Возьмите сигару,— сказал Холмс.— И глотните из моей фляги: вы промокли насквозь. Но, скажите, как вы могли ожидать, что такой маленький, тщедушный человечек одолеет мистера Шолто да еще будет держать его, пока вы лезли по веревке?

— Вы, я вижу, сэр, знаете все, как будто видели собственными глазами. Я рассчитывал на то, что в этот час в кабинете никого не будет. Я хорошо знаю распорядок жизни в Пондишери-Лодж. В это время мистер Шолто обычно спускался вниз ужинать. Я не хочу ничего скрывать. Сейчас самая лучшая защита — говорить правду. Будь это старый майор, я бы с легким сердцем позволил вздернуть себя на виселицу. Ударить его ножом

мне все равно что выкурить сигару. Но такое уж мое невезение, что я пойду на каторгу из-за молодого Шолто, с которым мы даже ни разу не поссорились.

— Вы находитесь в руках Этелни Джонса из Скотленд-Ярда,— прервал его Холмс.— Он обещал завезти вас ко мне, и я попрошу вас чистосердечно мне все рассказать. Тогда, возможно, я смогу вам помочь. Я попробую доказать, что яд этот действует так быстро, что, когда вы появились в комнате, мистер Шолто был уже мертв.

— Но так оно и было, сэр. Когда я влез в окно и увидел его оскаленное, склоненное набок лицо, меня чуть удар не хватил. Я готов был задушить Тонгу, но он вырвался и убежал на чердак. Тогда-то он и забыл свою дубинку и потерял эти проклятые колючки, как он потом мне признался. Я думаю, они-то и были главной уликой против нас. Но я, хоть убейте, не понимаю, как вы смогли напасть на наш след?! Я не питаю к вам злобы,— он горько улыбнулся,— я только заметил одну странную вещь. Имея законное право на добрых полмиллиона фунтов, я должен был первую половину жизни строить волнорезы на Андаманских островах, а вторую в лучшем случае посвящу земляным работам в Дартмуре. В злосчастную минуту встретил я купца Ахмета и услыхал о сокровищах Агры, которые всем своим владельцам приносили только несчастье. Ахмет был убит из-за них, майор Шолто жил всю жизнь под бременем вины и трясся от страха. Мне они принесут пожизненную каторгу.

В эту минуту в дверь кабины просунулось широкое лицо и могучие плечи Этелни Джонса.

— Ни дать ни взять семейный пикник! — сказал он.— Позвольте, Холмс, приложиться к вашей фляге. Ну что ж, я думаю, нам ничего не остается, как поздравить друг друга. Жаль только, что второго не удалось взять живым. Но выхода, к сожалению, не было. А знаете, Холмс, вы должны признаться, что пошли на слишком большой риск. А если бы мы не догнали их?

— Все хорошо, что хорошо кончается,— сказал Холмс.— Но я и вправду не знал, что «Аврора» — такое быстроходное судно.

— Смит говорит, на Темзе иет ии одного катера быстрее его «Авроры» н что, еслн бы у иего был кочегар, мы ин за что бы его не догиали. Между прочим, он клянется, что ничего не зиал о норвудском деле.

— Абсолютно инчего,— подтверднл наш пленник.— Я выбрал его катер, потому что слыхал про его качества. Мы инчего ие сказалн ему, ио хорошо заплатили и обещали заплатнть еще больше на борту «Эсмеральды», которая отплывает из Грейвсеида в Бразнлию.

— Ну что ж, раз он не сделал ничего плохого, н мы нничего плохого ему не сделаем. Мы быстро ловим иашнх парней, ио с обвинением не спешнм.

Было смешио смотреть, как тщеславный Джонс надувается спесью — еще бы, поймал такую птнцу! По легкой улыбке, игравшей иа лице Холмса, я понял, что и его забавляет хвастовство полицейского ннспектора.

— Скоро мы будем у Воксхоллского моста,— обратнлся Джонс ко мне.— Там высаднм вас вместе с сокровнщами. Вряд лн надо говорить вам, что я беру на себя большую ответственость. Это — совершенно иедопустнмое действие. Но, как говорится, уговор дороже денег. Однако по долгу службы я должен послать с вамн полнсмеиа, поскольку вы повезете такой ценный груз. Вы возьмете кэб, иадеюсь?

— Да.

— Как жаль, что нет ключа, а то мы произвели бы осмотр уже здесь. Где ключ, парень?

— На дне,— ответил коротко Смолл.

— Гм! Какой смысл доставлять нам лншнне хлопоты, когда у нас нх было и без того немало. Я думаю, доктор, мие ие надо предупреждать вас быть как можно осторожнее. И сразу же везнте сундук иа Бейкер-стрнт. Мы сперва поедем туда, а уж потом в полнцию.

Онн высаднлн меия у Воксхоллского моста с однинм нз полнцейских, простым и добродушным малым. А через четверть часа мы были уже у дома мнссис Сесил Форрестер. Служанка была очень удивлена такому позднему визиту. Оиа сказала, что мнссис Форрестер в гостях н вернется нескоро, а мнсс Морстен в гостиной. Полицейский любезио согласнлся подождать меня в кэбе, и я, держа ларец на руках, направнл свои стопы в гостиную.

Мисс Морстен сидела у раскрытого окна в белом воздушном платье с чем-то розовым у шеи и талии. Мягкий свет лампы под абажуром озарял ее фигурку, откинувшуюся в плетеном кресле, ее милое серьезное лицо и золотил тусклым блеском тугие локоны ее роскошных волос. Белая рука небрежно покоилась на ручке кресла, и от всей ее задумчивой позы веяло тихой грустью. Услыхав мои шаги, она встрепенулась и встала с кресла, ее бледные щеки залились радостным румянцем.

— Я слышала, что подъехал кэб, но подумала, что это миссис Форрестер вернулась так рано. Я и не предполагала, что это вы. Какие новости вы привезли нам?

— Я привез нечто большее, чем новости,— сказал я, ставя ларец на стол и разговаривая бойким, веселым тоном, хотя сердце у меня в груди так и ныло.— Я привез вам то, что стоит дороже всех новостей на свете. Я привез вам богатство.

Она посмотрела на ларец.

— Так это и есть клад? — спросила она довольно равнодушно.

— Да, это сокровища Агры. Половина принадлежит вам, другая половина — мистеру Шолто. Каждому из вас приходится около двухсот тысяч. Это десять тысяч фунтов годового дохода. В Англии мало найдется девушек с таким приданым. Это ли не прекрасно?

По-моему, я несколько переигрывал, стараясь выразить свой восторг. Она почувствовала фальшь в моем голосе, когда я рассыпался в поздравлениях, и, чуть-чуть подняв брови, с удивлением посмотрела на меня.

— Если я и получила их,— сказала она,— так только благодаря вам.

— Нет, нет,— воскликнул я,— не мне, а моему другу Шерлоку Холмсу. Я бы никогда в жизни не решил этой загадки, даже мощный аналитический ум моего друга и то не сразу решил ее. Мы ведь в конце чуть не упустили их.

— Ради бога, садитесь, доктор Уотсон, и расскажите мне все по порядку.

Я коротко рассказал ей, что произошло в то время, пока мы не виделись: о переодевании Холмса, о розысках «Авроры», о появлении Этелии Джонса на Бейкерстрит, о нашей вечерней экспедиции и, наконец, бешеной

гонке по Темзе. Она слушала рассказ о наших приключениях с блестящими глазами и полуоткрытым ртом. Когда я дошел до отравленной стрелы, пролетевшей мимо нас на расстоянии дюйма, она так побледнела, что, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Это ничего,— сказала она, когда я поспешил протянуть ей стакан с водой.— Все уже в прошлом. Просто мне стало страшно: ведь это из-за меня мои друзья подвергались смертельной опасности.

— Все страшное позади,— сказал я.— Да и опасности особой не было. Не хочу я больше рассказывать обо всяких ужасах. Давайте лучше поговорим о приятном. Видите, в этом ларце сокровища. Как это замечательно! Холмс специально отпустил меня, чтобы я привез его вам и вы первая открыли его.

— Да, конечно, мне будет очень интересно посмотреть,— сказала мисс Морстен, не проявляя, однако, энтузиазма. Она, без сомнения, подумала, что бестактно оставаться равнодушной при виде предмета, который стоил таких трудных и опасных поисков.

— Какой хорошенький ларец! — прибавила она, наклоняясь над ним.— Кажется, это настоящая индийская работа?

— Да, производство бенаресских кустарей-литейщиков.

— Какой тяжелый! — попробовала она поднять его.— Он один, наверное, немало стоит. А где ключ?

— Смолл выбросил его в Темзу,— ответил я.— Придется попробовать кочергу миссис Форрестер.

У ларца был литой, массивный запор, изображавший сидящего Будду. Под этот запор я всунул конец кочерги и нажал ее как рычаг. Запор громко щелкнул и раскрылся. Дрожащими руками я поднял крышку и откинул ее назад. Какое же изумление изобразилось на наших лицах! Ларец был пуст.

Не мудрено, что он был очень тяжелый. Низ, стенки и крышка были на две трети железные. Ларец был надежный, красивый и прочный, видно, специально сделан для хранения драгоценностей, но самых драгоценностей там не было. Хотя бы одна нить жемчуга, или крупинка золота, или бриллиант. Ничего. Ларец был совершенно, вопиюще пуст...

— Сокровище пропало,— спокойио заметила мнсс Морстен.

Когда я услышал эти ее слова, когда до меия дошло, что оин зиачат, тень, все это время омрачавшая мою душу, рассеялась. Вздохиув свободно, я только сейчас поиял, какой тяжестью лежал у меня на сердце этот клад. Это было инзко, это было эгоистнчно, но я знал, видел, чувствовал только одно — золотого барьера, стоявшего между нами, не стало.

— Слава богу! — воскликнул я от всего сердца.

Она удивлеино посмотрела иа меня н улыбнулась.

— Почему вы так говорнте? — спросила она.

— Потому что вы опять сталн досягаемы для меня,— ответил я, беря ее руку. Оиа ие отняла ее.— Потому что я люблю вас, Мэрн, люблю, как ннкто ннкогда иа свете ие любнл! Потому что этн сокровнща, этн несметиые богатства наложнлн печать на мон уста. Но теперь их нет, и я могу сказать вам смело, что я люблю вас. И я еще раз повторяю: «Слава богу».

— Тогда н я скажу: «Слава богу»,— прошептала оиа, и я прнвлек ее к себе. Может, кто н потерял какнето там сокровища, но я в эту ночь стал самым богатым человеком на земле.

ГЛАВА XII

ИСТОРИЯ ДЖОНАТАНА СМОЛЛА

Полнцейскнй в кэбе оказался очеиь терпелнвым человеком, потому что, как можно догадаться, я нескоро покинул дом мнсснс Форрестер. Но когда я показал ему пустой ларец, ои заметио приуныл.

— Пропала иаграда! — вздохнул он.— Нет сокровнщ, ие будет и награды. Еслн бы онн нашлись, мы с Сэмом Брауном получили бы по десяти фунтов за иочиую работу.

— Мнстер Таддеуш Шолто — богатый человек,— сказал я,— ои вознаградит вас н без сокровищ.

Ои, одиако, покачал головой.

— Плохо дело,— уныло проговорил он.— Мистер Этелии Джоис скажет то же самое.

Его предсказаиие сбылось, ибо лицо у Джоиса вытянулось, когда, вернувшись иа Бейкер-стрит, я показал ему пустой ларец. Оии тоже только что приехали, ибо по дороге переменнли плаиы, н вместо того, чтобы ехать прямо домой, заехали в Скотленд-Ярд, и Джонс доложил о результатах. Мой друг сидел в своем кресле, как всегда, с иепроинцаемым лицом. Смолл — в кресле иапротив, положив деревяииую иогу поверх здоровой. Когда я стал демонстрнровать пустой ларец, ои вдруг громко расхохотался.

— Это твонх рук дело, Смолл,— сказал Этелин Джоис сердито.

— Да, моих. Сокровища спрятаны там, куда вам иикогда ие добраться,— сказал ои, торжествуя.— Это мои сокровища, и если уж мне не суждено владеть ими, так пусть и иикто ие владеет. Я позаботнлся об этом. Никто в целом свете не имеет права иа ннх, кроме троих каторжииков в аидамаиской тюрьме и меия. Я зиаю, что не мог бы обладать ими сейчас, ие могут и оии. Все, что я сделал, сделаио и от нх именн. Наш союз четырех — до коица дией. Так вот, я зиаю, оии бы одобрили меия. Пусть лучше сокровнща лежат на дие Темзы, чем достаиутся детям Шолто или Морстеиа. Не ради ннх мы прикоичили Ахмета. Сокровища там, где ключ. Там, где Тоига. Когда я увидел, что вы иастигаете иас, я спрятал добычу в надежиое место. На этот раз победа ие принесла вам ии рупии.

— Ты обмаиываешь нас, Смолл,— нахмурнлся Джонс.— Если бы ты решил бросить сокровища в Темзу, ты бросил бы их вместе с сундуком. Это удобиее.

— Удобиее бросить — удобиее иайти,— насмешливо поглядывая иа иас, ответил Смолл.— Человек, у которого хватило ума выследить меня, достанет сокровища н со дна реки. Теперь это, коиечио, будет трудиее — оии разбросаны в радиусе пяти миль. Сердце мое чуть ие разорвалось, когда я расставался с иими. Я чувствовал, что схожу с ума, увидев, что вы совсем близко. Но что толку теперь жалеть о них! Я столько испытал в жизни, что научился не плакать по убежавшему молоку.

— Это очень плохо, Смолл,— сказал Джонс.— Если бы вы помогли правосудию вместо того, чтобы так по-

смеяться над ним, у вас было бы больше шансов заслужить снисхождение.

— Правосудие? — воскликнул бывший каторжник.— Хорошенькое правосудие! Это мои сокровища! А правосудие требует отдать их людям, не имеющим к ним никакого отношения! Вы хотите знать, как оно стало моим? Двадцать долгих лет в этом болоте, испаряющем лихорадку! Днем не выпускаешь из рук лопату, ночью гремишь кандалами в вонючем тюремном бараке. Москиты, лихорадка, ругань черных надсмотрщиков, они любят поизмываться над белыми. Вот как я стал хозяином сокровищ Агры. Вы говорите о справедливости — а я не хочу, чтобы другие пользовались сокровищами, за которые я заплатил своей жизнью. Пусть меня вздернут на виселицу, пусть в мою шкуру вонзятся колючки Тонги, но я не хочу гнить в тюремной камере, зная, что кто-то другой купается в золоте, которое по праву принадлежит мне.

Маска безразличия спала со Смолла. Он говорил возбужденно, глаза его горели, наручники бряцали, когда он в ярости сжимал кулаки. Видя, какая неукротимая ненависть снедает этого человека, я понял, что страх, обуявший Шолто при известии о его появлении, был вполне обоснованным.

— Вы забываете, что мы ничего этого не знали,— сказал Холмс мягко.— Мы и сейчас еще не знаем, законным ли путем попали к вам эти сокровища.

— Вы разговариваете со мной, как с равным, сэр. И хотя я прекрасно понимаю, что именно вам я обязан вот этими украшениями,— Смолл показал на наручники,— я не в обиде на вас. Игра была честная. Если вы хотите послушать, я расскажу вам всю мою историю от начала до конца. Видит бог, каждое слово в ней — чистая правда. Благодарю вас, сэр, с удовольствием сделаю глоток-другой, если во рту пересохнет.

— Родом я из Вустершира, родился в местечке под Першором. Если вы заглянете к нам, найдете не одно семейство Смоллов. Я часто подумывал съездить туда, но я никогда не был гордостью своего семейства и сомневаюсь, чтобы они очень мне обрадовались. Все они люди почтенные, ходят в церковь, пользуются уважением в округе. Они фермеры, а у меня всегда были дурные на-

клонности. Когда мне было восемнадцать лет, я попал в историю из-за одной девушки. Спасло меня только то, что я завербовался и стал солдатом королевы в Третьем линейном пехотном полку, который как раз отправлялся в Индию.

Но служба моя кончилась скоро, я выучился только стрелять из ружья и ходить «гусиным шагом». Понесла меня однажды нелегкая купаться в Ганг, хорошо еще, что рядом со мной оказался в воде наш сержант Джон Холдер. А он был в нашем полку одним из лучших пловцов. Выплыл я на середину, глядь—крокодил. Оттяпал мне ногу выше колена, как ножом отрезал. Я бы утонул от шока и большой потери крови, да рядом оказался Холдер, он подхватил меня и вынес на берег. Пять месяцев я пролежал в госпитале. Выписался я на деревяшке полным инвалидом, неспособным к воинской службе, да и вообще ни к какой другой.

Мне тогда довольно солоно пришлось, как вы можете себе представить,— беспомощный калека; и всего только двадцать лет. Но, как говорится, нет худа без добра. Одному человеку, по имени Эйблуайт, хозяину индиговых плантаций, потребовался надсмотрщик. Случилось, что он был другом нашего полковника, принимавшего во мне участие. Он горячо рекомендовал меня Эйблуайту. Надсмотрщик большую часть времени проводит верхом на лошади, а так как культя у меня была довольно длинная, то держаться в седле я мог, деревяшка мне не мешала. Я должен был верхом объезжать плантации, смотреть за тем, как работают кули, и докладывать о ленивых. Плата была хорошая, жилье тоже, и я уж думал, что до конца дней останусь на индиговых плантациях. Хозяин был человек добрый, он часто заходил ко мне выкурить трубку, потому что белые люди, живущие там, тянутся друг к другу. Совсем не то, что здесь.

Но счастье никогда долго не сопутствовало мне. В стране вдруг начался бунт. Еще накануне мы жили мирно и безмятежно, как где-нибудь в Кенте или Суррее, а сегодня все полетело вверх дном. Вы, конечно, знаете эту историю лучше меня. О ней много написано, а я не большой охотник до чтения. Знаю только то, что видел своими глазами. Наши плантации находились возле городка Муттры у границы Северо-западных провин-

цнй. Каждую иочь все небо озарялось огнем горящнх бунгало. Каждый день через нашу усадьбу шлн европейцы с женамн и детьми, спеша под защнту англнйскнх войск, стоявших в Агре. Мнстер Эйблуайт был упрямый человек. Он вбил себе в голову, что все дело выеденного яйца не стоит и не сегодня-завтра коичнтся. Он сидел иа своей вераиде, потягивал вискн н курнл сигары. А вся Индия была в огие. Мы, конечно, осталнсь с ним. Мы — это я н Доусон, который вместе с женой вел н счета н хозяйство. Но катастрофа все-такн разразнлась. Я был весь день на дальней плантацнн н под вечер возвращался верхом домой. На дие иеглубокого оврага темнела какая-то бесформенная куча. Я подъехал ближе, н сердце мое сжалось от ужаса: это была жена Доусона, разрезанная на кускн н брошенная на съеденне шакалам. Немного дальше иа дороге лнцом винз лежал сам Доусои, его уже окочеиевшая рука сжимала револьвер, а рядом друг подле друга лежалн четверо сипаев. Я натяиул поводья и остаиовил лошадь, не решаясь, в какую сторону ехать. В этот миг нз крыши бунгало Эйблуайта повалнл густой дым, наружу вырвалось пламя. Я понял, что ничем не могу помочь моему хозяину, а только н сам погибиу, если очертя голову брошусь иа выручку. С моего места мие хорошо былн вндны мятежникн в красных мунднрах, их было ие меньше нескольких сотен, оин громко кричалн н плясали вокруг пылающего дома. Меия заметили, и мнмо моей головы просвнстело иесколько пуль. Тогда я повериул коия и поскакал через рисовое поле. Ночью я был в Агре.

Оказалось, что н там иебезопасио. Вся страна гудела, как растревожеиный улей. Аигличаие собирались в иебольшие отряды. Онн оставались хозяевамн только иа той земле, которую удержнвалн силой оружия. На всей остальной земле они были во властн восставшнх. Это была войиа миллионов протнв нескольких сотен. И самое трагнческое было то, что нашнм противинком былн иаши же отбориые войска — пехота, артнллерня н кавалерия. Мы их обучнли н вышколнлн, н теперь оин сражалнсь против иас иашнм оружнем н трубнлн в горн нашн сигиалы. В Агре стоялн Третий бенгальскнй стрелковый полк, несколько отрядов снкхов, два эскадрона кавалерии н одиа батарея. Когда началось восстание, был сформиро-

ван отряд добровольцев из гражданских чиновников и купцов. В этот отряд, несмотря на свою ногу, записался и я. Мы выступили из Агры, чтобы встретиться с противником у Шахганджа в начале июля, и несколько времени успешно сдерживали их, но скоро у нас кончился порох, и мы вернулись обратно в Агру. Со всех сторон приходили тревожные вести, что было не удивительно: ведь Агра находилась в самом центре мятежа. Лакхнау был более чем в сотне миль на восток, Канпур — почти столько же на юг. Какое направление ни возьми, всюду резня, разорение и гибель.

Агра — древний город. Он всегда наполнен индусами-фанатиками и свирепыми дикарями-язычниками. Горстка англичан потерялась бы среди узких извилистых улочек. Поэтому наш командир приказал перейти реку и укрыться в старинной Агрской крепости. Не знаю, джентльмены, слыхал ли кто-нибудь из вас об этой крепости. Это — очень странное сооружение. Такого я никогда не видывал, а уж поверьте, я много странного повидал на своем веку. Крепость очень большая и состоит из двух фортов — нового и старого. Наш гарнизон, женщины, дети, припасы и все остальное разместились в новом форте. Но он размерами был гораздо меньше старого. В старую крепость никто не ходил, в ней жили только скорпионы и сороконожки. Там было много огромных пустых залов, галерей, длинных коридоров с бесконечными переходами и поворотами, так что было легко заблудиться. Поэтому туда редко кто отваживался ходить, хотя время от времени собиралась группа любопытных и отправлялась с факелами.

Передний фасад Агрской крепости омывала река, служившая ей защитой, зато боковые и задняя стены имели множество выходов, которые надо было охранять. Людей у нас было мало, едва хватало только, чтобы поставить к пушкам и бойницам. Тогда мы хорошо укрепили центральный форт, а у каждых ворот выставили небольшой караул — по одному англичанину и по два-три сикха. Мне выпало охранять ночью дальнюю дверь в юго-западной стене. Мне дали под начало двух сикхов и сказали, чтобы я в случае опасности стрелял, чтобы вызвать подкрепление из центральной охраны. Но поскольку наш пост находился метрах в двухстах от глав-

ных сил и добраться к нам можно было, только преодолев бесконечный лабиринт коридоров и галерей, то я очень сомневался, что в случае нападения помощь придет вовремя.

Я очень гордился тем, что у меня был свой маленький отряд — ведь солдатом я прослужил без году неделя, да еще эта нога. Две ночи прошли безо всяких происшествий. Мои пенджабцы были рослые, свирепого вида сикхи. Одного звали Мохаммед Сингх, другого Абдулла Хан, оба воевали против нас под Чилианвалла. По-английски они говорили довольно хорошо, но я с ними общался мало. Они предпочитали держаться вдвоем и что-то лопотали все время на своем странном сикхском языке. Я же обычно стоял снаружи возле двери и смотрел вниз на широкую извивающуюся ленту реки и на мерцающие огни древнего города. Дробь барабанов и тамтамов, крики и пение мятежников, опьяненных опиумом и гашишем, напоминали нам всю ночь об опасности, грозившей с того берега. Каждые два часа дозор центральной охраны обходил посты, проверяя, все ли благополучно.

Третья ночь моего дежурства была особенно темной и мрачной, то и дело моросил дождь. Ничего нет хуже стоять час за часом на страже в такую ночь. Я несколько раз пытался заговорить со своими необщительными товарищами, но все безуспешно. В два часа ночи пришел дозор и немного скрасил мое тоскливое бдение. Видя, что мне не удастся втянуть сикхов в разговор, я вынул трубку, положил ружье и чиркнул спичкой. И в тот же миг оба сикха набросились на меня. Один схватил мой мушкет и занес его над моей головой, второй приставил к моему горлу длинный нож и поклялся сквозь зубы всадить мне его в глотку, если я пошевелюсь.

Моей первой мыслью было, что негодяи в заговоре с мятежниками и что это — начало штурма. Если бы восставшие захватили наш вход, то крепость бы пала и все женщины и дети оказались бы в их руках. Возможно, джентльмены, вы подумаете сейчас, что я хочу расположить вас в свою пользу, но даю слово, что, когда я сообразил это, то, забыв о ноже, я уже раскрыл было рот, чтобы закричать,— пусть это был бы мой последний крик. Державший меня сикх точно прочитал мои мысли,

ибо, видя мою решимость, прошептал мне на ухо: «Не поднимай шума. Крепость в безопасности. На нашем берегу нет негодяев-мятежников». Голос его звучал искренне, к тому же я знал, стоит мне издать звук, песенка моя спета. Это я прочел в глазах шептавшего. Поэтому я решил подождать и посмотреть, что они хотят от меня.

«Послушай, сагиб,— сказал один из них, тот, у которого был более свирепый вид и которого звали Абдулла Хан.— Либо ты должен присоединиться к нам, либо ты замолчишь навеки. Мы не можем ждать: дело слишком важное. Или ты душой и телом будешь наш и поклянешься в этом на христианском кресте, или твое тело этой ночью будет брошено в канаву, а мы уйдем к повстанцам на ту сторону реки. Выбора у тебя нет. Ну что — жизнь или смерть? Даем на размышление три минуты. Время идет, а надо все кончить до возвращения дозора.

— Как я могу решать? — возразил я.— Вы ведь не сказали мне, что я должен делать. Но знайте, если на карту поставлена судьба крепости, убивайте меня, и пусть ваша рука не дрогнет.

— Крепости ничего не грозит,— опять зашептал сикх.— Мы хотим, чтобы ты сделал только то, ради чего твои соотечественники едут в эту страну: мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты будешь в эту ночь с нами, то мы клянемся тебе обнаженным кинжалом и тройной клятвой сикхов — эту клятву не нарушил еще ни один сикх, что честно поделимся с тобой захваченной добычей. Ты получишь четвертую часть всех сокровищ. Что может быть справедливее?

— Каких сокровищ? — спросил я.— Я так же, как вы, не прочь разбогатеть. Но скажите, как это сделать?

— Поклянись сперва,— ответили они,— прахом твоего отца, честью матери, святым крестом твоей веры, что ни сейчас, ни впредь не подимешь на нас руки и будешь нерушимо хранить тайну!

— Клянусь,— ответил я,— если только крепости не будет угрожать опасность.

— Тогда и мы все клянемся, что честно поделим между собой сокровища и ты получишь свою четвертую часть.

— Но ведь нас трое,— сказал я.

— Нет, четверо. Дост Акбар тоже должен получить свое. Пока будем их ждать, я тебе все расскажу. Мохаммед Сингх постоит снаружи и даст нам знать, когда они покажутся. Ну так вот, сагиб, я расскажу тебе все, потому что ты ференги, а я знаю, что ференги не нарушают клятвы. Если бы ты был лживым индусским псом, то, сколько бы ты ни клялся всеми своими богами из нечестивых храмов, твоя кровь пролилась бы, а тело было брошено в сточную канаву. Но сикхи верят англичанам, а англичане верят сикхам. Так что слушай, сагиб, что я тебе расскажу.

В северных провинциях живет один раджа. Он очень богат, хотя земли у него мало. Большие богатства унаследовал он от отца и еще больше скопил сам, потому что он любит копить и не любит тратить. Когда заварилась каша, он был другом и льва и тигра — сипаев и англичан. Но вот до него стали доходить слухи, что белых людей повсюду гонят и убивают, и он решил, что белым пришел конец. Будучи человеком осторожным, он повел себя так, чтобы в любом случае сохранить хотя бы половину сокровищ. Золото и серебро он оставил в подвалах своего дворца, а самые дорогие камни и жемчуг сложил в железный сундук и поручил своему верному слуге под видом торговца пронести в Агрскую крепость, чтобы они оставались там, пока не наступит замирение. Таким образом, если победят мятежники, он будет иметь золото и серебро, если же победят англичане, то уцелеют драгоценности. Разделив таким образом свои богатства, он присоединился к сипаям, потому что их победа тогда была очевидна. Значит, сагиб, обрати на это внимание, драгоценности должны были достаться тому, кто остался бы до конца верен долгу.

Этот мнимый купец, путешествующий под именем Ахмета, сейчас в Агре. Он жаждет проникнуть в Агрскую крепость. С ним мой молочный брат Дост Акбар, знающий его тайну. Дост Акбар обещал этой ночью привести его к западному входу в крепость. И выбрал как раз нашу дверь. Они вот-вот придут, и мы с Мохаммедом Сингхом их встретим. Место это пустынное, об Ахмете никто ничего не знает. И мы позаботимся, чтобы никто никогда не узнал. А потом поделим сокровища. Что ты на это скажешь, сагиб?

В Вустершире жизнь человека священна и неприкосновенна, но совсем другое дело, когда кругом огонь и кровь и смерть поджидает тебя на каждом шагу. Мне было все равно, будет ли жить какой-то купец Ахмет или нет. Зато рассказ о сокровищах задел мое сердце. Я стал думать, как хорошо вернуться в Англию с таким богатством, вот уж мои родные вытаращат глаза, увидев бездельника Джонатана с карманами, полными золота. Из этого вы можете судить, какой я сделал выбор. Абдулла Хан, однако, решил, что я все еще колеблюсь.

— Послушай, сагиб,— продолжал он меня уговаривать,— если этот человек попадет в руки начальника гарнизона, его все равно расстреляют или повесят, а драгоценности раджи уйдут в казну правительства, и никому не будет никакой радости. Раз уж мы устроили на него засаду, дело надо кончать. А сокровищам у нас будет ничуть не хуже, чем в государственной казне. Мы сразу разбогатеем и станем важными господами. Мы здесь совсем одни, и никто никогда не узнает об этом. Все нам благоприятствует. Повтори еще раз, сагиб, с нами ты или против нас?

— С вами, всей душой и всем сердцем,— ответил я.

— Хорошо,— ответил он, возвращая мне мое ружье.— Ты видишь, мы доверяем тебе, потому что ты, как и мы, не можешь нарушить слова. А теперь будем ждать.

— Твой брат знает, что вы затеяли?

— Это его план. Он все и придумал. А теперь пойдем к Мохаммеду Сингху, будем ждать там.

Дождь все продолжался, потому что уже начался сезон дождей. Тяжелые, черные тучи заволокли небо, и в двух шагах ничего не было видно. Прямо перед нами обрывался неглубокий ров, он местами почти пересох, и через него было легко перебраться. У меня было очень странное ощущение, что вот я стою здесь с двумя дикими пенджабцами и жду человека, спешащего навстречу своей смерти.

Вдруг глаза мои уловили во тьме по ту сторону рва слабую вспышку от прикрытого полой фонаря. Свет исчез за кучами земли, потом опять появился и стал медленно к нам приближаться.

— Идут! — сказал я.

— Окликните его, сагиб, как полагается в таких случаях,— зашептал Абдулла.— Пусть он ничего не подозревает. Дайте нас ему в провожатые, а сами оставайтесь у входа. Приготовьте фонарь, чтобы не ошибиться, что это он.

Свет фонаря то останавливался, то опять двигался в нашу сторону, и скоро я разглядел на той стороне две темные фигуры. Они подошли ко рву и начали чуть ли не на четвереньках спускаться по отлогой стенке рва, потом прошлепали по вязкому дну и стали карабкаться на нашу сторону. Тут я их и окликнул.

— Кто там? — спросил я негромко.

— Друзья,— последовал ответ.

Я открыл фонарь и осветил их. Впереди шел огромный сикх с черной бородой, спускавшейся чуть не до пояса. Только в цирке я видел таких высоких людей. Другой был маленький, толстенький и круглый, на нем был желтый тюрбан, а в руках узел — что-то завязанное в шаль. Он весь дрожал от страха, руки его тряслись так, точно его била лихорадка, он то и дело озирался по сторонам маленькими карими блестящими глазками, он походил на мышку, боязливо выглядывающую из норки. Меня самого продрал озноб, когда я подумал, что этот человечек сейчас умрет. Но я вспомнил про сокровища, и сердце мое стало как каменное. Увидев мое светлое лицо, толстяк радостно закудахтал и бросился ко мне.

— Я ищу вашей защиты, сагиб,— задыхался он.— Я несчастный купец Ахмет. Чтобы добраться до надежных стен Агрской крепости, я прошел по всей Раджпутане. Меня ограбили по дороге, били, издевались надо мной, потому что я друг правительства. Благословенна ночь, которая принесла мне спасение. Мне и моему жалкому имуществу.

— Что у вас в узле? — спросил я.

— Железный сундучок,— ответил он.— А в нем две или три семейные реликвии, не представляющие ни для кого, кроме меня, никакой ценности. Но я не нищий, я награжу тебя, молодой сагиб, и твоего начальника, если ты позволишь мне укрыться за этими стенами.

Я почувствовал, что еще немного, и я не выдержу. Чем больше я глядел на его жирные, прыгающие от страха щеки, тем более чудовищным казалось мне это хлад-

нокровно обдуманное убийство. Скорее бы уж все кончалось.

— Отведите его в центральный форт,— приказал я.

Двое сикхов пошли по бокам, третий сзади. Все четверо медленно удалялись по коридору. Несчастный купец оказался буквально бок о бок со смертью. Я со своим фонарем остался у входа.

Я слышал, как мерные звуки их шагов разносились под пустынными гулкими сводами коридоров. Вдруг шаги замолкли. Раздались голоса, шум драки, удары. А минуту спустя я, к своему ужасу, услыхал дробный стук шагов и тяжелое дыхание бегущего в мою сторону человека. Я осветил фонарем длинный прямой коридор и увидел толстяка с залитым кровью лицом. Он мчался что было духу ко мне, а за ним по пятам тигриными прыжками несся огромный чернобородый сикх, и в его руке блестел нож. Я никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали, как этот маленький торговец. Ему оставалось только пробежать мимо меня и выскочить на улицу. Там он был бы спасен. Мне опять на какую-то долю секунды стало жалко его, но я вспомнил о сокровищах и опять ожесточился. Когда он поравнялся со мной, я бросил ему в ноги ружье, и он упал, перевернувшись два раза через голову, как подстреленный заяц. Он не успел вскочить на ноги — сикх был уже на нем и дважды ударил его ножом в бок. Ахмет не дрогнул, не издал стона, а так и остался лежать, где упал. По-моему, он, когда падал, сломал шею. Как видите, джентльмены, я держу обещание и рассказываю все как есть, не заботясь, какое это производит на вас впечатление.

Он остановился и протянул свои скованные наручниками руки к стакану виски с содовой, приготовленному для него Холмсом. Я посмотрел на него и почувствовал, что содрогаюсь от ужаса, и не только потому, что он был участником этого коварного убийства: меня потрясло, как легко и даже цинично он об этом рассказывал. Какое бы ни уготовано ему наказание, мне не жаль его. Шерлок Холмс и Джонс оба сидели молча, сложив руки на коленях, на их лицах было написано отвращение. Он, очевидно, заметил это, потому что, когда он снова заговорил, в его голосе послышался вызов.

— Все это, конечно, очень плохо,— сказал он.— Но я бы хотел знать, много ли найдется людей, которые, оказавшись на моем месте, вели бы себя по-другому, то есть отказались бы от богатства, зная, что за их доброту им перережут глотку. К тому же когда Ахмет вступил в крепость, дело уже пошло так — он или я. Если бы он убежал, все открылось бы, меня судили бы военно-полевым судом и расстреляли, потому что в такие времена рассчитывать на снисходительность не приходится.

— Продолжайте,— коротко приказал Холмс.

— Так вот, мы втроем, Абдулла, Акбар и я, втащили его в крепость. Хотя он был коротышка, но руки нам оттянул. Мохаммед Сингх остался караулить вход. Сикхи еще раньше присмотрели место, где его можно было спрятать. Галерея со многими поворотами привела нас в большой, пустой зал, кирпичные стены которого постепенно разрушались. Земляной пол в одном месте осел и треснул, образовав естественную могилу. Здесь мы и похоронили купца Ахмета, заложив могилу кирпичами, выпавшими из стен. Покончив с Ахметом, мы вернулись к сундучку с сокровищами.

Он остался там, где Ахмет уронил его, когда сикхи первый раз на него напали. Это был тот самый сундук, который стоит сейчас на столе перед вами. К резной ручке на крышке был привязан шелковым шнуром ключ. Мы открыли его, и в свете фонаря заблестели, заиграли драгоценные камни, о каких я читал в приключенческих книгах и мечтал мальчишкой в Першоре. От их блеска можно было ослепнуть. Насытившись этим великолепным зрелищем, мы выложили драгоценности и стали считать их. Там было сто сорок три бриллианта чистой воды, и среди них знаменитый «Великий могол», по-моему, он именно так называется. Говорят, что это второй камень в мире по величине. Затем там было девяносто очень красивых изумрудов, сто семьдесят рубинов, правда, много мелких. Еще там было сорок карбункулов, двести десять сапфиров, шестьдесят один агат и несчетное количество бериллов, ониксов, кошачьего глаза, бирюзы, и еще много других камней, чьи названия я тогда не знал. Теперь я знаком с камнями гораздо лучше, чем раньше. Еще там был жемчуг — около трехсот превосходных жемчужин, двенадцать из них снизаны в четки.

Между прочим, эти четки исчезли из сундука. Их там ие было, когда я иедавно открывал его.

Сосчитав наши сокровища, мы уложили их обратно в суидук н поиесли показать их Мохаммеду Сингху. Затем мы еще раз торжественно поклялись, что иикогда не предадим друг друга и будем верно хранить нашу тайну. Мы решили поделить сокровища, когда в стране воцарится мир, а пока спрятать сундук в иадежное место. Делить их сейчас не было смысла: если у иас увидят такие драгоценности, это вызовет подозрения. В крепости все жили тесно, так что спрятать их от постороннего глаза не было никакой возможности. Поэтому мы отиесли суидук в тот самый зал, где лежал Ахмет, и в одной из стен, уцелевшей лучше других, мы замуровали наши сокровища. Мы хорошо запомиили место, а иа следующий день я иарисовал четыре плана и иа каждом иаписал внизу «знак четырех», ибо мы все четверо были связаны нерушимой клятвой. И я клянусь вам положа руку иа сердце, что никогда не изменял ей.

Мне не иадо рассказывать вам, джентльмены, чем закончнлось восстание. После того, как Уилсон взял Дели, а сэр Колии освободил Лакхиау, дело восставших было проиграно. Подоспели свежие английские части, и сам Нана Сагиб бежал за граиицу. Летучие отряды полковника Грейтхеда окружили Агру и выгнали из города всех мятежииков. Мир наконец водворился в стране, и мы четверо стали уже надеяться, что не за горами день, когда мы сумеем иезаметно вынести из крепости свои сокровища. Но иашим надеждам не суждеио было сбыться — иас арестовали как убийц Ахмета.

А произошло вот что. Когда раджа поручил драгоценностн Ахмету, ои сделал это потому, что доверял ему. Но люди иа востоке подозрительны, поэтому раджа вслед за Ахметом отправил второго слугу, которому он доверял больше, чем Ахмету. Этому второму он приказал ии на секуиду ие выпускать из вида Ахмета, и тот всюду следовал за ним, как тень. В ту роковую ночь ои шел за Ахметом до самых дверей и видел, как его впустили в крепость. Он не сомиевался, что Ахмету дали убежище, и иа другой день сам отправился туда. Но Ахмета ои там не встретил. Это насторожило его, и он за-

явил об исчезновении Ахмета сержанту охраны, а тот доложил начальнику. Немедленно организовали поиски, и тело Ахмета очень скоро нашли. Мы были уверены, что начисто замели следы, и тешили себя радужными мечтами, как вдруг нас всех четверых арестовывают и обвиняют в убийстве Ахмета. Трое из нас стояли в ту ночь на страже у юго-западной двери, а четвертый, как стало известно, путешествовал вместе с убитым. О драгоценностях на суде не было сказано ни слова, потому что раджу лишили княжеского престола и изгнали из Индии. Обстоятельства дела были очень быстро расследованы, и суд предъявил нам обвинение в убийстве. Сикхи были присуждены к пожизненной каторге, а я к смертной казни, которая позже была заменена каторгой на тот же срок.

Мы очутились в дурацком положении. Сидеть под замком, не имея никакой надежды выйти на свободу, и знать, что обладаешь тайной, которая могла бы так высоко вознести тебя,— это было невыносимо. Сносить издевку и побои надзирателей, есть один рис и пить воду, когда на воле тебя ждет сказочное богатство,— можно было сойти с ума или наложить на себя руки, но я всегда был упрямым малым и, скрепив сердце, я стал ждать своего часа.

И вот, как мне показалось, он пробил. Из Агры нас перевели в Мадрас, а оттуда на Андаманские острова в Порт-Блэр. В новой тюрьме было очень мало белых, а так как я сразу стал примерно вести себя, то скоро оказался на привилегированном положении. Мне дали в Хоптауне маленькую хижину. Хоптаун — это небольшое селение, раскинувшееся на склонах горы Харриет, и у меня даже появилось время, когда я был предоставлен самому себе. Место было отвратительное, зараженное лихорадкой; на островах, за оградой наших каторжных поселений, жили каннибальские племена. Их развлечением было при всяком удобном случае стрелять в заключенных своими ядовитыми колючками. Мы рыли землю, проводили канализацию, работали на бататовых плантациях, и было еще много других работ, так что весь день у нас был занят, зато вечер принадлежал нам. Я научился, помимо всего прочего, готовить для нашего врача лекарства и старался усвоить кое-что из его науки.

И все время я был начеку — не подвернется ли случай бежать. Но Андаманские острова находятся на расстоянии сотен миль от ближайшей земли, а в морях под теми широтами ветер очень слабый или совсем не дует. Так что бежать оттуда — дело невероятно трудное.

Доктор Соммертон был молодой человек, веселый и общительный. Офицеры помоложе собирались по вечерам у него в комнате и играли в карты. Его приемная, где я обычно готовил лекарства, примыкала к гостиной, и между комнатами в стене было маленькое окошко. Часто, когда мне было особенно тоскливо и одиноко, я гасил лампу в приемной и стоял там, наблюдая через окошко игру и слушая их разговоры. Я люблю играть в карты, и это было почти все равно что играть самому. Там обычно собирались майор Шолто, капитан Морстен и лейтенант Бромли Браун, начальник тюремной охраны из туземцев, сам доктор и двое или трое тюремных чиновников, старых, опытных игроков, которые вели умную и беспроигрышную игру. Компания собиралась дружная.

Скоро я обратил внимание, что военные всегда проигрывали, а чиновники выигрывали. Я не говорю, что они играли нечестно, нет. Но так уж получалось. Эти тюремные крысы, попав на Андаманские острова, никогда ничем, кроме карт, не занимались, они хорошо знали привычки своих партнеров и играли серьезно, а военные садились за карты только затем, чтобы провести время. От вечера к вечеру военные все больше проигрывали, а проигрывая, все больше хотели отыграться. Хуже всех приходилось майору Шолто. Сперва он платил проигрыш наличными — золотом и банкнотами, потом стал давать расписки на очень крупные суммы. Иногда он немного выигрывал, я думаю, это делалось нарочно, чтобы подбодрить его. А затем неудачи снова начинали преследовать его с еще большим ожесточением. Целыми днями он ходил мрачный, как туча, и даже стал выпивать в ущерб здоровью.

Однажды он сильно проигрался. Я сидел в своей хижине, когда майор с капитаном Морстеном, пошатываясь, возвращался домой. Они были большие друзья и никогда не разлучались. Майор сокрушался из-за своих проигрышей.

— Все кончено, Морстен,— сказал он.— Я погибший человек. Мне ничего не остается, как подать в отставку.

— Глупости, старина! — воскликнул капитан, хлопая приятеля по плечу.— Я сам в не менее затруднительном положении, но...

Вот все, что я услышал тогда, но слова майора заставили меня призадуматься.

Дня через два я увидел, как майор Шолто медленно брел по берегу, и решил поговорить с ним.

— Мне надо посоветоваться с вами, майор,— сказал я.

— Слушаю тебя, Смолл. В чем дело? — ответил он, вынимая изо рта сигару.

— Вы не знаете,— начал я,— какому официальному лицу я должен сообщить о спрятанных сокровищах? Мне известно, где лежат полмиллиона фунтов, а поскольку я сам не могу ими воспользоваться, то я подумал, не лучше ли передать их властям? Может, мне за это сократят срок.

— Ты говоришь, Смолл, полмиллиона? — У майора даже дыхание сперло, и он пристально посмотрел на меня, чтобы понять, говорю ли я серьезно.

— Да, в драгоценных камнях и жемчуге. Они лежат там себе и лежат. И никто о них не знает. Их владелец — каторжник, вне закона. Так что фактически они принадлежат первому, кто их найдет.

— Они принадлежат правительству, Смолл,— проговорил майор изменившимся голосом,— правительству, и никому больше.

Но он сказал это так неуверенно, запинаясь, что я понял, что майор попался на удочку.

— Так вы мне советуете, сэр, заявить о драгоценностях генерал-губернатору? — сказал я, прикидываясь простаком.

— Не надо торопиться, Смолл, чтобы потом не пришлось жалеть. Расскажи мне об этом подробно. Чтобы дать правильный совет, я должен знать все.

Я рассказал ему всю историю с некоторыми изменениями, чтобы он не догадался, где это произошло. Когда я кончил, он долго стоял, как в столбняке, и думал. По движению его губ я понял, какая в нем происходит борьба.

— Это очень важное дело, Смолл,— сказал он наконец.— Никому о нем ни слова. Я скоро еще приду к тебе. И тогда мы поговорим.

Он пришел ко мне через два дня поздней ночью вместе с капитаном Морстеном.

— Я бы хотел, Смолл, чтобы капитан Морстен послушал эту историю из твоих уст,— сказал майор.

Я повторил слово в слово, что рассказывал майору.

— Звучит правдиво, а? — спросил он капитана.— Я бы, пожалуй, поверил.

Капитан Морстен, ничего не сказав, кивнул.

— Послушай, Смолл,— начал майор.— Мы с капитаном все обсудили и пришли к выводу, что генерал-губернатор здесь ни при чем. Это твое личное дело, и ты волен поступать, как сочтешь нужным. Но я хотел бы вот что спросить у тебя, какую цену ты предложил бы за свои сокровища? Мы могли бы съездить за ними или по крайней мере позаботиться об их сохранности. Если, конечно, договоримся об условиях.

Он говорил холодным, безразличным тоном, но глаза его блестели волнением и алчностью.

— Видите ли, джентльмены,— отвечал я, стараясь тоже говорить спокойно, но чувствуя при этом не меньшее волнение.— Человеку в моем положении нужно одно — свобода. Это и есть мое условие: свобода мне и моим друзьям. Тогда мы примем вас в долю и разделим сокровища на пять равных частей. Вы двое получите пятую часть.

— Хм, пятую? — проговорил майор.— Это немного.

— Пятьдесят тысяч фунтов на одного,— сказал я.

— Но как мы можем освободить вас? Ты же знаешь хорошо, что требуешь невозможного.

— Ничего подобного,— ответил я.— Все продумано до мельчайших подробностей. Побегу мешает только одно — нет лодки, годной для дальнего перехода, и пищи, которой бы хватило на несколько дней. В Калькутте или в Мадрасе легко найти подходящую лодку. Вы доставите ее сюда. Мы ночью погрузимся и, если вы переправите нас в любое место на индийском побережье, считайте, что вы свою долю заработали.

— Если бы ты был один,— заметил майор.

— Все четверо или никто,— сказал я.— Мы поклялись стоять друг за друга и всегда действовать вместе.

— Видите, Морстен,— сказал майор.— Смолл — хозяин своего слова. Он не бросает друзей. Я думаю, мы можем на него положиться.

— Грязное это дело,— сказал капитан.— Но вы правы, деньги спасут нашу офицерскую честь.

— Хорошо, Смолл,— сказал майор.— Мы постараемся сделать, что ты просишь. Но сперва, разумеется, мы должны убедиться, что рассказанное тобой не выдумка. Скажи мне, где спрятаны сокровища. Я возьму месячный отпуск и на провиантском судне уеду в Индию.

— Подождите, подождите,— сказал я, становясь спокойнее, чем больше он волновался.— Я должен иметь согласие моих друзей. Я же сказал вам: все четверо или никто.

— Глупости! — воскликнул майор.— Какое отношение эти черномазые имеют к нашему джентльменскому соглашению.

— Черные или зеленые,— сказал я,— но они мои друзья, и мы поклялись никогда не бросать друг друга.

Дело было окончательно улажено на втором свидании, в присутствии Мохаммеда Сингха, Абдуллы Хана и Доста Акбара. Мы еще раз все обсудили и решили следующее: мы даем и майору Шолту и капитану Морстену план той части Агрской крепости, где спрятаны сокровища. Майор Шолто едет в Индию убедиться в правильности моего рассказа. Если сундук на месте, он покупает маленькую яхту и продовольствие и плывет к острову Ратленду, где мы его будем ждать. Затем возвращается к своим обязанностям. Немного погодя в отпуск едет капитан Морстен. Мы встречаем его в Агре и делим сокровища. Он забирает свою часть и часть майора и едет обратно на Андаманские острова. Приняв такой план, мы поклялись не нарушать его под страхом вечных мук. Я всю ночь просидел с бумагой и чернилами, и к утру были готовы два плана, подписанные «знаком четырех»,— то есть Абдуллой, Акбаром, Мохаммедом и мной.

Но я, кажется, утомил вас, джентльмены, длинным рассказом, а моему другу мистеру Джонсу, как я вижу, не терпится упрятать меня за решетку. Постараюсь быть краток. Майор Шолто уехал в Индию и никогда больше

не возвращался на Андаманские острова. Капитан Морстен вскорости показал мне его имя в списке пассажиров пакетбота, ушедшего в Англию. Оказалось, что у него умер дядюшка, оставив ему наследство, и он подал в отставку. Он думал, что никогда больше не увидит нас. Ведь он совершил такую подлость — предал всех нас, и в том числе своего друга. Морстен вскоре после этого ездил в Индию и, конечно, сундука в тайнике не нашел, негодяй похитил его, не выполнив условий, на которых мы открыли ему тайну. С того самого дня я живу только мщением. Я думал об этом и днем и ночью. Отмстить Шолто стало для меня единственной, всепоглощающей страстью. Я ничего не боялся — ни суда, ни виселицы. Бежать во что бы то ни стало, найти Шолто, перерезать ему глотку своей рукой — вот о чем я мечтал. Даже сокровища Агры и те померкли перед сладостной картиной расправы с Шолто.

Я многое замышлял в этой жизни, и всегда мне все удавалось. Но прошло еще много унылых, однообразных лет, прежде чем судьба улыбнулась мне. Я уже говорил вам, что набрался кое-чего по медицинской части. Однажды, когда доктор Сommертон лежал в приступе малярии, заключенные подобрали в лесу крошечного туземца. Он был смертельно болен и ушел умирать в лес. Я взял его на руки, хотя он, как змееныш, источал злобу. Я лечил его два месяца и, представьте, поставил его на ноги. Он сильно привязался ко мне и, по-видимому, не стремился возвращаться в леса, потому что день-деньской слонялся возле моей хижины. Я выучил у него несколько слов его языка, чем еще сильнее привязал его. Тонга, как его звали, был отличным мореходом. У него было большое, просторное каноэ. Когда я увидел, как он привязан ко мне и что готов для меня на все, я стал серьезно помышлять о побеге. Мы придумали с ним такой план. Он должен был ночью пригнать свою лодку к старой, заброшенной пристани, которая не охранялась, и там подобрать меня. Я велел ему взять с собой несколько бутылей из тыкв с пресной водой, побольше бататов, кокосовых орехов и сладкого картофеля.

Маленький Тонга был верный, надежный друг. Ни у кого никогда не было и не будет таких друзей. Ночью, как мы условились, он пригнал лодку к пристани. Но так

случилось, что в ту ночь поставили караульного — одного афганца, который никогда не упускал случая оскорбить или ударить меня. Я давно поклялся отомстить ему, и вот этот час настал. Судьба нарочно столкнула нас в последние минуты моей жизни на острове, чтобы я мог с ним расквитаться. Он стоял на берегу ко мне спиной, с карабином через плечо. Я поискал вокруг камень, которым я мог бы вышибить ему мозги, но не нашел. Тогда мне в голову пришла дикая мысль, я понял, что должно быть моим оружием. Я сел в темноте на землю и отвязал свою деревянную ногу. Сделав три больших прыжка, я напал на него. Он успел приложить карабин к плечу, но я размахнулся деревяшкой и размозжил ему череп. На моей деревяшке осталась выбоина в том месте, которым я нанес удар. Мы оба упали, потому что я не мог удержать равновесия. Я поднялся и увидел, что он лежит без движения. Я поспешил к лодке, и через час мы были уже далеко в море. Тонга захватил все свои пожитки, все оружие и всех богов. Среди прочих вещей я нашел у него длинное бамбуковое копье и несколько циновок, сплетенных из листьев кокосовой пальмы, из которых я сделал какое-то подобие паруса. Десять дней мы носились по морю, на одиннадцатый нас подобрало торговое судно, идущее из Сингапура в Джидду с грузом паломников из Малайи. Это была пестрая компания, и мы с Тонгой скоро среди них затерялись. У них было одно очень хорошее качество — они не задавали вопросов.

Если я стану рассказывать все приключения, какие пришлось пережить мне и моему маленькому приятелю, вы не поблагодарите меня, потому что я не кончу до рассвета. Куда только не бросала нас судьба! Но вот в Лондон мы никак не могли попасть. И все время скитаний я не забывал главной цели. Я видел Шолто по ночам во сне. Тысячу раз ночью во сне я убивал его. Наконец, года три или четыре назад мы очутились в Англии. Мне было нетрудно узнать, где живет Шолто. Затем я принялся выяснять, что сталось с сокровищами. Я свел дружбу с одним из его домочадцев. Не стану называть имен, не хочу, чтобы кто-нибудь еще гнил в тюрьме. Я скоро узнал, что сокровища целы и находятся у Шолто. Тогда я стал думать, как напасть на него. Но Шолто был хитер. В качестве привратников он всегда держал

двух профессиональных боксеров, и при нем всегда были его сыновья и слуга-индус.

И вот я узнаю, что он при смерти. Как безумный, бросился я в Пондишери-Лодж: неужели он ускользнет от меня таким образом? Я пробрался в сад и заглянул к нему в окно. Он лежал на своей постели, слева и справа стояли оба его сына. Я дошел до того, что чуть не бросился на всех троих, но тут я взглянул на него — он увидел меня в окне, челюсть у него отпала, и я понял, что для майора Шолто все на этом свете кончено. В ту же ночь я все-таки влез к нему в спальню и перерыл все бумаги — я искал какого-нибудь указания, куда он спрятал наши сокровища. Но я ничего не нашел. И тут мне пришла в голову мысль, что, если я когда-нибудь встречусь с моими друзьями-сикхами, им будет приятно узнать, что мне удалось оставить в комнате майора свидетельство нашей ненависти. И я написал на клочке бумаги «знак четырех», как было на наших картах, и приколол бумагу на грудь покойного. Пусть он и в могиле помнит о тех четверых, которых он обманул и ограбил.

На жизнь мы зарабатывали тем, что ходили по ярмаркам и бедный Тонга за деньги показывал себя. Черный каннибал, он ел перед публикой сырое мясо и плясал свои воинственные пляски. Так что к концу дня у нас всегда набиралась целая шапка монет. Я по-прежнему держал связь с Пондишери-Лодж, но никаких новостей оттуда не было. Я знал только, что его сыновья продолжают поиски. Наконец пришло известие, которого мы так долго ждали. Сокровища нашлись. Они оказались на чердаке, над потолком химической лаборатории Бартоломью Шолто. Я немедленно прибыл на место и все осмотрел. Я понял, что с моей ногой мне туда не забраться. Я узнал, однако, о слуховом окне на крыше, а также о том, что ужинает мистер Шолто внизу. И я подумал, что с помощью Тонги все будет очень легко сделать. Я взял его с собой и обвязал вокруг пояса веревкой, которую мы предусмотрительно захватили. Тонга лазал, как кошка, и очень скоро он оказался на крыше. Но, на беду, мистер Бартоломью Шолто еще был в кабинете, и это стоило ему жизни. Тонга думал, что поступил очень хорошо, убив его. Когда я влез по веревке в комнату, он расхаживал гордый, как петух. И очень удивился, когда

я назвал его кровожадным дьяволом и стал бить свободным концом веревки. Потом я взял сундук с сокровищами и спустил его вниз, затем и сам спустился, написав на бумажке «знак четырех» и оставив ее на столе. Я хотел показать, что драгоценности наконец вернулись к тем, кому они принадлежат по праву. Тонга вытянул веревку, запер окно и ушел через крышу, так же, как и пришел.

Не знаю, что еще прибавить к моему рассказу. Я слыхал, как какой-то лодочник хвалил за быстроходность катер Смита «Аврору». И я подумал, что это именно то, что нам нужно. Я договорился со старшим Смитом, нанял катер и пообещал ему хорошо заплатить, если он доставит нас в целости и сохранности на корабль, уходивший в Бразилию. Он, конечно, догадывался, что дело нечисто, но в тайну норвудского убийства посвящен не был. Все, что я рассказал вам, джентльмены,— истинная правда, и сделал я это не для того, чтобы развлечь вас: вы мне оказали плохую услугу,— а потому, что мое единственное спасение — рассказать все в точности, как было, чтобы весь мир знал, как обманул меня майор Шолто и что я абсолютно неповинен в смерти его сына.

— Замечательная история,— сказал Шерлок Холмс.— Вполне достойный финал для не менее замечательного дела. Во второй половине вашего рассказа для меня нет ничего нового, кроме разве того, что веревку вы принесли с собой. Этого я не знал. Между прочим, я считал, что Тонга потерял все свои колючки. А он выстрелил в нас еще одной.

— Той, что оставалась в трубке. Остальные он потерял.

— Понятно,— сказал Холмс.— Как это мне не пришло в голову.

— Есть еще какие-нибудь вопросы? — любезно спросил наш пленник.

— Нет, спасибо, больше нет,— ответил мой друг.

— Послушайте, Холмс,— сказал Этелни Джонс,— вы человек, которого дóлжно ублажать. Всем известно, что по части раскрытия преступлений равного вам нет. Но долг есть долг, а я уж и так сколько допустил нарушений порядка, ублажая вас и вашего друга. Мне будет

куда спокойнее, если я водворю нашего рассказчика в надежное место. Кэб еще ждет, а внизу сидят два полисмена. Очень обязан вам и вашему другу за помощь. Само собой разумеется, ваше присутствие на суде необходимо. Покойной ночи.

— Покойной ночи, джентльмены,— сказал Смолл.

— Ты первый, Смолл,— проговорил предусмотрительно Джонс, когда они выходили из комнаты.— Я не хочу, чтобы ты огрел меня по голове своей деревяшкой, как ты это сделал на Андаманских островах.

— Вот и конец нашей маленькой драме,— сказал я, после того, как мы несколько времени молча курили.— Боюсь, Холмс, что это в последний раз я имел возможность изучать ваш метод. Мисс Морстен оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Холмс издал вопль отчаяния.

— Я так боялся этого! — сказал он.— Нет, я не могу вас поздравить.

— Вам не нравится мой выбор? — спросил я, слегка уязвленный.

— Нравится. Должен сказать, что мисс Морстен — очаровательная девушка и могла бы быть настоящим помощником в наших делах. У нее, бесспорно, есть для этого данные. Вы обратили внимание, что она в первый же день привезла нам из всех бумаг отца не что иное, как план Агрской крепости. Но любовь — вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму. А разум я, как известно, ставлю превыше всего. Что касается меня, то я никогда не женюсь, чтобы не потерять ясности рассудка.

— Надеюсь,— сказал я, смеясь,— что мой ум выдержит это испытание. Но у вас, Холмс, опять очень утомленный вид.

— Да, начинается реакция. Теперь я всю неделю буду как выжатый лимон.

— Как странно у вас чередуются периоды того, что я, говоря о другом человеке, назвал бы ленью, с периодами, полными самой активной и напряженной деятельности.

— Да,—сказал он,—во мне заложены качества и великого лентяя и отъявленного драчуна. Я часто вспоминаю слова Гете: Schade, dass die Natur nur *einen* Menschen aus

dir schuf, denn zum würdigen Mann war und zum Schelmen der Stoff [1]. Между прочим,— возвращаясь к норвудскому делу,— у них, как я и предполагал, в доме действительно был помощник. И это не кто иной, как дворецкий Лал Рао. Итак, Джонсу все-таки принадлежит честь поимки одной крупной рыбы.

— Как несправедливо распределился выигрыш! — заметил я.— Все в этом деле сделано вами. Но жену получил я. А слава вся достанется Джонсу. Что же остается вам?

— Мне? — сказал Холмс.— А мне — ампула с кокаином.

И он протянул свою узкую белую руку к несессеру.

[1] Как жаль, что природа сделала из тебя одного человека: материала в тебе хватило бы и на праведника и на подлеца (*нем.*).

Приключения
Шерлока
Холмса

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко внделся с Холмсом: моя женнтьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья н чнсто семейных нитересов, которые возннкают у человека, когда он впервые становится хозяииом в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как нстый представитель богемы, неиавндевшнй все формы светской жнзин, оставался в нашей квартнре на Бейкер-стрнт, погребенный средн своих старых книг, чередуя иедели увлечення кокаином с приступами честолюбня, дремотное состояние наркомаиа — с бешеной энергией, прнсущей его ненстовой натуре.

Как н прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлеиий. Свон огромные способностн н необычайный дар наблюдательиостн он отдавал выясненню тех тайн, от которых, прнзнав их неразрешнмымн, отказалась государствеиная полнцня. Время от времеии до меия доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убнйством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткиисои в Трикомалн, и, накоиец, о весьма тоико н успешно выполнением делнкатиом поручеиин голландского королевского дома. Однако, помнмо этнх сведений, которые я так же, как н все читатели, черпал нз газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге н товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года,— возвращаясь от пациента (я теперь виовь занялея частной практнкой), я очутнлся на Бейкер-стрнт. Я проходнл мимо знакомой дверн, которая навсегда связана в моей памяти с тем времеием, когда я был влюблен, н с мрачиыми событиями «Этюда в багровых тонах», н меня охватило острое желаине виовь повндать Холмса, узнать, чем теперь заият его замечательиый ум. Окна былн ярко освещеиы, и я даже увндел его высокую, худощавую фнгуру, которая дважды темным снлуэтом промелькнула на спущеиной шторе. Он стремнтельио шагал нз угла в угол, иизко опустив голову и заложнв за спнну рукн. Я зиал все привычки моего друга, н потому порывнстость его двнженнй н весь облнк его говорнлн мне о многом. Шерлок Холмс вновь прннялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы н бнлся

над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводнли в комнату, которая когда-то была отчастн н моей.

Он встретил меня без пространных нзлияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почтн без слов он прнветлнвым жестом пригласил меня сесть, подвннул ко мне коробку сигар и кнвнул на погребец с внном и аппарат для газнрования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим проннцательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон,— заметнл он.— Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последннй раз.

— Семь! — возразнл я.

— Правда? А мне показалось, иемного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я внжу? Вы не говорнли, что собнраетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

— Смотрю н делаю выводы. Напрнмер, откуда я знаю, что вы недавно промоклн до нткн и что ваша служанка — большая неряха?

— Дорогой Холмс,— сказал я,— это уж слншком! Несколько веков назад вас непременно сожглн бы на костре. Действительно, в четверг мне прншлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязн, но ведь я переменил костюм, н ума ие прнложу, что вы могли заметнть. Что касается Мэрн Джейн, она и в самом деле неисправнма, н жена уже сделала ей предупреждение. Но я не поннмаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он.— На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежио обтнрал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходилн в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... еслн ко мие в комнату входнт джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цнлиндре шншка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, иужно быть совершен-

ным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете,— заметил я,— все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажете какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно,— ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле.— Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Много.

— Как много?

— Ну, несколько сот раз.

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько ступенек? Понятия не имею!

— Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшейся на столе.

— Получена с последней почтой,— сказал он.— Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам зайдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о вас мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

— И в самом деле загадочно,— заметил я.— Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизиро-

вать, не имея данных,— значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну, а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

— Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами,— сказал я, пытаясь подражать приемам моего друга.— Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

— Необычайно — самое подходящее слово,— заметил Холмс.— И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

— Что вы можете из этого заключить? — спросил Холмс.

— Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «K°». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Eg». Заглянем в географический справочник Европы...— Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете.— Eglow, Eglönitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egria, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

— Бумага изготовлена в Богемии,— сказал я.

— Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге

и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по стуку, парный экипаж... да,— продолжал он, выглянув в окно,— изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Может, мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла[1]? Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте.

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью.

Кто-то громко и внятно постучал.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный пря-

[1] Босуэлл, Джемс (1740—1795) — биограф английского писателя, критика и лексикографа С. Джонсона (1709—1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

мой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент.— Я сообщал, что приеду к вам.— Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо, не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Холмс.— Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг,— человек чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

— Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

— Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово,— сказал Холмс.

— И я тоже.

— Простите, что я в маске,— продолжал странный посетитель.— Августейшее лицо, на службе которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

— Это я заметил,— сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

— Так я и думал,— пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого проницательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

— Если бы ваше величество соблаговолили изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы,— воскликнул он,— я король! Зачем скрывать?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мною Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

— Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! — сказал наш посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу.— Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чьей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

— Прошу вас,— сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверное, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке,— пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка,— сказал Холмс.— Гм! Родилась в

Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... Ла Ска́ла, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Проживает в Лондоне — совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

— Совершенно верно. Но каким образом...

— Вы тайно обвенчались с ней?

— Нет.

— Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

— Ничего.

— В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

— Но мой почерк...

— Пустяки! Почерк легко подделать.

— А почтовая бумага с моим именем?

— Украдена.

— Моя личная печать...

— Снова подделка.

— Моя фотография...

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.

— Я был без ума от нее.

— Да, фотография — это серьезно.

— Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.

— Она не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она

путешествовала, мы обыскалн ее багаж. Дважды пыталнсь заманить ее в ловушку... Никаких результатов.

— Ннкакнх следов?

— Абсолютно ннкаких.

Холмс усмехнулся:

— Любопытиая задачка!

— Но для меня это очеиь серьезио! — с упреком возразил король.

— Еще бы! А для чего ей иужиа фотографня?

— Чтобы погубнть меия.

— Но какнм образом?

— Я собнраюсь жеиться...

— Об этом я слышал.

— ...на Клотнльде Лотмаи фои Саксе-Меинигеи, второй дочерн скандниавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотнльда — воплощениая чистота. Малейшая тень сомиения относнтельно моего прошлого повела бы к разрыву.

— А Ирен Адлер?

— Оиа грознтся послать нм фотографию. И она иепремеиио это сделает! У иее железный характер. Да-да, лнцо обаятельиейшей жеищниы, а душа — как у самого твердого мужчниы. Оиа ии перед чем не остаиовится, лишь бы ие дать мне жеииться иа другой.

— Вы увереиы, что оиа еще ие отослала фотографию?

— Увереи.

— Почему?

— Оиа сказала, что пошлет фотографию в тот деиь, когда будет объявлено о помолвке. А это намечеио иа блнжайший поиедельннк.

— О, у иас впереди целых три дия! — зевнул Холмс.— Вам повезло, потому что сейчас мие иадо заияться кое-какнмн неотложиыми деламн. Вы, коиечно, останетесь пока в Лоидоие?

— Конечио. Меня можио иайти в гостиииче «Лэигхэм». Я остаиовнлся под имеием графа фои Крамма.

— Я дам вам знать, как подвнгается дело.

— Очень прошу вас. Я так волиуюсь!

— А как иасчет деиег?

— Тратьте, сколько сочтете иужиым.

— Без ограинченнй?

— Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайони-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

— Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?

— Да.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон,— добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой.— Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дождаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересовало, как он поведет дело, ибо своеобразие случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг,— с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх — с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной, грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут от души смеялся.

— Ну и потеха! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

— Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайени-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома — большая, хорошо обставленная гостиная, с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего интересного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозчичий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера пополам с элем, две щепотки табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях,

живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

— Что же вы узнали об Ирен Адлер? — спросил я.

— Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайнские конюхи. Живет она тихо, выступает в концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла[1]. Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайнских конюшен и знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она — его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная,— едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом,— ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатила двуколка, и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он — как дома.

[1] Иннер-Темпл — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле — здании, до 1313 года принадлежавшем ордену Тамплиеров и получившем от этого свое название.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! — крикнул он кучеру.— Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджуэр-роуд. Полгинеи, если довезете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь святой Моники, Джон! — крикнула она.— Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кэб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники,— сказал я,— и полсоверена, если довезете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но, когда мы прибыли на место, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава богу! — вскричал он.— Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже, с одной стороны, меня благодарит джентльмен, с другой — леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

— Дело приняло неожиданный оборот,— сказал я.— Что же дальше?

— Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов»,— сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

— В чем оно заключается?

— Немного холодного мяса и стакан пива,— ответил Холмс, дергая колокольчик.— Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

— Ни в малейшей степени.

— И вас не пугает опасность ареста?

— Ради доброго дела я готов и на это.

— Великолепно!

— Я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Териер принесет ужин, я вам все объясию... Я должен кое-что обсудить с вами,— сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой.— Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайени-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

— И что дальше?

— Остальное предоставьте мие. Я уже все подготовил. Я настаиваю только иа одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний?

— Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проводят в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— Когда я подниму руку — вот так, вы бросьте в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

— Вполне.

— Тут нет ничего опасного,— сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары.— Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих концов капсюлями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

— Совершенно верно.
— Можете на меня положиться.
— Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр [1]. И дело не в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайони-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал против ожидания оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело,— заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом.— Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию?
— Ума не приложу.
— Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит,

[1] **Хэйр**, сэр Джон — английский актер второй половины XIX века.

мы можем быть увереиы, что с собой она фотографию не носит.

— Где же тогда оиа ее хранит?

— У своего банкнра нлн у своего адвоката. Возможио н то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщииы по природе скрытны н сами хранят свон секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-ннбудь другого? На себя она может положнться, а где гарантня, что какой-нибудь доверенний устоит перед политическим нли ииым влияиием? Кроме того, ие забудьте, что оиа хотела пустнть в ход фотографню в блнжайшие днн. Для этого нужно нметь ее под рукой. Фотографня у нее дома.

— Но взломщики два раза перерыли весь дом.

— Чепуха! Они не умеют искать.

— А как вы будете нскать?

— Вообще не буду.

— А как же иначе?

— Оиа сама покажет, где фотография.

— Оиа откажется.

— Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точиости выполияйте мои указания.

Из-за угла показались фонарн кареты, н нарядиое малеиькое ландо подкатило к дверям Брайенн-Лодж. Когда экипаж остановнлся, одни нз бродяг, стоявших иа углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, ио его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намереинем. Завязалась жестокая драка. Масла в огоиь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячиостью прииялся защищать другого. В одио мгновение дама, вышедшая нз экипажа, оказалась посредн разгоряченных, дерущихся людей, которые яростио тузнлн друг друга кулакамн н палкамн. Холмс броснлся в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ией, вдруг нспустнл крик н упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же броснлись бежать в одиу сторону, оборваицы — в другую, зато подбежало иесколько прохожих более прилнчного внда, не прнннмавшнх участия в потасовке, чтобы защнтнть даму н оказать помощь раненому. Ирен Адлер — я буду по-прежнему называть ее так — взбежала по ступеинькам, но иа площадке обериулась; на фоне

освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер,— раздались голоса.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то.— Но он умрет, если везти его в больницу.

— Он храбрый малый! — сказала какая-то женщина.— Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!

— Неужели оставить его на улице?.. Вы позволите перенести его в дом, сударыня?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиной, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить — значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов,— подумал я,— мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки — все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под

руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

— Вы это ловко проделали, доктор,— заметил Холмс.— Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Вы добыли фотографию?

— Нет, но я знаю, где она спрятана.

— А как вы это узнали?

— Она сама мне показала, как я и предсказывал.

— Я ничего не понимаю.

— А я не собираюсь делать из этого тайны,— сказал он, смеясь.— Все очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице — мои сообщники. Я нанял их на вечер.

— Догадался.

— В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

— Это я тоже понял.

— Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться — что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне — я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А чего вы этим добились?

— Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасать то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например, в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватает шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасать именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвижной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию — я даже увидел крае-

шек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра мы вместе с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать, нанесем Ирен Адлер визит. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, она не найдет ни нас, ни фотографии. Я думаю, что его величеству будет приятно взять фотографию собственными руками.

— Когда вы намерены туда отправиться?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что мы сможем действовать свободно. Кроме того, нельзя терять времени, потому что замужество может совершенно изменить ее образ жизни и планы. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей. Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от пробегавшего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Где-то я слышал этот голос,— сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу,— но никак не припомню, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

В эту ночь я ночевал на Бейкер-стрит. Утром мы сидели за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию? — воскликнул он, хватая Шерлока Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

— Нет еще.

— Но у вас есть надежда?

— Есть.

— В таком случае едем! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужен кэб.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайени-Лодж.

— Ирен Адлер вышла замуж,— заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Не понимаю.

— Потому что это избавит ваше величество от возможных неприятностей. Если эта дама любит своего мужа,— значит, она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, у нее нет оснований мешать планам вашего величества.

— Верно. И все же... О, как бы я хотел, чтобы она была королевской крови! Какая бы это была королева!

Он вновь погрузился в угрюмую задумчивость и молчал, пока мы не выехали на Серпентайн-авеню.

Двери Брайени-Лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с усмешкой наблюдала, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс,— ответил мой друг, окинув ее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром в пять часов пятнадцать минут она уехала со своим мужем с вокзала Чаринг-Кросс. Она едет на континент.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся, побледнев от огорчения и неожиданности.— Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король.— Неужели все погибло?

— Посмотрим! — Холмс прошел мимо служанки и

поспешил в гостиную. Мы с королем следовали за ним. Мебель в комнате была в полнейшем беспорядке,— пустые полки, раскрытые ящики — видно, хозяйка второпях рылась в них перед отъездом.

Холмс бросился к звонку, отодвинул маленькую выдвижную панель и, засунув в тайник руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирен Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру».

Мой друг разорвал конверт, и мы принялись читать письмо, датированное минувшей ночью:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли и обвели меня вокруг пальца. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, что сама себя выдала, я задумалась. Должна признаться, еще несколько месяцев назад меня предупредили, что король обратится к вам, если решит пригласить сыщика. Мне дали ваш адрес. И все же вы застали меня врасплох и узнали все, что хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, как я могла подумать, что вы явитесь в облике милого старого священника? Но вы знаете, я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Так вот, я приказала кучеру Джону следить за вами, а сама побежала наверх, надела костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда вы уходили.

Я следовала за вами до вашего дома и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл к мужу.

Мы с ним решили, что, если нас преследует такой сильный противник, лучшее спасение — бегство. Поэтому явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю и любима человеком благороднее его. Король может поступать как ему угодно, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраню фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля. Я оставляю взамен другую фотографию, кото-

рую ему, быть может, приятно будет сохранить, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданной вам *Ирен Нортон, урожденной Адлер».*

— Что за женщина, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы прочитали это послание.— Разве я не говорил, как она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Как жаль, что она не ровня мне.

— Насколько я успел узнать эту даму, мне кажется, она действительно не ровня вашему величеству,— холодно заметил Холмс.— Я сожалею, что не смог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Напротив, милостивый государь! — воскликнул король.— Большей удачи трудно было ожидать. Я знаю, что ее слово нерушимо. Мне теперь ничто не грозит, фотография словно бы сгорела.

— Я рад слышать это.

— Я бесконечно обязан вам. Как мне вознаградить вас? Может быть, это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони Холмсу.

— У вашего величества есть нечто более ценное для меня,— сказал Холмс.

— Вам стóит только назвать...

— Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

— Фотография Ирен?! — воскликнул он.— Разумеется, если вам угодно.

— Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Честь имею пожелать вам всего наилучшего.

Холмс поклонился и, не замечая протянутой ему руки, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился скандал и как изобретательные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской проницательностью. Холмс вечно подтрунивал над женским умом, но за последнее время я не слышал его шуток на этот счет. И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: «Та Женщина».

СОЮЗ РЫЖИХ

Как-то осенью прошлого года я зашел на минутку к моему приятелю, мистеру Шерлоку Холмсу. У него сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и решил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон,— приветливо проговорил он.

— Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

— Да, я занят. И даже очень.

— Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

— Нет, нет... Мистер Уилсон,— сказал он, обращаясь к толстяку,— этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

— Садитесь сюда, на диван,— сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

— Я знаю, мой дорогой Уотсон,— сказал он,— что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Не будь у вас этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... Хотя по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

— Право же, ваши приключения всегда казались мне чрезвычайно интересными,— возразил я.

— Совсем недавно, перед тем, как мисс Сазерлэнд задала нам свою несложную загадку, я, помнится, го-

ворил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

— Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

— И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Признаться, за всю свою жизнь я не слыхал столь необычной истории. Помните, я говорил, что странными и необыкновенными оказываются скорее мелкие, чем крупные преступления, часто даже такие дела, когда возникает сомнение, совершено ли вообще правонарушение. В данном случае я не могу пока сказать, есть ли тут состав преступления, однако ход событий крайне любопытен. Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал начало рассказа, но и для того, чтобы мне самому как можно лучше познакомиться с каждой подробностью. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти, но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его, пытаясь в подражание Шерлоку Холмсу угадать по одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель — самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Серые, в клетку брюки висели на нем мешком, его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным

бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, однако, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие, он кивнул головой и усмехнулся.

— Конечно, каждому ясно,— сказал он,— что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон, что он побывал в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не могу отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон выпрямился в кресле и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

— Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? — спросил он.— Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начинал корабельным плотником.

— Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука крупнее левой. Вы работали ею, и мускулы на ней стали крупнее.

— А нюханье табака? А франкмасонство?

— О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы вопреки строгому уставу вашего общества носите галстучную булавку с изображением дуги и окружности.

— Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

— О чем иным может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

— А Китай?

— Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать кое-что по этому предмету. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом распространен только в Китае. Увидев китайскую монету на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

— Вот оно что! — сказал он.— Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

— Я начинаю думать, Уотсон,— сказал Холмс,— что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «omne ignotum pro magnifico»[1], и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен... Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

— Нашел,— ответил тот, держа толстый красный палец в середине газетного столбца.— Вот оно. С этого все и началось. Прочтите сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

СОЮЗ РЫЖИХ

Во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США), ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. *Предлагается жалованье* — четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную службу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флит-стрит, Попс-корт, 7.

— Что это, черт побери, может означать? — воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовлетворение.

— Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? — сказал он.— Ну, мистер Уилсон, начните-ка сначала и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

— «Морнинг кроникл» 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

---

[1] «Все неизвестное принимается за великое» *(лат.)*. Тацит. «Жизнь и нравы Юлия Агриколы».

— Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

— Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс,— сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб,— у меня есть маленькая ссудная касса на Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двоих помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье,— лишь бы иметь возможность изучить дело.

— Как зовут этого услужливого юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы в другом месте зарабатывать вдвое больше. Но в конце концов раз он доволен, зачем внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

— В самом деле, зачем? Вам просто повезло: у вас помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встретишь в наше время бескорыстных служащих. Интересный у вас помощник, пожалуй, еще интереснее, чем объявление.

— Хотя должен сказать, у него есть свои недостатки! — продолжал мистер Уилсон.— Никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. А впрочем, он хороший работник, и мне не в чем его упрекнуть.

— Он и теперь служит у вас?

— Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого нет, я вдовец, и к тому же бездетный. Мы трое живем очень скромно, сэр. Крыша над головой у нас есть, долги отдаем — чего нам еще надо? Но вот это объявление выбило нас из колеи. Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

— Жалко, что господь не создал меня рыжим, мистер Уилсон.

— Почему? — спрашиваю я.

— Да вот посмотрите,— говорит он,— открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тот, кто займет ее, неплохо будет зарабатывать. Там, пожалуй больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, ни за что не упустил бы это выгодное местечко.

— А что это за Союз рыжих? — спросил я.— Дело в том, мистер Холмс, что я большой домосед, и так как мне не приходится искать клиентов,— они сами приходят,— я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад послушать новости...

— Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих? — спросил Сполдинг у меня, широко раскрыв глаза.

— Никогда.

— Вот странно, вы ведь один из тех, кто имеет право занять вакансию.

— А много ли это может дать? — спросил я.

— Фунтов двести в год, не больше, зато работа пустяковая и не мешает человеку заниматься любым другим делом.

Понятно, я навострил уши, так как предприятие мое за последнее время давало очень мало дохода и лишние двести фунтов в год были бы очень кстати.

— Расскажите все, что вы знаете об этом Союзе,— сказал я.

— Как вы видите сами,— ответил Сполдинг, показывая мне объявление,— в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за подробностями. Насколько мне известно, этот Союз основал американский миллионер Иезекия Хопкинс, большой чудак. Он сам был огненно-рыжий и благоволил ко всем рыжим на свете. Умирая, он оставил огромную сумму, и душеприказчики должны на проценты с нее подыскивать теплые местечки для тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Что ни говори, платят неплохо, а работы почти никакой.

— Но ведь рыжих миллионы,— сказал я,— и каждый пожелает занять вакантное место?

— Не так миого, как кажется,— ответнл он.— Объявлеиие, как виднте, обращеио только к лоидонцам, и притом лишь ко взрослым. Этот америкаиец родился в Лондоие, прожнл здесь свою юность н хотел облагодетельствовать свой родиой город. Кроме того, иасколько я слышал, в Союз рыжнх не имеет смысла обращаться тем лнцам, у которых волосы светло-рыжие нли темнорыжне,— там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Еслн вы хотнте воспользоваться этим предложеиием, мистер Уилсон, нужио только пройтнсь до конторы Союза рыжих. Впрочем, есть ли вам смысл отвлекаться от осиовиого заиятия ради иескольких сот фунтов?..

Как вы сами изволите видеть, джеитльмены, волосы у меия ярко-рыжие, такого красочиого, богатого оттеика, что дойди дело до состязаиия рыжнх, у меия, пожалуй, будет шаис, как ии у кого. Виисент Сполдииг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог оказаться полезиым, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и попросил его сопровождать меия. Ои обрадовался, что сегодия ие придется работать, н мы, закрыв коитору, отправились по адресу, указаниому в объявлеиин.

Такого зрелища, мистер Холмс, мне больше иикогда не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада в Снти устремнлись все люди, в волосах у которых был хоть малейший оттеиок рыжего цвета. Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож иа тачку разиосчика, торгующего апельсинамн. Сколько народу собралось по объявлению! Ннкогда я не думал, что в Аиглии столько рыжих. Все оттеики рыжего цвета: соломеиный, оранжевый, кнрпичиый, лимониый, цвет шерстн нрлаидскнх сеттеров, цвет желчн, глниы; правда, Сполдииг заметил, что голов иастоящего — живого, яркого, огиеииого цвета — тут было очеиь немиого. И все же, увидев толпу, я пршел в отчаяние н решил отказаться от предпрнятия, но Сполднг и слышать об этом не хотел. Не знаю, как это ему удавалось, ио ои проталкивался сквозь толпу с таким усердием, что вскоре мы очутнлись иа лестиице, ведущей в коитору. По лестиице двнгался двойиой людской поток: однн подиимались, полные приятиых иадежд, другие спускались в уиыиии. Мы протнскались вперед и скоро очутнлись в конторе...

— Замечательная же с вами случилась история! — сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку.— Пожалуйста, продолжайте.

— В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из претендентов и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда настала наша очередь, маленький человечек оказался гораздо приветливее, и едва мы вошли, запер дверь, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

— Это мистер Джабез Уилсон,— сказал мой помощник.— Он хотел бы занять вакансию в Союзе.

— И он вполне достоин этого, поскольку отвечает всем требованиям,— ответил человечек.— Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем он внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

— Было бы преступлением медлить,— сказал он.— И все-таки, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности.

И он вцепился мне в волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

— У вас выступили слезы,— сказал он, отпуская меня.— Значит, все в порядке. Извините, приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз — с помощью краски. Я мог бы рассказать о таких проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям.

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия занята. Снизу донесся стон разочарования, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро не осталось ни одного рыжего, кроме меня и человека, который со мной договаривался.

— Меня зовут мистер Дункан Росс,— сказал он,— и я тоже получаю пенсию из фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?

Я ответил, что я вдовец и детей у меня нет. Лицо его вытянулось.

— Да, это — серьезнейшее препятствие! Очень, очень жаль, что вы не женаты. Фонд создан не только для поддержания рыжих, но и должен способствовать увеличению их числа. Какая неудача, что вы оказались холостяком!

Должен сказать, мистер Холмс, что при этих словах я опечалился, так как стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав несколько минут, Росс заявил, что все обойдется.

— Ради кого-нибудь другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к исполнению ваших обязанностей?

— Право не знаю, ведь у меня еще собственное предприятие...— ответил я.

— Не беспокойтесь, мистер Уилсон! — сказал Винсент Сполдинг.— С работой я справлюсь и без вас.

— В какие часы я буду занят? — спросил я.

— От десяти до двух.

Так как в ссудных кассах главная работа приходится на вечерние часы, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я и решил, мистер Холмс, что недурно заработать кое-что в утренние часы. Помощник у меня — человек надежный и вполне может меня заменить.

— Эти часы мне подходят,— сказал я.— А какое вы платите жалованье?

— Четыре фунта в неделю.

— А в чем заключается работа?

— Работа чисто номинальная.

— Что вы называете чисто номинальной работой?

— Вы должны безотлучно находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где она помещается. Выходить нельзя — потеряете место. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Если вы хоть раз покинете контору в рабочие часы, будет считаться, что вы не исполнили наших требований.

— Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет уходить из конторы,— сказал я.

— Имейте это в виду,— повторил мистер Дункан

Росс.— Потом мы никаких извинений не примем. Никакие болезни, никакие дела не могут служить оправданием. Вы должны безотлучно находиться в конторе или потеряете службу.

— А в чем же заключается работа?

— Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том — в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достаете сами; мы предоставляем стол и стул. Не могли бы вы приступить к работе завтра же?

— Конечно, могу,— ответил я.

— В таком случае, до свидания, мистер Джабез Уилсон. И позвольте еще раз поздравить вас с получением такого хорошего места.

Он поклонился. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, безотчетно радуясь необыкновенной удаче. Эта история весь день не выходила у меня из головы, но к вечеру я несколько упал духом; я почти убедил себя, что все это дело — просто мошенничество, хотя никак не догадывался, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось почти невероятным, что кто-то мог оставить такое завещание и что люди согласны платить такие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром я подумал, что все-таки стоит сходить туда. Купив чернил на пенни, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был приготовлен для работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел. Однако время от времени он заходил, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалив за то, что я успел так много переписать, и запер дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мистер Росс выложил на стол четыре золотых соверена — плату за неделю. Прошла вторая неделя, потом третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и уходил ровно в два. Со временем мистер Дункан Росс начал заходить в контору все реже и реже, а потом и вовсе перестал наведываться. Тем не менее я, понятно,

не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как он мог прийти в любой момент, а я не хотел рисковать такой выгодной службой.

Так прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени приступить к букве «Б». Я изрядно потратился на бумагу, и исписанные мною листы едва помещались на полке. Но вдруг все кончилось.

— Кончилось?

— Да, сэр. Сегодня утром. Я пришел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит листок плотной бумаги. Вот, посмотрите сами.

Он протянул нам этот листок. Там было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН
9 октября 1890 года

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали эту краткую записку, потом перевели глаза на унылое лицо Джабеза Уилсона; смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное, и мы расхохотались.

— Не вижу ничего смешного! — крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней жгучих волос.— Если вместо того, чтобы помочь мне, вы собираетесь смеяться надо мной, я обращусь к кому-нибудь другому!

— Нет, нет! — воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло.— Мне ни за что не хотелось бы отказываться от вашего дела. Оно вдохновляет меня своей новизной. Простите меня, но согласитесь, в нем все же есть что-то забавное... Что же вы предприняли, найдя эту записку на дверях?

— Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома — он жил в нижнем этаже — и спросил, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я осведомился о мистере Дункане Россе. Он сказал, что впервые слышит это имя.

— Я имею в виду джентльмена, который снимал у вас квартиру номер четыре,— сказал я.

— Рыжего?

— Да.

— Так его зовут Уильям Моррис! Он стряпчий, снимал у меня помещение временно, пока не подыскал другое. Он вчера выехал.

— Где его можно найти?

— В новой конторе. Он где-то оставил свой адрес, вот он: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла.

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская, и никто не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

— Что же вы предприняли тогда? — спросил Холмс.

— Я вернулся домой на Сакс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Но он ничем не мог помочь. Надо, говорит, подождать, мне, вероятно, сообщат что-нибудь по почте. Но меня это никак не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу сдаваться без боя. Я слыхал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, и отправился прямо к вам.

— И правильно поступили,— сказал Холмс.— Замечательный у вас случай, и я счастлив, что имею возможность им заняться. Из того, что вы рассказали, я заключаю, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

— Уж чего серьезнее! — сказал мистер Джабез Уилсон.— Я лишился четырех фунтов в неделю.

— Ну, вы-то лично вряд ли можете жаловаться на этот необычайный Союз,— сказал Холмс.— Напротив, вы ведь заработали тридцать фунтов, не говоря уже о том, что приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

— Не спорю, все это так, сэр. Но мне все-таки хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это шутка. Да, забава обошлась им дороговато: они заплатили за нее тридцать два фунта.

— Мы попытаемся все выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник... тот, что показал вам объявление?

— К тому времени он прослужил у меня около месяца.

— Где вы нашли его?
— Он пришел по объявлению, которое я дал в газете.
— Он один откликнулся на ваше объявление?
— Нет, человек десять.
— Почему вы выбрали именно его?
— Потому что он проворный и не запросил много.
— Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?
— Да.
— Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?
— Маленький, коренастый, очень живой. Никакой растительности на лице, хотя ему под тридцать. На лбу у него белое пятнышко— ожог кислотой.
Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.
— Я так и думал! — сказал он.— А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?
— Заметил, сэр. Он объяснил, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был ребенком.
— Гм! — произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье.— Он до сих пор у вас?
— Да, сэр, я только что видел его.
— Он хорошо справлялся с делами, когда вас не было в конторе?
— Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в ссудной кассе дел немного.
— Отлично, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие кое-что сообщить вам. Сегодня суббота... Надеюсь, в понедельник мы все будем знать.
— Ну, Уотсон,— сказал Холмс, когда наш посетитель ушел,— что вы обо всем этом думаете?
— Ничего не думаю,— ответил я откровенно.— Дело это представляется мне совершенно таинственным.
— Общее правило таково,— сказал Холмс,— чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем медлить я не могу.
— Что вы собираетесь делать? — спросил я.
— Курить,— ответил он.— Это задача как раз на три трубки. Я прошу вас минут пятьдесят не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подтянув худые колеии к ястребииому носу, н долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед чериую глиияиую трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я уж подумал было, что он засиул, да и сам иачал дремать, ио тут он вскочил, словио человек, принявшнй твердое решеиие, н положил трубку иа камни.

— Сегодня в Сеит-Джеймс-Холле играет Сарасате,— сказал ои.— Что вы думаете об этом, Уотсои? Могут ваши пациеиты обойтись без вас в течение иескольких часов?

— Сегодия я свободеи. Моя практнка вообще отиимает у меия ие слишком миого времеии.

— В таком случае иадевайте шляпу и идем. Мне иужно в Ситн, а где-иибудь по дороге перекусим. В программе концерта много немецкой музыки, мне оиа гораздо более по сердцу, чем фраицузская илн нтальяиская. Немецкая музыка богата глубокнмн мыслями, а мне как раз иеобходнмо кое о чем поразмыслить.

Мы доехали подземкой до Олдерсгета, а оттуда прошли пешком до Сакс-Кобург-сквер, где совершнлнсь событня, о которых иам рассказывалн утром.

Сакс-Кобург-сквер — маленькая соиная площадь с жалкими потугами иа арнстократнческнй стнль. Четыре ряда грязноватых двухэтажиых кирпичиых домов глядят окнами иа крохотиый садик, заросший сорной травой, среди которой иесколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с иасыщенным копотью воздухом. Трн позолоченных шара и коричневая вывеска иа углу с иадпнсью «Джабез Уилсои», выведеииой белыми буквамн, указывалн, что здесь и иаходится контора иашего рыжего клиеита.

Шерлок Холмс остаиовился перед дверью и, склоиив голову иабок, устремил иа иее глаза, ярко блестевшне из-под полуприкрытых век. Затем ои медлеиио прошелся по улице, внимательио вглядываясь в дома. Перед ссудиой кассой ои раза три с силой стукиул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахиул расторопный, чнсто выбритый молодой человек и попросил иас войтн.

— Благодарю вас,— сказал Холмс.— Я хотел только спроснть, как пройтн отсюда на Стрэнд.

— Третий поворот направо, четвертый налево,— быстро ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

— Ловкий малый! — заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице.— Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

— Видимо,— сказал я,— помощник мистера Уилсона играет какую-то роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

— Не на него.

— На что же?

— На его колени.

— И что вы увидели?

— То, что и ожидал.

— А зачем вы стучали по мостовой?

— Милейший доктор, сейчас надо наблюдать, а не разговаривать. Мы разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сакс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с другой стороны.

Разница между Сакс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом тянулась одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Это большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя встречными потоками, а на тротуарах чернели толпы спешащих пешеходов. Глядя на ряды роскошных магазинов и великолепных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится убогая, безлюдная площадь.

— Позвольте мне осмотреться,— сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим.— Я хочу запомнить, в каком порядке расположены здания. Изучение Лондона — моя страсть... Так-так, сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, за ним вегетарианский ресторан, затем каретное депо Мак-Фарлейна. А там уже следующий квартал... Ну, доктор, наша работа окончена!

Теперь мы можем немного н поразвлечься: бутерброд, чашка кофе — и в страиу скрипок, где все сладость, нега н гармония, где иет рыжнх кленентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой и был не только очень способиым исполиителем, но н незаурядиым композитором. Весь вечер просндел он в кресле, вполие счастливый, слегка двигая длнниыми тонкими пальцами в такт музыке; его мягко улыбающееся лнцо, его влажные, затуманенные глаза ннчем не напомниалн о Холмсе-ищейке, о хитроумиом, безжалостном Холмсе, готовом в любую минуту преследовать нарушнтелей закона. Удивнтельный характер этого человека слагался нз двух начал. Мие часто приходило в голову, что его потрясающая проницательность родилась в борьбе с поэтнческой задумчивостью, составлявшей основную черту характера этого человека. Ои постояиио переходил от полиейшей расслаблеииостн к иеобычайиой энергнн, н я хорошо знал, что ои инкогда не бывает более твердым, чем в те дни, когда с бездумиым спокойствием отдается своим импровизациям и нотам. Но внезапио охотиичья страсть охватывала его, свойствениая ему блистательиая снла мышлеиия возрастала до степени иитуиции, и люди, незнакомые с его методом, начниали думать, что перед ннмн не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним иа коицерте в Сент-Джеймс-Холле, я видел, с какой полнотой ои отдается музыке, н понял, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

— Вы, доктор, собираетесь, конечно, домой,— сказал ои, когда коицерт кончнлся.

— Домой, понятно.

— А мие предстоит еще одио дело, оно отиимет у меня часа три-четыре. Это происшествие на Кобург-сквере — серьезная штука.

— Серьезиая?

— Там готовнтся крупное преступленне. Правда, у меня есть основання думать, что мы успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Кстатн, вечером мие может понадобиться ваша помощь.

— В котором часу?

— Часов в десять, ие раиьше.

— Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

— Отлично. Имейте в виду, доктор, дело будет опасное. Суньте себе в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, видел то же самое, что видел он, однако он знает, очевидно, не только, что случилось, но и то, что должно случиться, тогда как мне все это дело по-прежнему представлялось непонятной нелепостью.

По дороге домой в Кенсингтон я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сакс-Кобург-сквер, и зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Зачем эта ночная экспедиция, и почему я должен прийти вооруженным? Куда мы поедем, что нам предстоит делать? Холмс, правда, намекнул, что помощник владельца ссудной кассы — опасная личность, способная на большие преступления. Но как я ни пытался разгадать эти загадки, ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя Гайд-парк и Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал наверху голоса. Я застал у Холмса двух человек, он оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал — это был Питер Джонс, агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

— Вот мы и в сборе! — сказал Холмс, застегивая свою гороховую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью.— Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсоном из Скотленд-Ярда? Позвольте представить вас мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер примет участие в нашем ночном приключении.

— Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе,— сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом.— Никто так блестяще не

начинает охоту, как он. Но для того, чтобы затравить зверя, ему нужна помощь старого гончего пса.

— Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку,— угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

— Можете положиться на мистера Холмса, сэр,— покровительственно проговорил агент полиции.— У него своя собственная методика, которая, позволю себе заметить, несколько отвлеченна и фантастична, но тем не менее дает неплохие результаты. Нужно признать, что бывали случаи, как, например, в деле об убийстве Шолто и истории с драгоценностями Агры, когда он оказывался прав, а полиция ошибалась.

— Раз это вы говорите, мистер Джонс,— значит, так оно и есть,— уважительно произнес незнакомец.— И все ж, признаться, жаль, что мне сегодня придется лишиться обычного роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

— В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх,— сказал Шерлок Холмс,— да и сама игра увлекательнее. Ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс,— человек, которого вы давно хотите поймать.

— Да, Джон Клей, убийца, вор, взломщик, фальшивомонетчик,— сказал Джонс.— Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но уже искуснейший преступник; ни на кого другого в Лондоне я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Исключительная личность этот юный Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде. Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его след, он до сих пор неуловим. На этой неделе он совершает кражу со взломом в Шотландии, а на следующей уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

— Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два наблюдать подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что это искуснейший вор в стране... Однако уже одиннадцатый час, пора двигаться в путь. Вы двое садитесь в первый кэб, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел, откинувшись, и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечному лабиринту освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингтон-стрит.

— Теперь мы совсем близко,— сказал мой приятель.— Этот Мерриуэзер — директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и прилипчив, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит... Ну, вот мы и приехали, они уже тут.

Мы остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий, и в конце его массивные железные двери. Открыв их, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, зажег фонарь и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном подвале, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

— Сверху проникнуть сюда не так-то просто,— заметил Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

— Снизу тоже,— сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол.— Черт побери, звук такой, будто там пустота! — воскликнул он с изумлением.

— Я вынужден просить вас не шуметь,— сердито сказал Холмс.— Из-за вас вся экспедиция может закончиться провалом. Будьте любезны, присядьте на какой-нибудь ящик и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом взгромоздился на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, очевидно удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

— У нас впереди по крайней мере час,— заметил

он.— Они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный ростовщик заснет. Вот тогда они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они управятся, тем больше времени у них останется, чтобы скрыться... Мы находимся, доктор,— как вы, без сомнения, уже догадались,— в хранилище городского отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер — председатель правления банка; он объяснит нам, почему наиболее дерзкие преступники имеено в настоящее время с особым интересом приглядываются к этому хранилищу.

— Мы храним здесь наше французское золото,— шепотом сказал директор.— Нас уже не раз предупреждали, что будет совершена попытка похитить его.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад нам понадобились оборотные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у Французского банка. Впоследствии необходимость в средствах отпала, и стало известно, что нам даже не пришлось распаковать деньги, и они до сих пор лежат здесь. В корзине, на которой я сижу,— две тысячи наполеондоров, они переложены листами фольги. Редко случается, чтобы в одном отделении хранилось такое количество золота, и директора, естественно, беспокоятся.

— У них есть все основания для беспокойства,— заметил Холмс.— Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, прикрыть этот фонарь чем-нибудь темным...

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, и поскольку нас здесь четверо, мы могли бы сыграть один роббер. Но я вижу, что враг подготовился не на шутку, поэтому оставить свет было бы рискованно. Нам нужно занять свои места. Они люди дерзкие, и, хотя мы застанем их врасплох, они все же могут причинить нам немало неприятностей, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячетесь за теми. Когда я направлю на грабителей луч света, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте без колебания.

Я зарядил револьвер и положил его на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ним. Холмс закрыл

дверцу фонаря, и мы оказались в кромешной тьме. Правда, запах нагретого металла напоминал, что фонарь не погашен и что свет может вспыхнуть в любое мгновение. Нервы мои от ожидания были напряжены до предела, я был подавлен тьмой и холодной сыростью подземелья.

— Для отступления у них только один путь — обратно, через дом, на Сакс-Кобург-сквер,— прошептал Холмс.— Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

— У парадного входа инспектор и два полисмена.

— Значит, мы заткнули все дыры. Теперь остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! Позже я узнал, что прошел всего час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь кончается и наверху рассветает. Я боялся шевельнуться, хотя ноги у меня затекли и ныли от боли, нервы были натянуты, а слух так обострился, что я отличал глубокие, приглушенные вздохи грузного Джонса от легкого, свистящего дыхания директора банка. Со своего места из-за ящика я мог видеть часть пола, и вдруг там, внизу, я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом в полу неслышно образовалась щель и в середине освещенного пространства появилась рука, белая, почти женственная, которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. С минуту эта рука, шевеля пальцами, торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит с резким скрипом перевернулась, и открылось квадратное отверстие, из которого хлынул свет фонаря. Оттуда выглянуло гладко выбритое юное лицо; неизвестный зорко осмотрелся по сторонам, потом оперся обеими руками о края отверстия и стал подтягиваться; сначала показались плечи, потом туловище, а вот он уже занес колено на пол. Через секунду незнакомец стоял во весь рост и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

— Все в порядке,— прошептал он.— Зубило и мешки у тебя?.. А, черт!.. Прыгай, Арчи, прыгай, я за себя постою.

Шерлок Холмс выскочил из-за укрытия и схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно. Я слышал треск рвущейся материи. Блеснул ствол револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул противника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

— Бесполезно, Джон Клей,— сказал Холмс корректно.— Вы попались.

— Вижу,— ответил тот совершенно спокойно.— Но приятелю моему удалось ускользнуть, вы поймали только полу его пиджака.

— Три человека поджидают его за дверями,— сказал Холмс.

— Ах, вот как? Чисто сработано! Поздравляю вас.

— А я — вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

— Сейчас увидите своего приятеля,— сказал Джонс.— Проворно он, однако, ныряет в норы, не то что я. А теперь я надену на вас наручники.

— Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! — сказал ему наш пленник после того, как ему надели наручники.— Вам, может быть, неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте любезны называть меня «сэр» и говорить «пожалуйста».

— Отлично,— сказал Джонс, усмехаясь.— Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

— Вот так-то лучше,— спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

— Мистер Холмс,— сказал Мерриуэзер, выводя нас из хранилища,— я, право, не знаю, как наш банк мог бы отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшее, насколько я знаю, ограбление банка.

— У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем,— сказал Холмс.— На сегодняшнем деле я понес небольшие расходы, и банк, безусловно, возместит их мне. Что до остального, то я уже вознагра-

жден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих...

— Видите ли, Уотсон,— начал Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним утром на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой,— мне с самого начала было ясно, что единственная цель этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» — ежедневно удалять из дому на несколько часов не слишком умного владельца ссудной кассы. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они добились своего. Весь план, без сомнения, подсказан вдохновенному воображению Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю — хорошая приманка для Уилсона, а что значат четыре фунта для них, если они рассчитывали заполучить тысячи! Они поместили в газете объявление, один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина пойти туда, и оба получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Как только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого есть основательные причины.

— Но как же вы отгадали их замысел?

— Будь в доме женщины, я заподозрил бы обыкновенную интрижку. Но женщины нет, и это предположение отпадает. Предприятие нашего рыжего клиента — ничтожное, да и в квартире у него нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне дома. Но что? И тут я вспомнил о том, что помощник занимается фотографией и постоянно ныряет в погреб. Погреб! Вот и ключ к этой запутанной истории. Я навел справки об этом человеке и понял, что имею дело с самым хладнокровным и дерзким преступником в Лондоне. Итак, он что-то делал в погребе, что-то очень сложное,— ведь ему приходилось работать там по нескольку часов в день в течение двух месяцев. Что же он делал? Только одно: рыл подкоп в другое здание. Вот к каким выводам я пришел, когда мы отправились познакомиться с ситуацией на месте. Вы очень удивились, когда я постучал тростью по мостовой. А между тем я хотел

узнать, куда прокладывается подкоп — перед домом или на задворках. Впереди его не было. Тогда я позвонил в лавку. Как и следовало ожидать, дверь открыл помощник. У нас с ним и прежде бывали кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и этот раз я не смотрел ему в лицо. Я хотел видеть его брюки. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты и протерты в коленях. Это свидетельствовало о том, что он долгие часы копал землю. Оставалось выяснить, куда вел подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка. Результаты вам известны.

— А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? — спросил я.

— Когда они закрыли контору Союза рыжих. Это означало, что их больше не заботит, дома мистер Джабез Уилсон или нет,— другими словами, подкоп был готов. Очевидно, что они не хотели терять времени, так как, во-первых, подкоп могли обнаружить, а во-вторых, золото могло быть перевезено в другое место. Самым удобным днем оказалась суббота, потому что до понедельника золота никто бы не хватился и они имели лишние сутки, чтобы скрыться. Так я и пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

— Ваши рассуждения безукоризненны! — воскликнул я с непритворным восхищением.— Такая длинная цепь обстоятельств, и каждое звено безупречно.

— Этот случай спас меня от угнетающей скуки,— проговорил Шерлок Холмс зевая.— Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь — сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне в этом.

— Вы истинный благодетель человечества,— сказал я.

Холмс пожал плечами:

— Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L'homme c'est rien — l'oeuvre c'est tout» [1],— как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.

[1] «Человек — ничто, произведение — все» *(франц.)*.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Мой дорогой друг, жизнь несравиеиио прнчудлнвее, чем все, что способио создать воображеиие человеческое,— сказал Шерлок Холмс, когда мы с иим сидели у камина в его квартнре на Бейкер-стрит.— Нам н в голову ие пришлн бы многие вещн, которые в действительности представляют собою нечто совершенио баиальиое. Если бы мы с вами могли, взявшнсь за рукн, вылететь нз окиа и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши н заглянуть внутрь домов, то по сравиенню с открывшимнся иам иеобычайиыми совпадеииями, замыслами, недоразумеииями, непостижимыми событнями, которые, прокладывая себе путь сквозь миогне поколения, приводят к совершеиио невероятиым результатам, вся изящиая словесность с ее условиостями и заранее предрешеииымн развязкамн показалась бы иам плоской н тривиальной.

— И все же вы меия ие убедили,—отвечал я.— Дела, о которых мы читаем в газетах, как правнло, представлеиы в достаточио откровеииом и грубом виде. Натурализм в полицейских отчетах доведен до крайних пределов, но это отнюдь не зиачит, что оии хоть сколько-ннбудь прнвлекательны или художествеины.

— Для того, чтобы добиться подлииио реалистического эффекта, необходнм тщательиый отбор, известная сдержанность,— заметил Холмс.— А этого как раз н не хватает в полицейских отчетах, где гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежелн

подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Понятно, почему вы так думаете. Разумеется, находясь в положении неофициального консультанта и помощника вконец запутавшихся в своих делах обитателей трех континентов, вы постоянно имеете дело со всевозможными странными и фантастическими явлениями. Но давайте устроим практическое испытание, посмотрим, например, что написано здесь,— сказал я, поднимая с полу утреннюю газету.— Возьмем первый попавшийся заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». Далее следует полстолбца текста, но я, и не читая, уверен, что все это хорошо знакомо. Здесь, без сомнения, фигурирует другая женщина, пьянство, колотушки, синяки, полная сочувствия сестра или квартирная хозяйка. Даже бульварный писака не смог бы придумать ничего грубее.

— Боюсь, что ваш пример неудачен, как и вся ваша аргументация,— сказал Холмс, заглядывая в газету.— Это — дело о разводе Дандеса, и случилось так, что я занимался выяснением некоторых мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не было, а жалоба заключалась в том, что он взял привычку после еды вынимать искусственную челюсть и швырять ею в жену, что, согласитесь, едва ли придет в голову среднему новеллисту. Возьмите понюшку табаку, доктор, и признайтесь, что я положил вас на обе лопатки с вашим примером.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Великолепие этой вещицы настолько не вязалось с простыми и скромными привычками моего друга, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

— Да, я совсем забыл, что мы с вами уже несколько недель не виделись,— сказал он.— Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с письмами Ирен Адлер.

— А кольцо? — спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, блестевший у него на пальце.

— Подарок голландской королевской фамилии; но это дело настолько деликатное, что я не имею права дове-

риться даже вам, хотя вы любезно взяли на себя труд описать некоторые из моих скромных достижений.

— А сейчас у вас есть на руках какие-нибудь дела? — с интересом спросил я.

— Штук десять — двенадцать, но ни одного интересного. То есть все они по-своему важные, но для меня интереса не представляют. Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования. Крупные преступления, как правило, очень просты, ибо мотивы серьезных преступлений большею частью очевидны. А среди этих дел ничего интересного нет, если не считать одной весьма запутанной истории, происшедшей в Марселе. Не исключено, однако, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, ибо, мне кажется, я вижу одну из моих клиенток.

Говоря это, он встал с кресла и, подойдя к окну, смотрел на тихую, серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне крупную женщину в тяжелом меховом боа, с большим мохнатым красным пером на кокетливо сдвинутой набок широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспехов она нерешительно поглядывала на наши окна, то и дело порываясь вперед и нервно теребя застежку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она кинулась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

— Знакомые симптомы,— сказал Холмс, швыряя в камин окурок.— Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок. В данном случае тоже можно предположить любовную историю, однако эта девица не столько рассержена, сколько встревожена или огорчена. А вот и она. Сейчас все наши сомнения будут разрешены.

В эту минуту в дверь постучали, и мальчик в форменной куртке с пуговицами доложил о прибытии мисс Мэри Сазерлэнд, между тем как сама эта дама возвышалась позади его маленькой черной фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за

крохотным лоцманским ботом. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринужденной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив ее в кресло, оглядел пристальным и вместе с тем характерным для него рассеянным взглядом.

— Вы не находите,— сказал он,— что при вашей близорукости утомительно так много писать на машинке?

— Вначале я уставала, но теперь печатаю слепым методом,— ответила она. Затем, вдруг вникнув в смысл его слов, она вздрогнула и со страхом взглянула на Холмса. На ее широком добродушном лице выразилось крайнее изумление.

— Вы меня знаете, мистер Холмс? — воскликнула она.— Иначе откуда вам все это известно?

— Неважно,— засмеялся Холмс.— Все знать — моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае, зачем вам было бы приходить ко мне за советом?

— Я пришла потому, что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы так быстро отыскали, когда все, и даже полиция, считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы так же помогли и мне! Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова отдать все, только бы узнать, что сталось с мистером Госмером Эйнджелом.

— Почему вы так торопились бежать ко мне за советом? — спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

На простоватой физиономии мисс Мэри Сазерлэнд снова появился испуг.

— Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома,— сказала она.— Меня разозлило равнодушие, с каким мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, ничего не желает делать, только знает твердить, что ничего страшного не случилось, вот я и не вытерпела, кое-как оделась и прямо к вам.

— Ваш отец? — спросил Холмс.— Скорее, ваш отчим. Ведь у вас разные фамилии.

— Да, отчим. Я называю его отцом, хотя это смешно — он всего на пять лет и два месяца старше меня.

— А ваша матушка жива?

— О да, мама жива и здорова. Не очень-то я была довольна, когда она вышла замуж, и так скоро после смерти папы, причем он лет на пятнадцать ее моложе. У папы была паяльная мастерская на Тоттенхем-Корт-роуд — прибыльное дельце, и мама продолжала вести его с помощью старшего мастера мистера Харди. Но мистер Уиндибенк заставил ее продать мастерскую: ему, видите ли, не к лицу,— он коммивояжер по продаже вин. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов вместе с процентами, хотя отец, будь он в живых, выручил бы гораздо больше.

Я думал, что Шерлоку Холмсу надоест этот бессвязный рассказ, но он, напротив, слушал с величайшим вниманием.

— И ваш личный доход идет с этой суммы? — спросил он.

— О нет, сэр! У меня свое состояние, мне оставил наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в новозеландских бумагах, четыре с половиной процента годовых. Всего две с половиной тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

— Все это очень интересно,— сказал Холмс.— Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволять себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно.

— Я могла бы обойтись меньшим, мистер Холмс, но вы ведь сами понимаете, что я не хочу быть обузой дома и, пока живу с ними, отдаю деньги в семью. Разумеется, это только временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал получает мои проценты и отдает их маме, а я отлично живу перепиской на машинке. Два пенса за страницу, и частенько мне удается писать по пятнадцать — двадцать страниц в день.

— Вы очень ясно обрисовали мне все обстоятельства,— сказал Холмс.— Позвольте представить вам моего друга, доктора Уотсона; при нем вы можете говорить откровенно, как наедине со мною. А теперь, будьте любезны, расскажите подробно о ваших отношениях с мистером Госмером Эйнджелом.

Мисс Сазерлэнд покраснела и стала нервно теребить край своего жакета.

— Я познакомилась с ним на балу газопроводчиков. Папе всегда присылали билеты, а теперь они вспомнили о нас и прислали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы шли на бал. Он не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. А когда я завожу речь о каком-нибудь пикнике воскресной школы, он приходит в бешенство. Но на этот раз я решила пойти во что бы то ни стало, потому что какое он имеет право не пускать меня? Незачем водить компанию с подобными людьми, говорит он, а ведь там собираются все папины друзья. И еще он сказал, будто мне не в чем идти, когда у меня есть совсем еще не надеванное красное бархатное платье. Больше возражать ему было нечего, и он уехал во Францию по делам фирмы, а мы с мамой и мистером Харди, нашим бывшим мастером, пошли на бал. Там я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

— Полагаю, что, вернувшись из Франции, мистер Уиндибенк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал? — спросил Холмс.

— Нет, он ничуть не рассердился. Он засмеялся, пожал плечами и сказал: что женщине ни запрети, она все равно сделает по-своему.

— Понимаю. Значит, на балу газопроводчиков вы и познакомились с джентльменом по имени Госмер Эйнджел?

— Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы добрались до дому, и после этого мы, то есть я два раза была с ним на прогулке, а затем вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел уже не мог нас навещать.

— Не мог? Почему?

— Видите ли, отец не любит гостей и вечно твердит, что женщина должна довольствоваться своим семейным кругом. А я на это говорила маме: да, женщина должна иметь свой собственный круг, но у меня-то его пока что нет!

— Ну, а мистер Госмер Эйнджел? Он не делал попыток с вами увидеться?

— Через неделю отец снова собирался во Францию, и Госмер написал мне, что до отъезда отца нам лучше не

встречаться. Он предложил мне пока переписываться и писал каждый день. Утром я сама брала письма из ящика, и отец ничего не знал.

— К тому времени вы уже обручились с этим джентльменом?

— Да, мистер Холмс. Мы обручились сразу после первой же прогулки. Госмер... мистер Эйнджел... служит кассиром в конторе на Ледихолл-стрит и...

— В какой конторе?

— В том-то и беда, мистер Холмс, что я не знаю.

— А где он живет?

— Он сказал, что ночует в конторе.

— И вы не знаете его адреса?

— Нет, я знаю только, что контора на Ледихолл-стрит.

— Куда же вы адресовали ваши письма?

— В почтовое отделение Ледихолл-стрит, до востребования. Он сказал, что на адрес конторы писать не надо, сослуживцы будут смеяться над ним, если узнают, что письма от дамы. Тогда я предложила писать свои письма на машинке, как он и сам делал, а он не захотел. Сказал, что письма, написанные моей собственной рукой, дороги ему, а когда они напечатаны, ему кажется, что между нами что-то чужое. Видите, мистер Холмс, как он меня любил и как был внимателен к мелочам.

— Это кое о чем говорит. Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего,— сказал Холмс.— Может быть, вы припомните еще какие-нибудь мелочи, касающиеся мистера Госмера Эйнджела?

— Он был очень застенчив, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мною вечером, чем днем, не любил привлекать к себе внимание. Он был очень сдержан и учтив. Даже голос у него был тихий-тихий. Он рассказывал, что в детстве часто болел ангиной и воспалением гланд и у него ослабли голосовые связки, потому он и говорил шепотом. Он хорошо одевался, очень аккуратно, хотя и просто, а вот глаза у него были слабые, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

— Ну, а что произошло, когда ваш отчим, мистер Уиндибенк, опять уехал во Францию?

— Мистер Госмер Эйнджел пришел к нам и предложил мне обвенчаться, пока не вернулся отец. Он был

необычайно взволнован и заставил меня поклясться на библии, что я всегда и во всем буду ему верна. Мама сказала, что он правильно сделал,— это, мол, служит доказательством его любви. Мама с самого начала очень хорошо к нему относилась, он ей нравился даже больше, чем мне. Потом решили, что лучше отпраздновать свадьбу еще до конца недели. Я им говорю, как же без отца, а они оба стали твердить, чтоб я об этом не думала, что отцу можно сообщить и после, а мама сказала, что берется все уладить сама. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно просить согласия отца, когда он всего на несколько лет старше меня; но я ничего не хотела делать тайком и поэтому написала ему в Бордо — там французское отделение его фирмы, но письмо вернулось обратно в день моей свадьбы.

— Письмо его не застало?

— Да, сэр, он как раз перед тем выехал в Англию.

— Да, неудачно! Значит, свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

— Да, но очень скромно. Мы должны были обвенчаться в церкви святого Спасителя возле Кингс-кросс, а затем позавтракать в отеле Сент-Пэнкрес. Госмер приехал за нами в двуколке, но так как нас было трое, он усадил нас с мамой, а сам взял кэб, который как раз оказался на улице. Мы доехали до церкви первыми и стали ждать. Потом подъехал кэб, но он не выходил. Тогда кучер слез с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Кучер не мог понять, куда он делся,— он собственными глазами видел, как тот сел в кэб. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

— Мне кажется, он обошелся с вами самым бессовестным образом,— сказал Шерлок Холмс.

— О нет, сэр! Он добрый и хороший, он не мог меня бросить. Он все утро твердил, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Даже если случится что-нибудь непредвиденное, я должна всегда помнить, что дала ему слово и что рано или поздно он вернется и я должна буду выполнить обещание. Как-то странно было слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось потом, придает смысл его словам.

— Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сэр, и я думаю, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе он бы не говорил таких странных вещей. И мне кажется, что его опасения оправдались.

— Но вы не знаете, что́ бы это могло быть?

— Нет.

— Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша матушка?

— Она очень рассердилась, сказала, чтобы я и не заикалась об этой истории.

— А ваш отец? Вы рассказали ему, что случилось?

— Да. Он считает, что произошло какое-то несчастье, но что Госмер вернется. Какой смысл везти меня в церковь и скрыться, говорит он. Если бы он занял у меня деньги или женился и перевел на свое имя мое состояние, тогда можно было бы объяснить его поведение, но Госмер очень щепетилен насчет денег и ни разу не взял у меня ни шиллинга. Что могло случиться? Почему он не напишет? Я с ума схожу, ночью не могу уснуть.— Она достала из муфты платок и горько заплакала.

— Я займусь вашим делом,— сказал Холмс, вставая,— и не сомневаюсь, что мы чего-нибудь добьемся. Не думайте ни о чем, не волнуйтесь, а главное, постарайтесь забыть о Госмере Эйнджеле, как будто его и не было.

— Значит, я никогда больше его не увижу?

— Боюсь, что так.

— Но что с ним случилось?

— Предоставьте это дело мне. Мне хотелось бы иметь точное описание его внешности, а также все его письма.

— В субботу я поместила в газете «Кроникл» объявление о его пропаже,— сказала она.— Вот вырезка и вот четыре его письма.

— Благодарю вас. Ваш адрес?

— Камберуэлл, Лайон-плейс, 31.

— Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. Где служит ваш отец?

— Фирма «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит — это крупнейшие импортеры кларета.

— Благодарю вас. Вы очень ясно изложили свое дело. Оставьте письма у меня и помните мой совет. Забудьте об этом происшествии раз и навсегда.

— Благодарю вас, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру. Я буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простоватую физиономию, посетительница невольно внушала уважение своим благородством и верностью. Она положила на стол бумаги и ушла, обещав прийти в случае надобности.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, сложив кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с полки старую глиняную трубку, которая всегда служила ему советчиком, раскурил ее и долго сидел, откинувшись на спинку кресла и утопая в густых облаках голубого дыма. На лице его изображалось полнейшее равнодушие.

— Занятное существо эта девица,— сказал он наконец.— Гораздо занятнее, чем ее история, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мою картотеку, вы найдете немало аналогичных случаев, например, Андоверское дело 1877 года. Нечто подобное произошло и в Гааге в прошлом году. В общем, старая история, хотя в ней имеются некоторые новые детали. Однако сама девица дает богатейший материал для наблюдений.

— Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым,— заметил я.

— Не невидимым, а незамеченным, Уотсон. Вы не знали, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу внушить вам, какое значение может иметь рукав, ноготь на большом пальце или шнурок от ботинок. Интересно, что вы можете сказать на основании внешности этой девицы? Опишите мне ее.

— Ну, на ней была серо-голубая соломенная шляпа с большими полями и с кирпично-красным пером. Черный жакет с отделкой из черного стекляруса. Платье коричневое, скорее даже темно-кофейного оттенка, с полоской алого бархата у шеи и на рукавах. Серые перчатки, протертые на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах золотые сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, это девица вполне состо-

ятельная, хотя и несколько вульгарная, добродушная и беспечная.

Шерлок Холмс тихонько захлопал в ладоши и усмехнулся.

— Превосходно, Уотсон, вы делаете успехи. Правда, вы упустили все существенные детали, зато хорошо усвоили метод, и у вас тонкое чувство цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда сначала смотрю на рукава женщины. Когда имеешь дело с мужчиной, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как вы заметили, у этой девицы рукава были обшиты бархатом, а это материал, который легко протирается и поэтому хорошо сохраняет следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается рукою стола, видна великолепно. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но только на левой руке, и притом на наружной стороне запястья, а у мисс Сазерлэнд след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, увидев на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и работы на пишущей машинке, что ее очень удивило.

— Меня это тоже удивило.

— Но это же совершенно очевидно! Я посмотрел на ее обувь и очень удивился, заметив, что на ней разные ботинки; на одном носок был узорчатый, на другом — совсем гладкий. Далее, один ботинок был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, другой — на первую, третью и пятую пуговицу. Когда молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в разных, застегнутых не на все пуговицы ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что она очень спешила.

— А что вы еще заметили? — с интересом спросил я, как всегда восхищаясь проницательностью моего друга.

— Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она что-то писала. Вы обратили внимание, что правая перчатка у нее порвана на указательном пальце, но не разглядели, что и перчатка и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко обмакнула перо. И это, по всей

вероятности, было сегодня утром, иначе пятна не были бы так заметны. Все это очень любопытно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к делу, Уотсон. Не прочтете ли вы мне описание внешности мистера Госмера Эйнджела, данное в объявлении?

Я поднес газетную вырезку к свету и прочитал: «Пропал без вести утром 14-го джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост — пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый, черноволосый, небольшая лысина на макушке; густые черные бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет, в кармане часы с золотой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры поверх штиблет с резинками по бокам. Служил в конторе на Леденхолл-стрит. Всякому, кто сообщит...» и так далее и тому подобное.

— Этого достаточно. Что касается писем,— сказал Холмс, пробегая их глазами,— они очень банальны и ничего не дают для характеристики мистера Эйнджела, разве только, что он упоминает Бальзака. Однако есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит.

— Они напечатаны на машинке,— заметил я.

— Главное, что и подпись тоже напечатана на машинке. Посмотрите на аккуратненькое «Госмер Эйнджел» внизу. Есть дата, но нет адреса отправителя, кроме Леденхолл-стрит, а это весьма неопределенно. Но важна именно подпись, и ее мы можем считать доказательством.

— Доказательством чего?

— Милый друг, неужели вы не понимаете, какое значение имеет эта подпись?

— По правде говоря, нет. Может быть, он хотел оставить за собой возможность отрицать подлинность подписи в случае предъявления иска за нарушение обещания жениться.

— Нет, суть не в том. Чтобы решить этот вопрос, я напишу два письма: одно — фирме в Сити, другое — отчиму молодой девушки, мистеру Уиндибенку, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Попробуем вести переговоры с мужской частью семейства. Пока мы не получим ответа на эти письма, мы решительно ничего не можем предпринять и потому отложим это дело.

Зная о тонкой проницательности моего друга и о его необычайной энергии, я был уверен, что раз он так спокойно относится к раскрытию этой странной тайны, значит, у него есть на то веские основания. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу,— история с королем Богемии и с фотографией Ирен Адлер. Однако я помнил о таинственном «Знаке четырех» и о необыкновенных обстоятельствах «Этюда в багровых тонах» и давно проникся убеждением, что, уж если он не сможет распутать какую-нибудь загадку, стало быть, она совершенно неразрешима.

Холмс все еще курил свою черную глиняную трубку, когда я ушел, нисколько не сомневаясь, что к моему возвращению на следующий вечер в его руках уже будут все нити дела об исчезновении жениха мисс Мэри Сазерлэнд.

Назавтра я целый день провел у постели тяжело больного пациента. Только около шести часов я наконец освободился, вскочил в двуколку и поехал на Бейкер-стрит, боясь, как бы не опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако Холмса я застал дремлющим в кресле. Огромное количество бутылок, пробирок и едкий запах соляной кислоты свидетельствовали о том, что он посвятил весь день столь любезным его сердцу химическим опытам.

— Ну что, нашли, в чем дело? — спросил я, входя в комнату.

— Да, это был бисульфат бария.

— Нет, нет, я спрашиваю об этой таинственной истории.

— Ах, вот оно что! Я думал о соли, над которой работал. А в этой истории ничего таинственного нет. Впрочем, я уже вчера говорил, что некоторые детали довольно любопытны. Жаль только, что этого мерзавца нельзя привлечь к суду.

— Но кто же этот субъект, и зачем он покинул мисс Сазерлэнд?

Холмс раскрыл было рот, чтобы ответить, но в эту минуту в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

— Это отчим девицы, мистер Джеймс Уиндибенк,— сказал Холмс.— Он сообщил мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, проницательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

— Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк,— сказал Холмс.— Полагаю, что это письмо на машинке, в котором вы обещаете прийти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

— Да, сэр. Простите, я немного запоздал, но, видите ли, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень жаль, что мисс Сазерлэнд побеспокоила вас этим дельцем: по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения обратиться к вам, но вы, наверное, заметили, какая она нервная и импульсивная, и уж если она что-нибудь задумала, переубедить ее нелегко. Разумеется, я ничего не имею против вас лично, поскольку вы не связаны с государственной полицией; но все-таки неприятно, когда семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, зачем понапрасну тратить деньги. Вы все равно не разыщете этого Госмера Эйнджела.

— Напротив,— спокойно возразил Холмс,— я имею все основания полагать, что мне удастся найти мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул и уронил перчатку.

— Очень рад это слышать,— сказал он.

— Обратили ли вы внимание, что любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека? — сказал Холмс.— Если исключить совершенно новые машинки, то не найти и двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Заметьте, например, мистер Уиндибенк, что в вашей записке буква «е» расплывчата, а у буквы «г» нет хвостика. Есть еще четырнадцать характерных примет, но эти просто бросаются в глаза.

— В нашей конторе на этой машинке пишутся все письма, и шрифт, без сомнения, немного стерся,— отве-

тил наш посетитель, устремив на Холмса проницательный взгляд.

— А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто особенно интересное,— продолжал Холмс.— Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую работу на тему «Пишущие машинки и преступления». Этот вопрос интересует меня уже давно. Вот четыре письма, написанные пропавшим. Все они отпечатаны на машинке. Посмотрите: в них все «е» расплываются и у всех «г» нет хвостиков, а если воспользоваться моей лупой, можно также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и взял свою шляпу.

— Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс,— сказал он.— Если вы сможете задержать этого человека, схватите его и известите меня.

— Разумеется,— сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке.— В таком случае извещаю вас, что я его задержал.

— Как! Где? — вскричал Уиндибенк, смертельно побледнев и озираясь, как крыса, попавшая в крысоловку.

— Не стоит, право же, не стоит,— учтиво проговорил Холмс.— Вам теперь никак не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все это слишком ясно, и вы сделали мне прескверный комплимент, сказав, что я не смогу решить такую простую задачу. Садитесь, и давайте потолкуем.

Наш посетитель упал на стул. Лицо его исказилось, на лбу выступил пот.

— Это... это — неподсудное дело,— пробормотал он.

— Боюсь, что вы правы, но, между нами говоря, Уиндибенк, с таким жестоким, эгоистичным и бессердечным мошенничеством я еще не сталкивался. Я сейчас попробую рассказать, как развивались события, а если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня поправите.

Уиндибенк сидел съежившись, низко опустив голову. Он был совершенно уничтожен. Холмс положил ноги на решетку камина, откинулся назад и, заложив руки в карманы, начал рассказывать скорее себе самому, чем нам:

— Человек женится на женщине много старше его самого, позарившись на ее деньги; он пользуется также

доходом своей падчерицы, поскольку она жнвет с ними. Для людей их круга это весьма солидная сумма, и потерять ее — ощутимый удар. Ради такнх денег стоит потрудиться. Падчерица мила, добродушна, но сердце ее жаждет любви, и совершенио очевндио, что прн ее приятиой иаружиостн н порядочиом доходе она недолго остается в девицах. Замужество ее, одиако, озиачает потерю годового дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы это предотвратить? Ои требует, чтобы оиа сидела дома, запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Скоро он убеждается, что этих мер недостаточно. Девица иачинает упрямиться, иастаивать иа своих правах н, накоиец, заявляет, что хочет посетнть иекий бал. Что же делает тогда ее нзобретательиый отчим? Ои замышляет плаи, который делает больше честн его уму, нежели сердцу. С ведома своей жеиы и при ее содействни ои измеияет свою виешиость, скрывает за темиыми очками свон проиицательиые глаза, иаклеивает усы н пышиые бакеибарды, приглушает свой звоикий голос до вкрадчивого шепота и, пользуясь близорукостью девицы, появляется в качестве мистера Госмера Эйнджела н отстраияет других поклоиников свонм иастойчивым ухаживанием.

— Это была шутка,— простоиал наш посетнтель.— Мы не думали, что оиа так увлечется.

— Возможно. Одиако, как бы там ин было, молодая девушка искреиие увлеклась. Оиа знала, что отчим во Фраиции, и потому ие могла ничего заподозрить. Она была польщеиа виимаиием этого джеитльмеиа, а шумиое одобреиие со стороиы матери еще более усилило ее чувство. Отличио понимая, что реальиого результата можио добиться только решительными действиями, мистер Эйнджел зачастил в дом. Началнсь свидаиия, последовало обручеиие, которое должио было помешать молодой девушке отдать свое сердце другому. Но все время обмаиывать иевозможио. Миимые поездки во Фраицию довольно обремеиительиы. Оставался одии выход: довестн дело до такой драматической развязки, чтобы в душе молодой девушки остался иеизгладимый след и оиа иа какое-то время сделалась равнодушиой к ухаживаииям других поклоииков. Отсюда клятва верности иа библин, намекн на возможиость неожидаииых происшествий в деиь

свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерлэнд была крепко связана с Госмером Эйнджелом и пребывала в полном неведении относительно его судьбы. Тогда, по его расчету, она по меньшей мере лет десять сторонилась бы мужчин. Он довез ее до дверей церкви, но дальше идти не мог и потому прибегнул к старой уловке: вошел в карету через одни дверцы, а вышел через другие. Я думаю, что события развертывались именно так, мистер Уиндибенк?

Наш посетитель успел тем временем кое-как овладеть собой; он встал со стула. Холодная усмешка блуждала на его бледном лице.

— Может быть, так, а может быть, и нет, мистер Холмс,— сказал он.— Но если вы так умны, вам следовало бы знать, что в настоящий момент закон нарушаете именно вы. Я ничего противозаконного не сделал, вы же, заперев меня в этой комнате, совершаете насилие над личностью, а это преследуется законом.

— Да, закон, как вы говорите, в вашем случае бессилен,— сказал Холмс, отпирая и распахивая настежь дверь,— однако вы заслуживаете самого тяжкого наказания. Будь у этой молодой девушки брат или друг, ему следовало бы хорошенько отстегать вас хлыстом.— Увидев наглую усмешку Уиндибенка, он вспыхнул.— Это не входит в мои обязанности, но, клянусь богом, я доставлю себе удовольствие.— Он шагнул, чтобы снять со стены охотничий хлыст, но не успел протянуть руку, как на лестнице послышался дикий топот, тяжелая входная дверь с шумом захлопнулась, и мы увидели в окно, как мистер Уиндибенк со всех ног мчится по улице.

— Беспардонный мерзавец! —рассмеялся Холмс, откидываясь на спинку кресла.— Этот молодчик будет катиться от преступления к преступлению, пока не кончит на виселице. Да, дельце в некоторых отношениях было не лишено интереса.

— Я не вполне уловил ход ваших рассуждений,— заметил я.

— Разумеется, с самого начала было ясно, что этот мистер Госмер Эйнджел имел какую-то причину для своего странного поведения; так же очевидно, что единственно, кому это происшествие могло быть на руку,—отчим. Тот факт, что жених и отчим никогда не встречались, а,

напротив, один всегда появлялся в отсутствие другого, также что-нибудь да значил. Темные очки, странный голос и пышные бакенбарды подсказывали мысль о переодевании. Мои подозрения подтвердились тем, что подпись на письмах была напечатана на машинке. Очевидно, мисс Сазерлэнд хорошо знала почерк Уиндибенка. Как видите, все эти отдельные факты, а также и многие другие, менее значительные детали били в одну точку.

— А как вы их проверили?

— Напав на след, было уже нетрудно найти доказательства. Я знаю фирму, в которой служит этот человек. Я взял описание внешности пропавшего, данное в объявлении, и, устранив из него все, что могло быть отнесено за счет переодевания,— бакенбарды, очки, голос,— послал приметы фирме с просьбой сообщить, кто из их коммивояжеров похож на этот портрет. Еще раньше я заметил особенности пишущей машинки и написал Уиндибенку по служебному адресу, приглашая его зайти сюда. Как я и ожидал, ответ его был отпечатан на машинке, шрифт которой обнаруживал те же мелкие, но характерные дефекты. Той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит. Мне сообщили, что по всем приметам это должен быть их служащий Джеймс Уиндибенк. Вот и все!

— А как же быть с мисс Сазерлэнд?

— Если я раскрою ей секрет, она не поверит. Вспомните старую персидскую поговорку: «Опасно отнимать у тигрицы тигренка, а у женщины ее заблуждение» [1]. У Хафиза столько же мудрости, как у Горация, и столько же знания жизни.

[1] Цитата принадлежит, видимо, самому Конан Дойлю.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная подала мне телеграмму от Шерлока Холмса.

«Не можете ли вы освободиться на два дня? Вызван на запад Англии связи трагедией Боскомской долине. Буду рад если присоединитесь ко мне. Воздух пейзаж великолепны. Выезжайте с Паддингтона 11.15».

— Что ты ему ответишь, дорогой? — спросила жена, взглянув на меня.— Ты поедешь?

— Право, я и сам не знаю, что ответить. Сейчас у меня очень много пациентов.

— Анструзер примет их вместо тебя. Последнее время у тебя очень утомленный вид. Я думаю, что перемена обстановки пойдет тебе на пользу. И ты так интересуешься каждым делом мистера Шерлока Холмса.

— С моей стороны было бы неблагодарностью, если бы я не делал этого,— ответил я.— Но если ехать, то надо собираться, потому что у меня только полчаса времени.

Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником. Я неприхотлив, вещей у меня немного, так что через несколько минут я со своим саквояжем уже мчался в кэбе на Паддингтонский вокзал.

Шерлок Холмс ходил по платформе, его серый дорожный плащ и небольшая суконная кепка делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой.

— Вот чудесно, что вы пришли, Уотсон,— сказал он.— Совсем другое дело, когда рядом человек, на которого можно вполне положиться. Местная полиция или бездействует, или оказывает давление на ход дела. Если вы займете два угловых места, я пойду за билетами.

Мы заполоиили купе газетами, Холмс принес их целую кипу. Он просматривал их, отрываясь, чтобы записать что-то и обдумать. Так мы доехали до Рединга. Неожидаино ои смял все газеты в огромный ком и забросил его в багажную сетку.

— Вы слышали что-нибудь об этом деле? — спросил ои.

— Ни слова. Я несколько дней ие заглядывал в газеты.

— Лондонская печать не помещала полиых отчетов. Я только что просмотрел все последние газеты, чтобы вникнуть в подробности. Насколько я могу судить, это одии из тех иесложных случаев, которые чрезвычайио трудны.

— Это звучит иесколько странно.

— Но это сущая правда. В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем обыденнее и проще преступление, тем трудиее докопаться до истииы. Как бы то ни было, в даниом случае выдвииуто очеиь серьезное обвинение против сына убитого.

— Зиачит, это — убийство?

— Ну, так предполагают. Я ничего не берусь утверждать, пока сам ие ознакомлюсь с делом. В нескольких словах я обрисую вам положеиие вещей, каким оио мне представляется.

Боскомская долина—это деревеиская местность вблизи Росса, в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех краях — мистер Джон Тэнер. Он составил себе капитал в Австралии и несколько лет иазад вернулся на родину. Одну из своих ферм, Хазерлей, он сдал в аренду мистеру Чарльзу Мак-Карти, тоже бывшему австралийцу. Они познакомились в колониях, и, естествеиио, переехав иа новое место, поселились как можио ближе друг к другу. Тэнер, правда, был богаче, и Мак-Карти сделался его арендатором, ио оии, по-видимому, оставались в приятельских отиошениях, потому что частенько проводили время вместе. У Мак-Карти был один

сын, юноша восемнадцати лет, а у Тэнера — единственная дочь такого же возраста, жены у обоих стариков умерли. Они, казалось, избегали знакомства со здешними семействами и вели уединенный образ жизни, хотя оба Мак-Карти интересовались спортом и часто посещали скачки по соседству. Мак-Карти держали слугу и горничную. У Тэнера было большое хозяйство и по крайней мере с полдюжины слуг. Вот и все, что мне удалось разузнать об этих семействах. Теперь о самом происшествии.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Мак-Карти вышел из своего дома в Хазерлей часа в три дня и направился к Боскомскому омуту. Так называют небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине. Утром он ездил со своим слугой в Росс и сказал ему, что очень торопится, так как в три часа у него важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы Хазерлей до Боскомского омута с четверть мили, и, когда он шел туда, его видели два человека. Во-первых, старуха, имя которой не упомянуто в газетах, и, во-вторых, Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. Оба эти свидетеля показали, что мистер Мак-Карти шел один. Лесник добавил, что вскоре после встречи с мистером Мак-Карти он увидел его сына — Джеймса Мак-Карти. Молодой человек шел с ружьем. Лесник утверждает, что мистер Мак-Карти в этот момент еще не скрылся из виду и что сын шел за отцом. Он совсем было позабыл об этой встрече, но вечером он услышал о происшедшей трагедии и все вспомнил.

Обоих Мак-Карти видели еще раз, чуть позднее. Боскомский омут окружен густым лесом, у самой воды — трава и камыш. Дочь привратника в Боскомском имении, Пэшенс Морэн, девочка лет четырнадцати, собирала в лесу цветы. Она заявила, что видела у озера мистера Мак-Карти и его сына. Ей показалось, что они крепко повздорили. Она слышала, как старший Мак-Карти кричал на сына, и видела, как последний замахнулся на своего отца, будто хотел ударить его. Она была так напугана этой ужасной сценой, что стремглав бросилась домой и рассказала матери, что в лесу у омута отец и сын Мак-Карти затеяли ссору и как бы не дошло до драки.

Не успела она кончнть, как в сторожку вбежал молодой Мак-Картн н сообщил, что он нашел в лесу своего отца мертвым, и попроснл прнвратиика ему помочь. Ои был страшно возбужден, без ружья, без шляпы; иа правой руке его н иа рукаве былн вндиы свежне пятиа крови. Прнвратинк последовал за ним, и онн подошлн к убитому, распростертому иа траве у самой воды. Череп покойного был размозжеи каким-то тяжелым, тупым оружием. Такне раны можио было ианести прнкладом ружья, принадлежавшего сыиу, которое валялось в траве в иескольких шагах от убитого. Улнкн былн настолько очевидны, что молодого человека сразу арестовали. Во вторинк дозиание вынесло предварительиое заключеиие: «преднамеренное убнйство»; в среду Джеймс Мак-Карти предстал перед мнровым судьей Росса, который иаправил дело на рассмотренне суда прнсяжных. Таковы осиовные факты, известиые следователю и полнцни.

— Невозможно себе представнть более гиусного дела,— заметнл я.— В даииом случае косвениые доказательства изобличают преступнннка.

— Косвенные доказательства обмаичивы,— задумчнво проговорнл Холмс.— Они могут совершенно ясно указывать в одиом направлении, ио в то же время уводнть в протнвоположиую от нстииы стороиу. Обстоятельства сложились иеблагоприятно для молодого человека; не нсключеиа возможность, что он и есть преступинк. Нашлнсь, одиако, люди — средн иих мисс Тэнер, дочь соседа-землевладельца,— которые верят в его невнновность. Мнсс Тэнер прнгласила Лестрейда — может быть, вы его помннте по «Этюду в багровых тоиах»? — чтобы восстановнть нстииную картнну. Лестрейд, счнтающнй дело очень трудиым, передал его мне, и вот два джентльмена среднних лет мчатся иа запад со скоростью пятьдесят мнль в час вместо того, чтобы спокойио завтракать у себя дома.

— Боюсь, что факты слишком очевндиы,— сказал я,— вряд лн вы сумеете внести в это дело существенные поправкн.

— Ничто так ие обмаичнво, как слншком очевидиые факты,— ответил Холмс, смеясь.— Кроме того, мы можем случайно наткиуться иа какие-инбудь другне столь же очевидные факты, которые не очевидны для мистера

Лестрейда. Вы хорошо меня знаете и не подумаете, что я хвастаюсь. Я или подтверждаю его предположения, или опровергаю их, причем такими приемами, которые он не только не способен применять, но даже понимать. Взять хотя бы первый пришедший в голову пример: мне совершенно ясно, что в вашей спальне окно с правой стороны, но я далеко не уверен, что мистер Лестрейд заметит такой очевидный факт.

— Но как, в самом деле...

— Милый мой друг, я знаком с вами давно. Мне известна военная аккуратность, отличающая вас. У вас обыкновение бриться каждое утро. Последние дни стоит солнечная погода. Однако ваша левая щека выбрита гораздо хуже правой, а возле уха и вовсе небрежно. Значит, эта часть лица у вас хуже освещена, чем другая. Я не могу себе представить, чтобы человек с вашими привычками удовольствовался подобными результатами, глядя в зеркало при ровном освещении. Я привожу это только как элементарный пример наблюдательности и умения делать выводы.

В этом и заключается мое «métier»[1], и вполне возможно, что оно пригодится нам в предстоящем расследовании. Имеется одна или две незначительные детали, которые выяснились во время дознания. Они заслуживают внимания.

— Что же это?

— Оказывается, молодого Мак-Карти арестовали не сразу, а несколько позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. Полицейский инспектор заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его нисколько не удивляет: он получил по заслугам. Его фраза произвела должное впечатление — исчезли последние сомнения, которые, может быть, еще имелись у следователя.

— Так он признался? — воскликнул я.

— Нет, он тут же заявил о полной своей невиновности.

— В свете всей этой дьявольской серии событий это замечание не вызывает доверия.

— Наоборот, — сказал Холмс, — это единственный проблеск среди сгустившихся туч. Он может быть неви-

---

[1] Ремесло (*франц.*).

новен, но он же не идиот, чтобы не понимать, что обстоятельства против него. Если бы он притворился удивленным или возмущенным при аресте, это показалось бы мне в высшей степени подозрительным, потому что удивление или негодование не могут быть искренни в данных обстоятельствах. Это изобличило бы его. Бесхитростное поведение в момент ареста говорит либо о его полной невиновности, либо, наоборот, о незаурядном самообладании и выдержке. Ну, а его ответ, что он получил по заслугам, это тоже вполне естественно, если вспомнить, что он стоял над телом убитого отца и, несомненно, в день смерти отца настолько забыл о своем сыновнем долге, что нагрубил ему и даже, как утверждает девочка — а ее показания очень важны,— замахнулся на него. Его ответ говорит о раскаянии и об угрызениях совести и представляется мне скорее доказательством неиспорченности, чем преступных намерений.

Я покачал головой.

— Многих вздернули на виселицу и без столь веских улик,— заметил я.

— Верно. И многие были невиновны.

— Что же говорит молодой человек?

— Ничего утешительного для его защитников, хотя есть один или два положительных пункта. Почитайте сами, вы найдете это здесь.

Он достал из папки местную газету и, открыв на нужной странице, указал на те абзацы, которые содержали показания несчастного молодого человека. Я уселся в углу купе и стал внимательно читать. Вот что там было написано:

«Затем был вызван мистер Джеймс Мак-Карти, единственный сын покойного. Он дал следующие показания:

«Я уезжал на три дня. Ездил в Бристоль и вернулся как раз утром в прошлый понедельник, третьего числа. Когда я приехал, отца не было дома, и горничная сказала, что он поехал в Росс с Джоном Коббом, конюхом. Вскоре после моего приезда я услышал, как во двор въехала его двуколка, и, выглянув из окна, увидел, что он быстро пошел куда-то. Затем я взял ружье и решил пройтись к Боскомскому омуту, чтобы осмотреть пустырь, где мы держим кроликов; пустырь расположен на

противоположном берегу озера. По пути я действительно встретил Уильяма Краудера, лесничего, как он сообщил в своих показаниях; однако он ошибается, считая, будто я догонял отца. Мне и в голову не приходило, что отец впереди меня. Когда я был приблизительно шагах в ста от омута, я вдруг услышал крик «Коу!», которым я и мой отец обычно звали друг друга. Я сразу побежал вперед и увидел его у самого омута. Он, по-видимому, очень удивился и спросил довольно резко, зачем я здесь. Слово за слово, дело дошло до сильных выражений, чуть не до драки, потому что отец был человек крайне вспыльчивый. Видя, что он не может совладать с собой, я предпочел уйти и направился к ферме Хазерлей. Но не прошел я и полтораста ярдов, как услышал душераздирающий крик и бросился назад. Там я увидел распростертого на земле отца; на голове его зияли ужасные раны, жизнь в нем едва теплилась. Ружье выпало у меня из рук, я приподнял голову отца, но почти в то же мгновение он умер. Несколько минут я стоял на коленях возле убитого, потом пошел к сторожу мистера Тэнера попросить помощи. Его дом был ближе других. Должен сказать, что я никого не видел возле отца и не могу себе представить, кто мог его убить. Его мало кто знал, потому что нрава он был замкнутого и неприветливого. Но настоящих врагов, насколько мне известно, у него не было. Больше мне ничего не известно.

Следователь. Успел ли ваш отец сказать что-нибудь перед смертью?

Свидетель. Он пробормотал несколько слов, но я мог уловить только что-то насчет «крысы».

Следователь. Что это, по-вашему, значит?

Свидетель. Не имею понятия. Наверно, он бредил.

Следователь. Что послужило поводом вашей последней ссоры с покойным?

Свидетель. Я предпочел бы не говорить об этом.

Следователь. К сожалению, я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Но я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю вас, что разговор не имел ни малейшего отношения к ужасной трагедии, которая последовала за ним.

Следователь. Это решит суд. Излишне объяснять вам, что нежелание отвечать пойдет вам во вред, когда вы предстанете перед судом.

Свидетель. И все же я не стану отвечать.

Следователь. Как я понял, крик «Коу!» был у вас с отцом своеобразным сигналом?

Свидетель. Да.

Следователь. Как же могло случиться, что он подал условный знак до того, как увидел вас, он ведь даже не знал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель *(очень смущенный)*. Не знаю.

Присяжный заседатель. Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь подозрительное, когда вы прибежали на крик отца и нашли его смертельно раненным?

Свидетель. Ничего особенного.

Следователь. Что вы хотите этим сказать?

Свидетель. Я был так взволнован и напуган, когда выбежал из лесу, что думал только об отце, больше ни о чем. Все же у меня есть смутное представление, что в тот момент что-то лежало на земле слева от меня. Мне показалось: какая-то серая одежда, может быть, плед. Когда я выпрямился и хотел рассмотреть эту вещь, ее уже не было.

— Вы полагаете, что она исчезла еще до того, как вы пошли за помощью?

— Да.

— Вы не можете сказать, что это было?

— Нет, у меня просто было ощущение, что там что-то лежит.

— Далеко от убитого?

— Шагах в десяти.

— А на каком расстоянии от опушки леса?

— Приблизительно на таком же.

— Значит, вещь, находящаяся в десяти шагах от вас, исчезла?

— Да, но я стоял спиной к ней.

На этом закончился предварительный допрос свидетеля».

— В конце допроса следователь стал совершенно беспощаден к молодому Мак-Карти,— сказал я, глядя на газету.— Он указал, и не без основания, на противоречия и непоследовательность в его показаниях: отец буд-

то бы позвал сына, но ведь он не знал о его присутствии; далее, сын отказался передать содержание разговора с отцом; затем эти странные слова умирающего. Все это, как заметил следователь, сильно вредит сыну.

Холмс потянулся на удобном диване и с улыбкой сказал:

— У вас та же болезнь, что и у следователя: вы отбрасываете все положительное, что есть в показаниях молодого человека. Неужели вы не видите, как вы непоследовательны: то считаете, что у него слишком развито воображение, то начисто лишаете его фантазии. Лишаете — если думаете, что он не мог изобрести такой причины ссоры, которая завоевала бы ему симпатии присяжных, и приписываете слишком много воображения, полагая, что он мог дойти до такого вымысла, как упоминание умирающего о крысе и исчезновение одежды. Нет, сэр, я придерживаюсь той точки зрения, что все сказанное молодым человеком — правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я почитаю Петрарку. Пока мы не прибудем на место происшествия, я не хочу говорить об этом деле. Наш второй завтрак в Суиндоне. Я думаю, мы приедем туда минут через двадцать.

Было около четырех часов дня, когда мы, миновав прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Северн, очутились наконец в милом маленьком городке Россе. Аккуратный, сдержанный, похожий на хорька человечек с хитрыми глазками ожидал нас на платформе. Хотя он надел коричневый плащ и сапоги, какие носят сельские жители, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. С ним мы доехали до гостиницы «Хирфорд Армз», где нам были оставлены комнаты.

— Я заказал экипаж,— сказал Лестрейд за чашкой чая.— Мне известна ваша деятельная натура. Ведь вы до тех пор не успокоитесь, пока не попадете на место преступления.

— Очень мило с вашей стороны,— ответил Холмс.— Но теперь все зависит от показаний барометра.

Лестрейд чрезвычайно удивился.

— Я не совсем понимаю,— сказал он.

— Каковы показания барометра? Двадцать девять, насколько я вижу. Ветра нет, на небе ни облачка. Мож-

но и покурить. К тому же здесь приличный диван, не в пример другим деревенским гостиницам. Я думаю, что сегодня вечером мне не понадобится этот экипаж.

Лестрейд снисходительно засмеялся.

— Вы, конечно, уже пришли к какому-то заключению, прочитав газетные отчеты,— сказал он.— Дело это ясное, как день, и чем глубже вникаешь в него, тем яснее оно становится. Но, конечно, нельзя отказать в просьбе женщине, да еще такой, как эта. Она слышала о вас и захотела, чтобы вы взяли это дело, хотя я неоднократно говорил ей, что существенных изменений это не даст. Господи! У дверей ее экипаж!

Едва он сказал это, как в комнату вбежала прелестнейшая молодая женщина. В жизни не видел подобной красавицы. Синие глаза сверкали, губы были слегка приоткрыты, нежный румянец заливал щеки. Сильное волнение заставило ее забыть о своей обычной сдержанности.

— О мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она, с безошибочной женской интуицией останавливая взгляд на моем друге.— Как я рада, что вы здесь! Я должна вам что-то сказать. Я уверена, что Джеймс невиновен. Я это знаю, и мне хочется, чтобы вы тоже это знали. В нем можете не сомневаться. Мы с ним дружим с раннего детства, я лучше всех знаю все его недостатки, но он так мягкосердечен, что не обидит и мухи. Всем, кто действительно знает его, обвинение представляется совершенно нелепым.

— Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тэнер,— сказал Шерлок Холмс.— Поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

— Но вы читали отчеты, у вас есть определенное мнение? У вас есть какая-нибудь надежда? Уверены ли вы сами, что он невиновен?

— Я допускаю это.

— Вот видите! — воскликнула она, гордо поднимая голову и вызывающе глядя на Лестрейда.— Вы слышали? Теперь у меня есть надежда.

Лестрейд пожал плечами.

— Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих выводах,— сказал он.

— Мистер Холмс прав, я уверена, что он прав! Джеймс не способен на преступление. Что касается его

ссоры с отцом — я знаю: он потому ничего не сказал следователю, что в этом замешана я.

— Каким образом? — спросил Холмс.

— Сейчас не время что-нибудь скрывать. У Джеймса были большие неприятности с отцом из-за меня. Мистер Мак-Карти очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, как брат и сестра, но он еще молод, не знает жизни и... и... Ну, словом, он, естественно, и думать не хотел о женитьбе. На этой почве и возникали ссоры, я уверена, и последняя ссора была по этой же причине.

— А ваш отец? — спросил Холмс.— Хотел ли он вашего союза?

— Нет, он был против. Кроме отца Джеймса, этого не хотел никто.— Сплошной румянец залил ее свежее личико, когда Холмс бросил на нее свой острый, испытующий взгляд.

— Благодарю вас за эти сведения,— сказал он.— Смогу ли я увидеться с вашим отцом, если зайду завтра?

— Боюсь, доктор не позволит.

— Доктор?

— Да, доктор... Разве вы не знаете? Последние годы бедный папа сильно прихварывал, а это несчастье совсем сломило его. Он слег, и доктор Уиллоуз говорит, что у него сильное нервное потрясение. Мистер Мак-Карти был единственным человеком, кто знал папу в далекие времена в Виктории.

— Хм, в Виктории? Это очень важно.

— Да, на приисках.

— На золотых приисках, где, как я понимаю, мистер Тэнер и составил свой капитал?

— Ну конечно.

— Благодарю вас, мисс Тэнер. Вы очень помогли мне.

— Дайте мне знать, пожалуйста, если завтра у вас будут какие-нибудь новости. Вы, наверное, навестите Джеймса в тюрьме. О мистер Холмс, если вы увидите его, скажите ему, что я убеждена в его невиновности.

— Непременно скажу, мисс Тэнер.

— Я спешу домой, потому что папа серьезно болен. Он так без меня скучает. Прощайте, и да поможет вам бог!

Она вышла из комнаты так же поспешно, как и вошла, и мы услышали стук колес отъезжающего экипажа.

— Мне стыдно за вас, Холмс,— с достоинством сказал Лестрейд после минутного молчания.— Зачем вы подаете надежды, которым не суждено сбыться? Я не страдаю излишней чувствительностью, но считаю, что вы поступили жестоко.

— Кажется, я вижу путь к спасению Джеймса Мак-Карти,— сказал Холмс.— У вас есть разрешение на посещение тюрьмы?

— Да, но только для нас двоих.

— В таком случае я изменяю свое решение не выходить из дому. Мы поспеем в Хирфорд, чтобы увидеть заключенного сегодня вечером?

— Вполне.

— Тогда поедем. Уотсон, боюсь, вам будет скучно, но часа через два я вернусь.

Я проводил их до станции, прошелся по улицам городка, потом вернулся в гостиницу, прилег на кушетку и начал читать бульварный роман. Однако сюжет был удивительно плоским по сравнению с ужасной трагедией, открывающейся перед нами. Я заметил, что мысли мои все время возвращаются к действительности, поэтому я отшвырнул книжку и погрузился в размышления о событиях прошедшего дня. Если предположить, что показания этого несчастного молодого человека абсолютно правдивы, то что же за дьявольщина, что за непредвиденное и невероятное бедствие могло произойти в то время, когда он оставил отца? Это было нечто ужасное, кошмарное. Что же это такое? Может быть, мне, как врачу, кое-что станет яснее, если познакомиться с характером повреждений. Я позвонил и попросил принести последние номера местной газеты, содержащей материалы следствия.

В заключении хирурга говорилось, что задняя треть теменной кости и левая половина затылочной размозжены сильным ударом, нанесенным тупым оружием. Я нащупал это место на своей собственной голове. Несомненно, такой удар можно нанести только сзади. Это обстоятельство в какой-то степени снимало подозрения с обвиняемого, так как видели, что во время ссоры он стоял лицом к лицу с покойным. Правда, этому нельзя при-

давать чересчур большого значения, потому что мистер Мак-Картн мог отвернуться, перед тем как его ударили. И все-таки нужно сообщить Холмсу и об этом. Далее, очень странным представлялось мне упоминание о крысе. Что оно могло значить? Вряд ли это бред. Человек, умирающий от внезапного удара, не бредит. Нет, вероятно, он пытался объяснить, как он встретил свою смерть. Что же он хотел сказать? Я долго пытался найти какое-нибудь подходящее объяснение. И потом — что произошло с этой серой одеждой, которую заметил молодой Мак-Картн. Если это правда, значит, убийца потерял одежду, когда убегал — наверно, пальто,— и у него хватило наглости вернуться и взять его за спиной у сына, в десяти шагах от него, когда тот опустился на колени возле убитого. Какое сплетение таинственного и невероятного в этом происшествии! Меня мало интересовало мнение Лестрейда, но в дальновидность Холмса я верил, и до тех пор, пока каждая новая деталь укрепляла его уверенность в невиновности молодого Мак-Картн, я не терял надежды.

Было совсем поздно, когда вернулся Холмс. Он приехал один, так как Лестрейд остановился в городе.

— Барометр все еще не падает,— заметил он, садясь.— Только бы не было дождя, пока мы доберемся до места происшествия! Ведь человек должен вложить в такое интересное дело все силы ума и сердца. По правде сказать, я не хотел сегодня приниматься за работу — слишком утомлен длинной дорогой. Знаете, я виделся с молодым Мак-Картн.

— Что же вы от него узнали?

— Ничего.

— Ничего не прояснилось?

— Ничуть. Я был склонен думать, что ему известно имя преступника и он скрывает, кто это. Но теперь я убежден: для него это такая же загадка, как и для всех остальных. Молодой Мак-Картн не особенно умен, но очень обаятелен, кажется, это человек неиспорченный.

— У него нет вкуса,— сказал я,— если он действительно не хотел жениться на такой очаровательной молодой девушке, как мисс Тэнер.

— За этим кроется пренеприятная история! Он страстно, безумно любит ее. Но как вы думаете, что он сделал

года два назад, когда она училась в пансионе, а сам он был подростком? Этот болван попался в лапы одной бристольской буфетчицы и зарегистрировал свой брак с нею. Это осталось в тайне, но можете себе представить, каково ему было слушать упреки, что он не женится на девушке, которую любит больше всех на свете! Поэтому он в отчаянии простер руки к небу в ответ на требование отца сделать предложение мисс Тэнер. С другой стороны, у него не было средств к существованию, отец, как все утверждают, человек крутого нрава, выгнал бы его из дому, если бы узнал правду. Последние три дня в Бристоле юноша провел у своей жены-буфетчицы, а его отец не знал, где он был. Запомните это обстоятельство, оно очень важно. Однако не было бы счастья, да несчастье помогло. Буфетчица, узнав из газет, что ее мужа обвиняют в тяжелом преступлении и ему, вероятно, грозит виселица, сразу же порвала с Джеймсом и написала ему письмо, что на самом деле их ничто не связывает, потому что у нее уже есть другой муж, который живет в Бермуд-Док-Ярд. Я думаю, это известие искупило все страдания молодого Мак-Карти.

— Но если он невиновен, кто же тогда убийца?

— В самом деле, кто? Я бы обратил ваше внимание на следующие два обстоятельства. Первое: покойный должен был с кем-то встретиться у омута, и этот человек не мог быть его сыном, потому что Джеймс Мак-Карти находился в отъезде и не было известно, когда он вернется. Второе: отец позвал «Коу!», не зная о возвращении сына. Это основные пункты, которые легли в основу следствия. А теперь давайте лучше поговорим о творчестве Джорджа Мередита, если вам угодно, и оставим все второстепенные дела до завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождя не было; утро выдалось яркое и безоблачное. В девять часов за нами в экипаже приехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хазерлей и к Боскомскому омуту.

— Серьезные известия,— сказал Лестрейд,— говорят, что мистер Тэнер так плох, что долго не протянет.

— Вероятно, он очень стар? — спросил Холмс.

— Около шестидесяти, но он потерял в колониях здоровье и уже очень давно серьезно болен. Большую роль сыграло это дело. Он был старым другом Мак-Карти и,

добавлю, его истинным благодетелем. Мне стало известно, он даже не брал с него арендной платы за ферму Хазерлей.

— Вот как? Это очень интересно! — воскликнул Холмс.

— Да. И вообще помогал ему. Здесь все говорят, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

— Да что вы! А вам не показалось несколько необычным, что этот Мак-Карти, человек очень небогатый и многим обязанный мистеру Тэнеру, все же поговаривал о женитьбе своего сына на дочери соседа, наследнице большого состояния? Да еще таким уверенным тоном, будто стоило только сделать предложение — и все будет в порядке! Это чрезвычайно странно. Вам ведь известно, что Тэнер и слышать не хотел о женитьбе, его дочь сама рассказывала об этом. Какие выводы методом дедукции могли бы вы сделать из всего сказанного?

— Слыхали мы и о дедукции и о логических выводах,— сказал Лестрейд, подмигивая мне.— Знаете ли, Холмс, и без того трудно оперировать фактами, даже не прибегая к теориям и фантазиям.

— Что правда, то правда,— сдержанно ответил Холмс.— Вам плохо даются факты.

— Как бы то ни было, я установил один факт, на который вы не обратили внимания,— раздраженно возразил Лестрейд.

— То есть...

— Что Мак-Карти-старший принял смерть от Мак-Карти-младшего и что все теории, отрицающие этот факт, изменчивы, как молодая луна.

— Ну, луна все-таки может пролить свет на это дело: она ярче тумана,— ответил Холмс.— Если я не ошибаюсь, слева от нас ферма Хазерлей.

— Она самая.

Это был широко раскинувшийся, хорошо расположенный двухэтажный, крытый шифером дом с пятнами лишайника на сером фасаде. Однако опущенные шторы на окнах и трубы, из которых не шел дым, придавали дому унылый вид, словно на всем лежал ужас пережитого.

Мы позвонили у двери. Вышла горничная и по просьбе Холмса показала нам ботинки, в которых был ее хозя-

ни, когда его убили, и обувь сына, хотя и не ту, которую он надевал в тот день. Холмс тщательно вымерил подметки вдоль и поперек, затем попросил провести нас во двор, откуда мы пошли по извилистой тропинке к Боскомскому омуту.

Шерлок Холмс весь преображался, когда подходил к месту преступления. Люди, знающие бесстрастного мыслителя и логика с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его сейчас. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем. Брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри раздувались, как у человека, охваченного охотничьим азартом. Все его мысли были настолько сконцентрированы на деле, которым он занимался, что к нему лучше было не обращаться: он или совсем ничего не отвечал, или нетерпеливо перебивал говорящего.

Безмолвно и быстро шел он по тропинке, пролегавшей через лес и луга к Боскомскому омуту. Это безлюдное, болотистое место, как и вся долина. На едва заметной тропинке и вдоль нее, где растет низкая трава, было видно множество следов. Холмс то ускорял шаги, то останавливался, как вкопанный, а один раз круто повернул и сделал по лужайке несколько шагов назад. Лестрейд и я следовали за ним, сыщик — с видом безразличным и пренебрежительным, тогда как я наблюдал за моим другом с большим интересом, потому что был убежден, что все его действия тщательно обдуманы.

Боскомский омут — небольшое, шириной ярдов в пятьдесят озеро, окруженное зарослями камыша и расположенное на границе фермы Хазерлей и парка мистера Тэнера. Над лесом, подступающим к дальнему берегу, видны красные шпили на крыше дома богатого землевладельца.

Со стороны Хазерлей лес очень густой; только узкая полоска влажной травы шагов в двадцать шириной отделяет последние деревья от камышей, окаймляющих озеро. Лестрейд точно указал, где нашли тело; земля действительно была такая сырая, что я мог ясно увидеть место, где упал убитый. По энергичному лицу и напряженному взгляду Холмса я понял, что он многое увидел на

примятой траве. Он метался, как гончая, напавшая на след, а потом обратился к нашему спутнику.

— Зачем вы забрались в пруд? — спросил он.

— Шарил в нем граблями. Думал, нет ли там оружия или других улик. Но как вам удалось...

— Право же, у меня нет времени! При ходьбе вы выворачиваете левую ногу, и следы этой ноги видны везде. Вас даже крот выследит. А тут, в камышах, следы исчезают. О, как было бы просто, если бы я оказался здесь до того, как это стадо буйволов все вытоптало! Те, кто пришел из сторожки, уничтожили все следы вокруг убитого на шесть или семь футов. Но один человек прошел три раза.

Он достал лупу и наклонился к самой земле, чтобы было лучше видно. Он говорил, ни к кому не обращаясь:

— Вот следы молодого Мак-Карти. Он проходил здесь дважды и один раз быстро бежал. Так что следы каблуков почти не видны, а носки отпечатались четко. Это подтверждает его показания. Он побежал, когда увидел отца на земле. Далее, вот следы отца,— он ходил взад и вперед. А тут что? След от приклада: сын опирался на ружье, когда стоял и слушал отца. А это? Ха-ха, что такое? Кто-то крался на цыпочках! А ботинки — квадратные, совершенно необычные. Он пришел, ушел и снова вернулся,— теперь, конечно, за своим пальто. Но откуда он пришел?

Холмс метался, то теряя след, то вновь натыкаясь на него, пока мы не очутились у самого леса, в тени большой, старой березы, самого высокого дерева в округе. Холмс нашел квадратные следы за этим деревом и снова припал к земле. Раздался радостный возглас. Холмс долго изучал их, переворачивал опавшие листья и сухие сучья, затем собрал в конверт какую-то пыль и осмотрел сквозь лупу землю, а также и кору дерева на высоте человеческого роста. На мху лежал камень с неровными краями, он поднял и осмотрел его. Затем он пошел по тропинке до самой дороги, где уже не было никаких следов.

— Этот камень представляет большой интерес,— заметил он, возвращаясь к своему обычному тону.— Серый дом справа — должно быть, сторожка... Я зайду к Морану, чтобы сказать ему два слова и написать коротенькую

записку. Мы еще успеем добраться до гостиницы к завтраку. Вы идите к экипажу, я присоединюсь к вам.

Не прошло и десяти минут, как мы уже были в экипаже и ехали к Россу. В руках Холмс все еще держал камень, который он поднял в лесу.

— Это может заинтересовать вас, Лестрейд,— сказал он, протягивая ему камень.— Вот чем совершено убийство.

— Я не вижу тут никаких следов.

— Их нет.

— Тогда как же вы это узнали?

— Под ним росла трава. Он лежал там всего лишь несколько дней. Откуда он взят, не видно. Это вещественное доказательство. Никаких других нет.

— А убийца?

— Высокий человек, левша, хромает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще несколько примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках.

Лестрейд засмеялся.

— К сожалению, я по-прежнему отношусь к этому скептически,— сказал он.— Ваши теории очень хороши, но нам предстоит иметь дело с твердолобыми британскими присяжными.

— Nous verrons [1],— ответил спокойно Холмс.— У вас одни методы, у меня другие. Днем у меня здесь еще есть дела, но, вероятно, с вечерним поездом я вернусь в Лондон.

— И оставите ваше дело незаконченным?

— Нет, законченным.

— А тайна?

— Она разгадана.

— Кто же преступник?

— Джентльмен, которого я описал.

— Но кто он?

— Это очень легко узнать. Здесь не так уж много жителей.

— Я человек действия,— пожал плечами Лестрейд,—

[1] Посмотрим (*франц.*).

и никак не могу заниматься поисками джентльмена, о котором известно только, что он хромоногий левша. Меня поднимут на смех в Скотленд-Ярде.

— Как угодно,— спокойно ответил Холмс.— Я предоставил вам шанс разгадать эту тайну. Вот мы и приехали. Прощайте. Перед отъездом я вам напишу.

Оставив Лестрейда в его комнатах, мы направились к отелю, где нас ждал завтрак.

Холмс молчал, погруженный в свои мысли. Лицо его было мрачно, это было лицо человека, попавшего в затруднительное положение.

— Послушайте меня, Уотсон,—сказал он, когда убрали со стола.— Садитесь в это кресло, и я изложу вам то немногое, что мне известно. Я не знаю, что делать. Мне нужен ваш совет. Закуривайте, я сейчас начну.

— Пожалуйста.

— Так вот, вас поразили два пункта в рассказе молодого Мак-Карти; меня они настроили в его пользу, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец закричал «Коу!», не видя его. Во-вторых, что умирающий помянул крысу. Он пробормотал несколько слов, но сын уловил лишь одно. Наше расследование должно начаться с этих двух пунктов. Предположим, что все сказанное юношей — абсолютная правда.

— А что такое «коу»?

— Очевидно, он звал кого-то другого. Он считал, что сын в Бристоле. Сын совершенно случайно услышал этот зов. Криком «Коу!» он звал того, кто назначил ему свидание. Но «коу» — австралийское слово, оно в ходу только между австралийцами. Это доказывает, что человек, с которым Мак-Карти должен был встретиться у Боскомского омута, был австралийцем.

— Ну, а крыса?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенный лист бумаги, расправил его на столе.

— Это карта штата Виктория, в Австралии,— сказал он.— Я телеграфировал прошлой ночью в Бристоль, чтобы мне ее прислали.— Он прикрыл ладонью часть карты.— Прочтите-ка,— попросил он.

— Рэт [1],— прочитал я.— Крыса?

---

[1] Рэт — крыса (*англ.*).

— А теперь? — Он поднял руку.

— Балларэт.

— Совершенно верио. Это и произнес умирающий, но сын уловил только последиий слог. Ои пытался рассказать об убийце. Такой-то из Балларэта.

— Это удивительио! — воскликнул я.

— Это очевидно. Как видите, круг сужается. Серая одежда преступника была третьим пуиктом в показаниях сына, иуждающимся в проверке. Если он подтверждается, исчезает полиая неизвестность и появляется некий австралиец из Балларэта в сером пальто.

— Да.

— К тому же ои местный житель, потому что возле омута, кроме фермы и усадьбы, иичего иет, и посторонний вряд ли забредет сюда.

— Я тоже так думаю.

— Теперь о иашей сегодияшией экспедиции. Исследуя почву, я обнаружил иезначительные улики, о которых и рассказал этому тупоумному Лестрейду. Они имели прямое отношение к преступнику.

— Но как вы их обнаружили?

— Вы знаете мой метод. Он основан иа наблюдении мелочей.

— О росте убийцы вы, разумеется, могли приблизительио судить по длине шага. О его обуви также можно было догадаться по следам.

— Да, это была необычная обувь.

— А то, что он хромой?

— Следы правого ботинка не так отчетливы, как следы левого. Значит, он легче ступал на правую ногу. Почему? Потому что ои прихрамывал,— ои хромой.

— А то, что он левша?

— Вы сами были поражены описанием раны, сделанным хирургом. Удар был внезапно нанесеи сзади, но с левой стороны. Ну кто же это мог сделать, как не левша? Во время разговора отца с сыном он стоял за деревом. Он даже курил там. Я нашел пепел и, поскольку мие известны различные сорта табака, установил, что он курил индийскую сигару. Я немного занимался этим вопросом и иаписал небольшую моиографию о пепле ста сорока различных сортов трубочного, сигарного и папиросиого табака. Обнаружив пепел сигары, я оглядел все вокруг и

«Тайна Боскомской долины»

«Пять апельсиновых зернышек»

нашел место, куда он ее бросил. То была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

— А мундштук?

— Он не брал ее в рот. Следовательно, он курит с мундштуком. Кончик сигары был обрезан, а не откушен, но срез неровный, поэтому я и решил, что нож у него тупой.

— Холмс,— сказал я,— вы опутали преступника сетью, из которой он не сможет вырваться, и вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, вы просто сняли петлю с его шеи. Следы идут в одном направлении. Имя убийцы...

— Мистер Джон Тэнер,— доложил портье, открывая дверь в нашу гостиную и впуская посетителя.

У вошедшего была странная, совершенно необычная фигура. Медленная, прихрамывающая походка и опущенные плечи очень его старили, а его жесткое, резко очерченное, грубое лицо и огромные конечности говорили о том, что он наделен необыкновенной физической силой и решительным характером. Его густая борода, седеющие волосы и мохнатые, нависшие над глазами брови придавали ему гордый и властный вид. Но лицо его было пепельно-серым, а губы и ноздри имели синеватый оттенок. Я с первого взгляда понял, что он страдает какой-то неизлечимой, хронической болезнью.

— Присядьте, пожалуйста, на диван,— спокойно предложил Холмс.— Вы получили мою записку?

— Да, ее принес сторож. Вы пишете, что хотите видеть меня, дабы избежать скандала.

— Если я выступлю в суде, будет много разговоров.

— Зачем я вам понадобился?

Тэнер посмотрел на моего приятеля. В усталых глазах его было столько отчаяния, будто он уже получил ответ на свой вопрос.

— Да,— промолвил Холмс, отвечая более на взгляд его, чем на слова.— Это так. Мне все известно о Мак-Карти.

Старик закрыл лицо руками.

— Помоги мне, господи! — воскликнул он.— Я не допустил бы гибели молодого человека! Даю вам слово, что я открыл бы всю правду, если бы дело дошло до заседания суда присяжных...

— Рад это слышать,— сурово сказал Холмс.

— Я бы уже давно все открыл, если бы не моя дорогая девочка. Это разбило бы ее сердце, оиа ие пережила бы моего ареста.

— Можио и ие доводить дело до ареста,— ответил Холмс.

— Каким образом?

— Я лицо иеофициальиое. Поскольку меия пригласила ваша дочь; я действую в ее иитересах. Вы сами поимаете, что молодой Мак-Карти должеи быть освобождеи.

— Я скоро умру,— сказал старый Тэиер.— Я уже миого лет страдаю диабетом. Мой доктор сомиевается, протяиу ли я месяц. И все же мие легче будет умереть под собствеииой крышей, чем в тюрьме.

Холмс встал, подошел к письмеииому столу, взял перо и бумагу.

— Рассказывайте все как было,— предложил ои,— а я вкратце запишу. Вы это подпишете, а Уотсои засвидетельствует. Я представлю ваше призиаиие только в случае крайией иеобходимости, если иужио будет спасти Мак-Карти. В противиом случае обещаю вам не прибегать к этому средству.

— Хорошо,— ответил старик.— Это еще вопрос, доживу ли я до суда, так что это ие имеет для меия особого зиачеиия. Мие хочется избавить Алису от удара. А теперь я все вам расскажу... Тяиулось это долго, ио рассказать я могу очеиь быстро.

Вы ие зиали покойиого Мак-Карти. Это был сущий дьявол, уверяю вас. Упаси вас бог от такого человека! Я был в его тисках последиие двадцать лет, ои совершеиио отравил мне жизнь. Сиачала расскажу, как я очутился в его власти. Это произошло в иачале шестидесятых годов иа золотых приисках, в Австралии. Я тогда был совсем молодым человеком, безрассудиым и горячим, готовым иа любое дело. У меия были сквериые друзья, оии научили меия пить. На моем участке ие оказалось ии крупиики золота, я стал бродяжиичать и сделался, как у иас говорится, рыцарем с большой дороги. Нас было шестеро, мы вели дикую, привольиую жизнь, совершали время от времеии иалеты иа фермы, остаиавливали фургоиы иа дорогах и приисках. Меия иазывали Чериым

Джеком из Балларэта. Моих ребят до сих пор помнят в колонии как банду Балларэта.

Однажды из Балларэта в Мельбурн под охраной отправили золото. Мы устроили засаду. Солдат было шестеро, нас тоже было шесть человек, так что бой был жестокий. Первым залпом мы убили четверых. Но когда мы взяли добычу, нас осталось только трое. Я приставил дуло пистолета к голове кучера — это и был Мак-Карти. Господи, лучше бы мне прикончить его тогда! Но я пощадил его, хотя и видел, как он смотрит на меня своими маленькими злыми глазками, будто хочет запомнить каждую черточку на моем лице. Мы завладели золотом, стали богатыми людьми и благополучно перебрались в Англию. Здесь я навсегда расстался со своими бывшими приятелями и начал обеспеченную жизнь порядочного человека. Я купил это имение, которое как раз продавалось в то время, и старался принести хотя бы небольшую пользу своими деньгами, чтобы как-то искупить преступление. Я женился, и хотя жена моя умерла молодой, она оставила мне милую маленькую Алису. Даже когда Алиса была совсем крошкой, ее ручонки удерживали меня на праведном пути, как ничто в мире. Словом, я начал жизнь заново и старался совершенно забыть о прошлом. Все шло хорошо, пока я не попался в руки Мак-Карти.

Как-то я поехал в город по денежным делам и на Риджент-стрит встретил Мак-Карти. Одет он был в лохмотья.

«Вот мы и встретились, Джек,— сказал он, взяв меня за руку.— Давай уладим дело по-семейному. Я не один: у меня есть сынишка, и ты должен о нас позаботиться. В противном случае ты же знаешь: Англия — прекрасная страна, где чтут законы. А полисмены всегда под рукой, стоит только крикнуть».

Ну, так они и поселились здесь, на западе, и я не мог от них отделаться; с тех пор они бесплатно жили на лучшем участке моей земли. Я не знал ни покоя, ни отдыха, ни забвения. Куда, бывало, ни пойду, везде натыкаюсь на его хитрую, ухмыляющуюся физиономию. Когда Алиса подросла, стало еще хуже, так как он заметил, что от нее я скрываю свое прошлое больше, чем от полиции. Что бы он ни захотел, он получал по первому требо-

ванию, будь то земля, постройки или деньги, пока он не потребовал невозможного. Он потребовал Алису.

Сын его, видите ли, подрос, моя дочь тоже, и, так как о моей болезни всем было известно, он решил, что его сын может завладеть всем моим состоянием. Но на этот раз я был тверд. Я и мысли не мог допустить, что его проклятый род соединится с моим. Нельзя сказать, чтобы мне не нравился его сын, но в жилах юноши текла кровь отца, этого было достаточно. Я стоял на своем. Мак-Карти стал угрожать, я совершенно вывел его из себя. Мы должны были встретиться у омута, на полпути между нашими домами, чтобы все обсудить.

Когда я пришел на условленное место, я увидел, что он толкует о чем-то со своим сыном. Я закурил сигару и ждал за деревом, пока он останется один. Но, по мере того как до меня доходил смысл его слов, во мне закипала горечь и злоба. Он принуждал сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке. Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что я и все, что мне дорого, находится во власти такого человека. Не лучше ли разбить эти оковы? Я безнадежно больной, умирающий человек. Хотя рассудок мой ясен и силы не покинули меня, я понимал, что моя жизнь кончена. Но мое имя и моя дочь! И то и другое будет в безопасности, достаточно заставить молчать этот подлый язык. И я его убил, мистер Холмс. Я бы убил его снова. Это тяжкий грех, но разве жизнь, полная страданий, не искупает вины? Я все терпел, но мысль, что моя дочь попадет в ту же западню, что и я, была невыносима. Я убил его без угрызения совести, раздавил, как отвратительную, ядовитую тварь. На крик прибежал его сын, но я успел спрятаться в лесу, хотя мне пришлось вернуться за пальто, которое я обронил. Это чистая правда, джентльмены, все случилось именно так.

— Что же, не мне судить вас,— промолвил Холмс, когда старик подписал свои показания.— Не дай бог еще раз пережить подобное испытание.

— Нет, нет, сэр. Но что вы хотите предпринять?

— Принимая во внимание ваше здоровье, ничего. Вы сами знаете, что скоро предстанете перед судом, который выше земного суда. Я сохраню ваше признание и вос-

пользуюсь им только в том случае, если Мак-Карти будет осужден. Если он будет оправдан, ни один смертный не узнает о вашей тайне, будете вы живы или нет.

— Тогда прощайте,— торжественно сказал старик.— И, когда настанет ваш смертный час, пусть вам будет легче при мысли о том, какое успокоение вы внесли в мою душу.

Шатаясь и дрожа всем своим гигантским телом, он медленно вышел из комнаты, прихрамывая на правую ногу.

— Да поможет нам бог! — после долгой паузы проговорил Холмс.— Зачем судьба играет нами, жалкими, беспомощными созданиями? Когда мне приходится слышать что-нибудь подобное, я всегда вспоминаю слова Бейкстера и говорю: «Вот идет Шерлок Холмс, хранимый милосердием господа бога».

Суд присяжных оправдал Джеймса Мак-Карти благодаря многочисленным доказательствам, которые были представлены Холмсом. Старый Тэнер прожил месяцев семь после нашего свидания, сейчас его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что Джеймс и Алиса будут счастливы друг с другом, не зная о черных тучах, которые омрачали их прошлое.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

Когда я просматриваю свои заметки о Шерлоке Холмсе за период с 1882 по 1890 год, я нахожу так много интересных и необычных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Правда, некоторые из них уже были описаны в печати, а другие не дали Холмсу возможности выказать те удивительные способности, которыми он обладал в столь высокой степени и которые я поставил себе целью охарактеризовать в настоящих записках. Кое-какие из этих дел не поддавались даже его анализу и в пересказе явили бы собою повести без развязки, тогда как иные были распутаны лишь частично и объяснение их основывалось скорее на предположениях и догадках, нежели на излюбленных им строго логических доказательствах. В числе этих последних имеется, однако, случай, детали которого столь любопытны, а результаты столь неожиданны, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые никогда не были и, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

Под 1887 годом значится длинный список более или менее интересных дел. Все они записаны мною. Вот некоторые из них: «Пэредол Чэмбер», Общество Нищих-Любителей, имевших роскошный клуб в подвальном помещении большого мебельного магазина; факты, связанные с гибелью британского парусника «Софи Эндерсон», удивительные приключения Грайса Петерсонса на острове Юффа и, наконец, Камберуэллское дело об отравлении. В последнем случае Шерлок Холмс, заводя часы покой-

ника, убедился, что часы были заведены всего за два часа перед этим. Отсюда он заключил, что умерший лег спать приблизительно в это самое время,— вывод, имевший огромное значение для раскрытия преступления. Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Стоял конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь так громко барабанил в окна, что даже здесь, в самом сердце Лондона, этого огромного творения рук человеческих, мы невольно отвлекались на миг от привычной повседневности и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии, которые, подобно запертым в клетку диким зверям, рычат на смертных, укрывшихся за решетками цивилизации. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс мрачно сидел у камина и приводил в порядок свою картотеку, а я, расположившись напротив, так углубился в чтение превосходных морских рассказов Кларка Рассела, что мне стало казаться, будто этот шторм застиг меня в океане, а шум дождя — не что иное, как рокот морских волн. Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

— Послушайте, кажется, звонят,— сказал я, взглянув на Холмса.— Кто может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

— Кроме вас, друзей у меня нет,— ответил Холмс.— А в гости ко мне никто не ходит.

— Может быть, клиент?

— Если так, дело должно быть очень серьезное. Что может заставить человека выйти на улицу в такую погоду и в такой поздний час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что в прихожей послышались шаги и кто-то постучал в нашу дверь. Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы свет падал на пустое кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого ручьем текла вода, и блестящий от сырости длинный непромокаемый плащ свидетельствовали о непогоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза распухли, как у человека, подавленного тяжким горем.

— Я должен перед вами извиниться,— произнес он, поднося к глазам золотое пенсне.— Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым. Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

— Дайте мне ваш плащ и ваш зонт,— сказал Холмс.— Я повешу их здесь, на крючок, и они быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

— Да, из Хоршема.

— Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для тех мест.

— Я пришел к вам за советом.

— Советовать просто.

— И за помощью.

— А вот это не всегда так просто.

— Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его во время скандала в клубе Тэнкервилл.

— А-а, помню. Его ложно обвинили в шулерстве.

— Он сказал, что вы можете раскрыть любую тайну.

— Ну, он преувеличивает.

— По его словам, вы никогда не знали неудач.

— У меня было четыре неудачи. Три раза меня перехитрили мужчины и один раз женщина.

— Но это ничто по сравнению с числом ваших побед.

— Да, обычно я добивался успеха.

— В таком случае надеюсь,что вы добьетесь успеха и в моем деле.

— Прошу вас придвинуть кресло ближе к камину и рассказать подробности дела.

— Дело это необыкновенное.

— Других у меня и не бывает. Я — последняя инстанция.

— И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам когда-либо приходилось слышать о таких непостижимых и таинст-

венных событиях, как те, которые произошли в моей семье.

— Вы меня чрезвычайно заинтересовали,— сказал Холмс.— Пожалуйста, изложите нам по порядку основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее важными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

— Меня зовут Джон Опеншо,— сказал он.— Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это дело перешло ко мне по наследству, и поэтому, чтобы дать вам представление о нем, я должен вернуться к самому началу всей истории.

У моего деда было два сына: мой дядя Элайес и мой отец Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри, которую он расширил, когда появились велосипеды. У него был патент на нервущиеся шины «Опеншо», и дело шло так успешно, что он смог продать свою фабрику и удалиться на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элайес в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, говорят, дела его шли блестяще. Во время войны он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и дослужился до чина полковника. Когда Ли сложил оружие, мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и приобрел небольшое поместье в Сассексе, близ Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил значительное состояние и покинул Америку, потому что ненавидел негров и был недоволен политикой республиканской партии, предоставившей им избирательное право. Дядя был странный человек: он был жесток, вспыльчив, в гневе изрыгал страшные ругательства и был очень нелюдим. Сомневаюсь, чтобы за все годы, прожитые близ Хоршема, он хоть раз побывал в городе. Дом его стоял в саду, среди лугов, и там он совершал прогулки, хотя часто неделями не выходил из своей комнаты. Он много пил и курил, избегал всякого общества, в том числе даже родного брата. Ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы встретились, когда мне было лет двенадцать. Это произошло в 1878 году, через восемь или де-

вять лет после его приезда в Англию. Он упросил моего отца отпустить меня жить к нему и был ко мне по-своему очень добр. Когда он бывал трезв, он любил играть со мной в триктрак и в шашки. Он поручил мне присматривать за прислугой и вести все дела с торговцами, так что в шестнадцать лет я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, и я мог ходить куда угодно и делать все, что мне вздумается, при одном условии: не нарушать уединения дяди. Впрочем, было еще одно странное правило: дядя никому не разрешал заходить в запертый чулан на чердаке. Из мальчишеского любопытства я подглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды — это было в марте 1883 года — на столе возле прибора дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что за покупки он всегда платил наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии,— сказал он, взяв письмо.— Почтовый штемпель Пондишери! Что бы это могло быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт, и из него высыпались на тарелку пять сухих зернышек апельсина. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа у него отвисла, глаза вылезли из орбит, лицо посерело; он смотрел на конверт, который все еще держал в дрожащей руке.

«Три «К»! — воскликнул он, а затем: — Боже мой, боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» — спросил я.

«Смерть»,— сказал он, встал из-за стола и ушел к себе, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней стороне клапана, возле полосы клея, красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядя так испугался?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавленный ключ, должно быть, от чердака, а в другой — небольшая медная шкатулка.

«Пусть они делают, что хотят, я им еще покажу! — проговорил он, сопровождая свои слова проклятием.—

вели Мэри затопить камин в моей комнате и пошли в Хоршем за адвокатом Фордхэмом».

Я выполнил его приказания, и, когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а в камине лежала куча черного пушистого пепла, по-видимому, от сожженных бумаг. Рядом с камином стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки три буквы «К» — точно такие же, как на конверте.

«Я хочу, Джон, чтобы ты был свидетелем при составлении завещания,— сказал дядя.— Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь спокойно владеть им, отлично! Если же ты убедишься, что это невозможно, то послушайся моего совета, мой мальчик, и передай поместье своему злейшему врагу. Мне очень жаль, что приходится оставлять тебе такое сомнительное наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь добр, подпиши бумагу там, где тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне велели, и адвокат взял ее с собой. Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, тщетно пытаясь найти разгадку. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шло время, и ничто не нарушало привычного течения нашей жизни. Правда, я заметил перемену в дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую часть времени он сидел в своей комнате, закрыв дверь на ключ, но иногда словно в каком-то пьяном бреду выскакивал из дому и принимался бегать по саду с револьвером в руке, крича, что никого не боится и не позволит ни человеку, ни дьяволу держать его взаперти, как овцу в загоне. Однако, когда эти приступы проходили, он снова запирался в своей комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный безумным страхом. При этом лицо его даже в холодные дни блестело от влаги, как будто он только что окунул его в таз с водой.

Чтобы покончить с этой историей, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, добавлю только, что

однажды ночью он совершил одну из своих пьяных вылазок и больше не вернулся. Отправившись на поиски, мы нашли его в маленьком, заросшем тиной пруду в глубине сада. Он лежал ничком. На теле не обнаружили никаких признаков насилия, а пруд был не более двух футов глубиной. Поэтому присяжные, принимая во внимание чудачества дяди, сочли причиной его смерти самоубийство. Но я знал, как его пугала самая мысль о смерти, и не мог убедить себя, что он сознательно лишил себя жизни. Как бы то ни было, на этом дело кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежали на его текущем счете в банке...

— Простите,— перебил его Холмс.— Ваше сообщение в высшей степени интересно. Назовите, пожалуйста, дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

— Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он умер через семь недель, в ночь на второе мая.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Когда отец вступил во владение хоршемской усадьбой, он по моему настоянию тщательно осмотрел чердак. Мы нашли там медную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами «К» и надписью внизу: «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на содержание бумаг, уничтоженных полковником Опеншо. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать множества разрозненных бумаг и записных книжек того времени, когда дядя жил в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к периоду реконструкции Южных штатов и по большей части касались политики, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции «саквояжникам» — политическим деятелям, присланным с Севера.

Так вот, в начале 1884 года отец поселился в Хоршеме, и до января 1885 года все шло как нельзя лучше. Четвертого января, когда мы сидели за завтра-

ком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на ладони другой руки — пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда высмеивал мои, как он выражался, небылицы насчет полковника, а теперь, получив такое же послание, очень удивился и встревожился.

«Что бы это могло значить, Джон?» — пробормотал он.

У меня дрогнуло сердце.

«Это три буквы «К»,— ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, те же самые буквы! — вскричал он.— Но над ними что-то написано».

«Положите бумаги на солнечные часы»,— прочитал я, заглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» — спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. А бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! — сказал он, овладев собой.— Мы живем в цивилизованной стране. Здесь не место подобной чепухе. Откуда это письмо?»

«Из Данди»,— ответил я, взглянув на почтовую марку.

«Чья-нибудь нелепая шутка,— сказал он.— Какое мне дело до солнечных часов и каких-то бумаг? Стоит ли обращать внимание на всякий вздор!»

«Я бы заявил в полицию»,— сказал я.

«Чтобы меня подняли на смех? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за пустяков».

Уговаривать отца было бесполезно: он был очень упрям. Меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга майора Фриболи, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилл. Я был рад, что он уехал: мне казалось, что вне дома он подвергается меньшей опасности. Но я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму с просьбой немедленно приехать. Отец свалился в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует мест-

ность, и лежал без чувств, с проломленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрема в сумерки, а так как местность была ему незнакома и меловые карьеры ничем не огорожены, дознание, не колеблясь, вынесло вердикт: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил обстоятельства его смерти, но не мог обнаружить ничего, что указывало бы на убийство. Отца не ограбили, на его теле не было никаких признаков насилия, дознание не обнаружило никаких следов, на дорогах не было замечено никаких подозрительных лиц. Но нужно ли говорить, что я потерял покой и был почти уверен, что отцу подстроили ловушку.

При таких мрачных обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу: я был убежден, что все наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет угрожать мне, где бы я ни находился.

Мой бедный отец скончался в январе 85-го года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятие не тяготеет над нашей семьей после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился: вчера утром меня постиг такой же удар, какой постиг моего отца.

Молодой человек вынул из жилетного кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на него пять маленьких сухих зернышек апельсина.

— Вот конверт,— продолжал он.— Почтовый штемпель — Лондон-восточный. Внутри те же слова, которые были в письме, полученном моим отцом: три буквы «К», а затем «Положите бумаги на солнечные часы».

— Что вы предприняли? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— По правде говоря,— проговорил он, закрыв лицо тонкими белыми руками,— я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому подползает змея. По-видимому, надо мною тяготеет какой-то непреодолимый рок, от которого не спасут никакие предосторожности.

— Что вы говорнте!—воскликнул Шерлок Холмс.— Нужно действовать, нначе вы погнблн. Только эиергнчные меры могут вас спастн. Не время предаваться отчаянню.

— Я заявил в полнцию.

— Ну н что же?

— Инспектор выслушал мой рассказ с улыбкой. Я убежден, что ои считает этн пнсьма чьей-то злой шуткой, а причиной смерти монх родных, как устаиовило дозиание,— несчастиый случай, ннкак не связанный с этимн предупреждениямн.

Холмс потряс кулаками.

— Невероятная тупость! — воскликнул ои.

— Впрочем, ко мне приставили полицейского, который постояино дежурит в моем доме.

— Он пришел с вамн сейчас?

— Нет, ему приказаио иаходиться в доме.

Холмс снова потряс кулаками.

— Раз уж вы пришлн ко мие, почему вы не пришли сразу? — спроснл ои.

— Я не зиал... Я только сегодия поделился моимн опасеииямн с майором Прендергастом, и ои посоветовал мие обратиться к вам.

— Ведь прошло уже два дня, как вы получилн письмо. Почему же вы не началн действовать? У вас есть еще какие-ибудь даииые, кроме тех, которые вы иам сообщилн? Какне-нибудь важные подробностн, которые моглн бы нам помочь?

— Есть одна вещь,— сказал Джои Опеншо. Ои пошарил в кармане, достал лнст выцветшей голубой бумагн н положнл его иа стол.— Помнится, что в тот деиь, когда дядя жег документы, я заметнл, что необгоревшне края бумаг, лежавших среди пепла, были такого же цвета. Этот лнст я иашел на полу в комнате дяди. Очевидио, он случайио отлетел в сторону н такнм образом уцелел. Кроме упоминання о зернышках, я ие вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страннца из какого-то диевиика. Почерк, иесомнеиио, дяднн.

Холмс передвннул лампу, и мы оба иагиулнсь иад листком бумагн. Судя по неровиым краям, он был вырван

из записной книжки. Наверху была надпись: «Март 1869 года»,— а внизу следующие загадочные заметки:

«4-го. Гудзон явился. Прежние убеждения.

7-го. Зернышки посланы Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Огастина.

9-го. Мак-Коули убрался.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. *Побывали* у Парамора. Все в порядке».

— Благодарю вас,— сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю.— Теперь нельзя терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне рассказали. Вам нужно немедленно вернуться домой и действовать.

— Что я должен сделать?

— Нужно сделать только одно, и притом немедленно. Положите бумагу, которую вы нам показали, в описанную вами медную шкатулку. Приложите записку и в ней сообщите, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Изложите это по возможности убедительно. Сделав это, немедленно поставьте шкатулку на солнечные часы, как вам было велено. Понимаете?

— Вполне.

— Не думайте сейчас о возмездии или о чем-либо подобном. Я полагаю, что преступников можно будет покарать законным путем; но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо предотвратить грозящую вам опасность, а потом уже раскрыть тайну и наказать виновных.

— Благодарю вас,— сказал молодой человек, вставая и надевая плащ.— Вы вдохнули в меня жизнь и надежду. Я последую вашему совету.

— Не теряйте ни минуты. И, главное, будьте осторожны,— нет сомнения, что вам угрожает страшная опасность. Как вы едете домой?

— Поездом, с вокзала Ватерлоо.

— Сейчас еще нет девяти часов. На улицах очень людно, так что, надеюсь, вы будете в безопасности. И все же остерегайтесь.

— У меня есть оружие.

— Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

— Значит, я увижу вас в Хоршеме?

— Нет, нити вашего дела в Лондоне. Я буду искать их здесь.

— В таком случае я приеду к вам дня через два и сообщу, что сталось со шкатулкой и с бумагами. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и ушел.

Ветер по-прежнему завывал, а в окна стучал дождь. Казалось, этот странный, жуткий рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей.

Шерлок Холмс некоторое время сидел молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись в кресле, стал следить за голубыми кольцами дыма, которые вились под потолком.

— Я думаю, Уотсон, что у нас еще не было такого фантастического дела,— проговорил он наконец.

— Пожалуй, если не считать «Знака четырех».

— Да, пожалуй... И все же мне кажется, что этому Джону Опеншо грозит ещё бо́льшая опасность, чем Шолто.

— Но вы составили себе какое-нибудь представление об этой опасности? — спросил я.

— Об этом не может быть двух мнений,—ответил он.

— В чем же загадка? Кто этот «К. К. К.» и почему он преследует эту несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, оперся на подлокотники кресла и соединил кончики пальцев.

— Идеальный мыслитель,— заметил он,— рассмотрев со всех сторон единичный факт, может проследить не только всю цепь событий, результатом которых он является, но также и все вытекающие из него последствия. Подобно тому, как Кювье мог правильно описать целое животное, глядя на одну его кость, наблюдатель, досконально изучивший одно звено в цепи событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья, и предшествующие и последующие. Мы еще не поняли многих вещей, которые можно постичь только разумом. Посредством умозаключений можно решить такие задачи, которые ставили в тупик всех, кто искал их решения с помощью своих чувств. Однако, чтобы довести

это искусство до совершенства, мыслитель должен иметь возможность использовать все известные ему факты, а это само по себе предполагает, как вы легко убедитесь, исчерпывающие познания во всех областях науки, что даже в наши времена бесплатного образования и энциклопедий — качество весьма редкое. Значительно легче представить себе человека, изучившего все, что может оказаться полезным для его деятельности, и к этому я, со своей стороны, как раз и стремился. Если память мне не изменяет, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих познаний.

— Да, это был любопытный документ,— засмеялся я.— Помнится, что ваши сведения по философии, астрономии и политике равнялись нулю. Познания в ботанике были отрывочные, в геологии — глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любой местности в окружности пятидесяти миль от Лондона; в химии — оригинальные; в анатомии — бессистемные; в уголовной и судебной хронике — исключительные. Кроме того, там говорилось, что вы скрипач, боксер, фехтовальщик, адвокат, злостный кокаинист и курильщик. Таковы были главные пункты моего анализа.

Последний пункт заставил Холмса усмехнуться.

— Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердак своего мозга всем, что ему может понадобиться, остальную же утварь сложить в чулан при своей библиотеке, чтобы в случае надобности она всегда была под рукой. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны подтянуть все свои резервы. Дайте мне, пожалуйста, том Американской энциклопедии на букву «К». Он стоит на полке рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Прежде всего весьма вероятно, что у полковника Опеншо были очень серьезные причины покинуть Америку. В его годы люди не склонны менять все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к одиночеству в Англии наводит на мысль, что он боялся кого-то или чего-то, и, следовательно, мы можем принять как рабочую гипотезу, что именно страх перед

кем-то или чем-то выгнал его из Америки. О том, чего именно он боялся, мы можем судить лишь на основании зловещих писем, которые были получены им и его наследниками. Вы заметили, какие почтовые марки были на этих письмах?

— Первое письмо из Пондишери, второе — из Данди, третье — из Лондона.

— Из восточной части Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

— Это все морские порты. Очевидно, отправитель находился на борту корабля.

— Великолепно. У нас уже есть ключ к загадке. Вероятно, весьма вероятно, что отправитель находился на борту корабля. А теперь рассмотрим еще один пункт. В случае, когда письмо было послано из Пондишери, между угрозой и ее выполнением прошло семь недель; в случае же, когда письмо было из Данди, прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

— В первом случае надо было проехать большее расстояние.

— Но ведь письмо тоже должно было пройти большее расстояние.

— Тогда я не понимаю.

— Остается предположить, что судно, на котором находится этот человек — или эти люди,— парусник. Похоже на то, что они всегда посылали свое странное предупреждение или знак перед тем, как отправиться на выполнение своей цели. Вы видите, как быстро действие последовало за знаком, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишери пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но в действительности прошло семь недель. Я думаю, что семь недель составляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

— Это возможно.

— Более того. Это вероятно. Теперь вы видите, что дело не терпит отлагательства, и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншо был осторожен. Катастрофа каждый раз происходила к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы приехать на па-

русинке. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку.

— Боже мой! — воскликнул я.— Что же значит это беспощадное преследование?

— Очевидно, бумаги, которые в свое время увез Опеншо, чрезвычайно важны для человека или для людей, находящихся на парусинке. Совершенно очевидно, что он там не один. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение дознание. В этом деле, по-видимому, участвовало несколько человек, притом люди изобретательные и решительные. Свои бумаги они твердо решили получить, независимо от того, в чьих руках они находятся. Таким образом, вы видите, что «К. К. К.» не инициалы одного человека, а знак целого общества.

— Но какого общества?

— Вы никогда не слышали о ку-клукс-клане? — сказал Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос.

— Никогда.

Холмс перелистал страницы книги, лежавшей у него на коленях.

— Вот что здесь говорится: «Ку-клукс-клан. Название основано на сходстве с своеобразным звуком взводимого ружейного затвора. Это внушающее страх тайное общество было учреждено бывшими солдатами армии южан после Гражданской войны; вскоре были образованы местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннесси, в Луизиане, в Северной и Южной Каролине, в Джорджии и во Флориде. Это общество преследовало политические цели: устрашение негритянских избирателей, а также убийство или изгнание из страны противников его взглядов. Преступлениям членов ку-клукс-клана обычно предшествовало предупреждение, посланное намеченному лицу в причудливой, но широко известной форме: в некоторых частях страны это была ветка дубовых листьев, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получив такое предупреждение, жертва могла либо открыто отречься от своих прежних взглядов, либо покинуть страну. Если человек игнорировал предупреждение, его ожидала верная смерть, обычно постигавшая его каким-либо странным и неожиданным образом. Общество отличалось такой совершенной орга-

низацией и такими последовательными методами, что не зарегистрировано почти ни одного случая, когда человеку удалось бы безнаказанно пренебречь предупреждением или когда виновники злодеяния были бы найдены. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и лучших слоев населения Юга. В конце концов в 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные явления подобного рода наблюдались и позже».

Заметьте,— сказал Холмс, откладывая том энциклопедии,— что внезапное прекращение деятельности общества совпадает по времени с отъездом из Америки Опеншо, увезшего с собой его бумаги. Весьма возможно, что это и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за Опеншо и его семьей охотятся наиболее непримиримые члены общества. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не будут спать спокойно, пока не завладеют этими бумагами.

— Значит, страница, которую мы видели, представляет собой...

— Именно то, чего можно было ожидать. Если память мне не изменяет, там было написано: «Посланы зернышки А., Б. и В.» — то есть этим людям послали предупреждение общества. Затем следуют записи, что А. и Б. убрались, то есть покинули страну, и, наконец, что *побывали* у В. Боюсь, что для В. это кончилось плохо. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело, а тем временем единственное спасение для молодого Опеншо — действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня мы не можем больше ничего ни сказать, ни сделать. Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки наших ближних.

К утру буря стихла, и сквозь туманный покров, нависший над Лондоном, тускло засветило солнце. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

— Извините, что я вас не подождал,— сказал он.— Я предвижу, что мне предстоит много возни с делом молодого Опеншо.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Это в значительной степени зависит от того, что дадут мои первые расследования. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

— Вы не собираетесь начать с этой поездки?

— Нет, я начну с Сити. Позвоните, служанка принесет вам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло ее просматривать. Я увидел заголовок, от которого у меня упало сердце.

— Холмс,— воскликнул я,— вы опоздали!

— А-а! — сказал он, отставляя чашку.— Я этого опасался. Как это произошло? — Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

— Мне бросилось в глаза имя Опеншо и заголовок «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что тут сказано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Ночь была исключительно темная и бурная, так что, несмотря на помощь нескольких прохожих, спасти тонувшего не удалось. Между тем констебль поднял тревогу, и при содействии речной полиции тело было найдено. Утопленник — молодой человек, имя которого, судя по конверту, найденному у него в кармане, Джон Опеншо, проживавший близ Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему с вокзала Ватерлоо, и что вследствие исключительной темноты второпях сбился с дороги, оступился и упал в воду с одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не обнаружено следов насилия, и нет никакого сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая, каковой должен привлечь внимание властей к состоянию речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким потрясенным и угнетенным.

— Это наносит удар моему самолюбию,— сказал он наконец. — Бесспорно, это — мелкое чувство, но это наносит удар моему самолюбию. Теперь дело Опеншо становится для меня личным делом, и если бог ниспошлет мне здоровье, я доберусь до этой банды. Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть!

Он вскочил со стула и в страшном волнении зашагал по комнате, нервно ломая длинные, тонкие руки. Бледное лицо его пылало.

— Вот хитрые дьяволы! — выкрикнул он наконец.— Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная совсем не по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такой вечер было очень людно. Однако посмотрим, кто в конечном счете победит. Я ухожу.

— В полицию?

— Нет, я сам буду полицией. Когда я сплету паутину, полиция может ловить в нее мух.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было уже около десяти часов, когда он возвратился, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать, запивая большими глотками воды.

— Проголодались? — заметил я.

— Умираю с голоду. Совершенно забыл поесть. С завтрака не было во рту ни крошки.

— Да что вы?

— Ни крошки. Мне некогда было об этом и думать.

— А как дела?

— Превосходно.

— Вы нашли ключ к загадке?

— Преступники у меня в руках. Молодой Опеншо недолго останется неотмщенным. Знаете что, Уотсон, давайте заклеймим этих дьяволов их собственным клеймом! Неплохо придумано, а?

— Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Пять зернышек он положил в конверт, написал на внутренней стороне клапана «Ш. Х. за Д. О.», запечатал конверт и адресовал письмо «Капитану Джеймсу Кэлхуну, парусник «Одинокая звезда», Саванна, Джорджия».

— Письмо будет ждать Кэлхуна, когда он войдет в порт,— с усмешкой сказал Холмс.— Думаю, что ему предстоит бессонная ночь. Письмо предскажет ему судьбу так же безошибочно, как и Опеншо.

— А кто такой капитан Кэлхун?

— Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

— Как вы их нашли?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и названиями.

— Я провел весь день, просматривая Ллойдовскую картотеку и подшивки старых газет, изучая путь каждого корабля, побывавшего в Пондишери в январе и феврале 83-го года. За эти месяцы в регистре отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения. Одно из них, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание. Правда, местом его отправления был Лондон, но зато «Одинокая звезда» — ведь так называют один из американских штатов.

— Кажется, Техас.

— Не знаю точно, какой именно, но я понял, что это судно американское.

— Что же дальше?

— Я просмотрел даты прибытия и отправления судов в Данди, и, когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85-го года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

— И что же?

— «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я поехал в доки Альберта и узнал, что сегодня рано утром «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, направляясь обратно в Саванну. Я телеграфировал в Грейвсенд и выяснил, что «Одинокая звезда» проходила там несколько часов назад, а так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

— Что же вы теперь собираетесь делать?

— О, Кэлхун теперь у меня в руках! Я узнал, что он и два его помощника — единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели на берегу. Это мне сказал человек, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит туда мое письмо, а телеграф сообщит саваннской полиции, что этих троих джентльме-

нов с нетерпением ждут здесь в связи с обвинением в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какой-нибудь изъян, и убийцам Джона Опеншо не суждено было получить зернышки апельсина в знак того, что некто, столь же хитрый и решительный, как и они сами, напал на их след.

В том году осенние штормы были на редкость продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец пришло сообщение, что где-то далеко в волнах Атлантического океана обнаружен ахтерштевень какого-то судна; на нем были вырезаны буквы «О. З.» Это все, что нам суждено было узнать о судьбе «Одинокой звезды».

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, доктора богословия, директора богословского колледжа св. Георгия, пристрастился курить опий. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он из нелепой прихоти начал подмешивать опий к табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с нависшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле, — жалкую развалину, обломок благородного человека.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

— Пациент! — сказала она.— Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы услышали шум отворяемой двери, чьи-то торопливые голоса и быстрые шаги в коридоре. Дверь комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

— Извините, что я ворвалась так поздно,— начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече.— Ох, у меня такое горе!—воскликнула она.—Мне так нужна помощь!

— Да ведь это Кэт Уитни,— сказала жена, приподняв ее вуаль.— Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

— Я просто не знаю, что делать. Вот и решила приехать к тебе.

Это было обычиым явлеиием. Люди, с которымн случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

— И правильио поступила! Садись поудобнее, выпей виналс водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

— Нет, иет! От доктора я тоже жду совета н помощн. Речь идет об Айзе. Вот уже два дия, как он не приходит домой. Я так боюсь за иего.

Не в первый раз беседовала оиа с нами о своем несчастном муже — со мной как с доктором, а с жеиой как со своей старой школьиой подругой. Мы утешали и успоканвали ее как могли. Знает лн она, где находится ее муж? Может быть, нам удастся прнвезтн его домой?

Да, иайти его — дело иетрудиое. По ее словам, в последнее время он ходнт курнть опнй в одии и тот же прнтон. Это в Сити, в отдалеииом восточиом квартале. До снх пор его оргнн длнлись всего один деиь, и к вечеру ои обычио возвращался домой в полном изиеможении, совершенно разбнтый. Но на этот раз его нет двое суток, и он, коиечно, валяется там, среди подоиков из порта, вдыхая ядовитый дым нли забывшись тяжелым сном. Оиа была убеждена, что он в «Золотом самородке», на Аппер-Суондам-лейн. Но что ей делать? Не может же она, молодая, застеичивая, робкая жеищииа, пойти туда, чтобы вызволить своего мужа нз этого хулнгаиского логова? Вот как обстояло дело, н помочь ей мог только я.

Мог ли я не сопровождать ее? Впрочем, зачем ей идтн? Я лечил Айзу Унтин и, как доктор, имел на иего определенное влияние. Я был увереи, что одному мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение двух часов усажу ее мужа в кэб н отправлю домой, еслн только он действительио находится в «Золотом самородке».

Через десять минут, покниув кресло в уютиой гостииой, я мчался в экипаже в восточиую часть города. Я знал, что дело предстоит довольио иеобычное, ио в действнтельиости оно оказалось более странным, чем я ожндал.

Сиачала все шло хорошо. Аппер-Суоидам-лейн — грязный переулок, расположеииый позади огромных верфей, которые тянутся по северному берегу рекн, на во-

сток от Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, оказался в подвале между какой-то грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине этих ступеней образовались выбоины — такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кучеру подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошел в длинное низкое помещение, полное густого коричневатого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке корабля, везущего эмигрантов.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: согнутые плечи, поднятые колени, запрокинутые головы с торчащими кверху подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, устремленные на меня. Среди тьмы то вспыхивали, то тускнели крохотные красные огоньки в чашечках металлических трубок. Большинство лежало молча, кое-кто бормотал что-то себе под нос, а иные разговаривали тихими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника — всякий был поглощен только собственными мыслями. В дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий, худой старик; опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени, он неподвижно глядел в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия и показал свободное место на нарах.

— Спасибо, я не хочу,— сказал я.— Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня кто-то шевельнулся, я услышал восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который уставился на меня, бледный, угрюмый, нечесаный.

— Боже, да это Уотсон! — проговорил он.

Он только что очнулся от опьянения и дрожал всем телом.

— Который теперь час, Уотсон?

— Скоро одиннадцать.

— А какой нынче день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Неужели! А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили! И что вам за охота пугать человека! — Он закрыл лицо ладонями и захныкал.

— Говорю вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. И не стыдно вам?

— Стыдно. Но вы что-то путаете Уотсон. Я здесь всего несколько часов. Выкурил три или четыре трубки... забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт видела меня в таком виде... Бедная Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кэб?

— Есть. Ждет у дверей.

— В таком случае сейчас же уедем. Но я им должен заплатить. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем ослабел. Не могу шевельнуть пальцем.

Задерживая дыхание, чтобы не набраться одуряющих паров ядовитого зелья, я пошел по узкому проходу между двумя рядами курильщиков, разыскивая хозяина. Поравнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дернул за пиджак, и услышал шепот:

— Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только этот старик. Однако он сидел, по-прежнему погруженный в себя, ничего не замечая, тощий, сморщенный, согнувшийся под тяжестью лет; трубка с опием свисала у него между колен, вывалившись из его обессилевших пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Старик повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. И вдруг спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск,— возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

— Холмс! — прошептал я.— Что вы тут делаете, в этом притоне?

— Говорите как можно тише,— прошептал он,— у

меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив побеседовать с вами.

— Меня ждет кэб.

— Так отправьте вашего друга домой одного. Можете за него не бояться: он слишком слаб, чтобы впутаться в какую-нибудь историю. И пошлите с кучером записку жене, что вы встретили меня и останетесь со мной. Подождите на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его просьбы всегда так определенны и выражены таким спокойным и повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что, как только я усажу Уитни в кэб, мои обязательства по отношению к нему будут выполнены и мне ничто уже не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо поджидать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и мы зашагали по улице. Два квартала он шел, не разгибая спины и неуверенно ступая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал.

— Вероятно, Уотсон,— сказал Холмс,— вы вообразили, что вдобавок к уколам кокаина я стал курить опий и вообще погряз в пороках, по поводу которых вы благосклонно высказали свои медицинские взгляды.

— По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас там.

— Я удивился еще больше, когда увидел вас.

— Я искал там друга.

— А я — врага.

— Врага?

— Да, врага, вернее, преследовал добычу. Короче говоря, Уотсон, я занят сейчас чрезвычайно любопытным делом и надеялся кое-что разузнать из бессвязной болтовни курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в этой трущобе, за мою жизнь не дали бы и медяка: ведь я уже бывал там по своим делам, и негодяй ласкар [1], хозяин притона,

[1] Матрос-индиец.

поклялся расправиться со мной. Позади этого дома, поближе к верфи святого Павла, есть потайная дверь, которая могла бы порассказать много диковинных историй о том, что там проносят под покровом ночи.

— Неужели трупы?

— Да, Уотсон, трупы. Можно стать миллионером, если получать по тысяче фунтов за каждого несчастного, которого прикончили в этом притоне. Это—самое страшное место на берегу. Туда заманили Невилла Сент-Клера, и боюсь, что бедняге уж не вернуться домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и свистнул. В ответ издалека донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

— Ну что ж, Уотсон,— сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими на мостовую яркие полосы света,— поедете вы со мной?

— Если буду вам полезен...

— Верный товарищ всегда полезен, особенно если он записывает наши истории. В моей комнате в «Кедрах» стоят две кровати.

— В «Кедрах»?

— Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я перебрался туда, пока занимаюсь этим делом.

— Где же этот дом?

— В Кенте, неподалеку от Ли. Нужно проехать миль семь.

— Ничего не понимаю.

— Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь... Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны, ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте!

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улочкам. Они становились все шире, и наконец мы очутились на каком-то мосту с перилами; внизу медленно текли мутные воды реки. За мостом снова потянулись унылые улицы с кирпичными домами, тишина их нарушалась только тяжелыми, размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк. Черные тучи медленно ползли по небу, в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звез-

ды. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали пояс пригородных дач, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку с видом человека, удовлетворенного своими поступками.

— Вы наделены великим талантом, Уотсон, — сказал он.— Вы умеете молчать. Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужно с кем-нибудь поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени изложить обстоятельства дела, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, может быть, вам придет какая-нибудь светлая мысль. Я просто блуждаю во мраке.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад, точнее, в мае 1884 года, в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он нанял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет двоих детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда поездом 5.14. Мистеру Сент-Клеру тридцать семь лет, живет он скромно, он хороший муж и любящий отец, люди отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него, как удалось выяснить, всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а на текущем счету в банке двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет

«Голубой карбункул»

«Знатный холостяк»

своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Абердинское пароходное общество прибыла небольшая ценная посылка, которую она давно ожидала. Если вы хорошо знаете Лондон, то помните, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Аппер-Суондам-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сент-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в контору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондам-лейн, к вокзалу. До сих пор вам все ясно, не правда ли?

— Конечно, здесь нет ничего непонятного.

— Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клер шла медленно, поглядывая, нет ли поблизости кэба; к тому же ей очень не понравился этот район города. Так вот, идя по Суондам-лейн, она внезапно услышала крик и вся похолодела, когда в окне второго этажа какого-то дома увидела своего мужа. Ей даже показалось, что он жестами зовет ее к себе. Окно было раскрыто, она ясно разглядела лицо мужа, как она уверяет, чрезвычайно взволнованное. Он отчаянно размахивал руками и вдруг исчез так внезапно, будто его с силой оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что на нем нет ни воротничка, ни галстука, хотя одет он был в тот же черный пиджак, в котором уехал из дому.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам — вы, конечно, догадываетесь, что дом был тот самый, в котором помещается притон, где вы нашли меня нынче вечером,— и, пробежав через переднюю комнату, хотела подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она наткнулась на негодяя ласкара, о котором я вам сейчас говорил, и он с помощью своего подручного датчанина вытолкал ее вон. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход под начальством инспектора.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на энергичные протесты хозяина, они вошли в ту комнату, в окне которой она только

что видела мужа. Но здесь его не оказалось. Да и на всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который снимал здесь комнату. И он и ласкар божились, что тут никого больше нет. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже подумывать, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал сынишке привезти из города. Эта находка и очевидная растерянность калеки убедили инспектора, что дело серьезно. Комнаты тщательно обыскали, и результаты обыска показали, что совершено гнусное преступление.

Передняя, кое-как обставленная комната служила чем-то вроде гостиной, рядом с ней небольшая спальня, окно которой выходит на задворки верфи. Между верфью и домом есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой фута на четыре с половиной. Окно в спальне широкое и открывается снизу. При осмотре на подоконнике обнаружены следы крови; несколько кровяных пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате валялась одежда мистера Невилла Сент-Клера: ботинки, носки, шляпа, даже часы — все оказалось тут. Не было только пиджака. Никаких следов насилия на одежде не было, но нигде не было также и никаких следов пребывания самого мистера Невилла Сент-Клера. Исчезнуть он мог только через окно, другого выхода нет, но зловещие кровяные пятна на подоконнике указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, да и прилив в тот час, когда совершалась трагедия, достиг наивысшего уровня.

Теперь о негодяях, на которых падает подозрение. Ласкар — человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что буквально через несколько мгновений после того, как она увидела мужа в окне, он оказался внизу, следовательно, он может быть лишь соучастником преступления. Сам он, конечно, отрицает всякую причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его жилец Хью Буи. Каким образом в

комнате оказалась одежда пропавшего джентльмена, для него полнейшая загадка.

Вот и все, что известно о хозяине. Можно не сомневаться, что последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера, был этот угрюмый калека, который живет на втором этаже над притоном. Его зовут Хью Буи, и его безобразное лицо знает всякий, кому приходится бывать в Сити. Он профессиональный нищий; а для того, чтобы обойти полицейские правила, делает вид, будто продает спички. Вы, вероятно, помните, что на левой стороне Трединдл-стрит есть ниша в стене. Так вот в этой нише, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков, обычно и сидит калека. Один вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и сыплется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что когда-нибудь мне придется познакомиться с ним как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. Внешность у него настолько незаурядная, что никто не пройдет мимо, не обратив на него внимания. Ярко-рыжие волосы, бледное лицо с чудовищным шрамом, который рассекает надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст с цветом волос,— все это выделяет его из толпы попрошаек. У него всегда наготове едкое словцо для каждого, кто, проходя мимо, вдруг вздумает задеть его насмешкой. Таков обитатель верхнего этажа этой курильни. Он последним видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

— Но ведь он калека! — сказал я.— Как мог он совладать с сильным молодым человеком?

— Да, он прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы медик, Уотсон, и, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не требовалось. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение дела, тщательно обыскал

притон, но не нашел ничего нового. Поначалу сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту, и он имел возможность переброситься двумя-тремя словами со своим дружком ласкаром. Однако ошибку тут же исправили: Буна схватили и обыскали, хотя обыск ничего не дал. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались пятна крови, но он показал полицейским безымянный палец со свежим порезом возле ногтя, вероятно, кровь капнула и на подоконник, так как он недавно подходил к окну. Он твердил, что никогда не видел мистера Сент-Клера, а как попала одежда этого джентльмена к нему в комнату — такая же загадка для него, как и для полиции. Когда ему сообщили, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо пригрезилось, либо она не в своем уме. Буна отвели в участок, несмотря на его протесты. Инспектор решил подождать отлива, надеясь обнаружить какие-нибудь новые улики на дне канала. И действительно, в липкой грязи они нашли кое-что, хотя и совсем не то, что с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, в канале оказался не Невилл Сент-Клер, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И, как вы думаете, что было в карманах?

— Понятия не имею.

— Ни за что не угадаете! Все карманы были набиты монетами — четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Не удивительно, что отлив не унес пиджак. Труп — дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, а тяжелый пиджак опустился на дно.

— Но вы же сказали, что всю остальную одежду нашли в комнате? Неужели на трупе был один лишь пиджак?

— Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно, и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он решает избавиться от одежды, которая может его выдать. Он берет пиджак, хочет выбросить в окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, сообщник-ласкар уже

предупредил его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где у него спрятаны плоды нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

— Вполне правдоподобно...

— Что ж, тогда примем это как рабочую гипотезу за неимением лучшего... Буна, как я уже говорил, арестовали и отправили в участок, хотя прежде за ним ничего предосудительного не числилось. Правда, многие годы его знали как профессионального нищего, но жил он тихо и ни в чем дурном замечен не был. Вот так и обстоит дело в настоящее время. Что делал Невилл Сент-Клер в этой курильне, что там с ним случилось? Где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению? Все это так же неясно, как и прежде. Должен признаться, что не помню такого случая в моей практике: на первый взгляд он кажется очень простым, а в действительности ухватиться не за что.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставив позади последние дома, и покатили по дороге, по обеим сторонам которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, когда Холмс закончил рассказ, мы очутились в какой-то деревне. Кое-где в окнах мерцали огни.

— Мы въезжаем в Ли,— сказал мой приятель.— Между прочим, за время нашей небольшой поездки мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, захватили уголок Суррея и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это и есть «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, и ее настороженный слух, несомненно, уже уловил стук копыт нашей лошади.

— Почему вы занимаетесь этим делом тут, а не на Бейкер-стрит? — спросил я.

— Многое приходится расследовать здесь... Миссис Сент-Клер любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можно не сомневаться, что она с радостью окажет гостеприимство и моему другу. Как тя-

жело встречаться с ней, Уотсон! Я ведь не могу сообщить ничего нового о ее муже! Приехали. Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. Когда мы приблизились, дверь распахнулась, и на пороге появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Ее фигура резко выделялась на свету. Чуть нагнувшись вперед, она одной рукой схватилась за дверь, другую словно протянула в мольбе и жадно глядела на нас; всем своим обликом она, казалось, спрашивала: что мы узнали о судьбе ее мужа?

— Ну что? — громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

— С добрыми вестями?

— Нет.

— С дурными?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Однако входите же. У вас был трудный день, вы, наверно, устали.

— Это мой друг, доктор Уотсон. Он оказывал мне большую помощь во многих моих расследованиях. По счастливой случайности я встретил его и пригласил сюда,— он будет нам полезен.

— Рада вас видеть, — сказала она, приветливо пожимая мне руку.— Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Вы знаете, какой удар обрушился на нашу семью...

— Сударыня,— сказал я,— я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, если бы даже я не был солдатом, какие могут быть извинения передо мною? Буду счастлив, если окажусь полезным вам или моему другу.

— Мистер Шерлок Холмс, позвольте мне задать вам прямой вопрос,— сказала хозяйка дома, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас ждал холодный ужин.— Прошу вас, отвечайте так же прямо и откровенно.

— Извольте, сударыня.

— Не пытайтесь щадить мои чувства. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я просто хочу знать, что вы думаете.

— О чем?

— Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен вопросом.

— Говорите откровенно,— повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

— Откровенно, сударыня? Не верю.

— Вы считаете, что он умер?

— Да.

— Его убили?

— Не знаю. Может быть.

— Когда это случилось?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, не будете ли вы любезны объяснить, каким образом сегодня я получила от него это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

— Сегодня? — закричал он.

— Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

— Можно прочитать?

— Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разгладил бумагу на столе и начал внимательно рассматривать, придвинув лампу. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский, на конверте стоял почтовый штемпель Грейвсенда и сегодняшнее, вернее, вчерашнее, число, так как полночь уже миновала.

— Грубый почерк,— пробормотал Холмс.— Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

— Да, на конверте чужой почерк, но внутри — почерк Невилла.

— Человеку, который надписывал конверт, пришлось навести справки о вашем адресе.

— Откуда вы знаете?

— Имя на конверте, как видите, темнее, потому что чернила высохли сами собою. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали промокашку. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и ее всю высушили бы промокашкой, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше

нмя, потом уж прнпнсал адрес. Отсюда можно заключить, что адрес не был ему вначале нзвестен. Конечио, это пустяк, но в моей профессни нет ннчего важнее пустяков. Разрешнте мне взглянуть на пнсьмо... Ага! Туда было что-то вложено!

— Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

— А вы уверены,что это почерк вашего мужа?

— Одии из его почерков.

— Один из его почерков?..

— Так он пншет второпях. Обычно он пишет совсем ииаче, ио и этот его почерк мне хорошо знаком.

— «Дорогая, не волнуйся. Все кончнтся хорошо. Произошла чудовищная ошнбка, потребуется некоторое время, чтобы исправить дело. Ждн терпелнво. Невилл». Написаио карандашом на листке, вырванном нз кннгн форматом в восьмую долю листа, конечно, без водяных знаков. Гм! Отправлено сегодня нз Грейвсенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. И если не ошнбаюсь, человек, закленвавший конверт, жует табак... Вы убеждеиы, сударыия, что это почерк вашего мужа?

— Убеждена. Это пнсьмо напнсал Невнлл.

— Оно отправлеио сегодня нз Грейвсенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучн рассенваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже мниовала.

— Но он жнв, мистер Холмс!

— Еслн только это не ловкая подделка, чтобы направнть нас по ложиому следу. Кольцо в конце коицов иичего не доказывает. Кольцо моглн у него отнять.

— Но это же его, его почерк!

— Хорошо. А если письмо написано в поиедельник, а послаио сегодия?

— Это возможио.

— А за этот срок многое могло пронзойтн.

— О, не отиимайте у меня надежды, мнстер Холмс! Я зиаю, что с Невнллом ннчего не случнлось. Мы с ннм настолько близки, что я непременно почувствовала бы, попадн он в настоящую беду. За день до того, как он нсчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он — в спальне, и я сразу же побежала к нему, чувствуя, что с ннм случнлась беда. Неужелн вы думаете, что я не знала бы о его смертн, если даже прн таком пустяке предчувствне не обмануло меня?

— Я человек опытный и знаю, что женское чутье иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо как бы подтверждает вашу правоту. Однако, если мистер Сент-Клер жив и может писать письма, отчего же он не вернется домой?

— Не понимаю. Ума не приложу.

— В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

— Нет.

— И вы очень удивились, увидев его на Суондамлейн?

— Конечно.

— Окно было открыто?

— Да.

— Он мог окликнуть вас из окна?

— Да.

— Между тем, насколько я понял, вы услышали только бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовет на помощь?

— Да, он махал руками.

— Но, быть может, увидя вас, он вскрикнул от неожиданности? Просто всплеснул руками от изумления, что видит вас?

— Вполне возможно.

— И вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно...

— Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

— Никого, хотя этот отвратительный нищий признался, что был там. А ласкар стоял внизу, у лестницы.

— Совершенно верно. Ваш муж был одет, как всегда? Вам удалось разглядеть?

— Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.

— Он никогда не упоминал в разговорах о Суондамлейн?

— Никогда.

— А вы не замечали, не курит ли он опий?

— Никогда.

— Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, которые я хотел прояснить. Теперь с вашего раз-

решения мы поужинаем и пойдем отдохнуть: весьма возможно, что завтра предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу лег в постель, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс мог не спать по целым суткам и даже неделям, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача; он размышлял, сопоставлял факты, рассматривал дело с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить загадку, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я понял, что он и сейчас готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку простого табаку и коробок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит, безмолвный, неподвижный, со старой трубкой во рту, в клубах голубого дыма, рассеянно устремив глаза в потолок, и тусклый свет озаряет его резкие орлиные черты. Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда при блеске утреннего солнца я открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все так же торчала у него во рту, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, ничего не осталось.

— Проснулись, Уотсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Тогда одевайтесь. В доме еще спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска.— Холмс усмехнулся, глаза его блестели, он нисколько не был похож на того человека, погруженного в тяжелые раздумья, каким был вчера.

Одеваясь, я взглянул на часы. Не удивительно, что все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

— Хочу проверить одну свою теорию,— сказал он, натягивая сапоги.— Послушайте, Уотсон, перед вами

один из величайших глупцов в Европе! Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, что я отлетел бы отсюда к Чарниг-Кроссу! Но теперь, кажется, я нашел ключ к этой загадке.

— Где же он, ваш ключ? — спросил я улыбаясь.

— В ванной! Нет, я не шучу,— продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд.— Я уже был в ванной, взял ключ и спрятал вот сюда, в саквояж. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце. У ворот нас поджидала коляска; полуодетый конюх держал под уздцы запряженную лошадь. Мы вскочили в экипаж и быстро покатили по лондонской дороге. Изредка мы обгоняли повозки, которые везли овощи в столицу, но в домах вдоль дороги было тихо и пусто, словно в спящем заколдованном городе.

— В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело,— сказал Холмс, пуская лошадь галопом. — Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Когда мы въехали в город со стороны Суррея, в окнах уже начали появляться заспанные лица. Мы переехали реку по мосту Ватерлоо, потом помчались по Веллингтон-стрит и, взяв круто вправо, очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

— Кто дежурит? — спросил Холмс.

— Инспектор Бродстрит, сэр.

Из коридора, вымощенного каменными плитами, навстречу нам вышел высокий, грузный инспектор в полной форме.

— А, Бродстрит! Как поживаете? Мне нужно поговорить с вами, Бродстрит.

— Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон. Инспектор сел за стол.

— Чем могу служить, мистер Холмс?

— Я хотел расспросить вас о Буне, о том нищем, который замешан в исчезновении мистера Невилла Сент-Клера.

— Его арестовали и привезли сюда. Ведем следствие.

— Я знаю. Он здесь?

— В камере.

— Не буйствует?

— Нет, ведет себя тихо. Но какой он грязный, этот негодяй!

— Грязный?

— Да. Еле-еле заставили вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Вы бы на него посмотрели!

— Я очень хотел бы на него посмотреть.

— Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной. Саквояж можете оставить здесь.

— Нет, я захвачу его с собой.

— Хорошо. Пожалуйте сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с чисто выбеленными стенами, вдоль которых справа и слева тянулся ряд дверей.

— Его камера третья справа, вот здесь,— сказал инспектор.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

— Спит, — сказал он. — Можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша; лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи на лице не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел от глаза к подбородку, и под вздернутой, рассеченной губой постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярко-рыжих волос спадал на лоб и на глаза.

— Красавец, не правда ли? — сказал инспектор.

— Ему необходимо помыться. Я об этом догадывал-

ся и захватил с собой все, что для этого нужно.— Холмс раскрыл саквояж и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

— Хе-хе, да вы шутник! — засмеялся инспектор.

— Будьте любезны, откройте тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

— Ладно,— сказал инспектор.— А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл ключом дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомойнику, намочил губку и дважды с силой провел по лицу арестанта.

— Позвольте представить вас мистеру Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! — воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не доводилось мне видеть ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый, темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла рассеченная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Исчезли рыжие всклокоченные волосы, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сев в постели, протирал глаза и с недоумением, еще не вполне очнувшись от сна, глядел на нас. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

— Боже! — закричал инспектор.— Да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом, словно решил не противиться судьбе.

— Будь что будет! — сказал он.— За что вы меня держите здесь?

— За убийство мистера Невилла Сент... Тьфу! В убийстве вас теперь не обвинишь. Разве что обвинишь в попытке совершить самоубийство,— сказал инспектор, усмехаясь.— Двадцать семь лет служу в полиции, но такого еще не видывал.

— Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит, не было никакого преступления и, следовательно, я арестован незаконно.

— Преступления нет, но вы сделали большую ошибку, — сказал Холмс. — Напрасно не доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях! — пылко сказал арестант. — Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ободряюще похлопал его по плечу.

— Если допустить, чтобы ваше дело разбирал суд, тогда вам, конечно, не избежать огласки, — сказал он. — Но если удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают. Инспектор Брэдстрит запишет ваши показания, передаст их по инстанции, и дело до суда не дойдет.

— Я вам так благодарен! — вскричал арестант. — Я охотно перенес бы заточение, пошел бы даже на смертную казнь, лишь бы не раскрывать мою тайну и не позорить детей! Вы первые услышите мою историю...

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим. Еще будучи актером, я славился умением гримироваться. Теперь это искусство пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того, чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета слегка приподнял себе губу. Затем, облачившись в лохмотья и надев рыжий парик, я уселся в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерк и обо всем позабыл. Но вот некоторое время спустя мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не имел, где достать деньги, и вдруг мне пришла в голову отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и отправился в Сити просить милостыню. За десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг. Теперь вообра-

зите, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что те же два фунта можно получить в один день, выпачкав себе лицо, бросив кепку на землю и ровным счетом ничего не делая?

Долго длилась борьба между гордостью и стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу в газете и стал проводить дни на облюбованном мною углу, вызывая у прохожих жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками. Только один человек был посвящен в мою тайну — содержатель притона на Суондам-лейн, где я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в облике жалкого нищего и каждый вечер снова превращался в хорошо одетого господина. Я щедро платил хозяину за комнаты, так что был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст меня.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы. Я вовсе не хочу сказать, что в Лондоне любой нищий соберет семьсот фунтов в год,— а это меньше моего годового дохода,— но у меня были преимущества — я умел искусно гримироваться и шутливо парировать случайные насмешки прохожих. И скоро я стал достопримечательной фигурой в Сити. Ко мне сыпался поток пенсов, перемешанных с серебром, и я считал неудачными те дни, когда зарабатывал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял себе дом за городом, женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знала, что у меня в Сити есть какие-то дела. Но какого рода дела, не имела ни малейшего представления.

В прошлый понедельник я переодевался вечером у себя в комнате, над курильней, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что на улице стоит моя жена и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, заслонил лицо руками и кинулся к ласкару, умоляя его никого не впускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что пройти наверх ей не дадут. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и загримировал лицо. Даже собственная жена не могла бы узнать меня. Но затем мне пришло в голову, что в комнате могут произвести обыск и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел порезан-

ный палец — я порезал себе палец утром в спальне,— и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собрался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ворвались полицейские. К моему великому облегчению, во мне не признали мистера Невилла Сент-Клера, а арестовали как его убийцу.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказался от умывания. Зная, как будет тревожиться жена, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской, — в записке я сообщал, что мне не угрожает опасность.

— Она получила эту записку только вчера,— сказал Холмс.

— О боже! Какая это была для нее неделя!

— За ласкаром следила полиция,— сказал инспектор Бродстрит,— и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу, из завсегдатаев притона, а тот несколько дней забывал отправить ее.

— Так оно, без сомнения, и было,— подтвердил Холмс. — Но неужели вас ни разу не привлекали за нищенство?

— Много раз! Но что для меня значил незначительный штраф!

— Однако теперь вам придется оставить свое ремесло,— сказал Бродстрит.— Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

— Я уже поклялся самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

— В таком случае, я думаю, все будет забыто,— сказал Бродстрит.— Но если вас заметят опять, все раскроется. А вам, мистер Холмс, мы очень признательны за то, что вы прояснили это дело. Хотел бы я знать, каким образом вам это удается?

— На этот раз мне понадобилось посидеть на груде подушек и выкурить пачку табаку,— отозвался мой друг.— Мне кажется, Уотсон, что если мы сейчас же отправимся на Бейкер-стрит, то поспеем как раз к завтраку.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день рождества зашел я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — груда помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько,— ответил он.— Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью,— он ткнул большим пальцем в сторону шляпы,— связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей,— заметил я.— Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет,—засмеялся Шерлок Холмс,—тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкутся на

площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я.— Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассеченной губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьезную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона на кухне. Произошло это так. На рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперед, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

— ...которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принес мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унес гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путем размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного фетра?

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа, жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу,— сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не все достаточно ясно,— заметил он,— но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку,— быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила...

— Дорогой Холмс...

— Но в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство,— продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание.— Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я все рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он.— Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества.

Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она,— сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. — Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь ее от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства..

— Все это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — все станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жесткая, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как быстро потеет ее владелец, потому что не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нес гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на все готов ответ. Но откуда вы знаете, что в его доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой,— может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Вы согласны со мною?

— Да, все это очень остроумно,— смеясь, сказал я.— Но, как вы сами сказали, тут еще нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся,— значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щеки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра.

Холмс присвистнул и опустился на кушетку.

— Честное слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который...

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймс». Камень этот единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать,— сказал Холмс,— что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разгладил ее, сложил пополам и прочитал следующее:

«КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решетки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нем, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду при-

сяжных. Хорнер, все время выказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда».

— Гм! Вот и все, что дает нам полицейский суд,— задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зоб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандард», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и при-

несите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он.— Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока гран кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведет людей в тюрьму и на виселицу! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер невиновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чем. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Все очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света,

падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринужденным радушным видом, который он так умело напускал на себя.— Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь,— сказал Холмс.— Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то,— сказал он.— Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он все равно испортился бы,— продолжал Холмс.— Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моем приключении,— сказал он.— Право, не знаю, на что мне могут пригодиться disjecta membra[1] моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь,— сказал он.— Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр,— сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся.— Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр,— ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

— С Генри Бейкером покончено,— сказал Холмс, закрыв за ним дверь.— Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по

---

[1] Останки (*лат.*).

Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уигмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом перединке.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей,— сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлен.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гардене.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу,— сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто.— Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер,— сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока,— к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продает вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось, на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс.— Не хотите говорить — не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пе-

ленок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл,— сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик,— сказал торговец,— я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, бог занес ко мне в лавку еще одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249»,— прочел Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу:

«Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем

н рассмеялся своим особенным — веселым н беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить все что угодно, предложив ему пари,— сказал он.— Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить,— пойдем ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то н я...

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в желтом свете качающейся лампы какого-то невысокого, красполицего человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал Брекинридж.— Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы-то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей?

— Нет, но все же один из них мой,— захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшотт!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперед, н человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстонроуд,— прошептал Холмс.— Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня,— мягко сказал Холмс,— но я случайно слышал, что̀ вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать

— Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки.— Я просто не могу выразить, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади,— сказал он.— Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста: кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон,— сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя,— ласково сказал Холмс.— Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае,— сказал он,— мое имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждет ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнес ни слова. Но спутник наш так учащенно дышал, так крепко сжимал и разжимал

ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс.— Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с черной полосой на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

— О сэр! — вскричал он.— Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снес яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер,— спокойно сказал Шерлок Холмс.— Держитесь крепче на ногах, не то упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти все, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И все-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нем Кэтрин Кьюсек,— ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная ее сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решетки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушел, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради бога, сжальтесь надо мной! — закричал он.— Подумайте о моем отце, о моей матери. Это убьет их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите его до суда!

— Ступайте на место,— сурово сказал Холмс.— Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он неповинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадет...

— Гм! Мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся, и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер провел языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду,— сказал он.— Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придет в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка.

Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модсли, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килбери и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра обещала, что к рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нем пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать, в чем дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к рождеству, я и пробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся,— сказала она,— мы так и называли его: «Гусь Джеймса». Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, один нам, а две дюжины на продажу».

«Спаснбо, Мэггн,— сказал я.— Но еслн тебе все равно, дай мие того, которого я поймал».

«Твой тяжелее по крайией мере фуита на три, н мы специально откармлнвали его».

«Ннчего, мие хочется имению этого, я бы сейчас н взял его с собой».

«Твое дело,— сказала сестра обиженно.— Какого же ты хочешь взять?»

«Вои того белого, с черной полосой иа хвосте... Вои ои, в середнне стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, н поиес птицу в Кнлбери. Я рассказал своему приятелю обо всем — он из тех, с которыми можно говорить без стесиеиня. Ои хохотал до упаду, потом мы взяли иож и разрезали гуся. У меня остаиовнлось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, н камия иет. Я броснл гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там ие было.

«Где гусн, Мэгги?» — крнкиул я.

«Отправнла торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинрнджу иа Ковент-Гарден».

«А был среди гусей одни с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех иог помчался к этому самому Брекннрнджу. Но ои уже распродал гусей н ие хотел сказать кому. Вы слышали сами, как ои со миой разговарнвал. Сестра думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедшнй. И вот... теперь я презрениый вор, хотя даже ие прикосиулся к богатству, радн которого погубнл себя. Боже, помоги мне! Боже, помогн! — Он закрыл лицо рукамн и судорожио зарыдал.

Потом наступило долгое молчаине, лишь слышиы былн тяжелые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал н распахиул иастежь дверь.

— Убнрайтесь! — проговорил ои.

— Что? Сэр, да благословит вас иебо!

— Ни слова! Убнрайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестннце загрохотали стремнтельные шагн, внизу хлопнула дверь, и с улнцы донесся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон,— сказал Холмс, протягнвая руку к глнняной трубке,— я работаю отнюдь ие затем, чтобы нсправлять промахн нашей полнцнн. Еслн бы Хорнеру грознла опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать протнв него, н обвнненне рухнет. Возможно, я укрываю мошенннка, но зато спасаю его душу. С этнм молодцом нншего подобного ие повторнтся,— он слншком напуган. Упекнте его сейчас в тюрьму, н он не развяжется с ней всю жнзнь. Кроме того, нынче праздннкн, надо прощать грехн. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, н решнть ее — само по себе награда. Если вы будете любезны н позвонпте, мы иемедленно займемся новым «нсследоваинем», в котором опять-такн фнгурирует птица: ведь к обеду у иас куропатка.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса,— а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти,— я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон,— сказал он.— Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же там такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

— Буду счастлив услышать такую историю.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня,— сказал Холмс приветливо.— Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс,— тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее посеревшее, осунувшееся лицо. В ее глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться,— сказал он, ласково погладив ее по руке.— Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности... Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня,— сказал он, улыбнувшись.— Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

— Все так и было,— сказала она.— Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо... Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

— Фаринтош...— сказал он.— Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тиарой из опалов. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознагражде-

нием. Конечно, у меня будут кое-какие расходы и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нем.

— Увы! — ответила девушка.— Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

— Мне знакомо это имя,— сказал он.

— Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе — до Хэмпшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежних поместий остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособляться к новому положению вещей, взял взаймы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Рой-

лотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия, и, когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла — она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морон. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того, чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках. Много было у него яростных столкновений с соседями, два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала,

мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его — кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности,— сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память... Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит

доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— Да, вполне.

Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет»,— сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чем дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится,— быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки»,— улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс.— Вы на ночь всегда запирались на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперед. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Элен! — кричала она.— Лента! Пестрая лента!»

Она пыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

— Позвольте спросить,— сказал Холмс.— Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывания бури и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему лента пестрая? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное,— сказал он.— Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один

близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили,— сказал мой друг.— Но все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко,— сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек,— сказала она.— Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело,— сказал он наконец.— Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали

в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня здесь тоже есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! Теперь, когда я рассказала вам о своем горе, у меня просто камень свалился с души. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно темное.

— Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна...

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в

предотвращении замужества своей падчерицы,— я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

— Но тогда при чем здесь цыгане?

— Понятия не имею.

— У меня все-таки есть множество возражений...

— Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть, их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, желтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр,— спокойно ответил мой друг.— Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор,— любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче,— сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести,— невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом.— Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник,— сказал он.— Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! — прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс.—Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь,что наша приятельница не пострадает оттого, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора,— сказал он.— Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов,

ио с тех пор в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил все утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морон? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта,— ответил возница.

— Видите, вон там строят,— сказал Холмс.— Нам нужно попасть туда.

— Мы едем к деревне,— сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева.— Но если вы хотите скорей попасть к дому, вам лучше перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

— А эта леди как будто мисс Стоунер,— сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца.— Да, мы лучше пойдем по тропинке, как вы советуете.

Мы вышли из двуколки, расплатились, и экипаж покатил обратно в Летерхед.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы,— сказал Холмс, когда мы лезли через забор,— тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стоунер! Видите, мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! —воскликнула она, горячо пожимая нам руки.— Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором,— сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она.— Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запритесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу... Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клещи у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и за-

колочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию,— из комнаты доктора Ройлотта...

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

— Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс, предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почесывая подбородок.— Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть... Ладно, поглядим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех

трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего несколько лет назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно...— бормотал Холмс, дергая шнур.— В этой комнате многое обращает на себя внимание. Напрнмер, каким нужио быть безумным строителем, чтобы вывестн вентнлятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

— Все это сделано тоже очень недавно,— сказала Элен.

— Примерио в одио время со звонком,— заметнл Холмс.

— Да, как раз в то время здесь пронзвели кое-какие переделкн.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, н вентиляторы, которые не веитилируют. С вашего позволення, мисс Стоунер, мы перенесем нашн исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсбн Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлеиа так же просто. Походиая кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техиическимн, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот н все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медлеино похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил ои, стукиув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги моего отчима.

— Ого! Значит, вы заглядывалн в этот шкаф?

— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

— А нет лн в ием, например, кошкн?

— Нет. Что за страниая мысль!

— А вот посмотрнте!

Он снял со шкафа малеиькое блюдце с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард н павнаи.

— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытнть этого зверя. Да, в этом иадо разобраться.

Ои прнсел на корточкн перед стулом н прииялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, все ясно,— сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман.— Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам,— сказал он.

— Я исполню все беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам все объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запритесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой все, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу,— сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

— Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стоунер, мы должны вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моронского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы, зажженной в одной из гостиных.

Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю,— сказал Холмс,— брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

— А я могу быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться неоценимой.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я.— Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступления, он опаснее всех прочих преступников. У не-

го крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард[1] были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас,— сказал Холмс, вскакивая.— Свет горит в среднем окне.

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я.— Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно за-

---

[1] Палмер, Уильям — английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; казнен в 1856 году.

Причард, Эдуард Уильям—английский врач, отравивший свою жену и тещу; казнен в 1865 году.

крыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все, как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: гепард, видимо, гулял на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы гулко отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон? — проревел он.— Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено,— ответил Холмс.— И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта

поднялась граненая головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ее ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как с утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— Вначале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть

к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с жертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи — вы, конечно, тоже слыхали его,— я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентилятор...

— ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

ПАЛЕЦ ИНЖЕНЕРА

Из всех задач, какие приходилось решать моему другу мистеру Шерлоку Холмсу, миою его виимаиию было предложеио лишь две, а имеиио: случай, когда мистер Хэдерли лишился большого пальца, и происшествие с обезумевшим полковииком Уорбэртоиом. Последияя представляла собой обшириое поле деятельиости для тоикого и самобытиого иаблюдателя, зато первая оказалась столь своеобразиой и столь драматичиой по своим подробиостям, что скорее заслуживает изложеиия в моих записках, хотя и ие позволила моему приятелю примеиить те дедуктивиые методы мышлеиия, благодаря которым ои иеодиократио добивался таких примечательиых результатов. Об этой истории, мне помнится, ие раз писали газеты, ио, как и все подобиые события, втисиутая в газетиый столбец, оиа казалась значительно менее увлекательиой, иежели тогда, когда ее рассказывал участиик событий, и действие как бы медлеиио развертывалось перед иашими глазами, и мы шаг за шагом проиикали в тайну и приближались к истиие. В свое время обстоятельства этого дела произвели иа меия глубокое впечатлеиие, и прошедшие с тех пор два года иичуть ие ослабили этот эффект.

События, о которых я хочу рассказать, произошли летом 1889 года, вскоре после моей жеиитьбы. Я сиова заиялся врачебиой практикой и навсегда распрощался с квартирой иа Бейкер-стрит, хотя часто иавещал Холмса и время от времеии даже убеждал его отказаться от

богемных привычек и почаще приходить к нам. Практика моя неуклонно росла, а поскольку я жил неподалеку от Паддингтона, то среди пациентов у меня было несколько служащих этого вокзала. Один из них, которого мне удалось вылечить от тяжелой, изнурительной болезни, без устали рекламировал мои достоинства и посылал ко мне каждого страждущего, кого он был способен уговорить обратиться к врачу.

Однажды утром, часов около семи, меня разбудила, постучав в дверь, наша служанка. Она сказала, что с Паддингтона пришли двое мужчин и ждут у меня в кабинете. Я быстро оделся, зная по опыту, что несчастные случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и сбежал вниз. Из приемной, плотно прикрыв за собой дверь, вышел мой старый пациент-кондуктор.

— Он здесь,— прошептал он, указывая на дверь.— Все в порядке.

— Кто? — не понял я. По его шепоту можно было подумать, что он запер у меня в кабинете какое-то необыкновенное существо.

— Новый пациент,— так же шепотом продолжал он.— Я решил, что лучше сам приведу его, тогда ему не сбежать. Он там, все в порядке. А мне пора. У меня, доктор, как и у вас, свои обязанности.

И он ушел, мой верный поклонник, не дав мне даже возможности поблагодарить его.

Я вошел в приемную; возле стола сидел человек. Он был одет в недорогой костюм из пестротканого твида; кепка его лежала на моих книгах. Одна рука у него была обвязана носовым платком сплошь в пятнах крови. Он был молод, лет двадцати пяти, не больше, с выразительным мужественным лицом, но страшно бледен и словно чем-то потрясен — он был совершенно не в силах овладеть собою.

— Извините, что так рано потревожил вас, доктор,— сказал он,— но со мной нынче ночью произошло нечто серьезное. Я приехал в Лондон утренним поездом, и, когда начал узнавать на Паддингтоне, где найти врача, этот добрый человек любезно проводил меня к вам. Я дал служанке свою карточку, но, вижу, она оставила ее на столе.

Я взял карточку и прочел имя, род занятий и адрес

моего посетителя: «Мистер Виктор Хэдерли, инженер-гидравлик. Виктория-стрит, 16-а (4-й этаж)».

— Очень сожалею, что заставил вас ждать,— сказал я, усаживаясь в кресло у письменного стола. — Вы ведь всю ночь ехали — занятие само по себе не из веселых.

— О, эту ночь скучной я никак не могу назвать,— ответил он и расхохотался.

Откинувшись на спинку стула, он весь трясся от смеха, и в его смехе звучала какая-то высокая, звенящая нота. Мне, как медику, его смех не понравился.

— Прекратите! Возьмите себя в руки! — крикнул я и налил ему воды из графина.

Но и это не помогло. Им овладел один из тех истерических припадков, которые случаются у сильных натур, когда переживания уже позади. Наконец смех утомил его, и он несколько успокоился.

— Я веду себя крайне глупо,— задыхаясь, вымолвил он.

— Вовсе нет. Выпейте это! — Я плеснул в воду немного коньяку, и его бледные щеки порозовели.

— Спасибо,— поблагодарил он.— А теперь, доктор, будьте добры посмотреть мой палец или, лучше сказать, то место, где он когда-то был.

Он снял платок и протянул руку. Даже я, привычный к такого рода зрелищам, содрогнулся. На руке торчало только четыре пальца, а на месте большого было страшное красное вздутие. Палец был оторван или отрублен у самого основания.

— Боже мой! — воскликнул я.— Какая ужасная рана! Крови, наверное, вытекло предостаточно.

— Да. После удара я упал в обморок и, наверное, был без сознания очень долго. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще идет, тогда я туго завязал платок вокруг запястья и закрутил узел щепкой.

— Превосходно! Из вас вышел бы хороший хирург.

— Да нет, просто я разбираюсь в том, что имеет отношение к гидравлике.

— Рана нанесена тяжелым и острым инструментом,— сказал я, осматривая руку.

— Похожим на нож мясника,— добавил он.

— Надеюсь, случайно?

— Никоим образом.

— Неужели покушенне?

— Вот нменно.

— Не пугайте меня.

Я промыл н обработал рану, а затем укутал руку ватой и перевязал пропитанными карболкой бнитамн. Он сидел, откинувшись на спинку стула, н ни разу не поморщнлся, хотя время от времени закусывал губы.

— Ну, как? — закончнв, спроснл я.

— Превосходно! После вашего коньяка н перевязкн я словно заново родился. Я очень ослабел, ведь мне пришлось немало испытать.

— Может, лучше не говорить о случившемся? Вы будете волноваться.

— О нет. Сейчас уже нет. Все равно прндется выкладывать всю нсторию в полиции. Но, между нами говоря, только моя рана может заставить их поверить моему заявленню. История эта совершенно необычная, а я ничем подтвердить ее не могу. Даже еслн мне поверят, доводы, которые я способен представить в доказательство ее, настолько неопределенны, что вряд лн здесь восторжествует правосудие.

— Значнт, это загадка, которую нужно разрешить,— воскликнул я.— Тогда я настоятельно рекомендую вам, прежде чем обращаться в полицию, пойтн к моему другу мистеру Шерлоку Холмсу.

— Я слышал об этом человеке,— ответнл мой пациент,— н был бы очень рад, если бы он взял это дело на себя, хотя, разумеется, все равно придется заявнть в полицию. Может, вы порекомендуете меня ему?

— Больше того, я сам отвезу вас к нему.

— Премного буду вам обязан.

— Давайте вызовем экнпаж и поедем. Мы как раз поспеем к завтраку. Вы в состоянии ехать?

— Да. На душе у меня будет неспокойно до тех пор, пока я не расскажу мою историю.

— Тогда я попрошу служанку вызвать кэб н через минуту буду готов.

Я побежал наверх, в нескольких словах рассказал о случившемся жене и через пять минут вместе с монм новым знакомым уже ехал по направлению к Бейкер-стрит.

Как я и предполагал, Шерлок Холмс — еще в халате — сидел в гостиной, читал ту колонку из «Таймса», в которой публикуются сведения о розыске различных лиц, и курил трубку. Эту трубку он обычно выкуривал до завтрака, набивал всякими остатками всех табаков — они с особой тщательностью собирались и сушились на каминной доске. Он принял нас с присущим ему спокойствием и радушием, заказал для нас яичницу с ветчиной, и мы на славу позавтракали. Когда с едой было покончено, он усадил нашего нового знакомого на диван, подложил ему под спину подушку, а рядом поставил стакан воды с коньяком.

— Вам, видно, пришлось пережить нечто необычное, мистер Хэдерли, — сказал он. — Прошу вас прилечь на диван и чувствовать себя как дома. Рассказывайте, пока сможете, но, если почувствуете себя плохо, помолчите и попробуйте восстановить силы при помощи вот этого легкого средства.

— Благодарю вас, — ответил мой пациент, — но я чувствую себя другим человеком после того, как доктор перевязал мне руку, а ваш завтрак, по-видимому, завершил курс лечения. Я постараюсь недолго занимать у вас драгоценное время и поэтому тотчас же приступаю к рассказу о моих удивительных приключениях.

Опустив тяжелые веки, будто от усталости — что на самом деле лишь скрывало присущее ему жадное любопытство, — Холмс поудобнее уселся в кресло, я пристроился напротив, и мы принялись слушать действительно невероятную историю, которую наш посетитель изложил во всех подробностях.

— Должен сказать вам, — начал он, — что родители мои умерли, я не женат и потому живу совершенно один в своей лондонской квартире. По профессии я инженер-гидравлик и приобрел немалый опыт в течение тех семи лет, что пробыл в подручных в известной гринвичской фирме «Веннер и Мейтсон». Два года назад, унаследовав солидную сумму денег после смерти отца, я решил завести собственное дело и открыл контору на Виктория-стрит.

Наверное, каждому, кто открывает собственное дело, сначала приходится туго. Во всяком случае, так было со мной. В течение двух лет мне довелось дать всего три

коисультацин н выполиить одиу небольшую работу — вот н все, что дала мне моя специальность. Весь мой доход составляет иа сегодняшний день двадцать семь фунтов десять шнллиигов. Ежедиевно с девятн утра до четырех я сидел в своей захудалой конторе н наконец с тяжелым сердцем начал понимать, что у меня не будет настоящей работы.

Но вот вчера, когда я собрался было уходить, вошел мой клерк, доложил, что меия желает видеть по делу какой-то джентльмен, н подал мие визитиую карточку: «Полковник Лизаидер Старк». А следом в комнату вошел н сам полковник, человек роста выше средиего, но чрезвычайно худой. До снх пор мие не доводилось встречать такнх худых людей. Кожа так обтягнвала выпирающие скулы, что лицо его, казалось, состояло лишь нз носа и подбородка. Тем ие меиее худым он был по природе, а ие от какой-лнбо болезин, нбо взгляд у него сверкал, двнгался он проворно н держался увереиио. Он был просто, ио аккуратио одет, а по возрасту, решил я, ему под сорок.

— Мистер Хэдерлн? — спросил он с иемецкнм акцентом.— Вас порекомендовалн мне как человека не только опытиого, ио и скромиого, умеющего хранить тайиу.

Я поклоиился, чувствуя себя польщеиным, как н всякий молодой человек прн обращении подобного рода.

— Разрешите узнать, кто дал мне такую лестную характеристику? — полюбопытствовал я.

— Я предпочитаю пока умолчать об этом. Из того же источника мие стало известно, что родители вашн умерлн, вы холосты и живете в Лондоие однн.

— Совершеиио правнльио,— ответил я,— ио простнте, я не совсем понимаю, какое это имеет отношеиие к моей деятельностн. Вы ведь желали увндеть меня по делу?

— Имеино так. Вы сейчас убедитесь, что все, о чем я говорю, имеет иепосредственное отношение к делу. Я хочу поручить вам одиу работу, но при этом должиа сохраияться полиая тайиа, полная тайна, понятно? Чего, разумеется, можио скорее ожидать от человека одинокого, нежелн от человека, который живет в кругу семьи.

— Еслн я дам слово храинть тайиу,— сказал я,— можете быть увереиы, я его не нарушу.

Он пристально посмотрел на меня, и я подумал, что ни разу не видел столь подозрительного и недоверчивого взгляда.

— Итак, вы обещаете? — спросил он.

— Да, обещаю.

— Обещаете хранить полное молчание до, во время и после работы? Никогда не упоминать об этом деле ни устно, ни письменно?

— Я уже дал вам слово.

— Очень хорошо.

Вдруг он вскочил и, молнией метнувшись по комнате, распахнул дверь настежь. За дверью никого не было.

— Все в порядке,— заметил он, возвращаясь на место.— Известно, как клерки порой интересуются делами своих хозяев. Теперь можем поговорить спокойно.

Он подвинул свой стул вплотную к моему и уставился на меня тем же недоверчиво-пронзительным взглядом.

Чувство отвращения и что-то похожее на страх начало расти во мне при столь странном поведении этого чересчур худого человека. Даже боязнь потерять клиента не могла заставить меня терпеливо ждать, пока он заговорит.

— Прошу вас, сэр, изложить дело, я дорожу своим временем.

Да простит мне небо эти слова, но они сами сорвались с моих уст.

— Вас устроят пятьдесят гиней за одну ночь работы? — спросил он.

— Вполне.

— Я сказал — за ночь работы, но правильнее сказать — за час. Мне просто нужно ваше мнение по поводу гидравлического пресса, который вышел из строя. Если вы подскажете, в чем дело, мы сумеем сами устранить неисправность. Что скажете?

— Дело несложное, плата хороша.

— Именно так. Нам хотелось бы, чтобы вы приехали сегодня вечером последним поездом.

— Куда?

— В Айфорд. Это небольшая деревушка в Беркшире, на границе с Оксфордширом, в семи милях от Рединга. От Паддингтона есть поезд, который прибывает туда примерно в одиннадцать пятнадцать.

— Превосходно.
— Я приеду в экипаже встретить вас.
— Значит, придется добираться на лошадях?
— Да, наш дом находится в стороне от железной дороги. От Айфорда до него добрых семь миль.
— Значит, вряд ли мы доберемся до места к полуночи. И обратного поезда уже не будет. Мне придется провести у вас всю ночь.
— Что ж, это не проблема.
— Но не очень-то удобно. А не мог бы я приехать в какое-нибудь другое, более подходящее время?
— Самое лучшее, считаем мы, если вы приедете поздно вечером. Именно за неудобства мы и платим вам, никому не известному молодому человеку, сумму, за которую можем получить совет самых крупных специалистов по вашей профессии. Конечно, если предложение вам не по душе, еще есть время от него отказаться.
Я подумал, как мне пригодятся пятьдесят гиней.
— Нет, нет,— заспешил я,— я готов сделать так, как вы считаете нужным. Однако мне хотелось бы более четко представить себе, что именно от меня требуется.
— Совершенно справедливо. Обещание хранить тайну, которое мы взяли с вас, вполне естественно, возбудило ваше любопытство. Я отнюдь не хочу, чтобы вы брали какие-то обязательства, не ознакомившись предварительно со всеми деталями. Надеюсь, нас никто не подслушивает?
— Никто.
— Дело обстоит следующим образом. Вам, вероятно, известно, что сукновальная глина — довольно ценное сырье и что залежи ее в Англии встречаются в одном-двух местах?
— Я слышал об этом.
— Некоторое время назад я купил маленький участок земли, совсем крохотный, в десяти милях от Рединга. И вдруг оказалось, что мне повезло: я обнаружил на одном поле пласт сукновальной глины. Я исследовал его и выяснил, что он составляет лишь небольшую перемычку, соединяющую два очень мощных пласта слева и справа, расположенных на участках моих соседей. В их земле хранится сырье не менее ценное, чем золото, а эти добрые люди пребывают в полном неведе-

нии. Мне, естественно, было бы выгодно купить у них землю, прежде чем они узнают ее истинную стоимость, но, к сожалению, я не располагаю для этого достаточным капиталом. Поэтому я посвятил в тайну нескольких своих приятелей, и они предложили потихоньку, не говоря никому ни слова, разрабатывать наш собственный небольшой пласт, чтобы заработать деньги, а впоследствии купить землю у соседей. Этим мы и заняты вот уже некоторое время и в помощь установили гидравлический пресс. Но пресс, как я уже сказал, вышел из строя, и нам нужен ваш совет. Мы ревностно храним наш секрет, и если станет известно, что к нам приезжал гидравлик, то тотчас же начнутся расспросы, факты выплывут наружу, и тогда прощай соседские поля, а с ними и наши планы. Вот почему я взял с вас слово никому не рассказывать, что вы сегодня вечером едете в Айфорд. Надеюсь, теперь все ясно?

— Единственное, что мне не совсем ясно,— ответил я,— это зачем вам гидравлический пресс. Сукновальную глину, насколько я знаю, вычерпывают, как песок из карьера.

— А,— небрежно махнул он рукой,— у нас свои методы работы. Чтобы соседи ничего не заметили, мы прессуем глину в кирпичи. Но это деталь. Я доверяю вам, мистер Хэдерли, и рассказал все.— Он встал.— Итак, жду вас в Айфорде в 11.15.

— Я обязательно приеду.

— И помните: никому ни слова.

Он еще раз посмотрел на меня долгим вопросительным взглядом и, пожав мне руку своей холодной, влажной рукой, поспешно вышел.

Хладнокровно поразмыслив, я, как вы представляете, не мог все-таки отделаться от удивления по поводу этого странного поручения. С одной стороны, я, разумеется, был рад, ибо плату мне предложили в десять раз бо́льшую, чем та, которую запросил бы я сам. Кроме того, есть надежда, что за этим поручением последуют и другие. С другой стороны, облик и манеры моего клиента произвели на меня такое гнетущее впечатление, что я не мог отвязаться от мысли, что вся эта история с сукновальной глиной не вполне объясняет необходимость приехать непременно в полночь и избежать огласки.

Однако я отбросил от себя страхи, на славу поужинал, доехал до Паддингтона и отправился в путь.

В Рединге мне пришлось сделать пересадку. Но я успел на последний поезд в Айфорд и в начале двенадцатого прибыл на маленькую, тускло освещенную станцию. Я оказался единственным, кто там сошел, на платформе не было ни души, кроме заспанного носильщика с фонарем в руках. За станционной оградой я увидел моего утреннего знакомого — он стоял в тени на противоположной стороне. Не сказав ни слова, он схватил меня за руку и втащил в экипаж, дверца которого предусмотрительно оказалась открытой. Опустив с обеих сторон окошки, полковник постучал кучеру, и лошадь рванулась вперед.

— Одна лошадь? — перебил меня Холмс.

— Да одна.

— Вы не заметили масть?

— Заметил при свете фонаря, когда садился в экипаж. Лошадь рыжей масти.

— Усталая или свежая?

— Свежая, шерсть у нее лоснилась.

— Благодарю. Извините, что перебил. Прошу продолжать ваше весьма интересное повествование.

— Итак, мы тронулись в путь и ехали по меньшей мере с час. Полковник Лизандер Старк сказал, что до места всего семь миль, но, если принять во внимание скорость, с какой мы мчались, и время, что нам потребовалось, мне показалось, что расстояние там, должно быть, миль в двенадцать. Он молча сидел рядом, и я чувствовал, когда поглядывал на него, что он не спускает с меня глаз. Проселочные дороги в тех местах, по-видимому, в неважном состоянии, и нас ужасно кидало из стороны в сторону. Я попытался было в окошко разглядеть, где мы едем, но сквозь матовое стекло мог различить только мелькавшие кое-где световые пятна. Несколько раз я хотел завести разговор — уж очень монотонным было наше путешествие, но полковник отвечал односложно, и разговор быстро затухал. Наконец ямы и ухабы закончились, колеса захрустели по посыпанной гравием дорожке, и экипаж остановился. Полковник Лизандер Старк спрыгнул на землю, я последовал за ним, и он тут же потащил меня на крыльцо, где зияла отворенная дверь.

Такнм образом, прямо нз экнпажа я очутнлся в прихожей и не сумел даже краем глаза разглядеть фасад дома. Едва я переступнл порог, дверь тяжело захлопнулась за намн, н я услышал слабый стук отъезжающего экнпажа.

В доме царил полный мрак, н полковник, что-то бормоча себе под иос, прииялся шарить по карманам в понсках спичек. Виезапно в дальнем конце корндора дверь отворилась, и в коридор упал длииный луч золотнстого света. Луч стаиовился шире и шире, и в дверях, держа высоко иад головой лампу, появилась женщииа; вытяиув шею, оиа вглядывалась в иас. Я заметил, что она очеиь красивая, а блеск, которым отлнвало ее темное платье, свидетельствовал о том, что оно из дорогого материала. Она произнесла несколько слов на каком-то языке, и по тоиу я догадался, что она о чем-то спросила моего попутчика, но тот лишь серднто буркнул в ответ, и оиа так вздрогнула, что чуть не выронила лампу. Полковинк Старк подошел к ней, шепиул что-то иа ухо н, проводив обратно в комнату, вернулся ко мне с лампой в руках.

— Будьте добры подождать несколько минут здесь,— сказал он, отворяя другую дверь в незатейлнво убранную комнатку с круглым столом посредине, на котором лежало несколько иемецких книг. Полковнк Старк поставил лампу на крышку фисгармонин рядом с дверью.— Я постараюсь ие задержать вас,— добавнл он н исчез в темноте.

Я посмотрел книгн на столе н, хотя ие зиаю немецкого, все же понял, что две из нних былн научиые, а остальные — сборникн поэзнн. Затем я подошел в окну в надежде разглядеть, где нахожусь, но оно было плотно прикрыто дубовымн ставнямн. Удивнтельно молчалнвый дом! Кругом царнла мертвая тншнна, лншь где-то в коридоре громко тнкали часы.

Смутиое чувство тревоги овладевало мною. Кто этн немцы н что они делают в этом странном, уедниенном доме? И где находится сам дом? Мнлях в десяти от Айфорда — вот и все, что мие было нзвестио, но к северу, югу, востоку нлн западу от него, я н представлеиня не нмел. Однако неподалеку от Айфорда находнтся н Рединг и, наверное, другие города, так что место это не может быть уж очень уедииеным. Все же царившая во-

круг полная тишина ясно давала понять, что мы в деревне. Я ходил взад и вперед по комнате, мурлыкая что-то себе под нос, чтобы окончательно не упасть духом, и размышляя, что недаром получу обещанные пятьдесят гиней.

И вдруг беззвучно и медленно отворилась дверь, и в темном проеме появилась та женщина. Желтый свет от моей лампы упал на ее красивое лицо. Я понял, что она чего-то боится, и мне самому стало страшно. Дрожащим пальцем она подала мне знак хранить молчание и прошептала что-то на ломаном английском языке, то и дело косясь назад во мрак, словно напуганная лошадь.

— Я уйду,— сказала она, очевидно, изо всех сил стараясь говорить спокойно.— Я уйду. Я не могу оставаться здесь. И вам здесь тоже нечего делать.

— Сударыня,— возразил я,— я ведь еще не выполнил того, ради чего приехал. Я не могу уехать, пока не осмотрю пресс.

— Не нужно медлить,— настаивала она.— Уходите в эту дверь. Там никого нет.— Видя, что я лишь улыбаюсь и качаю головой, она вдруг отбросила всю свою сдержанность и, стиснув руки, шагнула ко мне.— Во имя неба,— прошептала она,— уходите отсюда, пока не поздно.

Но я довольно упрям по характеру, и, когда на пути у меня возникает какое-нибудь препятствие, я загораюсь еще больше и хочу довести дело до конца. Я подумал об обещанных пятидесяти гинеях, об утомительном путешествии и о тех неудобствах, что меня ожидают, если мне придется провести ночь на станции. Значит, все впустую? Почему я должен уехать, не выполнив работы и не получив тех денег, которые мне должны? Может, эта женщина — ведь я ничего о ней не знаю — помешанная? С самым независимым видом, хотя, признаться, ее поведение напугало меня больше, чем хотелось бы показать, я снова покачал головой и заявил о своем намерении остаться. Она было принялась уговаривать меня, но где-то наверху стукнула дверь, и послышались шаги на лестнице. На мгновение она прислушалась, а потом, заломив в отчаянии руки, исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

В комнату вошли полковник Лизандер Старк и маленький толстый человек с седой бородой, торчащей из

складок его двойного подбородка. Его представили мне как мистера Фергюсона.

— Это мой секретарь и управляющий,— сказал полковник.— Между прочим, мне казалось, что, уходя, я закрыл эту дверь. Вас не просквозило?

— Наоборот,— возразил я,— это я приоткрыл дверь, в комнате душновато.

Полковник вновь нацелился на меня подозрительным взглядом.

— Пора перейти к делу,— сказал он.— Мы с мистером Фергюсоном покажем вам, где стоит пресс.

— Я, пожалуй, надену шляпу.

— Зачем? Пресс находится в доме.

— Что? Разве залежи сукновальной глины здесь в доме?

— Нет-нет! Мы только прессуем ее здесь. Да, собственно, какая разница? Нам нужно, чтобы вы посмотрели машину и сказали, в чем неисправность.

Мы поднялись наверх, впереди полковник с лампой, за ним толстяк-управляющий, а потом я. Это был не дом, а настоящий лабиринт — с бесчисленными коридорами, галереями, узкими винтовыми лестницами и низкими дверцами, пороги которых были истоптаны ногами многих поколений. На первом этаже не было ни ковров, ни мебели, со стен сыпалась штукатурка, и зелеными пятнами проступала сырость. Я старался сделать вид, что все это меня мало трогает, но отнюдь не забывал предостережения женщины — хоть и пренебрег им — и зорко следил за своими спутниками. Фергюсон был угрюм и молчалив, но по тем нескольким словам, что он произнес, я понял, что он по крайней мере уроженец Англии.

Наконец полковник Лизандер Старк остановился и отпер какую-то дверь. Она вела в маленькую квадратную комнату, в которой мы трое вряд ли могли поместиться. Фергюсон остался в коридоре, а мы с полковником вошли в комнату.

— Мы находимся сейчас,— сказал он,— внутри гидравлического пресса, и если бы кто-нибудь включил его, нам не сдобровать. Потолок этой камеры в действительности — плоскость рабочего поршня, который с силой,

равной весу иескольких тони, опускается на металлический пол. Сиаружи устаиовлены боковые цилиндры, в которые поступает вода, она действует на поршень... Впрочем, с механнкой вы знакомы. Пресс работает, но что-то заедает, и ои ие развивает полиую мощность. Будьте добры осмотреть его н подсказать нам, что следует исправить.

Я взял у иего лампу н винмательно осмотрел нресс. Это была машина гнгаитскнх размеров, способиая создавать огромиое давлеиие. Когда я вышел из камеры и включил рычагн управления, где-то зашнпело, н я понял, что в боковом цилнндре имеется небольшая утечка. Осмотр показал, что резииовая прокладка в одиом месте потеряла эластнчиость н сквозь иее просачивается вода. Имеиио это было причниой падеиия мощностн. Мон спутннки весьма виимательио выслушали меня н задали несколько практнческих вопросов насчет того, как устраиить неисправность. Объясинв им все подробио, я возвратился в главиую камеру н нз любопытства принялся ее осматривать. С первого же взгляда было ясно, что история с сукиовальиой глииой — сплошная выдумка, нбо глупо было даже предположить, что столь мощиый механизм предиазначеи для столь иичтожиой цели. Стены камеры были деревянные, но основаиие нз железа, и я увидел на нем металлическую накипь. Я наклонился н попытался соскоблнть кусочек, чтобы получше его рассмотреть, как вдруг услышал приглушеииое восклицаине по-немецки и увндел мертвенно-бледиое лицо полковинка.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Я разозлился, когда понял, как был обманут той нскусно прндуманной нсторией, которую он мие поведал.

— Любуюсь вашей сукиовальной глииой,— ответил я.— Думается, я мог бы дать вам лучшнй совет, если бы зиал истииное назначение этого пресса.

Едва я произиес эти слова, как тут же пожалел о своей несдержаиности. Лнцо его окаменело, в серых глазах вспыхнул зловещий огонек.

— Ну что ж,— прошипел ои,— сейчас вы узнаете все подробностн.

Он сделал шаг назад, захлопнул дверцу и повернул ключ в замке. Я бросился к дверн, стал дергать за

ручку, колотить, но дверь оказалась весьма надежной и никак не поддавалась.

— Эй, полковник! — закричал я.— Выпустите меня.

И вдруг в тишине раздался звук, от которого душа у меня ушла в пятки. Это был лязг рычагов и шум воды. Он включил пресс. Лампа стояла на полу, где я ее поставил, когда рассматривал накипь, и при свете ее я увидел, что черный потолок начал надвигаться на меня, медленно, толчками, но с такой силой, что через минуту — и я понимал это лучше, чем кто-либо другой — от меня останется мокрое место. Я снова с криком бросился к двери, ногтями пытался сорвать замок. Я умолял полковника выпустить меня, но беспощадный лязг рычагов заглушал мои крики. Потолок уже находился на расстоянии одного-двух футов от меня, и, подняв руку, я мог дотронуться до его твердой и неровной поверхности. И в тот же момент в голове у меня сверкнула мысль о том, что смерть моя может оказаться менее болезненной в зависимости от положения, в каком я ее приму. Если лечь на живот, то вся тяжесть придется на позвоночник, и я содрогнулся, представив себе, как он захрустит. Лучше, конечно, лечь на спину, но достанет ли у меня духу смотреть, как неумолимо надвигается черная тень? Я уже не мог стоять в полный рост, но тут я увидел нечто такое, от чего в душе моей затрепетала надежда.

Я уже сказал, что пол и потолок были железными, а стены камеры обшиты деревянной панелью. И вот в ту минуту, когда я в последний раз лихорадочно озирался вокруг, я заметил тонкую щель желтого света между двумя досками, которая ширилась и ширилась по мере того, как потолок опускался. На мгновение я даже не поверил, что это выход, который может спасти меня от смерти. В следующую секунду я бросился вперед и в полуобморочном состоянии свалился с другой стороны. Отверстие закрылось, а хруст лампы, а затем и стук металлических плит поведали о том, что я был на волосок от гибели.

Я пришел в себя оттого, что кто-то отчаянно дергал меня за руку, и увидел, что лежу на каменном полу в узком коридоре, надо мной склонилась женщина, одной рукой она тянет меня, в другой — держит свечу. Это бы-

ла та самая моя благожелательница, чьим предупреждением я по глупости пренебрег.

— Идемте! Идемте! — задыхаясь, вскричала она.— Они сейчас будут здесь. Они увидят, что вас там нет. О, не теряйте драгоценного времени, идемте!

На этот раз я внял ее совету. Кое-как поднявшись на ноги, я вместе с ней бросился по коридору, а потом вниз по винтовой лестнице. Лестница привела нас в более широкий коридор, и тут же мы услышали топот и крики: кто-то, находящийся на том этаже, с которого мы только что спустились, отвечал на возгласы снизу. Моя провожатая остановилась и огляделась вокруг, не зная, что предпринять. Затем она распахнула дверь в спальню, где в окно полным светом светила луна.

— Это единственная возможность,— сказала она.— Окно высоко, но, может, вам удастся спрыгнуть.

В это время в дальнем конце коридора появился свет, и я увидел полковника Лизандера Старка: он бежал, держа в одной руке фонарь, а в другой что-то похожее на нож мясника. Я бросился в комнату к окну, распахнул его и выглянул. Каким тихим, приветливым и спокойным казался сад, залитый лунным светом; окно было не более тридцати футов над землей. Я взобрался на подоконник, но медлил: мне хотелось узнать, что станется с моей спасительницей. Я решил, несмотря ни на что, прийти на помощь, если ей придется плохо. Едва я подумал об этом, как этот негодяй ворвался в комнату и бросился ко мне. Она обхватила его обеими руками и пыталась удержать.

— Фриц! Фриц! Вспомни свое обещание после прошлого раза,— кричала она на английском языке.— Ты обещал, что этого не повторится. Он будет молчать! Он будет молчать!

— Ты сошла с ума, Эльза! — гремел он, стараясь вырваться от нее.— Ты нас погубишь. Он видел слишком много. Пусти меня, говорю я тебе!

Он отбросил ее в сторону, метнулся к окну и замахнулся своим оружием. Я успел соскользнуть с подоконника и висел, держась за раму, когда он нанес мне удар. Я почувствовал тупую боль, руки мои разжались, и я упал в сад под окном.

Падение меня оглушило, но и только. Я вскочил и со всех ног бросился в кусты, понимая, что не ушел еще от опасности. На бегу меня вдруг охватила страшная слабость и тошнота. Руку дергало от боли, и только тогда я заметил, что у меня нет большого пальца и из раны хлещет кровь. Я попытался было обвязать руку носовым платком, но в этот момент в висках у меня застучало, и я свалился в тяжелом обмороке среди кустов роз.

Сколько я был без сознания, сказать не могу. Наверное, очень долго, потому что, когда я пришел в себя, луна уже зашла и занимался день. Одежда моя промокла до нитки от выпавшей ночью росы, а рукав пиджака был насквозь пропитан кровью. Жгучая боль напомнила мне о событиях минувшей ночи, и я вскочил на ноги, сознавая, что не могу считать себя в полной безопасности. Но каково же было мое удивление, когда, оглядевшись вокруг, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у изгороди возле дороги, а немного подальше виднелось длинное строение; когда я подошел к нему, оно оказалось той самой станцией, куда я прибыл накануне вечером. И если бы не страшная рана на руке, все происшедшее могло бы показаться просто ночным кошмаром. Ничего не понимая, я вошел в здание и спросил, скоро ли будет утренний поезд. Менее чем через час будет поезд на Рединг, ответили мне. Дежурил тот самый носильщик, что и накануне. Я спросил у него, не знает ли он полковника Лизандера Старка. Нет, имя это ему незнакомо. Не видел ли он экипаж у станции вчера вечером? Нет, не видел. Есть ли поблизости полицейский участок? Да, милях в трех от станции.

Я совсем ослабел, а рука у меня так болела, что нечего было и думать туда дойти. Я решил сначала вернуться в город, а потом уж пойти в полицию. Я приехал в Лондон в начале седьмого, прежде всего отправился перевязать рану, и доктор оказался настолько любезен, что сам привез меня к вам. Целиком полагаюсь на вас и готов следовать любому вашему совету.

Он закончил свое удивительное повествование, и некоторое время мы сидели молча. Затем Шерлок Холмс взял с полки один из увесистых альбомов, в которых хранил вырезки из газет.

— Вот заметка, которая может вас заинтересовать,— сказал он.— Она появилась в газетах около года назад. Послушайте: «9-го числа этого месяца пропал без вести мистер Джереми Хейлинг, двадцати шести лет, по профессии инженер-гидравлик. Он ушел из дома в десять часов вечера, и с тех пор о нем ничего не известно. Был одет...» и так далее и так далее. Это и был, по-видимому, именно тот «прошлый раз», когда полковнику понадобилось ремонтировать свой пресс.

— Боже мой! — воскликнул мой пациент.— Так вот что означали слова женщины.

— Несомненно! Совершенно ясно, что полковник — человек хладнокровный и отчаянный и, подобно головорезам, которые не оставляли в живых ни одного человека на захваченном судне, сметает любые препятствия на своем пути. Однако нельзя терять ни минуты, и если вы в состоянии двигаться, мы немедленно отправимся в Скотленд-Ярд, а потом поедем в Айфорд.

Через каких-нибудь три часа или около того мы все сидели в поезде, направлявшемся из Рединга в маленькую беркширскую деревню. Мы — это Шерлок Холмс, гидротехник, инспектор Бродстрит из Скотленд-Ярда, агент в штатском и я. Бродстрит расстелил на скамейке подробную карту Англии и циркулем вычертил на ней окружность с центром в Айфорде.

— Смотрите, эта окружность имеет радиус в десять миль,— сказал он.— Нужное нам место находится где-то внутри этого круга. Вы, кажется, сказали, десять миль, сэр?

— Да, мы ехали около часа.

— И вы предполагаете, что они отвезли вас обратно, пока вы были без сознания?

— По-видимому, так. Мне смутно помнится, что меня поднимали и куда-то несли.

— Не понимаю,— вмешался я,— почему они сохранили вам жизнь, когда нашли вас без сознания в саду. Может, женщина умолила этого негодяя пощадить вас?

— Вряд ли. За всю мою жизнь не видел более зверской физиономии.

— Все это мы скоро выясним,— сказал Бродстрит.— Итак, окружность готова, сейчас остается узнать только, в какой точке находятся те люди, которых мы ищем.

— Мне думается, я могу вам показать,— спокойно ответил Холмс.

— Вот как? — воскликнул инспектор.— Значит, у вас уже есть определенное мнение. Посмотрим, что думают остальные. Я утверждаю, что это произошло на юге, ибо там местность менее населенная.

— А я говорю, на востоке,— возразил мой пациент.

— Я стою за запад,— заметил человек в штатском.— Там расположено несколько тихих деревушек.

— А я — за север,— сказал я.— На севере нет холмов, а наш друг утверждает, что не заметил, чтобы дорога шла в гору.

— Ну и ну! Неплохой букет мнений,— смеясь, подытожил инспектор.— Мы назвали все румбы компаса. Кого же вы поддерживаете, мистер Холмс?

— Вы все ошибаетесь.

— Как же могут все ошибаться?

— Могут. Я считаю, что это произошло здесь.— И Холмс ткнул пальцем в центр окружности.— Тут мы их и найдем.

— А двенадцатимильная поездка? — удивился Хэдерли.

— Нет ничего проще: шесть миль туда и шесть обратно. Вы сами сказали, что, когда вы садились в экипаж, лошадь была свежей и шерсть у нее лоснилась. Могло ли это быть, если она прошла двенадцать миль по плохой дороге?

— Они и в самом деле могли использовать такую уловку,— задумчиво заметил Бродстрит и добавил:— Дела этой шайки, конечно, сомнений не вызывают.

— Разумеется, нет,— ответил Холмс. — Они фальшивомонетчики, причем крупного масштаба, пресс они используют для чеканки амальгамы, которая заменяет серебро.

— Нам уже некоторое время известно о существовании очень ловкой шайки, которая в огромном количестве выпускает полукроны,— сказал инспектор.— Мы даже выследили их до Рединга, но потом застряли. Они так умело замели следы, что сразу видно: стреляные воробьи. И все-таки на этот раз благодаря счастливой случайности их, пожалуй, накроем.

Но инспектор ошибся: преступникам не суждено было попасть в руки правосудия. Подъехав к Айфорду, мы увидели огромный столб дыма, который гигантским страусовым пером висел над деревьями.

— Пожар? — спросил Бродстрит у начальника станции, когда поезд, пыхтя, двинулся дальше.

— Да, сэр,— ответил тот.

— Когда начался?

— Говорят, ночью, сэр, но сейчас усилился, весь дом в огне.

— А чей это дом?

— Доктора Бичера.

— Скажите,— вмешался Хэдерли,— доктор Бичер — это тощий немец с длинным острым носом?

Начальник станции громко рассмеялся.

— Нет, сэр, доктор Бичер — самый настоящий англичанин. Но у него в доме живет какой-то джентльмен, его пациент, говорят, вот он иностранец, и вид у него такой, что ему не помешало бы отведать нашей доброй беркширской говядины.

Не успел начальник станции договорить, как мы все были уже на пути к горящему дому. Дорога поднималась на невысокий холм, на вершине которого стояло большое приземистое, выбеленное известкой строение; из окон и дверей его вырывался огонь, а три пожарные машины тщетно пытались прибить пламя.

— Ну конечно же! — воскликнул Хэдерли в крайнем волнении.— Вон дорожка, посыпанная гравием, а вон розовые кусты, где я лежал. А вот это окно, второе с краю,— то самое, из которого я прыгнул.

— Что ж,— заметил Холмс,— вы по крайней мере сумели им отомстить. Огонь от вашей керосиновой лампы, когда ее сплющило, перекинулся на стены, а преступники, увлекшись погоней, этого не заметили. Смотрите-ка внимательнее, нет ли в этой толпе ваших вчерашних приятелей, хотя, думается мне, они сейчас уже в доброй сотне миль отсюда.

Предположение Холмса оправдалось, ибо с тех пор мы ни слова не слышали ни о красивой женщине, ни о злом немце, ни о мрачном англичанине. Правда, утром в тот день один крестьянин встретил повозку с людьми, доверху набитую какими-то громоздкими ящиками. По-

возка направлялась в стороиу Редиига, но затем следы беглецов терялись, н даже Холмс прн всей его проницательности оказался не в состоянии устаиовить хотя бы приблизительио их местоиахождеиие.

Пожарииките были немало озадачеиы тем страиным устройством, которое оии обиаружили виутрн дома, н еще более тем, что на подокоиннике окиа иа третьем этаже оии нашли отрублеииый большой палец. На заходе солица их усилия увеичались иакоиец успехом, огонь погас, хотя к тому времеии крыша уже провалилась и весь дом превратился в руииы; от машины, осмотр которой так дорого обошелся иашему незадачлнвому зиакомому, иичего ие осталось, если ие считать помятых труб н цилиидров. В сарае обиаружили большие запасы инкеля н жести, но ни единой моиеты не нашли — их, повиднмому, увезли в тех громоздких ящиках, о которых уже говорилось.

Мы оба так никогда бы и не узнали, каким образом наш гидравлик очутился на том месте, где он пришел в себя, еслн бы не мягкая почва, поведавшая нам весьма простую историю. Его, очевидио, иесли двое, у одного нз них были удивительио малеиькие ноги, а у второго — необыкновенно большие. В общем, весьма вероятно, что молчалнвый аигличаини, более трусливый нли менее жестокий, чем его компаньон, помог женщнне избавнть потерявшего сознанне человека от грознвшей ему опасиостн.

— Да, для меня это хороший урок,— уныло заметнл Хэдерли, когда мы сели в поезд, иаправлявшийся обратно, в Лоидон.— Я лишился пальца и пятидесяти гнней, а что я приобрел?

— Опыт,— смеясь, ответил Холмс.— Может, он вам н пригодится. Нужио только облечь его в слова, чтобы всю жизнь слыть отличиым рассказчиком.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

Женитьба лорда Сент-Саймона, закончившаяся таким удивительным образом, давно перестала занимать те круги великосветского общества, где вращается злополучный жених. Новые скандальные истории своими более пикантными подробностями затмили эту драму и отвлекли от нее внимание салонных болтунов, тем более что с тех пор прошло уже четыре года. Но так как я имею основание думать, что многие факты так и не дошли до широкой публики, и так как это дело прояснилось главным образом благодаря моему другу Шерлоку Холмсу, я считаю, что мои воспоминания о нем были бы неполны без краткого очерка об этом любопытном эпизоде.

Как-то днем, за несколько недель до моей собственной свадьбы, когда я еще жил вместе с Холмсом на Бейкер-стрит, на его имя пришло письмо. Холмса не было дома, он где-то бродил после обеда, я же весь день сидел в комнате, потому что погода внезапно испортилась, поднялся сильный осенний ветер, пошел дождь, и застрявшая в ноге пуля, которую я привез с собой на память об афганском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью. Удобно устроившись в одном кресле и положив ноги на другое, я занялся чтением газет, но потом, пресыщенный злободневными новостями, отшвырнул весь этот бумажный ворох в сторону и от нечего делать стал разглядывать лежавшее на столе письмо. Огромный герб и монограмма красовались на кон-

верте, и я лениво размышлял о том, какая же это важная особа состоит в переписке с моим другом.

— Вас ждет великосветское послание,— сообщил я Холмсу, когда он вошел в комнату.— А с утренней почтой вы, если не ошибаюсь, получили письма от торговца рыбой и таможенного чиновника?

— Вся прелесть моей корреспонденции именно в ее разнообразии,— ответил он, улыбаясь,— и в большинстве случаев чем скромнее автор письма, тем интереснее письмо. А вот это, мне кажется, одно из тех несносных официальных приглашений, которые либо нагоняют на вас скуку, либо заставляют прибегнуть ко лжи.

Он сломал печать и быстро пробежал письмо.

— Э, нет! Тут, пожалуй, может оказаться кое-что интересное.

— Значит, это не приглашение?

— Нет, письмо сугубо деловое.

— И от знатного клиента?

— От одного из самых знатных в Англии.

— Поздравляю вас, милый друг.

— Даю вам слово, Уотсон,— и поверьте, я не рисуюсь,— что общественное положение моего клиента значит для меня гораздо меньше, чем его дело. Однако этот случай может оказаться любопытным. Вы, кажется, довольно усердно читали газеты в последнее время?

— Как видите! — ответил я уныло, показывая на груду газет в углу.— Больше мне нечего было делать.

— Это очень кстати. В таком случае вы сможете информировать меня. Я ведь ничего не читаю, кроме уголовной хроники и объявлений о розыске пропавших родственников. Там бывают поучительные вещи. Ну, а если вы следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сент-Саймоне и его свадьбе?

— О да! С большим интересом.

— Отлично. Так вот, в руке у меня письмо от лорда Сент-Саймона. Сейчас я прочитаю его вам, а вы за это еще раз просмотрите газеты и расскажете все, что имеет отношение к этой истории. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс! Лорд Бэкуотер сказал мне, что я вполне могу довериться Вашему чутью и Вашему умению хранить тайну. Поэтому я ре-

шил обратиться к Вам за советом по поводу весьма прискорбного события, которое произошло в связи с моей свадьбой. Мистер Лестрейд из Скотленд-Ярда уже ведет расследование по этому делу, но он ничего не имеет против Вашего сотрудничества, и даже считает, что оно может оказаться полезным. Я буду у Вас сегодня в четыре часа дня и надеюсь, что ввиду первостепенной важности моего дела Вы отложите все другие встречи, если они назначены Вами на это время.

Уважающий Вас *Роберт Сент-Саймон*».

Письмо отправлено из особняка в Гровнере и написано гусиным пером, причем благородный лорд имел несчастье испачкать чернилами тыльную сторону правого мизинца,— сказал Холмс, складывая послание.

— Он пишет, что приедет в четыре часа. Сейчас три. Через час он будет здесь.

— Значит, я как раз успею с вашей помощью выяснить кое-какие обстоятельства. Просмотрите газеты и подберите заметки в хронологическом порядке, а я покамест взгляну, что представляет собой наш клиент.

Он взял с полки толстую книгу в красном переплете, стоявшую в ряду с другими справочниками.

— Вот он! — сказал Холмс, усевшись в кресло и раскрыв книгу у себя на коленях.— «Роберт Уолсингэм де Вир Сент-Саймон, второй сын герцога Балморалского». Гм!.. «Герб: голубое поле, три звездочки чертополоха над полоской собольего меха. Родился в 1846». Значит, ему сорок один год — достаточно зрелый возраст для женитьбы. Был товарищем министра колоний в прежнем составе кабинета. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Потомки Плантагенетов по мужской линии и Тюдоров — по женской. Так... Все это ничего нам не дает. Надеюсь, что вы, Уотсон, приготовили что-нибудь более существенное?

— Мне было совсем нетрудно найти нужный материал,— сказал я.— Ведь события эти произошли совсем недавно и сразу привлекли мое внимание. Я только потому не рассказывал вам о них, что вы были заняты каким-то расследованием, а мне известно, как вы не любите, когда вас отвлекают.

— А, вы имеете в виду ту пустячную историю с фургоном для перевозки мебели на Гровнер-сквер? Она уже совершенно выяснена, да, впрочем, там все было ясно с самого начала. Ну, расскажите же, что вы там откопали.

— Вот первая заметка. Она помещена несколько недель назад в «Морнинг пост», в разделе «Хроника светской жизни»: «Состоялась помолвка, и, если верить слухам, в скором времени состоится бракосочетание лорда Роберта Сент-Саймона, второго сына герцога Балморалского, и мисс Хетти Доран, единственной дочери эсквайра Алоизиеса Дорана, из Сан-Франциско, Калифорния, США».

— Коротко и ясно,— заметил Холмс, протягивая поближе к огню свои длинные, тонкие ноги.

— На той же самой неделе в какой-то газете, в светской хронике, был столбец, в котором более подробно говорилось об этом происшествии. Ага, вот он: «В скором времени понадобится издание закона об охране нашего брачного рынка, ибо принцип свободной торговли, господствующий ныне, весьма вредно отражается на нашей отечественной продукции. Власть над отпрысками благороднейших фамилий Великобритании постепенно переходит в ручки наших прелестных заатлантических кузин. Список трофеев, захваченных очаровательными завоевательницами, пополнился на прошлой неделе весьма ценным приобретением. Лорд Сент-Саймон, который в течение двадцати с лишним лет был неуязвим для стрел Амура, недавно объявил о своем намерении вступить в брак с мисс Хетти Доран, пленительной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран, чья грациозная фигура и прелестное лицо произвели фурор на всех празднествах в Вестбери-Хаус, является единственной дочерью, и, по слухам, ее приданое приближается к миллиону, не говоря уже о видах на будущее. Так как ни для кого не секрет, что герцог Балморалский был вынужден за последние годы распродать свою коллекцию картин, а у лорда Сент-Саймона нет собственного состояния, если не считать небольшого поместья в Берчмуре, ясно, что от этого союза, который с легкостью превратит гражданку республики в титулованную анг-

лийскую леди, выиграет не только калифорнийская наследница».

— Что-нибудь еще? — спросил Холмс, зевая.

— О да, и очень много. Вот другая заметка. В ней говорится, что свадьба будет самая скромная, что венчание состоится в церкви святого Георгия, на Гановерсквер, и приглашены будут только пять-шесть самых близких друзей, а потом все общество отправится в меблированный особняк на Ланкастер-гейт, нанятый мистером Алоизиесом Дораном. Два дня спустя, то есть в прошлую среду, появилось краткое сообщение о том, что венчание состоялось и что медовый месяц молодые проведут в поместье лорда Бэкуотера, близ Питерсфилда. Вот и все, что было в газетах до исчезновения невесты.

— Как вы сказали? — спросил Холмс, вскакивая с места.

— До исчезновения новобрачной,— повторил я.

— Когда же она исчезла?

— Во время свадебного обеда.

— Вот как! Дело становится куда интереснее. Весьма драматично.

— Да, мне тоже показалось, что тут что-то не совсем заурядное.

— Женщины нередко исчезают до брачной церемонии, порою во время медового месяца, но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы исчезновение произошло столь скоропалительно. Расскажите мне, пожалуйста, подробности.

— Предупреждаю, что они далеко не полны.

— Ну, может быть, нам самим удастся их пополнить.

— Вчера появилась статья в утренней газете, и это все. Сейчас я прочту вам ее. Заголовок: «Удивительное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сент-Саймона потрясена загадочными и в высшей степени прискорбными событиями, связанными с его женитьбой. Венчание действительно состоялось вчера утром, как об этом коротко сообщалось во вчерашних газетах, но только сегодня мы можем подтвердить странные слухи, упорно циркулирующие в публике. Несмотря на попытки друзей замять происшествие, оно привлекло к себе всеобщее внимание, и теперь

уже нет смысла замалчивать то, что сделалось достоянием толпы.

Свадьба была очень скромная и происходила в церкви святого Георгия. Присутствовали только отец невесты — мистер Алоизиес Доран, герцогиня Балморалская, лорд Бэкуотер, лорд Юсташ и леди Клара Сент-Саймон (младшие брат и сестра жениха), а также леди Алисия Уитингтон. После венчания все общество отправилось на Ланкастер-гейт, где в доме мистера Алоизиеса Дорана их ждал обед. По слухам, там имел место небольшой инцидент: неизвестная женщина — ее имя так и не было установлено — пыталась проникнуть в дом вслед за гостями, утверждая, будто у нее есть какие-то права на лорда Сент-Саймона. И только после продолжительной и тяжелой сцены дворецкому и лакею удалось выпроводить эту особу. Невеста, к счастью, вошла в дом до этого неприятного вторжения. Она села за стол вместе с остальными, но вскоре пожаловалась на внезапное недомогание и ушла в свою комнату. Так как она долго не возвращалась, гости начали выражать недоумение. Мистер Алоизиес Доран отправился за дочерью, но ее горничная сообщила, что мисс Хетти заходила в комнату только на минутку, что она накинула длинное дорожное пальто, надела шляпку и быстро пошла к выходу. Один из лакеев подтвердил, что какая-то дама в пальто и в шляпке действительно вышла из дому, но он никак не мог признать в ней свою госпожу, так как был уверен, что та в это время сидит за столом с гостями. Убедившись, что дочь исчезла, мистер Алоизиес Доран немедленно отправился вместе с новобрачным в полицию, и начались энергичные поиски, которые, вероятно, очень скоро прольют свет на это удивительное происшествие. Однако пока что местопребывание исчезнувшей леди не выяснено. Ходят слухи, что тут имеет место шантаж и что женщина, которая разыскивала лорда Сент-Саймона, арестована, ибо полиция предполагает, что из ревности или из иных побуждений она могла быть причастна к таинственному исчезновению новобрачной».

— И это все?

— Есть еще одна заметка в другой утренней газете. Пожалуй, она даст вам кое-что.

— О чем же она?

— О том, что мисс Флора Миллар, виновиица скандала, и в самом деле арестоваиа. Кажется, оиа была прежде таицовщицей в «Аллегро» и встречалась с лордом Сеит-Саймоиом в течеиие иескольких лет. Других подробиостей иет, так что теперь вам известио все, что иапечатаио об этом случае в газетах.

— Дело представляется мие чрезвычайио интересиым. Я был бы крайие огорчеи, если бы оио прошло мимо меия. Но кто-то звоиит, Уотсон. Пятый час. Не сомиеваюсь, что это идет иаш высокородиый клиеит. Только ие вздумайте уходить: мие может понадобиться свидетель, хотя бы иа тот случай, если я что-иибудь забуду.

— Лорд Роберт Сеит- Саймои! — объявил наш юиый слуга, распахивая дверь.

Вошел джеитльмеи с приятиыми тонкими чертами лица, блейдиый, с крупным иосом, с чуть иадмеииым ртом и твердым, открытым взглядом — взглядом человека, которому выпал счастливый жребий повелевать и встречать повииовеиие. Движеиия у иего были легкие и живые, но из-за иекоторой сутулости и маиеры сгибать колеии при ходьбе ои казался старше своих лет. Волосы иа висках у иего поседели, а когда он сиял шляпу с загиутыми полями, обиаружилось, что оии, кроме того, сильио поредели иа макушке. Его костюм представлял верх изящества, граиичившего с фатовством: высокий крахмальиый воротиичок, чериый сюртук с белым жилетом, желтые перчатки, лакироваииые ботиики и светлые гетры. Ои медлеиио вошел в комиату и огляделся по сторонам, иервио вертя в руке шиурок от золотого лориета.

— Добрый деиь, лорд Сеит-Саймои,— любезио сказал Холмс, подиимаясь иавстречу посетителю.— Садитесь, пожалуйста, сюда, в плетеиое кресло. Это мой друг и коллега, доктор Уотсои. Придвииьтесь поближе к огию, и потолкуем о вашем деле...

— ...как иельзя более мучительиом для меия, мистер Холмс! Я потрясеи. Разумеется, вам ие раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, ио вряд ли ваши клиеиты прииадлежали к такому классу общества, к которому прииадлежу я.

— Да, вы правы, это для меия ступеиь вииз.

— Простите?

— Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

— Вот как! Я не знал. Какой же это король?

— Король Скандинавии.

— Как, у него тоже пропала жена?

— Надеюсь, вы понимаете,— самым учтивым тоном произнес Холмс,— что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.

— О, конечно, конечно! Вы совершенно правы, прошу меня извинить. Что касается моего случая, я готов сообщить вам любые сведения, какие могут помочь вам составить мнение по поводу происшедшего.

— Благодарю вас. Я уже ознакомился с тем, что было в газетах, но не знаю ничего больше. Надо полагать, что можно считать их сообщения верными? Хотя бы вот эту заметку — об исчезновении невесты?

Лорд Сент-Саймон наскоро пробежал заметку.

— Да, это более или менее верно.

— Но для того, чтобы я мог прийти к определенному заключению, мне понадобится ряд дополнительных данных. Пожалуй, лучше будет, если я задам вам несколько вопросов.

— Я к вашим услугам.

— Когда вы познакомились с мисс Хетти Доран?

— Год назад, в Сан-Франциско.

— Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

— Да.

— Вы еще там обручились с нею?

— Нет.

— Но вы ухаживали за ней?

— Мне было приятно ее общество, и я этого не скрывал.

— Отец ее очень богат?

— Он считается самым богатым человеком на всем Тихоокеанском побережье.

— А где и как он разбогател?

— На золотых приисках. Еще несколько лет назад у него ничего не было. Потом ему посчастливилось напасть на богатую золотоносную жилу, он удачно поместил капитал и быстро пошел в гору.

— А не могли бы вы обрисовать мне характер молодой леди — вашей супруги? Что она за человек?

Лорд Сент-Саймон начал быстро раскачивать лорнет и посмотрел в огонь.

— Видите ли, мистер Холмс,— сказал он,— моей жене было уже двадцать лет, когда ее отец стал богатым человеком. До того она свободно носилась по прииску и бродила по лесам и горам, так что ее воспитанием занималась скорее природа, чем школа. Настоящая «сорвиголова», как мы называем таких девушек в Англии, натура сильная и свободолюбивая, не скованная никакими традициями. У нее порывистый, я бы даже сказал, бурный характер. Быстро принимает решения и бесстрашно доводит до конца то, что задумала. С другой стороны, я не дал бы ей имени, которое имею честь носить,— тут он с достоинством откашлялся,— если бы не был уверен, что, в сущности, это — благороднейшее создание. Я твердо знаю, что она способна на героическое самопожертвование и что все бесчестное ее отталкивает.

— Есть у вас ее фотография?

— Я принес с собой вот это.

Он открыл медальон и показал нам прелестное женское лицо. Это была не фотография, а миниатюра на слоновой кости. Художнику удалось передать прелесть блестящих черных волос, больших темных глаз, изящно очерченного рта. Холмс долго и внимательно рассматривал миниатюру, потом закрыл медальон и вернул его лорду Сент-Саймону.

— А потом молодая девушка приехала в Лондон и вы возобновили знакомство с нею?

— Да, на этот сезон отец привез ее в Лондон, мы начали встречаться, обручились, и вот теперь я женился на ней.

— За ней дали, должно быть, порядочное приданое?

— Прекрасное приданое, но такова традиция в нашей семье.

— И поскольку ваш брак — уже совершившийся факт, оно, конечно, останется в вашем распоряжении?

— Право, не знаю. Я не наводил никаких справок на этот счет.

— Ну, понятно. Скажите, виделись вы с мисс Доран накануне свадьбы?

— Да.

— И в каком она была настроении?

— В отличном. Все время строила планы нашей будущей совместной жизни.

— Вот как? Это чрезвычайно любопытно. А утром в день свадьбы?

— Она была очень весела — по крайней мере до конца церемонии.

— А потом вы, стало быть, заметили в ней какую-то перемену?

— Да, по правде говоря, я тогда впервые имел случай убедиться в некоторой неровности ее характера. Впрочем, этот эпизод настолько незначителен, что не стоит о нем и рассказывать. Он не имеет ни малейшего значения.

— Все-таки расскажите, прошу вас.

— Хорошо, но это такое ребячество... Когда мы с ней шли от алтаря, она уронила букет. В этот момент мы как раз поравнялись с передней скамьей, и букет упал под скамью. Произошло минутное замешательство, но какой-то джентльмен, сидевший на скамье, тут же нагнулся и подал ей букет, который ничуть не пострадал. И все-таки, когда я заговорил с ней об этом, она ответила какой-то резкостью и потом, сидя в карете, когда мы ехали домой, казалась до нелепости взволнованной этой ерундой.

— Ах вот что! Значит, на скамье сидел какой-то джентльмен? Стало быть, в церкви все-таки была посторонняя публика?

— Ну конечно. Это неизбежно, раз церковь открыта.

— И этот джентльмен не принадлежал к числу знакомых вашей жены?

— О нет! Я только из вежливости назвал его «джентльменом»: судя по виду, это человек не нашего круга. Впрочем, я даже не разглядел его хорошенько. Но, право же, мы отвлекаемся от темы.

— Итак, возвратясь из церкви, леди Сент-Саймон была уже не в таком хорошем расположении духа? Чем она занялась, когда вошла в дом отца?

— Начала что-то рассказывать своей горничной.

— А что представляет собой ее горничная?

— Ее зовут Алиса. Она американка и приехала вместе со своей госпожой из Калифорнии.

— Вероятно, она пользуется доверием вашей жены?

— Пожалуй, даже чересчур большим доверием. Мне всегда казалось, что мисс Хетти слишком много ей позволяет. Впрочем, в Америке иначе смотрят на эти вещи.

— Сколько времени продолжался их разговор?

— Кажется, несколько минут. Не знаю, право, я был слишком занят.

— И вы не слышали, о чем они говорили?

— Леди Сент-Саймон сказала что-то о «захвате чужого участка». Она постоянно употребляет такого рода жаргонные словечки. Понятия не имею, что она имела в виду.

— Американский жаргон иногда очень выразителен. А что делала ваша жена после разговора со служанкой?

— Пошла в столовую.

— Под руку с вами?

— Нет, одна. Она чрезвычайно независима в таких мелочах. Минут через десять она поспешно встала из-за стола, пробормотала какие-то извинения и вышла из комнаты. Больше я не видел ее.

— Если не ошибаюсь, горничная Алиса показала на допросе, что ее госпожа вошла в свою комнату, накинула на подвенечное платье длинное дорожное пальто, надела шляпку и ушла.

— Совершенно верно. И потом ее видели в Гайд-парке. Она там была с Флорой Миллар — женщиной, которая утром того же дня устроила скандал в доме мистера Дорана. Сейчас она арестована.

— Ах да, расскажите, пожалуйста, об этой молодой особе и о характере ваших отношений.

Лорд Сент-Саймон пожал плечами и поднял брови.

— В течение нескольких лет мы были с ней в дружеских, я бы даже сказал, в очень дружеских отношениях. Она танцевала в «Аллегро». Я обошелся с ней, как подобает благородному человеку, и она не может иметь ко мне никаких претензий, но вы же знаете женщин, мистер Холмс. Флора — очаровательное существо, но она чересчур импульсивна и до безумия влюблена в меня. Узнав, что я собираюсь жениться, она начала писать мне ужасные письма, и, говоря откровенно, я только потому и устроил такую скромную свадьбу, что боялся скандала в церкви. Едва мы успели приехать после венчания, как она прибежала к дому мистера Дорана и

сделала попытку проникнуть туда, выкрикивая при этом оскорбления и даже угрозы по адресу моей жены. Однако, предвидя возможность чего-либо в этом роде, я заранее пригласил двух полицейских в штатском, и те быстро выпроводили ее. Как только Флора поняла, что скандалом тут не поможешь, она сразу успокоилась.

— Слышала все это ваша жена?

— К счастью, нет.

— А потом с этой самой женщиной ее видели на улице?

— Да. И вот этот-то факт мистер Лестрейд из Скотленд-Ярда считает самым тревожным. Он думает, что Флора выманила мою жену из дому и устроила ей какую-нибудь ужасную ловушку.

— Что ж, это не лишено вероятия.

— Значит, и вы того же мнения?

— Вот этого я не сказал. Ну, а сами вы допускаете такую возможность?

— Я убежден, что Флора не способна обидеть и муху.

— Однако ревность иногда совершенно меняет характер человека. Скажите, а каким образом объясняете то, что произошло, вы сами?

— Я пришел сюда не для того, чтобы объяснять что-либо, а чтобы получить объяснение от вас. Я сообщил вам все факты, какими располагал. Впрочем, если вас интересует моя точка зрения, извольте: я допускаю, что возбуждение, которое испытала моя жена в связи с огромной переменой, происшедшей в ее судьбе, в ее общественном положении, могло вызвать у нее легкое нервное расстройство.

— Короче говоря, вы полагаете, что она внезапно потеряла рассудок?

— Если хотите, да. Когда я думаю, что она могла отказаться... не от меня, нет, но от всего того, о чем тщетно мечтали многие другие женщины, мне трудно найти иное объяснение.

— Что же, и это тоже вполне приемлемая гипотеза,— ответил Холмс, улыбаясь.— Теперь, лорд Сент-Саймон, у меня, пожалуй, есть почти все нужные сведения. Скажите только одно: могли вы, сидя за свадебным столом, видеть в окно то, что происходило на улице?

— Нам виден был противоположный тротуар и парк.

— Отлично. Итак, у меня, пожалуй, больше нет необходимости вас задерживать. Я напишу вам.

— Только бы вам посчастливилось разрешить эту загадку! — сказал наш клиент, поднимаясь с места.

— Я уже разрешил ее.

— Что? Я, кажется, ослышался.

— Я сказал, что разрешил эту загадку.

— В таком случае, где же моя жена?

— Очень скоро я отвечу вам и на этот вопрос.

Лорд Сент-Саймон нахмурился.

— Боюсь, что над этим делом еще немало помучаются и более мудрые головы, чем у нас с вами,— заметил он и, церемонно поклонившись, с достоинством удалился.

Шерлок Холмс засмеялся:

— Лорд Сент-Саймон оказал моей голове большую честь, поставив ее на один уровень со своей!.. Знаете что, я не прочь бы выпить виски с содовой и выкурить сигару после этого длительного допроса. А заключение по данному делу сложилось у меня еще до того, как наш клиент вошел в комнату.

— Полноте, Холмс!

— В моих заметках есть несколько аналогичных случаев, хотя, как я уже говорил вам, ни одно из тех исчезновений не было столь скоропалительным. Беседа же с лордом Сент-Саймоном превратила мои предположения в уверенность. Побочные обстоятельства бывают иногда так же красноречивы, как муха в молоке ,— если вспомнить Торо [1].

— Однако, Холмс, ведь я присутствовал при разговоре и слышал то же, что слышали и вы.

— Да, но вы не знаете тех случаев, которые уже имели место и которые сослужили мне отличную службу. Почти такая же история произошла несколько лет назад в Абердине и нечто очень похожее — в Мюнхене, на следующий год после франко-прусской войны. Данный случай... А, вот и Лестрейд! Здравствуйте, Лестрейд! Вон там, на буфете, вино, а здесь, в ящике, сигары.

Официальный сыщик Скотленд-Ярда был облачен в куртку и носил на шее шарф, что делало его похожим на

[1] Цитата взята из дневника американского писателя Генри Давида Торо (1817—1862).

моряка. В руке он держал черный парусиновый саквояж. Отрывисто поздоровавшись, он опустился на стул и закурил предложенную ему сигару.

— Ну, выкладывайте: что случилось? — спросил Холмс с лукавым огоньком в глазах. — У вас недовольный вид.

— И я действительно недоволен. Черт бы побрал этого Сент-Саймона с его свадьбой! Ничего не могу понять.

— Неужели? Вы удивляете меня.

— В жизни не встречал более запутанной истории. Не найти никаких концов. Сегодня я провозился с ней весь день.

— И, кажется, при этом изрядно промокли,— сказал Холмс, дотрагиваясь до рукава куртки.

— Да, я обшаривал дно Серпентайна [1].

— О, господи! Да зачем это вам понадобилось?

— Чтобы найти тело леди Сент-Саймон.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и от души расхохотался.

— А бассейн фонтана на Трафальгар-сквер вы не забыли обшарить? — спросил он.

— На Трафальгар-сквер? Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что у вас точно такие же шансы найти леди Сент-Саймон здесь, как и там.

Лестрейд бросил сердитый взгляд на моего друга.

— Как видно, вы уже разобрались в этом деле? — насмешливо спросил он.

— Мне только что рассказали о нем, но я уже пришел к определенному выводу.

— Неужели! Так вы считаете, что Серпентайн тут ни при чем?

— Полагаю, что так.

— В таком случае, прошу объяснить, каким образом мы могли найти в пруду вот это.

Он открыл саквояж и выбросил на пол шелковое подвенечное платье, пару белых атласных туфелек и веночек с вуалью — все грязное и совершенно мокрое.

— Извольте! — сказал Лестрейд, кладя на эту кучу

---

[1] Серпентайн (Змейка) — пруд в Гайд-парке, в Лондоне.

новенькое обручальное кольцо.— Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс!

— Вот оно что! — сказал Холмс, выпуская сизые кольца дыма.— И все эти вещи вы выудили в пруду?

— Они плавали у самого берега, их нашел сторож парка. Родственники леди Сент-Саймон опознали и платье и все остальное. По-моему, если там была одежда, то где-нибудь поблизости найдется и тело.

— Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его одеждой. Так чего же вы надеетесь добиться с помощью вещей леди Сент-Саймон, хотел бы я знать?

— Какой-нибудь улики, доказывающей, что в ее исчезновении замешана Флора Миллар.

— Боюсь, это будет нелегко.

— Боитесь? — с горечью вскричал Лестрейд.— А я, Холмс, боюсь, что вы совсем оторвались от жизни с вашими вечными теориями и умозаключениями. За несколько минут вы сделали две грубые ошибки. Вот это самое платье, несомненно, уличает мисс Флору Миллар.

— Каким же образом?

— В платье есть карман. В кармане нашелся футляр для визитных карточек. А в футляре — записка. Вот она.— Он расправил записку на столе.— Сейчас я прочту вам ее: «Увидимся, когда все будет готово. Выходите немедленно. Ф. Х. М.». Я с самого начала предполагал, что Флора Миллар под каким-нибудь предлогом выманила леди Сент-Саймон из дому и, разумеется, вместе с сообщниками является виновницей ее исчезновения. И вот перед нами записка — записка с ее инициалами, которую она, несомненно, сунула леди Сент-Саймон у дверей дома, чтобы завлечь ее в свои сети.

— Отлично, Лестрейд,— со смехом сказал Холмс.— Право же, вы очень ловко все это придумали. Покажите-ка записку.

Он небрежно взял в руки бумажку, но что-то в ней вдруг приковало его внимание.

— Да, это действительно очень важно! — сказал он с довольным видом.

— Ага! Теперь убедились?

— Чрезвычайно важно! Сердечно поздравляю вас, Лестрейд.

Торжествующий Лестрейд вскочил н наклонился над запиской.

— Что это? — нзумился он.— Ведь вы смотрите не на ту стороиу!

— Нет, я смотрю имеино туда, куда нужно.

— Да вы с ума сошли! Переверните бумажку. Записка-то ведь иаписаиа карандашом на обороте!

— Зато здесь я вижу обрывок счета гостииицы, который весьма иитересует меия.

— Ничего в нем иет особеиного! Я уже видел его. «Окт. 4-го. Комната — 8 шил. Завтрак — 2 шил. 6 пеис. Коктейль — 1 шил. Леич — 2 шил. 6 пеис. Стакан хереса — 8 пеис.». Вот и все. Не вижу иичего иитересного.

— Вполне возможно, что не видите. А между тем этот счет имеет большое зиачение. Что касается записки, она тоже имеет значеиие, во всяком случае, ее инициалы. Так что поздравляю вас еще раз, Лестрейд.

— Ну, хватит терять время! — сказал тот, поднимаясь с места.— Я, зиаете ли, считаю, что иадо работать, а не сидеть у камина и разводить разиые там теории. До свидаиия, мистер Холмс. Посмотрим, кто первый доберется до сути этого дела.

Ои собрал принесеииую одежду, суиул ее в саквояж и направился к двери.

— Два слова, Лестрейд,— медлеино произнес Холмс, обращаясь к спине своего уходящего соперника.— Я могу вам открыть разгадку иашего дела. Леди Сент-Саймон — миф. Ее нет и никогда не было.

Лестрейд обернулся и с грустью взглянул на моего друга. Потом он посмотрел на меня, трижды постучал пальцем по лбу, многозначительио покачал головой и поспешно вышел.

Как только за ннм закрылась дверь, Холмс встал и надел пальто.

— В том, что сказал этот субъект, есть доля истины,— заметил он.— Нельзя все время сидеть дома, надо работать. Поэтому, Уотсон, я должен ненадолго оставить вас наедине с вашими газетами.

Шерлок Холмс покинул меня в половине шестого, но я недолго оставался в одиночестве, ибо не прошло и часа, как к нам явился посыльный из гастрономического

магазина с большущей коробкой. С помощью мальчика, пришедшего с ним вместе, он распаковал ее, и, к моему великому удивлению, на скромном обеденном столе нашей квартирки появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печенки и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина. Расставив все эти лакомые блюда, оба посетителя исчезли, подобно духам из «Тысячи и одной ночи», успев сказать только, что за все уплачено и велено доставить по этому адресу.

Около девяти в комнату бодрыми шагами вошел Холмс. Лицо его было серьезно, но в глазах блестел огонек, по которому я сразу угадал, что он не обманулся в своих догадках.

— А, ужин уже на столе!— сказал он, потирая руки.

— Вы, значит, ждете гостей? Они накрыли на пять персон.

— Да, думаю, что к нам может кое-кто зайти,— ответил он.— Странно, что лорда Сент-Саймона еще нет... Ага! Кажется, я слышу на лестнице его шаги.

Он не ошибся. В комнату быстро вошел наш утренний посетитель, еще сильнее прежнего раскачивая висевший на шнурке лорнет. На его аристократическом лице отражалось сильнейшее смятение.

— Стало быть, мой посыльный застал вас дома? — спросил Холмс.

— Да, но, признаюсь, содержание письма поразило меня сверх всякой меры. Есть ли у вас доказательства того, что вы сообщили?

— Есть, и самые веские.

Лорд Сент-Саймон опустился в кресло и провел рукой по лбу.

— Что скажет герцог!— прошептал он.— Что он скажет, когда услышит об унижении, которому подвергся один из членов его семьи!

— Но ведь тут чистейшая случайность. Я никак не могу согласиться, что в этом есть что-нибудь унизительное.

— Ах, вы смотрите на такие вещи с другой точки зрения!

— Я решительно не вижу здесь ничьей вины. Мне

кажется, эта леди просто не могла поступить иначе. Конечно, она действовала чересчур стремительно, но ведь у нее нет матери — ей не с кем было посоветоваться в критическую минуту.

— Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление! — сказал лорд Сент-Саймон, барабаня пальцами по столу.

— Однако вы должны принять в расчет то исключительное положение, в котором оказалась бедная молодая девушка.

— Я не собираюсь принимать в расчет что бы то ни было. Со мной поступили бесчестно. Я просто вне себя.

— Кажется, звонят,— заметил Холмс.— Да, я слышу шаги на площадке... Что ж, если я не в силах убедить вас, лорд Сент-Саймон, более снисходительно отнестись ко всему случившемуся, то, может быть, это скорее удастся адвокату, которого я пригласил.

Холмс распахнул дверь и впустил в комнату даму и господина.

— Лорд Сент-Саймон,— сказал он,— позвольте представить вас мистеру и миссис Фрэнсис Хей Маултон. С миссис Маултон вы, кажется, уже знакомы.

При виде новых посетителей наш клиент вскочил с места. Он стоял выпрямившись, опустив глаза, заложив руку за борт сюртука,— воплощение оскорбленного достоинства. Дама подбежала к нему и протянула руку, но он упорно не поднимал глаз. Так было, пожалуй, лучше для него, если он хотел остаться непреклонным: вряд ли кто-нибудь мог бы устоять перед ее умоляющим взглядом.

— Вы сердитесь, Роберт? — сказала она.— Что ж, я понимаю, вы не можете не сердиться.

— Сделайте одолжение, не оправдывайтесь,— с горечью произнес лорд Сент-Саймон.

— Да, да, я знаю, я виновата, мне надо было поговорить с вами перед тем, как уйти, но я словно обезумела и с той самой минуты, как вдруг увидела Фрэнка, уже не сознавала, что делаю и что говорю. Удивительно еще, как это я не упала в обморок перед алтарем!

— Быть может, сударыня, вам угодно, чтобы мы — я и мой друг удалились на то время, пока вы будете объясняться с лордом Сент-Саймоном? — спросил Холмс.

— Если мне будет позволено высказать мое мнение,— вмешался мистер Маултон,— я скажу, что хватит делать тайну из этой истории. Что до меня, так я бы хотел, чтобы вся Европа и вся Америка услышали наконец правду.

Маултон был крепкий, загорелый молодой человек небольшого роста, с резкими чертами лица и быстрыми движениями.

— Ну хорошо, тогда я расскажу, как было дело,— сказала его спутница.— Мы с Фрэнком познакомились в 1881 году на прииске Мак-Квайра, близ Скалистых гор, где папа разрабатывал участок. Мы дали друг другу слово. Но вот однажды папа напал на богатую золотоносную жилу и разбогател, а участок бедного Фрэнка все истощался и в конце концов совсем перестал что-либо давать. Чем богаче становился папа, тем беднее становился Фрэнк. Папа теперь и слышать не хотел о нашем обручении и увез меня во Фриско. Но Фрэнк не сдавался. Он поехал за мной во Фриско, и мы продолжали видеться без ведома папы. Папа страшно рассердился бы, если б узнал об этом, поэтому мы и решили все сами. Фрэнк сказал, что он уедет и тоже наживет состояние и что придет за мной только тогда, когда у него будет столько же денег, сколько у папы. А я пообещала, что буду ждать его, сколько бы ни понадобилось, и не выйду замуж за другого, пока он жив. «Если так,— сказал мне Фрэнк,— почему бы нам не обвенчаться теперь же? Я буду более уверен в тебе, а твоим мужем стану лишь тогда, когда вернусь». Так мы и решили. Он отлично все устроил, священник обвенчал нас, и Фрэнк уехал искать счастья, а я вернулась к папе.

Через некоторое время я узнала, что Фрэнк в Монтане. Потом он уехал искать золото в Аризону, а следующее известие о нем я получила уже из Нью-Мексико. Потом появилась длинная газетная статья о нападении на прииски индейцев-апачей, и в списке убитых было имя моего Фрэнка. Я потеряла сознание и потом несколько месяцев была тяжело больна. Папа уж думал, что у меня чахотка, и водил меня по всем докторам Фриско. Больше года я ни слова не слышала о Фрэнке и была совершенно уверена, что он умер. Тут во Фриско приехал лорд Сент-Саймон, потом мы с папой поехали в Лондон, была решена свадьба, и папа был очень дово-

лен, но я все время чувствовала, что ни один мужчина в мире не может занять в моем сердце то место, какое я отдала моему бедному Фрэнку.

И все-таки, если бы я вышла замуж за лорда Сент-Саймона, я была бы ему верной женой. Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти. Я шла с ним к алтарю с твердым намерением исполнить свой долг, насколько это было в моих силах. Но вообразите себе, что я почувствовала, когда, подойдя к алтарю и оглянувшись, вдруг увидела Фрэнка. Он стоял возле первой скамьи и смотрел прямо на меня. Сначала я подумала, что это призрак. Но когда я оглянулась снова, он по-прежнему стоял там и взглядом словно спрашивал, рада я, что вижу его, или нет. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Все кружилось передо мной, и слова священника доносились до меня, точно жужжание пчелы. Я не знала, как быть. Остановить брачную церемонию, решиться на скандал в церкви? Я снова взглянула на него, и, должно быть, он прочитал мои мысли, потому что приложил палец к губам, как бы советуя молчать. Потом я увидела, как он торопливо пишет что-то на клочке бумаги, и поняла, что эта записка предназначалась мне. Проходя мимо него, я уронила букет, и он, возвращая цветы, успел сунуть мне в руку записку. В ней было всего несколько слов: он просил, чтобы я вышла к нему, как только он подаст знак. У меня, конечно, не было и тени сомнения, что теперь мой главный долг — повиноваться ему и делать все, что он скажет.

Придя домой, я все рассказала моей служанке, которая знала Фрэнка еще в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать обо всем, сложить кое-что из самых необходимых вещей и приготовить мне пальто. Я знаю, мне следовало бы поговорить с лордом Сент-Саймоном, но это было так трудно в присутствии его матери и всех этих важных гостей! И я решила, что сначала убегу, а потом уж объяснюсь с ним. Мы просидели за столом минут десять, не больше, и вот, глядя в окно, я увидела Фрэнка, стоявшего на противоположном тротуаре. Он кивнул мне и зашагал по направлению к парку. Я вышла из столовой, накинула пальто и пошла вслед за ним. На улице ко мне подошла какая-то женщина и на-

чала рассказывать что-то о лорде Сент-Саймоне. Я почти не слушала ее, но все же уловила, что и у него тоже была какая-то тайна до нашей женитьбы. Вскоре мне удалось отделаться от этой женщины, и я нагнала Фрэнка. Мы сели в кэб и поехали на Гордон-сквер, где он успел снять квартиру, и это была моя настоящая свадьба после стольких лет ожидания. Фрэнк, оказывается, попал в плен к апачам, бежал, приехал во Фриско, узнал, что я, считая его умершим, уехала в Англию, поспешил вслед за мной сюда и наконец разыскал меня как раз в день моей второй свадьбы.

— Я прочитал о венчании в газетах,— пояснил американец.— Там было указано название церкви и имя невесты, но не было ее адреса.

— Потом мы начали советоваться, как нам поступить. Фрэнк с самого начала стоял за то, чтобы ничего не скрывать, но мне было так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше не встречать никого из этих людей, разве только написать несколько слов папе, чтоб он знал, что я жива и здорова. Я с ужасом представляла себе, как все эти лорды и леди сидят за свадебным столом и ждут моего возвращения. Итак, Фрэнк взял мое подвенечное платье и остальные вещи, связал их в узел, чтобы никто не мог выследить меня, и отнес в такое место, где никто не мог бы их найти. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы сегодня к нам не пришел этот милый джентльмен, мистер Холмс, хотя каким чудом он нас нашел, просто уму непостижимо. Он доказал нам — очень убедительно и очень мягко,— что я была неправа, а Фрэнк прав и что мы сами себе повредим, если будем скрываться. Потом он сказал, что может предоставить нам возможность поговорить с лордом Сент-Саймоном без свидетелей, и вот мы здесь. Теперь, Роберт, вы знаете все. Мне очень, очень жаль, если я причинила вам горе, но я надеюсь, что вы будете думать обо мне не так уж плохо.

Лорд Сент-Саймон слушал этот длинный рассказ все с тем же напряженным и холодным видом. Брови его были нахмурены, а губы сжаты.

— Прошу извинить меня,— сказал он,— но не в моих правилах обсуждать самые интимные свои дела в присутствии посторонних.

— Так вы не хотите простить меня? Не хотите пожать мне руку на прощание?

— Нет, почему же, если это может доставить вам удовольствие.

И он холодно пожал протянутую ему руку.

— Я полагал,— начал было Холмс,— что вы не откажетесь поужинать с нами.

— Право, вы требуете от меня слишком многого,— возразил достойный лорд.— Я вынужден примириться с обстоятельствами, но вряд ли можно ожидать, чтобы я стал радоваться тому, что произошло. С вашего позволения, я пожелаю всем приятного вечера.

Он сделал общий поклон и торжественно удалился.

— Но вы-то, надеюсь, удостоите меня своим обществом,— сказал Шерлок Холмс.— Мне, мистер Маултон, всегда приятно видеть американца, ибо я из тех, кто верит, что недомыслие монарха и ошибки министра [1], имевшие место в давно минувшие годы, не помешают нашим детям превратиться когда-нибудь в граждан некой огромной страны, у которой будет единый флаг — англо-американский.

— Интересный выдался случай,— заметил Холмс, когда гости ушли.— Он с очевидностью доказывает, как просто можно иной раз объяснить факты, которые на первый взгляд представляются почти необъяснимыми. Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотленд-Ярда!

— Так вы, значит, были на правильном пути с самого начала?

— Для меня с самого начала были очевидны два факта: первый — что невеста шла к венцу совершенно добровольно и второй — что немедленно после венчания она уже раскаивалась в своем поступке. Ясно как день,

[1] Холмс имеет в виду английского короля Георга III (1738—1820) и премьер-министра Фредерика Норта (1732—1792). Политика Георга III и Норта привела к конфликту, а затем к войне с американскими колониями.

что за это время произошло нечто, вызвавшее в ней такую перемену. Что же это могло быть? Разговаривать с кем-либо вне дома у нее не было возможности, потому что жених ни на секунду не расставался с нею. Но, может быть, она встретила кого-нибудь? Если так, это мог быть только какой-нибудь американец: ведь в Англии она совсем недавно и вряд ли кто-нибудь здесь успел приобрести над ней такое огромное влияние, чтобы одним своим появлением заставить ее изменить все планы. Итак, методом исключения мы уже пришли к выводу, что она встретила какого-то американца. Но кто же он был, этот американец, и почему встреча с ним так подействовала на нее? По-видимому, это был либо возлюбленный, либо муж. Юность девушки прошла, как известно, среди суровых людей и в весьма своеобразной обстановке. Все это я понял еще до рассказа лорда Сент-Саймона. А когда он сообщил нам о мужчине, оказавшемся в церкви, о том, как невеста переменила свое обращение с ним самим, как она уронила букет — испытанный способ получения записок,— о разговоре леди Сент-Саймон с любимой горничной и о ее многозначительном намеке на «захват чужого участка» (а на языке золотопромышленников это означает посягательство на то, чем уже завладел другой), все стало для меня совершенно ясно. Она сбежала с мужчиной, и этот мужчина был либо ее возлюбленным, либо мужем, причем последнее казалось более вероятным.

— Но каким чудом вам удалось разыскать их?

— Это, пожалуй, было бы трудновато, но мой друг Лестрейд, сам того не понимая, оказался обладателем ценнейшей информации. Инициалы, разумеется, тоже имели большое значение, но еще важнее было узнать, что на этой неделе человек с такими инициалами останавливался в одной из лучших лондонских гостиниц.

— А как вы установили, что это была одна из лучших?

— Очень просто: по ценам. Восемь шиллингов за номер и восемь пенсов за стакан хереса берут только в первоклассных гостиницах, а их в Лондоне не так много. Уже во второй гостинице, которую я посетил, на Нортумберленд-авеню, я узнал из книги для приезжающих, что некто мистер Фрэнсис Х. Маултон, из Америки, вы-

ехал оттуда как раз накануне. А просмотрев его счета, я нашел те самые цифры, которые видел в копии счета. Свою корреспонденцию он распорядился пересылать по адресу: Гордон-сквер, 226, куда я и направился. Мне посчастливилось застать влюбленную пару дома, и я отважился дать молодым несколько отеческих советов. Мне удалось доказать им, что они только выиграют, если разъяснят широкой публике, и особенно лорду Сент-Саймону, создавшееся положение. Я пригласил их сюда, пообещав им встречу с лордом, и, как видите, мне удалось убедить его явиться на это свидание.

— Но результаты не блестящи,— заметил я.— Он был не слишком любезен.

— Ах, Уотсон,— с улыбкой возразил мне Холмс,— пожалуй, вы тоже были бы не слишком любезны, если бы после всех хлопот, связанных с ухаживанием и со свадьбой, оказались вдруг и без жены и без состояния. По-моему, мы должны быть крайне снисходительны к лорду Сент-Саймону и благодарить судьбу за то, что, по всей видимости, никогда не окажемся в его положении... Передайте мне скрипку и садитесь поближе. Ведь теперь у нас осталась неразрешенной только одна проблема — как мы будем убивать время в эти темные осенние вечера.

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

— Посмотрите-ка, Холмс,— сказал я.— Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в бурую грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подскакивая, как человек, не привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

— Что с ним? — недоумевал я.— Он, кажется, ищет какой-то дом.

— Я думаю, он спешит сюда,— сказал Холмс, потирая руки.

— Сюда?

— Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо. Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

— Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? — сказал он.— Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю все, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он провел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

— Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? — спросил он.

— Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда,— ответил Холмс.

— Да, видит бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка. Личное несчастье — это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня. Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения,

может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

— Успокойтесь, сэр, прошу вас,— сказал Холмс.— Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

— Мое имя, возможно, известно вам,— проговорил посетитель.— Я Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Треднидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу:

— Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств — выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужаем крупными суммами знатные семейства под обеспечение картинами, фамильными библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как... Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью и, когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

— Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

— Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии,— отвечал я.

— Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и притом немедленно,— заявил он.— Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело посторонних.

— Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? — осведомился я.

— В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

— Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

— Иначе и быть не может,— сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стул возле себя.— Вы, конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

— Разумеется. Это — национальное достояние.

— Совершенно верно.— Он открыл футляр — на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства.

— В диадеме тридцать девять крупных бериллов,— сказал он.— Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость вдвое выше нужной мне суммы. Я готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием поднял глаза на своего именитого посетителя.

— Вы сомневаетесь в ценности диадемы? — улыбнулся он.

— О, что вы, я сомневаюсь лишь...

— ...удобно ли мне оставить эту диадему у вас? Можете не беспокоиться. Мне эта мысль и в голову бы не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само обеспечение вы считаете удовлетворительным?

— Вполне.

— Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок — свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал кассира и распорядился выдать пятьдесят банковых билетов по тысяче фунтов стерлингов.

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомненно, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга — приходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая — Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси — хорошенькая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это — единственное, что мне не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын — моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своенравным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу очень богатых и расточительных людей. Он пристрастился к крупной игре в карты, проматывал деньги на скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег — в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр

Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я подпадал под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я — того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри — солнечный луч в моем доме — такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри — моя правая рука, я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь... но сейчас, увы, слишком поздно. Все погибло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

— Куда же ты ее положил? — спросил Артур.

— В бюро.

— Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители,— сказал он.

— Бюро заперто на ключ,— возразил я.

— Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам. После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

— Послушай, папа,— сказал он, опустив глаза.— Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

— Ни в коем случае,— ответил я резко.— Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

— Да, ты всегда щедр,— сказал он.— Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

— Тем лучше! — воскликнул я.

— Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне с подобной просьбой.

— Ты не получишь ни фартинга! — закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова.

После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу — она закрывала окно в гостиной.

— Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться? — Мне показалось, что Мэри немного встревожена.

— Об этом и речи не было.

— Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

— Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

— Да, папа.

— Тогда спокойной ночи, дитя мое.— Я поцеловал ее, отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

— Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

— Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно,— ответил Холмс.

— Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

— Артур! — закричал я.— Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына — на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки и держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее или сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне, бледный как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с тремя бериллами.

— Подлец! — закричал я вне себя от ярости.— Сломать такую вещь! Ты обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

— Украл? — попятился он.

— Да, украл! Ты вор! — кричал я, тряся его за плечи.

— Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! — бормотал он.

— Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только вор, но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

— Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорблений,— холодно сказал Артур.— Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я ухожу из дому и буду сам устраиваться в жизни.

— Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! — кричал я, обезумев от горя и гнева.— Я хочу знать все, абсолютно все!

— Я не скажу ни слова! — неожиданно взорвался он.— Если ты считаешь нужным вызвать полицию — пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицней. Когда прибылн полицейский инспектор и констебль, Артур, мрачно стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить ему обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное, что диадема — собственность нации и что я твердо решил дать делу законный ход.

— Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же,— сказал он.— Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из дому хотя бы на пять минут.

— Для того, чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое?! — воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего этого можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

— Пойми,— говорил я.— Ты задержан на месте преступления. Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то поможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

— Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается,— сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обшарили каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось, а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и

угрозы. Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов... Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь... О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмурив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

— У вас часто бывают гости? — спросил он.

— Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

— А вы сами часто бываете в обществе?

— Артур — часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

— Это необычно для молодой девушки.

— Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

— Вы говорите, что случившееся явилось для нее ударом?

— О да! Она потрясена больше меня.

— А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

— Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

— Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

— Она была погнута.

— А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

— Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

— Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

— Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

— Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

— Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

— А они не пытались искать вне дома?

— Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

— Ну, дорогой мистер Холдер, — сказал Холмс, — разве не очевидно, что все гораздо сложнее, чем предполагаете и вы и полиция? Вы считаете дело ясным, а с моей точки зрения это очень запутанная история. Судите сами, по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с постели, пробирается с большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

— Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! — воскликнул банкир в отчаянии. — Если он не имел дурных намерений, почему он молчит?

— А вот это уже наше дело — разгадать загадку, — ответил Холмс. — Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился: эта странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, винов-

ность Артура казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор о своих банковских делах. В пути мы были недолго: непродолжительная поездка по железной дороге, краткая прогулка пешком — и вот мы уже в Фэрбенке, скромной резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк — большой квадратный дом из белого камня, расположенный недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей. Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена снегом. Направо от нее — густые заросли кустарника, за ними — узкая тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и ею пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево — дорожка к конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее от того, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

— Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? — спросила она.

— Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

— Я глубоко убеждена, что он не виновен. Мне сердце подсказывает это. Он не мог сделать ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

— Но почему же он молчит, если не виновен?

— Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

— Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

— Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он не виновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

— Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

— Это вы? — Мэри повернулась ко мне.

— Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

— К конюшне? — Ее темные брови удивленно поднялись.— Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в этом.

— Я полностью разделяю ваше мнение,— сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок.— Полагаю, я имею честь говорить с мисс Мэри Холдер? Вы позволите мне задать вам несколько вопросов?

— Ради бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

— Вы ничего не слышали сегодня ночью?

— Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

— Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

— Да.

— И они были заперты сегодня утром?

— Да.

— У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

— Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

— Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

— Ну какой прок от всех этих туманных предположений? — нетерпеливо воскликнул мистер Холдер.— Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

— Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

— Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

— Вы знаете его?

— Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

— И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

— Да.

— И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

— Вы волшебник,— сказала она.— Как вы это узнали? — Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

— Я хотел бы подняться наверх,— сказал он.— Впрочем, сначала я осмотрю окна.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник.— Что ж, теперь пойдемте наверх,— сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

— Каким ключом отперли его? — спросил он.

— Тем самым, о котором говорил мой сын,— от буфета в чулане.

— Где ключ?

— Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

— Замок бесшумный,— сказал он.— Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим...— Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол. Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней, как эти тридцать шесть бериллов, мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

— Вот этот зубец соответствует отломанному,— сказал Холмс.— Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

— Боже меня сохрани! — воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

— Ну, так попробую я.— Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной.— Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтобы отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным физическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета. Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над самым вашим ухом и вы ничего не услышали?

— Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

— Как знать, может быть, все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

— Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

— Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах у вашего сына ботинки или туфли?

— Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

— Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

— Мне кажется, я осмотрел все, что нужно,— сказал он,—и могу отправиться домой.

— Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? — воскликнул банкир.

— Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

— Неужели они безвозвратно пропали? — простонал он.— А как же Артур? Дайте хоть самую маленькую надежду!

— Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

— Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

— Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

— Я отдал бы все свое состояние!

— Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

— Ну, так, я думаю, сойдет,— сказал он, взглянув в зеркало над камином.—Хотелось бы взять с собою и вас, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что я вернусь через несколько часов.— Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман, ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

— Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

— Куда же?

— На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

— Как успехи?

— Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза у него блестели, на бледных щеках даже появился слабый румянец. Он поднялся к себе в комнату, и через несколько минут я услышал, как стукнула входная дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором часу он вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

— Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас,— сказал он.— Но вот-вот явится наш клиент.

— Да, уже десятый час,— ответил я.— Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

— Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а сейчас опозорен

и обречен на одинокую старость. Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

— Исчезла?

— Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем. Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она намекает на эти слова.

«Дорогой дядя!

Я знаю, что причинила вам много горя и что поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне. Всю жизнь до самой смерти

любящая вас
Мэри».

— Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

— О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

— Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

— Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

— Я заплатил бы все десять!

— В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

— Я спасен, спасен! — повторял он, задыхаясь.— Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее

отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

— За вами еще один долг, мистер Холдер,— сказал Холмс сурово.

— Долг? — Банкир схватил перо.— Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

— Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал себя мужественно и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

— Значит, не Артур взял камни?

— Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

— В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

— Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю эту историю, и он признал, что я прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, заставит его быть вполне откровенным.

— Так раскройте же, ради бога, эту невероятную тайну!

— Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Но сначала разрешите сообщить вам тяжелую весть: ваша племянница Мэри была в сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

— Мэри? Это невозможно!

— К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один из опаснейших субъектов, игрок, отъявленный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди. Слушая его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в его руках. Они виделись почти каждый вечер.

— Я не верю, не могу этому верить! — вскричал банкир. Его лицо стало пепельно-серым.

— А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил...

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру — та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэривелл попытался бежать, но Артур догнал его. Между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник — за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь.

Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

— Боже мой! Боже мой! — задыхаясь, повторял банкир.

— Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

— Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему! — воскликнул мистер Холдер.— Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

— Приехав к вам,— продолжал Холмс,— я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была вся утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже, чем каблуки. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это, должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил,— человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия — следы вашего сына. Впо-

следствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал в обоих направлениях, второй бежал. Следы бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной; здесь снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал. Тогда я направился по его следам в противоположную сторону. Они тянулись по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся — в этом месте снег был сильно истоптан, словно шла борьба. Капли крови на снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь; значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также очертание следа мокрой ноги, то есть человек влезал и обратно. После этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит, оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел

выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэривелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

— Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке,— сказал мистер Холдер.

— Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки. Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что произошло той ночью, он стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему, что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

— Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов! — воскликнул он.

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет

возбуждено судебное преследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжкого трудового дня добрался домой.

— Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал,— сказал банкир, поднимаясь с кресла.— Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

— Можно с уверенностью сказать,— возразил Холмс,— что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.

«МЕДНЫЕ БУКИ»

— Человек, который любит искусство ради искусства,— заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф»,— самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно отметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину и при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

— Тем не менее,— улыбнулся я,— не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

— Возможно, вы и ошибаетесь,— продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять,— возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

— Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное,— несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

— Нет, это не эгоизм и не тщеславие,— сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам.— Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно — вне меня. Преступление — вещь повседневная. Логика — редкая. Именно на логике, а не на преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

— В то же время,— после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь,— вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатным холостяком — все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

— Может, в конце концов так и случилось,— ответил я,— но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

— Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной

по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки — наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его.— И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!

Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.

С уважением

Вайолет Хантер».

— Вы знаете эту молодую леди? — спросил я.

— Нет.

— Сейчас половина одиннадцатого.

— Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

— Это дело может оказаться более интересным, нежели вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

— Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

— Ради бога извините за беспокойство,— сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу,— но со мной

произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

— Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление. Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

— В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» — его все знают,— и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй — фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она, заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый-претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

— Подходит,— воскликнул он.— Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

— Ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А сколько вы хотите получать?

— Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

— Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! — вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками.— Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

— Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете,— сказала я.— Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование...

— Вот это да! — снова вскричал он.— Значит, и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным — я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

— В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед,— сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица,— дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека»,— подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

— А где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Хемпшире. Чудная сельская местность, «Медные буки», в пяти милях от Уинчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный — старинный загородный дом.

— А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

— Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся — я решила, что он шутит.

— Значит, мои обязанности — присматривать за ребенком? — спросила я.

— Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! — вскричал он.— Вам придется также — я уверен, вы и протестовать не будете,— выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

— Буду рада оказаться вам полезной.

— Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

— Нет,— ответила я в крайнем удивлении.

— Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

— Да нет...

— Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштановым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

— Нет, это невозможно,— ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

— Но это — обязательное условие,— сказал он.—

Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

— Нет, сэр, не могу,— твердо ответила я.

— Что ж... Значит, вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

— Вы хотите остаться в наших списках? — спросила она.

— Если можно, мисс Стопер.

— Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения,— резко заметила она.— Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой — в буфете у меня было пусто, а на столе — лишь новые счета,— я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера.

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома, желая осведомиться, не пере-

менили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам,— я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите, каким поездом вы прибудете. Искренне ваш

Джефро Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано,— улыбнулся Холмс.

— А вы не советуете?

— Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

— А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

— Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

— Я думаю, что мистер Рукасл — добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

— Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

— Но деньги, мистер Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

— Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

— Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность...

— Опасность? Какая опасность?

— Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться,— с самым серьезным видом пояснил Холмс.— Во всяком случае, в любое время дня или ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

— Тогда все в порядке.— Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась.— Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

— Во всяком случае,— сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице,— она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

— Ей придется это сделать,— мрачно заметил Холмс.— Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности — во всем

этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

— Ничего не знаю, ничего! — раздраженно восклицал он.— Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

А потом бормотал себе под нос, что, будь у него сестра, он не посоветовал бы ей принять подобное предложение.

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я заставал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

— Посмотрите расписание поездов,— сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

«Прошу быть в гостинице «Черный лебедь» в Винчестере завтра в полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать. Хантер».

— Поедете со мной? — спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

— С удовольствием.

— Тогда посмотрите расписание.

— Есть поезд в половине десятого,— сказал я, изучая справочник.— Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

— Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Хампшира, он отбросил их и принялся смотреть в

окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

— До чего приятно на них смотреть! — воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

— Знаете, Уотсон,— сказал он,— беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

— О господи! — воскликнул я.— Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

— Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон,— и уверенность эта проистекает из опыта,— что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

— Вас прямо страшно слушать.

— И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых — всего один шаг. А теперь взгляните на эти уединенные дома — каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от

города — вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

— Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

— Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

— В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

— Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хай-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

— Я рада, что вы приехали,— серьезно сказала она.— Большое спасибо. Я и в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

— Расскажите же, что случилось.

— Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо, зачем.

— Изложите все по порядку.— Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

— Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

— Что именно?

— Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада — луг, который опускается к дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг — соб-

ственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь — та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза ее постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому — ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию — вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

— Мне нужны все подробности, — сказал Холмс, — представляются они вам относящимися к делу или нет.

— Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу

не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу,— грубый, неотесанный человек с серой гривой и серыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера — высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

Первые два дня после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

— Мы очень обязаны вам, мисс Хантер,— поворачиваясь ко мне, сказал он,— за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это нисколько не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношенное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня так, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

— Джефро,— сказала она,— на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

— Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? — спросил он.

— Нет. Я никого здесь не знаю.

— Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помахайте ему, чтобы он ушел.

— А не лучше ли просто не обращать внимания?

— Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помахайте ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

— Прошу вас, продолжайте,— сказал Холмс.— Все это очень интересно.

— Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

— Загляните-ка сюда,— сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками.— Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

— Не бойтесь,— засмеялся мой хозяин.— Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы спустить с цепи на ночь, и да поможет бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда бы не случилось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала

на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщинился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

— Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди,— обратился ко мне он,— что я прошел мимо вас, не сказав

ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

— Между прочим,— сказала я,— у вас наверху, повидимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

— Я увлекаюсь фотографией,— ответил он,— и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Говорил он шутливым тоном, но во взгляде его я прочла подозрение, раздражение, но не шутку.

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что, кроме мистера Рукасла, в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться предоставившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол не был застлан ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья были отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй — одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оставалось. Эта за-

баррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полосу тусклого света, проникавшего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать — так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

— Значит,— улыбаясь, сказал он,— это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

— Ох, как я перепугалась! — пролепетала я.

— Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаивающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

— По глупости я забрела в нежилое крыло,— объяснила я.— Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

— И это все? — спросил он, зорко вглядываясь в меня.

— Что же еще? — воскликнула я.

— Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

— Откуда же мне знать?

— Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

— Уверяю вас, если бы я знала...

— Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог...— При этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком: — я отдам вас на растерзание моему псу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, метнулась мимо него в свою ком-

нату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок — все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полумиле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумет спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

— Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

— Да.

— В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

— Да, винный погреб.

— Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

— Попробую. А что я должна сделать?

— Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в

семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь, не проспится. Остается миссис Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы значительно облегчите нашу задачу.

— Я это сделаю.

— Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге — это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее — на вас было ее платье,— то, видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле — это ребенок.

— Он-то какое отношение имеет ко всей истории? — воскликнул я.

— Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок анормален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той бедной девушки, что находится в их власти.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс! — вскричала наша клиентка.— Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

— Надо быть осторожным, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

— Удалось? — только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

— Это миссис Толлер в погребе,— объяснила мисс Хантер.— А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется, такие же, как у мистера Рукасла.

— Умница! — восхищенно вскричал Холмс.— А теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

— Надеюсь, мы не опоздали,— сказал он.— Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Нука, Уотсон, нажмите на дверь плечом, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

— Здесь что-то произошло,— сказал Холмс.— Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

— Но каким образом?

— Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал.— Он влез на стол.— Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

— Но это невозможно,— возразила мисс Хантер.— Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

— Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу сейчас на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

— Негодяй! — сказал он.— Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

— Это я у вас должен спросить! — закричал он.— Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! — Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

— Он пошел за собакой! — воскликнула мисс Хантер.

— У меня есть пистолет,— сказал я.

— Надо закрыть парадную дверь,— распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасный вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

— Боже мой! — вскричал он.— Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелил; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

— Миссис Толлер! — воскликнула мисс Хантер.

— Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

— Так! — воскликнул Холмс, пристально глядя на нее.— Значит, миссис Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

— Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

— Тогда, пожалуйста, садитесь, а мы послушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

— Постараюсь прояснить их,— сказала она.— Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это нисколько не смутило — он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

— Ваш рассказ значительно прояснил дело,— заметил Холмс.— Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

— Да, сэр.

— И привез мисс Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

— Именно так, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

— Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый,— безмятежно отозвалась миссис Толлер.

— Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

— Именно так, сэр, все и произошло.

— Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи,— сказал Холмс. — А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш locus standi[1] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со своими старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

---

[1] Положение (*лат.*).

КОНАН ДОЙЛЬ И ШЕРЛОК ХОЛМС

В восьмидесятых годах прошлого века молодой английский врач Артур Конан Дойль практиковал в Саутси (пригород Портсмута) и с трудом сводил концы с концами. Однажды налоговый инспектор сообщил ему, что его декларация о доходах «совершенно неудовлетворительна». «Я согласен»,— сокрушенно ответил ему Конан Дойль.

Время от времени молодой врач предпринимал попытки увеличить свои скромные доходы литературным заработком. Он пробовал себя в разных жанрах с посредственными результатами — творческими и материальными. Наконец в 1887 году повесть «Этюд в багровых тонах», предварительно отвергнутая несколькими издательствами, была напечатана и принесла своему создателю скромный гонорар — 25 фунтов стерлингов. Это было первое появление Шерлока Холмса. Вторая повесть Дойля о Шерлоке Холмсе, «Знак четырех», была опубликована в 1890 году в американском журнале «Липпинкотс мэгэзин». Начиная с июля 1891 года почти в каждом номере английского журнала «Стрэнд мэгэзин» стали появляться новеллы о Холмсе, получившие огромную популярность.

Рассказы о Холмсе собраны Дойлем в пять сборников: «Приключения Шерлока Холмса» (1892), «Записки о Шерлоке Холмсе» (1894), «Возвращение Шерлока Холмса» (1905), «Его прощальный поклон» (1917) и «Архив Шерлока Холмса» (1927). Когда к писателю однажды обратились с просьбой перечислить лучшие из рассказов о Холмсе, он отобрал 12 вещей: «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Пестрая лента», «Пять апельсиновых зернышек», «Пляшущие человечки», «Последнее дело Холмса», «Пустой дом», «Второе пятно», «Дьяволова нога», «Случай в интернате», «Обряд дома Месгрейвов» и «Рейгетские помещики». За ними следовали «Львиная грива» и «Знаменитый клиент». По другим данным, автор из историй о Шерлоке Холмсе предпочитал «ту, которая о змее» («Пестрая лента»), но не помнил ее заглавия.

Только с Конан Дойля начался настоящий расцвет столь популярного в наши дни жанра. Он вдохнул в него жизнь и движение, заставил читателей с увлечением следить за полными динамики и драматизма приключениями. Конан Дойль — прирожденный рассказчик, пусть его сюжетные схемы не всегда оригинальны, а детали не свободны от противоречий и фактических ошибок. В лучших вещах все это искупается увлекательностью и яркостью повествования и двумя удачными образами — Холм-

сом и Уотсоном. Его произведения можно не только читать, но и перечитывать. Это можно сказать лишь о немногих произведениях детективного жанра.

Последняя треть XIX века была в Англии периодом широкой веры в непреодолимую силу науки. Конан Дойль и созданный им знаменитый персонаж — Шерлок Холмс разделяли это всеобщее убеждение своей эпохи. Шерлок Холмс отмечает книгу Уинвуда Рида «Мученичество человека», в которой можно было прочесть такие горделивые слова: «Когда мы установим средствами науки способы управлять природой, мы сможем занять ее место... Люди станут повелителями сил природы, зодчими солнечных систем, созидателями миров. Человек тогда будет совершенным, он будет творцом, он, следовательно, будет тем, кого всеобщее поклонение зовет богом».

Шерлок Холмс проводит ночи напролет в лаборатории, согнувшись над ретортами и пробирками. Во время его первой встречи с Уотсоном он как раз «открыл реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим». Это сулит переворот в криминалистике. Уже в годы юности он неделями занимается опытами по органической химии, впоследствии целыми месяцами изучает производные каменноугольной смолы. Из рассказа «Последнее дело Холмса» мы узнаем, что Холмс собирался целиком отдаться занятиям химией.

Ничто не ускользает от его поразительной наблюдательности. Ничтожный материальный след достаточен ему для заключений о профессии и прошлом человека. «Вы знаете мой метод,— говорит он Уотсону.— Он основан на наблюдении мелочей». «Мир полон таких очевидностей,— говорит он в другом месте,— но их никто не замечает». Результаты своих наблюдений он обобщает в специальных монографиях, ему принадлежат «исследования» об определении сортов табака по пеплу, о копировании следов, о влиянии профессии на форму руки — все это действительно имеет значение в расследовании преступлений.

Порой выводы Холмса не свободны от натяжек. Например, его суждение о том, что владелец найденной шляпы большого размера должен быть человеком большого ума — «Не может же быть совершенно пустым такой большой череп» («Голубой карбункул»),— вызывает улыбку: как известно, размер головы далеко не всегда является признаком ума. Но не надо торопиться со скептическими заключениями о научной ценности произведений Дойля. Один из крупнейших представителей научной криминалистики, француз Э. Локар, неоднократно признавал, что рассказы о Холмсе небезынтересны для специалистов, и особо отмечал указание героя Конан Дойля на необходимость при расследовании преступлений изучать пыль, дорожную грязь, пепел (Э. Локар. Руководство по криминалистике. М., 1941, стр. 88 и 391).

Сам Холмс сравнивает работу детектива со знаменитым принципом корреляции органов Кювье: «Подобно тому, как Кювье мог правильно описать животное, глядя на одну

его кость, наблюдатель, досконально изучивший одно звено в цепи событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья, и предшествующие и последующие». «Однако,— добавляет Холмс,— чтобы довести это искусство до совершенства, мыслитель должен иметь возможность использовать все известные ему факты, а это само по себе предполагает, как вы легко убедитесь, исчерпывающие познания во всех областях науки, что даже в наши времена бесплатного образования и энциклопедий — качество весьма редкое».

Шерлок Холмс, конечно, в первую очередь представитель позитивного склада мысли, мастер исследования материальных следов, родоначальник галереи «научных детективов». Но было бы ошибкой недооценивать его психологическую изощренность, его умение проникать в мысли других. «Шерлок Холмс со своими двумя отличительными характеристиками ученого и психолога...»—говорит о нем Антонио Грамши (А. Грамши. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1959, стр. 531).

Логика позитивного факта торжествует на страницах рассказов о Холмсе и сочетается с присущим Дойлю даром динамического, проникнутого драматизмом повествования, живописной причудливостью и оригинальностью завязок, элементами «страшного», заставляющего вспомнить о «готических» романах, эффектными концовками. Сам Холмс относился критически к этим сочетаниям логики и драматизма. «Расследование преступлений — точная наука, по крайней мере, должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю»,— говорит он Уотсону по поводу его повествовательной манеры в «Этюде в багровых тонах». Но ему самому были присущи склонность к мистификациям, стремление поразить неожиданным эффектным финалом. «Я никогда не мог удержаться от примеси драматизма»,— признается Холмс. В нем много артистизма, который увлекает его своим контрастом с размеренным, однообразным буржуазным существованием. «Мой мозг бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай... Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности».

Но Холмс обращается к деятельности детектива не только ради искусства для искусства. Под маской бесстрастного, хладнокровного аналитика скрыт гуманный, добрый и благожелательный к своим клиентам защитник терпящих бедствие и несправедливо обвиненных. Когда тайна «Человека с рассеченной губой» еще не разгадана, он сокрушенно говорит своему верному другу: «Представления не имею, что я скажу этой милой женщине, когда она встретит меня на пороге». Его бескорыстие и готовность помогать неимущим клиентам подчеркивает автор: «Он был настолько бескорыстен — или настолько независим,— что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом како-

го-нибудь бедняка». Среди обширной галереи героев детективной литературы «отшельник с Бейкер-стрит» — один из самых симпатичных и привлекательных.

Постоянной ареной приключений Холмса является Лондон и его окрестности. Очень редко действие переносится за рубеж, как в «Последнем деле Холмса». Холмс неотделим от Лондона конца века с его кэбами и газовыми фонарями, тускло светящими в туманные вечера. Энтузиасты называют Лондон восьмидесятых и девяностых годов Лондоном Холмса и посвящают многочисленные изыскания попыткам точно установить, где именно находился знаменитый дом 221-б по Бейкер-стрит, штаб-квартира Холмса и Уотсона. Это помещение, где Холмс в халате мастерски играл на скрипке или, окутанный клубами табачного дыма, проводил длительные часы в размышлениях над очередной проблемой,— почти постоянный отправной пункт действия в эпопее. Именно сюда стекаются отчаявшиеся клиенты, чья последняя надежда — Холмс. Эта квартира — олицетворение уюта и безопасности среди угроз и бед, подстерегающих свою жертву на мрачных и зловещих улицах большого города. Кажется, что о Холмсе на Бейкер-стрит сказал Честертон: «Идеал уюта — идеал чисто английский... Уют поэтичен тем, что он содержит в себе идею защиты, чуть ли не борьбы; он напоминает о вторжении снега и града и о веселых пиршествах в осажденной крепости. Наши мирные мечты нуждаются в аксессуарах в виде мрачного и зловещего фона».

Созданный авторской фантазией герой вышел за пределы литературы и стал для читателей живым человеком. Читатели, полюбившие Шерлока Холмса и своими обращениями к автору добившиеся его воскрешения, засыпали Конан Дойля письмами, адресованными «Мистеру Шерлоку Холмсу» и содержавшими просьбы к знаменитому детективу расследовать тот или иной запутанный случай.

Не удивительно, что среди литературы о Конан Дойле большое место занимают исследования о Шерлоке Холмсе, как живом лице: многочисленные попытки воссоздать «биографии» Холмса и Уотсона, обсуждение таких проблем, как «Холмс и музыка», «Холмс и природа», гонорары Холмса, топография Лондона холмсовского времени и т. д. В Лондоне существует мемориальный музей-квартира Холмса, представляющий собой реконструкцию по рассеянным у Дойля указаниям обстановки жилья знаменитого детектива. Другой холмсовский музей открыт сыном Дойля в Швейцарии. Шерлок Холмс явно стал своего рода национальным установлением, любимой реликвией для множества англичан.

Конан Дойль отрекался от своего создания, хотел избавиться от него. Но читательское сознание оказалось проницательнее и справедливее. После Конан Дойля было опубликовано бесчисленное множество детективных романов, лучшие из которых превосходят по сюжетной изобретательности произведения о Холмсе. Но ни один из персонажей детективной литературы не может похвалиться такой популярностью, как Шерлок Холмс.

А. Наркевич

СОДЕРЖАНИЕ

М. Урнов. Артур Конан Дойль 3

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ. *Перевод Н. Треневой* 35

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ. *Перевод М. Литвиновой* 151

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Скандал в Богемии. *Перевод Н. Войтинской* . . . 267
Союз рыжих. *Перевод М. и Н. Чуковских* 291
Установление личности. *Перевод Н. Войтинской* . . 315
Тайна Боскомской долины. *Перевод М. Бессараб* . . 333
Пять апельсиновых зернышек. *Перевод Н. Войтинской* 358
Человек с рассеченной губой. *Перевод М. и Н. Чуковских* 378
Голубой карбункул. *Перевод М. и Н. Чуковских* . . 401
Пестрая лента. *Перевод М. и Н. Чуковских* 422
Палец инженера. *Перевод Н. Емельяниковой* . . . 448
Знатный холостяк. *Перевод Д. Ливщиц* 469
Берилловая диадема. *Перевод В. Штенгеля* 493
«Медные буки». *Перевод Н. Емельяниковой* . . . 518

А. Наркевич. Конан Дойль и Шерлок Холмс 543

Артур Конан Дойль.
Собрание сочинений в 8 томах.

Том I

Редакторы тома
Г. Злобин, Я. Рецкер.

Иллюстрации художника
П. Караченцова.

Оформление художника
С. Пожарского.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 12/IX 1966 г. Тираж 626 000 экз. Изд. № 1748. Зак. 1964. Форм. бум. 84×108 1/32. Физ. печ. л. 17,13 + 5 вкл. иллюстраций. Условных печ. л. 29,29. Уч.-изд. л. 31,04. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Индекс 70 667.